

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»

А. В.НИКИТЕВИЧ

ДЕРИВАЦИЯ И СМЫСЛ

Гродно
ГрГУ им. Я.Купалы
2014

УДК 81'06: 811.161.1
ББК 81.411.2
Н62

Рекомендовано Советом филологического факультета ГрГУ им. Я. Купалы.

Рецензенты:

Лукашанец А. А., первый заместитель по научной работе
ГНУ «Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы» НАН Беларуси, член-корреспондент,
доктор филологических наук, профессор;
Данилович Н. А., доктор филологических наук, профессор кафедры
белорусского и сопоставительного языкознания
ГрГУ им. Я. Купалы.

Никитевич, А. В.

Н62 Деривация и смысл : моногр. / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ,
2014. – 233 с.

ISBN 978-985-515-752-7

Представлены работы, посвященные исследованию процессов деривации в современном русском языке, проблемам сопоставительного описания в близкородственных языках фрагментов деривационных гнезд (словообразовательные парадигмы, словообразовательные цепочки) и иных, более сложных конфигураций словообразовательно связанных единиц. При исследовании различных деривационных подсистем литературного языка и говоров в работе затрагивается проблема безэквивалентности, выявления словообразовательных лакун – семантических позиций, не заполненных производными словами и представляющих когнитивно значимые значения. Адресуется специалистам-филологам, преподавателям, магистрантам и аспирантам филологических специальностей вузов.

Библиогр.: 130 назв.

УДК 81'06: 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN 978-985-515-752-7

© Никитевич А. В., 2014
© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Монография «Деривация и смысл» в своей основе представляет собой собрание научных работ автора, написанных им после 2005 года.

Основу первой главы составляют статьи, посвященные проблеме функционирования номинативных рядов глагола в тексте, эквивалентности различных типов деривационных сочетаний производным словам на уровне предложения и, в связи с этим, описанию особенностей проявления лексической синонимии и антонимии в структурной и семантической организации номинативных рядов. Для понимания авторской концепции в монографию включены в переработанном виде и некоторые более ранние статьи, в которых рассматриваются базовые понятия теории номинативной деривации: деривационные сочетания как эквиваленты производных слов, номинативный ряд глагола и особенности различных его образующих форм.

Во второй главе монографии «Деривация и смысл» на материале близкородственных языков (русский, белорусский, частично польский) комплексному сопоставительному описанию подвергаются различные фрагменты деривационных гнезд: словообразовательные парадигмы, словообразовательные цепочки и различные конфигурации словообразовательных связанных единиц. При этом затрагивается проблема безэквивалентности, выявления словообразовательных лакун – семантических позиций, не заполненных производными словами и представляющих значения, когнитивно значимые для тех или иных деривационных подсистем.

Третью главу монографии составили статьи, в которых исследуется деривационный потенциал диалектной речи. Хорошо известна большая степень «свободы» языка говоров в продуцировании производных единиц самых различных словообразовательных значений. С этим связана актуализация некоторых аспектов изучения диалектного словообразования в сравнении с системой литературного языка. В статьях, включенных в данную главу, диалектные слова рассматриваются и в составе различных деривационных объединений (лексико-словообразовательных гнезд), и в сопоставлении с соответствующими подсистемами близких по родству языков.

Работы, посвященные некоторым проблемам морфемики, в частности проблеме интерфиксации как явления и лексикографической практике ее представления, а также статьи по методике преподавания русского языка составляют четвертую, завершающую часть монографии. Некоторые статьи появились в этой части книги и просто потому, что дороги автору и были опубликованы в уже ставших библиографической редкостью изданиях.

ГЛАВА I

К ТЕОРИИ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ

I. I. К ТЕОРИИ ДЕРИВАЦИОННЫХ СОЧЕТАНИЙ. ДЕРИВАЦИОННЫЕ СОЧЕТАНИЯ В СОСТАВЕ НОМИНАТИВНОГО КЛАССА «ГЛАГОЛ»

Словосочетания в деривационной функции – деривационные сочетания – впервые были глубоко и всесторонне описаны в работах В. М. Никитевича [77, 79, 80]. Убедительно доказав существование строго моделированного способа представления деривационных значений, В. М. Никитевич указал на определяющие признаки деривационных сочетаний: 1) один из его компонентов выступает в значении словообразующего аффикса (аффиксов), 2) сочетание регулярно соотносимо с формантом словообразовательного ряда производных слов, 3) коммуникативная функция и 4) эксплицитная связь, знаковое родство с мотивирующим словом [79, с. 57–62]. В дальнейшем, в разработанной им теории деривационной грамматики, деривационные сочетания рассматриваются как одна из образующих форм номинативного ряда [79, 80]. Наиболее полному и систематизированному описанию подверглись деривационные сочетания как образующие формы в составе номинативных рядов личного субстантива [77]. Ср.: *бедняк – бедный человек, богач – богатый человек, \cap – мужественный человек, \cap – честный человек* и т. п.

Деривационные сочетания как эквиваленты глагольных номинаций не получили столь исчерпывающего и глубокого освещения. Лишь отдельные фрагменты теории деривационных сочетаний иллюстрируются на примере глагольных словосочетаний. Например: «Сочетание безусловно является деривационным, если одно из его слов регулярно соотносимо с формантом словообразовательного ряда производных слов. Сочетания порядка *иметь намерение (надежду, желание)* выражают глагольность посредством слова *иметь*, которая может быть выражена также и аффиксацией в соотносительных глаголах *намереваться, надеяться* и т. п. Те ряды сочетаний с отождествляющим лексическим компонентом, которые с большей или меньшей регулярностью соответствуют деривационному аффиксу, безусловно включаются в систему номинативной деривации. На границе этой системы стоят такие сочетания, которые не отвечают условию регулярности, например: *одержать победу (победить), принять решение (решить)*» [79, с. 59], «...сочетания, в которых (отождествляющий) компонент единичен или лексически индивидуален, ... не включаются в деривационную систему и выступают как обычные номинативные корреляты отдельного слова. К ним относится большинство

устойчивых глагольных сочетаний. Их связь с отдельным глаголом строится на экспрессивно-семантических и стилистических отличиях, сосредоточенных в самом глагольном компоненте сочетания (ср.: *упрекать – осыпать упреками, завидовать – лопаться от зависти*). Следовательно, перифраза, имплицитно соотнесенная с отдельным словом, тем более не может быть отождествлена с деривационным сочетанием (ср.: *сомневаться – не выражать уверенности*)» [79, с. 63].

Задача идентификации словосочетаний в деривационной функции, выявление их специфических черт и типов в составе номинативных рядов прежде всего зависят от точности описания тех словообразовательных структур, которые представлены в глаголах различных словообразовательных типов. Как известно, характер словообразовательной семантики производного глагола во многом зависит от значения части речи производящей единицы. Семантика той или иной части речи (глагола, существительного, прилагательного) может по-разному трансформироваться при проекции определенного содержания в глагол. Поэтому целесообразно рассмотреть семантику и структуру словосочетаний в деривационной функции в пределах конкретных отглагольных, отсубстантивных и отадективных словообразовательных типов. Так, среди дискретных соответствий производным отсубстантивным глаголам встречаются различные типы словосочетаний. В одних случаях глагольный классифицирующий компонент в той или иной мере ослабляет свою лексичность и фактически выступает в функции деривационного аффикса. В частности, деривационная функция глагола *заниматься* в словосочетаниях типа *заниматься критиканством, заниматься ябедами* и т. п. развивается за счет все большего ослабления лексического значения, что способствует корреляции организуемых им словосочетаний с глаголами, выражающими процессуальность в широком смысле. Как лексически знаменательное, полнозначное слово глагол *заниматься* выступает лишь в узкой сфере деятельности, являясь синонимом глагола *учиться*. Универсальный же характер глагола *заниматься* как деривационного слова проявляется в его способности сочетаться с именами, которые не имеют прямых глагольных дериватов в данном значении либо процессуальность которых деривационно никак не выражена, скрыта в самой семантике слова. Например: *заниматься пересудами* – ∩, *заниматься математикой (литературой, домом)* – ∩.

К деривационным сочетаниям, безусловно, относится значительное число дискретных соответствий производных глаголов, мотивационно связанных с отвлеченными именами и именами лиц. Классификация данных аналитических единиц без труда осуществима по характеру глагольного классифицирующего компонента. Например: *скромничать – проявлять скромность, смешишь – вызывать смех, упорядочить – привести в порядок, паниковать – впадать в панику, обанкротиться – стать банкротом, слесарничать – работать слесарем, губернаторствовать – быть*

губернатором, лакейничать – вести себя как лакей и др. Данные единицы конструктивно связаны с родственным словом и способны в условиях контекста заменить соответствующий глагол. Не говоря уже о том, что они могут компенсировать в ряде случаев недостаточность собственно словообразовательных средств [58, с. 184–185]. Регулярность и, в силу этого, лексическая опустошенность (правда, в различной степени) глагольного компонента, а также специфика семантики имени делает возможным включение данных единиц в модель сопоставления деривационно связанных способов представления глагольной семантики, т. е. в номинативные ряды.

Словосочетания глаголов с предметными именами, как считается, лишены указанных выше характеристик и в качестве функциональных эквивалентов соответствующих глаголов не рассматриваются [130, с. 15]. Причины этого обычно видятся в том, что глаголы в составе данных словосочетаний лексически однозначны, связь их с производящим именем свидетельствует о наличии в семантике производных единиц большого числа нерегулярных, идиоматичных по своему характеру смыслов, что, в конечном итоге, делает соответствующее словосочетание неэквивалентным (недостаточно или не в полной мере) по смыслу той пропозиции, языковой «сверткой» которой и является производный глагол. Об этом убедительно свидетельствуют и словарные определения. Ср.: *столбить* 'отмечать столбами какое-либо место, границы какого-либо участка', *огосударствить* 'передать в собственность и ведение государства', *треножить* 'связывать треногой передние ноги лошади с одной задней'. Даже в тех случаях, когда развернутое соответствие глаголу «укладывается» в словосочетание, поражает лексическое многообразие собственно глагольных компонентов. И в этой связи возникает вопрос: существуют ли в принципе основания и возможности классификации дискретных соответствий производных глаголов следующего типа: *прибавлять сдобу* (сдобить), *вздымать клубами* (клубить), *поднимать на дыбы* (дыбить), *развести рыбу* (зарыбить), *сверлить буравом* (буравить), *покрывать муравью* (муравить), *завивать в кудри* (кудрявить), *делать дыру* (простореч. дырывать), *делать в лад* (обл. ладить), *идти дождю* (дождить), *проводить борозду* (бороздить), *говорить ерунду* (простореч. ерундить), *окружать изгородью* (городить), *покрывать полудой* (лудить).

Следует также иметь в виду, что не во всех случаях можно разграничить сочетания собственно деривационные и иные типы словосочетаний, способных выступить в деривационной функции. Всегда приходится учитывать и некоторые промежуточные случаи. Проанализируем, к примеру, двуфункциональность слова *производить* в глагольных словосочетаниях типа *производить обувь* (мебель...) и *производить ремонт* (вычисления...). В первом случае глагол *производить* выступает в своем прямом, вещественном значении, результатом действия здесь является реальный, материальный продукт (обувь, мебель и т. д.). Во втором случае глагол *произ-*

водить выступает в служебной функции, в значении деривационного слова. Лишь в служебном значении глагол *производить*, выступая как деривационное слово, коммуникативно соотносится с целью оформленным глаголом (*производить ремонт – ремонтировать*). В своем же прямом значении *производить* – лексически полноценный глагол. Существенно, однако, и то, что в *обоих случаях*, в прямой и служебной функции, глагол *производить* заключает в себе сему ‘процессуальности’, которая переводит имя в класс глагола. Это хорошо видно на примерах, когда словосочетание с глаголом *производить* не имеет однословного соответствия: *производить полеты* – ∅. Таким образом, словосочетания, в которых глагол *производить* выступает исключительно в деривационной функции (она является для него основной), структурно совпадают со словосочетаниями, где он выступает в прямом значении, но их следует принципиально различать.

Аналогично, заслуживают внимания различия, существующие между деривационными сочетаниями *работать кем* и менее регулярными, лексически конкретизированными словосочетаниями модели *работать чем*. Ср.: *мотыжить – работать мотыгой, лопатить – работать лопатой*, ∅ – *работать вилами*, ∅ – *работать ломом* и т. д. В последних примерах глагол *работать* сочетается с предметным именем как орудием действия и выступает в своем основном значении ‘физическая работа’. Однако семантика глагола *работать* даже в прямом значении является более абстрактной, отвлеченной по сравнению с другими, еще более конкретизированными лексическими словосочетаниями – аналогами таких производных, как глаголы *мотыжить* и *лопатить*. Ср.: *мотыжить – окучивать мотыгой, лопатить – копать лопатой, разгребать лопатой, сгребать лопатой, пересыпать лопатой*. В этом смысле глагол *работать* выполняет деривационную функцию и в словосочетаниях типа *работать чем*, несмотря на указанную лексическую однозначность глагола. Здесь мы солидарны с мнением о том, что «степень аналитичности конструкции тем выше, чем в меньшей, а не в большей степени выветрилось значение служебного слова», «предельно аналитичным является свободное словосочетание, если оно используется для выражения категориального значения» [30, с. 7].

Однако самое существенное заключается в том, что все типы словосочетаний с деривационно родственными компонентами (и собственно деривационные сочетания, и различные по степени конкретизации словосочетания в деривационной функции) вместе с производным глаголом образуют комплексные деривационные единицы – номинативные ряды, в которых обнаруживается сложное взаимодействие родственных единиц разных уровней.

С другой стороны, совершенно очевидно, что, помимо лексической однозначности отдельного слова, глагола, следует вести речь и о значении сочетания слов как комбинации, синтезе (взаимопересечении) значе-

ний входящих в него слов-компонентов. *Ставить клеймо, забивать клин, резать пилой* – не просто сочетания глаголов-действий с объектами (в широком смысле): результатом, объектом, орудием, но целые фрагменты, и их целостность подтверждается существованием отдельных слов-глаголов (*клеить, клиновать, пилить*). Взаимная связь компонентов в подобных словосочетаниях не случайна: предметное (даже предметное!) имя связано с определенным(и) действием(ями), функциональным использованием [89]. Особенности именной семантики, «модус существования» имени диктуют выбор вполне конкретного глагола либо ограничивают их круг двумя-тремя, но объединенными обозначением функциональной предназначенности того, что представлено именем. Например: *клин (вбивать), пила (пилить, резать), клеймо (ставить, выжигать)*. В этой связи мы обратили внимание на следующее замечание М. В. Панова: «Такое (инструментальное) значение появляется в том случае, если *глагол и основа существительного-дополнения имеют общие семантические признаки* (выделено нами. – А. Н.). *Топор – то, чем рубят*. Поэтому понятно выражение *рубить топором*» [85, с. 195]. Однако в одних случаях обозначения действия получают форму производного глагола (*копать лопатой – лопатить*), а в других – нет (*рубить топором – ∩, резать ножом – ∩*). Поэтому мы солидарны с мнением И. С. Улуканова о том, что «необходимо изучение связей мотивированных слов *со словосочетаниями* (выделено нами. – А. Н.) – устойчивыми, которые включаются в синонимические словари, и *свободными*, которые в них не включаются» [115, с. 14]. Ведь значительное число семантических компонентов, актуальных для словообразования, содержится в словосочетаниях, входящих в состав тех словарных определений, которые соответствуют производным словам.

Существенным, по нашему мнению, является то обстоятельство, что свободные (с точки зрения синтаксиса) словосочетания могут оказаться вполне несвободными по их отношению к процессу словообразовательного синтеза. Не следует забывать о том, что в принципе любой лексически однозначный глагол в сочетании с существительным может выполнить уже строевую (подчиненную) роль, ослабить или, точнее сказать, специфицировать свое лексическое значение. Поэтому заслуживают внимания не только факты «морфемизации отдельных глагольных лексем» [19, с. 118], но и, судя по всему, многочисленные и по-настоящему еще не исследованные случаи функционального ослабления однозначности глагола (ср.: *ставить книгу на полку* и *ставить отметку, ставить клеймо*), его способности образовывать с именем более тесное единство, которое, возможно, и послужит толчком к появлению нового производного слова.

Несмотря на то обстоятельство, что словосочетаний с предметными именами очень много и все их принято считать свободными, многие из них способны по отношению к процессу деривации выполнить ту же роль, что и устойчивые глагольные словосочетания с отвлеченными именами. Они являются дискретным способом представления значений, идентич-

ных словообразовательным, или, согласно определенной точке зрения, тем из них, которые могут получить статус лексико-словообразовательных [124]. Влияние лексической семантики производящей основы на специфику словообразовательного значения производного во многих случаях столь очевидно, что интерпретация глаголов и соответствующих им словосочетаний в указанном аспекте представляется нам вполне обоснованной. При неповторимости внутренней структуры многих производных слов трудно ожидать повторяемости целого ряда компонентов у их развернутых соответствий. Всегда следует помнить о гибком и одновременно сложном механизме взаимодействия лексического и нелексического (словообразовательного, грамматического) в слове, а тем более, в сочетании слов. Поэтому словосочетания с лексически конкретизированным глагольным компонентом в составе соответствующих номинативных рядов нами также включаются в «поле» номинативной деривации, хотя они, безусловно, обладают своей спецификой [59].

Таким образом, помимо деривационных сочетаний в строгом понимании, с теми жесткими параметрами, которые были даны изначально, различные виды коррелятивных связей с производными словообразования обнаруживают и другие типы словосочетаний, по определению не являющиеся деривационными, но способные выступить в деривационной функции. И параметры идентификации таких единиц будут несколько отличаться от параметров идентификации деривационных сочетаний. Важнейшими из них будут: эксплицитная связь с производным глаголом, функциональная неполнозначность деривационного слова и коммуникативная функция.

Глаголы в деривационной функции

Словосочетание основано на взаимодействии входящих в его состав слов. Результаты этого взаимодействия зависят от семантических свойств составляющих словосочетание компонентов и, в конечном счете, определяют специфику деривационных конструкций. К примеру, производные префиксальные глаголы могут соотноситься с различными типами словосочетаний. Среди них можно выделить как собственно *деривационные* (регулярные, частотные, соотносимые с формантами производных слов), так и *лексически конкретизированные*, глагольный компонент которых является в большей степени лексичным, менее регулярным. Ср., например, словосочетания *сделать накрахмаленным*, *обработать крахмалом* и *пропитать крахмалом* как эквиваленты глагола *прокрахмалить* или *быть сапожником*, *заниматься сапожничеством* и *шить сапоги* как эквиваленты глагола *сапожничать*. Регулярность и модельность деривационных сочетаний подтверждается многочисленными случаями, когда они являются единственным способом представления глагольных значений. Ср.: *быть педагогом* – ∩.

Одним из важнейших понятий теории деривационной грамматики является *слово в деривационной функции*. У каждой знаменательной части речи, вне сомнения, можно найти «свои» деривационные слова. Так, при анализе словосочетаний – коммуникативных эквивалентов глаголов – самое пристальное внимание приходится уделять глаголам в деривационной функции, их типам (*быть, сделать, изготовить, составить, собрать* и др.), учитывать факторы, способствующие десемантизации глагольной единицы, ее способности в некоторых значениях послужить основой для создания номинации деривационного типа. Однако далеко не всегда можно разграничить сочетания деривационные и лексически конкретизированные. Это зависит, в частности, и от *определения круга глаголов, способных выступить в деривационной функции*. При этом важно отметить, что глаголы в деривационной функции могут различаться *степенью лексикализованности*, а сами конструкции – *степенью аналитичности*.

Яркий пример на эту тему – глагол *сделать*. Словарные дефиниции указывают на отсутствие ему каких-либо дискретных соответствий с деривационно родственным компонентом. Ср.: *делать – сделать*: ‘1. Выполнять (выполнить) какую-либо работу, совершать (совершить), осуществлять (осуществить) что-либо’. ‘2. Изготавливать (изготовить) что-либо’. ‘3. Разг. Устраивать (устроить), организовывать (организовать)’. ‘4. Причинять (причинить) что-либо’. ‘5. Поступать (поступить) каким-либо образом’. Однако в семантической структуре такого общего обозначения действия, как *сделать*, обобщены и упорядочены вполне конкретные *типы действий*. Ср.: *выполнить~*, *совершить~*, *организовать~*, *причинить~*. Трудно переоценить фундаментальность, функциональную значимость данного глагола в экспликации аналитической составляющей номинативных рядов в общем «поле» деривационного аналитизма в составе номинативного класса «Глагол», в структурировании деривационно-семантического класса *сделать что*. Во всех словарях отмечается не только парадигматика важнейших значений и их оттенков у глагола *сделать*, но также неограниченные синтагматические свойства данной единицы. И подобно тому, как глаголы можно классифицировать по их способности иметь «сильную» или «слабую» префиксальную парадигму (способность сочетаться с префиксами) [39], возможна сравнительная характеристика ряда глаголов по их способности сочетаться с объектами *в отношении к процессу словообразования*. В этом плане глагол *сделать* (как, впрочем, и его видовой оппонент *делать*) заслуживает особого внимания.

Как известно, глагол *сделать* в сочетании с существительным в винительном падеже обозначает совершение того, что названо этим существительным. Причем большинство относящихся сюда словосочетаний являются в различной степени фразеологизированными. В деривационном аспекте нас интересует соотносительность (или, напротив, несоотносительность) данных словосочетаний с соответствующими словообразовательными структурами, их способность включаться в различные по со-

ставу номинативные ряды. Например: **сделать шаг – шагнуть, сделать поворот – повернуть, сделать посадку (о самолете) – посадить, сделать пересадку (деревьев) – пересадить, сделать остановку (в пути) – остановиться, сделать распоряжение – распорядиться; сделать знак – ∩, сделать сюрприз – ∩, сделать визит – ∩, сделать карьеру – ∩, сделать паузу – ∩, сделать маникюр – ∩**. Существуют, безусловно, различные типы словосочетаний модели **сделать что**. Различия эти складываются, с одной стороны, в зависимости от значения самого глагола, и, с другой – в зависимости от характера семантики присоединяемого имени. Не вызывает сомнений также то, что обе составляющие определенным образом связаны друг с другом, определяют или мотивируют выбор каждой единицы. К примеру, в ряде словосочетаний глагол **сделать** связан с выполнением работы физической, материальной. Имя в сочетании с глаголом **сделать** в этом исходном значении, как правило, обозначает уже независимый результат деятельности. Ср.: **сделать скрипку, сделать чай, сделать котлеты (пельмени)**. В значении ‘изготовить что-либо’ или его оттенке ‘приготовить что-либо’ глагол **сделать** «создает» сочетания не деривационные, а свободные – лексически конкретизированные. Имеют ли подобные словосочетания отношение к процессу деривации – вопрос непростой и, как уже было отмечено ранее, до сих пор решавшийся отрицательно. Сочетания глаголов с предметными именами представляют собой соединение двух разных денотатов, а потому, как традиционно считается, не могут образовывать раздельнооформленную номинацию. Однако, как известно, специфика глагольного слова заключается в том, что его семантика пропозициональна, представляет собой в свернутом виде целую ситуацию, одним из актантов которой может явиться и объект – результат действия. И то, что на денотативном уровне видится как «две разные единицы», языковой сигнификацией «представляется» как один целостный фрагмент деривационного пространства данного глагола. Конкретный глагол в сочетании с конкретным именем способен выступить в деривационной функции, так как может представлять собой реализацию одной «ситуатемы» [39, с. 50]. Не случайно многим отыменным глаголам соответствуют словосочетания с предметными именами, и, не исключено, что именно они послужили основой для процесса словообразовательного синтеза, и в этом следует усматривать динамический аспект процесса словообразования. Ср.: **гладить утюгом – утюжить, копать лопатой – лопатить, резать пилой – пилить** и т. п. Не различия на денотативном уровне, но единство сигнификации, означивания, «сила» деривационных связей играют решающую роль в организации номинативного пространства глагола, структурировании «обращенных» и к лексике номинативных рядов. Ведь известно, что даже в пределах одного значения глагола **сделать** – ‘изготовить что-либо’ – встречаются самые разные словосочетания. Характер именной семантики в них можно представить в виде спектра, в котором порой сложно провести границу, отделяющую предмет-

ные имена от непредметных. Причем имена находятся на различном «расстоянии», в различной степени «удалены», если можно так охарактеризовать их положение на «денотативной оси», от глагола **сделать**, с которым сочетаются. И близость смысловых связей с глаголом, а также особенности деривационно родственного окружения самого имени порой приводят к корреляции данных словосочетаний с соответствующими производными глаголами, что, безусловно, влияет на их способность выступить в деривационной функции. Например: **сделать статью** – ∩, но **сделать снимок** – **снять**, **сделать фотографию** и **сфотографировать** – **произвести фотографирование**; **сделать зарисовки** – **зарисовать**, **сделать наброски** – **набросать**. В последних двух примерах имена уже приближают статус словосочетаний к деривационным. Отглагольный характер имени решающим образом определяет деривационный статус словосочетания с глаголом **сделать**. Ср.: **сделать прическу** – **причесаться** (при всех смысловых несоответствиях между данными единицами). Но и непроизводные имена с денотативным статусом обязательной (или возможной) проекции в глагол также способны развернуть глагольное словосочетание и «воплотиться» в соответствующем глаголе. Ср.: **кудри** – **кудривить** (**завивать в кудри**, **делать кудри**), **закудривить** – **сделать кудрявым**. Причем в ряде случаев от имен образуются глаголы, но в других значениях, нежели модель **сделать что**. Например: **костюмировать** ‘Одеть в театральный (или маскарадный) костюм’ и **сделать** (себе) (летний) **костюм**; **выжить** ‘Бушевать (о вьюге)’, **дождить** ‘О наступлении дождливой погоды’ и **сделать вьюгу (дождь)** (в спектакле). Обратим внимание также на тот факт, что глагол **костюмировать** репрезентирует значение в большей степени лексически конкретизированное (**одеть костюм**), нежели словосочетание в деривационной функции с глаголом **сделать**.

Словосочетания с глаголом **сделать** в 3-м значении ‘Устроить, организовать’, а также в 4-м значении ‘Причинить что-либо’, несмотря на свой более отвлеченный характер, редко коррелируют с производными глаголами. Ср.: **сделать перерыв** – **прерваться**, но **сделать привал** – ∩, **сделать свадьбу** – ∩, **сделать вечеринку** – ∩, **сделать сцену** – ∩, **сделать скандал** – ∩. Иными словами, на данном участке номинативное пространство глагола представлено системой неполных номинативных рядов с различными по составу именованными компонентами. Хотя в последнем случае глагол имеется (**скандалить**), его значение (равно как и значение коррелятивных словосочетаний) является «грамматическим оппонентом» словосочетанию **сделать скандал**. Ср.: **устраивать (делать) скандалы** – **скандалить**. Таким образом, лишь в микросистеме, состоящей из полного и неполного номинативных рядов, осуществляется столь необходимая для глагольных номинаций дифференциация по виду.

Если же посмотреть на префиксальную парадигму глагола **скандалить**, то она состоит всего из 4-х префиксов (за-, на-, о-, по-). Глагол с префиксом за- маркирует «начало действия» (**заскандалить** – **начать**

скандалить), глагол с префиксом по- «представляет» ограничительный способ глагольного действия (**поскандалить – скандалить некоторое время**), и лишь глагол с префиксом на- в какой-то мере соответствует по семантике сочетанию **сделать скандал**, правда, в более приближенном к условиям коммуникации лексически конкретном варианте. Ср.: **наскандалить – учинить скандал**. Глагол же с префиксом о-, как и его «возвратный оппонент», реализует значение, дискретная интерпретация которого не обнаруживает деривационного родства с именем **скандал**. Ср.: **оскандалить** ‘Поставить в неловкое, неприятное положение’, **оскандалиться** ‘Попасть в неловкое, неприятное положение’. Любопытно, что среди устойчивых сочетаний с именем **скандал** указаны также 4 единицы: **вызывать скандал, поднимать скандал, устраивать скандал, учинять скандал** [26, с. 223]. Правда, они вряд ли коррелируют со всеми указанными значениями префиксальных производных. И здесь может быть заложена более широкая основа сопоставления значительных по объему деривационных фрагментов вербальных номинаций, включающих в себя не только производные префиксации, но и различные типы словосочетаний в деривационной функции [64].

Как уже было отмечено, словосочетания с глаголом **сделать** в 4-м значении ‘Причинить что-либо’ редко коррелируют с производными глаголами. Ср.: **сделать добро – ∅, сделать неприятность – ∅, сделать подлость – ∅**. Хотя, безусловно, определяющим моментом в таких случаях является наличие деривационных связей у самого имени. Так, к последнему примеру (**сделать подлость**), вероятно, коммуникативное соответствие среди глаголов подобрать можно. Это глагол **сподличать**, который в словаре толкуется как ‘Совершить подлый поступок, подлость’.

Практически отсутствуют глаголы как эквиваленты словосочетаний с глаголом **сделать** в значении ‘Поступить каким-либо образом’. Словосочетания с наречиями в качестве присвяточного компонента редко конденсируются в цельнооформленную единицу. Ср.: **сделать так – ∅, сделать глупо – ∅, сделать быстро – ∅**. Правда, есть исключения, и касаются они тех случаев, когда глаголы коррелируют со словосочетаниями модели **вести себя (поступать как)**. Поэтому не следует забывать о возможных корреляциях типа **сглупить – сделать глупость, поступить глупо** и т. п. В этой связи заслуживает внимания 6-е значение глагола **сделать** ‘Обратить, превратить кого-, что-либо в кого-, во что-нибудь’. Оно реализовано в таких словосочетаниях, как, например: **сделать человеком, сделать бабой, сделать нищим, сделать похожим** на кого. Любопытно различные типы взаимодействия аффиксации и деривационного анализа, которые могут быть проиллюстрированы на некоторых из приведенных здесь и ниже примерах. Ср.: **сделать человеком – ∅** и **очеловечить** ‘1. Наделить кого-, что-либо свойствами человека’, ‘2. Развить в ком-либо человеческое начало, сделать человеческим, гуманным’; **сделать бабой – обабить, сделать нищим – ∅, быть нищим – нищен-**

ствовать; сделать похожим – ъ, быть похожим – ъ. Аналогична ситуация в оттенке значения ‘|| Определить, назначить на какую-либо должность, работу’: **сделать министром – ъ, сделать секретарем – ъ.** Однако ср.: **быть министром – ъ, быть секретарем – секретарить, секретарствовать.**

Глагол **сделать** в 7-м значении ‘Придать какое-либо выражение (лицу, глазам и т. п.); принять тот или иной внешний вид’ практически не коррелирует с производными глаголами. Ср.: **сделать рожу – ъ, сделать физиономию – ъ, сделать лицо – ъ, сделать гримасу – сгримасничать, сделать вид – ъ.** Глагол **гримасничать** коррелирует со словосочетанием **делать гримасы**, а его префиксальные производные, помимо значения совершенного вида (**сгримасничать**) реализуют семы ‘начала действия’ (**загримасничать – начать гримасничать**) и ‘ограниченности действия временными пределами’ (**погримасничать – гримасничать некоторое время**).

Таким образом, глагол **сделать** в своей деривационной функции покрывает значительное пространство номинативного класса «Глагол» и является одним из важнейших организующих, базовых компонентов в составе не только конкретных семантических классов глагола, но и в составе более сложных деривационно родственных группировок единиц, основанных **на взаимодействии имени и глагола – номинативных рядов.** Причем универсальность глагола **сделать** в деривационной функции заключается еще и в том, что его синтагматика базируется на связях не только с именами существительными, но также с именами прилагательными. Модель **сделать каким** является не менее значимой, нежели модель **сделать что.** Подробно она описывается по ходу анализа самых разнообразных словообразовательных групп глагольных номинаций.

Многообразие глаголов, выступающих в деривационной функции, безусловно, связано со спецификой не только самих присвязочных компонентов. У деривационной функции глагола, способного организовать соответствующее словосочетание как аналитическую составляющую номинативного ряда, должно быть соответствующее «синтаксическое обеспечение». Глаголы *в различных связях управления* (причем далеко не во всех) *могут получить деривационную функцию.* И это обстоятельство следует учитывать.

Однако важнейший вывод, который следует из анализа значительного по объему материала, заключается в том, что лексическая полноточность глагола может оказаться *характеристикой лишь части его значений* и, даже более того, части реализованных лексических сочетаемостей в пределах одного значения. Лексическая полноточность глагола может представлять собой своеобразную шкалу, определенные области которой предполагают возможность выполнения данным глаголом деривационной функции. И в этом нам видится действительная конструктивная роль глагола. Гораздо большее число глаголов, нежели традиционно

считается, способно организовать (в союзе с именами) новые деривационные структуры со статусом аналитических. И аналитизм этот может быть не обязательно лексико-грамматический, но *лексико-деривационный*. Другое дело, что сама природа языка, особенности взаимодействия лексического, словообразовательного и грамматического в слове всегда будут препятствовать ясному, точному (не интуитивному) «измерению» шкалы деривационной функции глагола.

1.2. К теории номинативного ряда. Глагол

Одним из центральных понятий номинативной деривации является понятие номинативного ряда. Введенное в теорию и практику деривационных исследований В. М. Никитевичем [77, 79, 80], за последние десять лет это понятие оказывалось в центре внимания самых различных авторов [36, 35, 8] и, безусловно, с расширением объекта исследования с позиций номинативной деривации может получить более глубокую интерпретацию. Так, Е. С. Кубрякова, указывая на тот факт, что «близость номинативного и когнитивного подходов особенно ярко проявляется в том, какое огромное значение здесь придается категоризации мира» [36, с. 6], особо подчеркивает, что «представители всего этого (т. е. отечественного 70–80-х гг. XX века. – А. Н.) ономаσιологического направления не просто внесли существенный вклад в развитие теории номинации, но и предвосхитили многие задачи и проблемы когнитивной науки». Она полагает, что «существуют все основания считать, что теория номинации – в том ее виде, в котором она складывалась в указанные годы, а также в тех ее разновидностях, которые уже тогда были представлены в отечественном языкознании, являла собой *одну из ранних и весьма плодотворных версий когнитивизма* (выделено нами. – А. Н.)» [36, с. 7]. «Понятие ономаσιологической структуры слова со всеми ее компонентами может легко найти свой аналог в понятии когнитивной структуры знания, фиксирующей те категориальные характеристики, связь между которыми устанавливается внутри производного слова. Ведь, как известно, словообразовательное значение выступает как «называющее тип связи между двумя категориальными значениями, как аналог отношений между предметами, процессами и признаками и соответствующими им понятиями и соответствующими этим величинам обозначениями» [36, с. 8]. Если учесть, что структура знания – это прежде всего концептуальная структура, т. е. определенный концепт или же объединение концептов, то ясно, что содержание производного слова связано напрямую с тем, какие именно концепты (здесь – категориальные характеристики) «схвачены» данным знаком и подведены под его «крышу»... Продолжая эту линию исследования, можно было бы сказать многое и о том, какие именно структуры знания объек-

тивируются благодаря словообразовательным процессам, и о том, почему так существенно, что в результате этих процессов создаются более сложные по сравнению с простыми словами концептуальные структуры (в том смысле, что они могут объединять в единый гештальт по несколько категориальных значений и передавать разные типы их связей – ср. событийные имена или же отыменные глаголы). Но, пожалуй, одной из интереснейших проблем в названной области является вопрос о том, *какие категории строят разные объединения производных слов* – словообразовательные цепочки, словообразовательные парадигмы, словообразовательные гнезда и – *прежде всего* – *словообразовательные ряды*, т. е. **номинативные** (выделено нами. – А. Н.)» [36, с. 9].

«**Номинативный ряд** – система единиц, которые, различаясь своей образующей структурой, соотносимы с одним и тем же денотатом, поэтому могут служить названием одного и того же предмета, явления и, следовательно, способны замещать друг друга, выступая как коммуникативные эквиваленты» [79, с. 116]. Для личного отыменного и отглагольного субстантива номинативные ряды имеют следующий вид:

<i>1 – богач</i>	<i>1 – участник</i>
<i>2 – богатый человек</i>	<i>2 – лицо, участвующее</i>
<i>3 – богатый</i>	<i>3 – участвующий</i>
<i>4 – (тот) кто богат</i>	<i>4 – (тот) кто участвует</i>

Номинативный ряд личного субстантива может состоять из четырех образующих форм (*словообразующей* – 1, *детерминирующей* – 2, *транспонирующей* – 3, *предсказывающей* – 4), специфика каждой из которых подробно описана В. М. Никитевичем [77]. Автор рассматривал возможность представления в языке *полных* и *неполных* рядов (ср. 3 – *разумное*, 4 – *то, что разумно*) [79, с. 119], а также возможность их развертывания в составе разных номинативных классов. Причем для разных номинативных классов характерны деривационные сочетания со «своими» деривационными словами. Наиболее обобщенными из них будут те, которые имеют местоименную семантику. Они выделяются в следующих, например, рядах: *друг – (тот) кто дружит; дружный – который дружит; дружить – быть (являться) другом; дружески – как друг* [79, с. 120–121]. Таким образом, понятие *номинативный ряд* оказывается актуальным для создания моделей описания важнейших частей речи, структур, являющихся их функциональным продолжением. В этой связи хотелось бы процитировать одного из классиков когнитивизма, Дж. Лакоффа: «Изменение самого понятия категории влечет изменение нашего понимания мира. На карту поставлены все области наших знаний – от представлений о биологических видах *до понятия слова* (выделено нами. – А. Н.). Рассматриваемые нами языковые факты стимулируют переход от классического понимания категорий к категориям, *основанным на прототипах* (выделено нами. – А. Н.), которые формируются под влиянием когнитивных моделей. Это изменение взгляда на категорию инициирует цепь других изме-

нений: модификацию понятия истины, значения, рациональности *и даже грамматики* (выделено нами. – А. Н.). Придется отказаться от значительного числа традиционных представлений» [38, с. 148].

Понятие **«номинативный ряд»** применительно к глагольному классу единиц не получило глубокого и всестороннего описания. Не определена структура глагольных номинативных рядов, состав и специфика его образующих форм, отношение последних к важнейшим словообразовательным процессам: транспозиции, модификации и мутации. Заслуживает самого серьезного внимания изучение и описание взаимоотношений между такими основополагающими для теории классического словообразования категориями, как: *«словообразовательный тип»*, *«словообразовательная парадигма»*, *«словообразовательное гнездо»*, и понятием **«номинативный ряд»** как категории, основанной на взаимодействии родственных единиц – слов и словосочетаний. Все указанные моменты, включая сюда понятия *«производность»*, *«производный класс»*, *«номинативный класс»*, чрезвычайно важны для описания «координат» производных глаголов в системе номинативных рядов и их объединений.

Расширение материала исследования с определенных позиций, с применением определенных понятий несомненно ведет и к «уточнению» позиций и безусловному обогащению исходных теоретических понятий. Изначально понятие «номинативный ряд» появилось в результате описания номинативных свойств личного субстантива. Здесь все наложило свой особый отпечаток: и специфика деривационных сочетаний – коммуникативных соответствий именно номинациям лиц, и состав образующих форм, и даже само определение номинативного ряда («система единиц, которые, различаясь своей образующей структурой, соотносимы с одним и тем же денотатом»). Естественно, что более всесторонний и всеобъемлющий анализ других классов слов, в частности различных по семантике и словообразовательной структуре групп глаголов, показал весь спектр характеристик, которыми отличаются номинативные ряды глагола от номинативных рядов существительного. Другие типы словосочетаний, основанные на сложном взаимодействии лексического, грамматического и собственно деривационного многообразия их видов, иная «грамматика отношений» между ними, – это и многое другое позволило увидеть в номинативном ряде, на наш взгляд, самое существенное: **номинативный ряд – это комплексная деривационная структура, основанная на взаимодействии родственных единиц (характеризующихся «тождеством корня») различной структуры**, прежде всего производных слов и словосочетаний. Причем деривационные сочетания представляют собой лишь «ядро» дискретных соответствий производным глаголам. Среди образующих форм номинативных рядов могут отмечаться и устойчивые словосочетания, и лексически конкретизированные словосочетания в деривационной функции.

1.3. О термине «образующая форма» номинативного ряда

В теории номинативной деривации, в той ее части, которая касается рассмотрения структуры номинативного ряда, вводится термин «образующие формы номинативного ряда» [79, с. 119]. Одним из важнейших вопросов, возникающих при рассмотрении структуры номинативного ряда глагола, является следующий: как определить количество образующих форм в его составе? Совершенно ясно, что номинативный ряд глагола «по определению» должен отличаться от номинативного ряда существительного, а тем более от получивших фактически исчерпывающее освещение номинативных рядов личного субстантива. И, естественно, при попытке рассмотреть глаголы различной словообразовательной специфики (а не одной какой-то группы) в системе номинативных рядов проблема «исчисления образующих форм» логично разрешается в процессе описания различных типов дискретных структур (прежде всего словосочетаний), эксплицитно связанных с производным глаголом и, в той или иной мере, соответствующих ему. Ср.: «Составляющие номинативный ряд компоненты образуют единства как в плане содержания, так и в плане выражения. Как означаемые они способны удовлетворять условию *совпадения по смыслу*, как означающие они всегда в том или ином виде заключают в себе один и тот же знак, указывающий на родство с непосредственно производящей или мотивирующей единицей (выделено нами. – А. Н.) и тем самым на эксплицитную связь между собой» [79, с. 116]. Важнейшими отличительными признаками «составляющих номинативный ряд компонентов», следовательно, являются: 1) смысловая эквивалентность и 2) наличие общего материального знака. Причем, как уже было указано ранее, «общий материальный знак» может быть представлен не только «непосредственно производящей единицей» или «мотивирующей», но любым деривационно родственным компонентом, любым с точки зрения его местоположения в словообразовательном гнезде. Поэтому специфика «образующих форм» номинативного ряда прежде всего определяется *словообразовательным статусом* деривационно родственного компонента. Другими словами, приходится различать следующие «составляющие» номинативных рядов глагола: 1) включающие производящую (мотивирующую) единицу и 2) включающие другое родственное слово. К примеру, для номинативных рядов глаголов-отвербатов это может быть либо родственный глагол с другим префиксом, либо родственное глаголу имя.

Предпосылки необходимости выделения вполне определенных форм представления номинативного ряда связаны с вполне естественным стремлением перейти от «широкого и расплывчатого понятия функциональной эквивалентности» [79, с. 116] к ясно детерминированной системе единиц – номинативному ряду. Ср.: «Номинативный ряд ... строже и определеннее понятия «синтаксический ряд»... Как нетрудно заметить, понимание синтаксического ряда опирается на функциональную эквивалентность, на

способность двух или нескольких синтаксических отрезков замещать друг друга. *Структура отрезка* и как означающего и как означаемого *не определяется никакими правилами*. Например, синтаксический ряд *он неуживчивого характера, он с неуживчивым характером, у него неуживчивый характер* представляет собой свободно повторяющийся переход из одной конструкции в другую. Такие ряды ограничиваются лексически индивидуализированными группами слов. Другие отрезки, не объединенные семантически в данном случае с сочетанием *неуживчивый характер*, не составят полностью подобного синтаксического ряда. Ср., например, *у него доброе имя*, но невозможно: *он доброго имени*.

Основное отличие номинативного ряда от синтаксического состоит в том, что каждая его единица, независимо от способа выражения классифицирующего значения, является лишь *названием* «одного и того же», которое или реально, или потенциально может быть представлено производным словом» [79, с. 117]. «Номинативный ряд с конструктивной стороны может быть представлен как ряд коммуникативно эквивалентных преобразований, соответствующих производному слову. Поэтому в отличие от синтаксического ряда, который представляет систему соответствий сочетанию слов или предложений, любое преобразование в пределах номинативного ряда не может быть лексически многообразным. Различие между разными единицами номинативного ряда состоит в целом в преобразовании одних и тех же означающих, которое различным образом лингвистически дефинирует одно и то же денотативное содержание» [79, с. 117]. И поэтому, как следствие, «совпадение или сближение означающих – образующих форм разных номинативных рядов, а вместе с тем соответствующий параллелизм их значений создают модельность» [79, с. 116].

Состав образующих форм с подробнейшим их описанием, естественно, есть прежде всего результат анализа номинативных рядов субстантива [77]. Номинативные ряды слов других частей речи не получили столь всеобъемлющего описания. Во всяком случае, установленные для субстантива 4 формы (словообразующая, детерминирующая, транспонирующая, предципирующая [79, с. 119]) могут претерпеть изменения как в количественном, так и в качественном отношении. Это прекрасно понимал и В. М. Никитевич: «Номинативные ряды, как микросистемы, в которых объединяют свои усилия те или иные комбинации разных способов номинации, выделяются в разных номинативных классах, являющихся продолжением частей речи. Для всех них характерны транспозиция и деривационные сочетания. Так, относительные прилагательные, являясь результатом словообразования, включаются в ряды с падежными формами существительных. Ряд *лесная (опушка) – опушка (леса)* структурно складывается из словообразующей и транспонирующей форм. При словообразовательной недостаточности значение отношения (прилагательного) выражается только способом транспозиции падежной формы существительного: *опушка джунглей, конек крыши, ножка стола* и т. д.

Косвенные формы падежей в обстоятельственной функции порядка (*идти*) *берегом*, (*приехать*) *летом* есть не что иное, как транспозиция в класс наречия» [79, с. 120].

Глагол как часть речи и, тем более, как номинативный класс развивается свою собственную количественно и качественно отличную, к примеру, от субстантива, систему номинативных рядов. В этой системе, естественно, есть место словообразующей форме, в той ее специфике, которая отличает собственно словообразование глагола от, скажем, словообразования субстантива. Система словообразовательных типов глаголов, образованных от важнейших частей речи (имен существительных, прилагательных, глаголов), образует словообразовательный фундамент номинативного класса «Глагол». Естественно, производные глаголы могут иметь неоднословные соответствия – деривационные сочетания с определенным набором только глаголу присущих деривационных слов. В теории номинативной деривации каждая из образующих форм номинативного ряда получила специальный термин с учетом «различий в способах выражения составляющих (семантической и классифицирующей) и характере их связи в синтагме номемы» [79, с. 119]. Дискретное представление семантики производной единицы, характерное для деривационных сочетаний, отличает *детерминирующие формы НР*. Важнейшей особенностью детерминирующей формы является наличие деривационного слова, реализующего, в свою очередь, способность частного словообразовательного значения выражаться лексически, отдельным словом. Ср.: «Если мы и выделяем в личных существительных с суффиксом *-ец* разные частные значения, то главным образом потому, что мы настраиваемся на их способность выражаться лексически, посредством модельного коррелята – детерминирующей формы, или более свободным описательным способом» [79, с. 130]. Любопытно, что уже тогда указывалось на тот факт, что частное словообразовательное значение может быть представлено более свободным (нежели детерминирующая форма) описательным способом. И, действительно, семантическая структура производного глагола является несравнимо более сложной, нежели семантическая структура производного субстантива. Глагол номинирует действие, и не просто действие, а целую ситуацию, и с этим связано то многообразие дискретных структур, которые соответствуют производным глаголам. Среди них, естественно, есть не только собственно деривационные сочетания (*краснеть – становиться красным*, *белить – делать белым*, *слесарничать – работать слесарем*, \cap – *быть завхозом*), но и словосочетания, которые чаще квалифицируются как устойчивые (*сомневаться – испытывать сомнение*, *смуцать – приводить в смущение*, \cap – *пользоваться уважением*), а также лексически конкретизированные словосочетания в деривационной функции, в известном смысле свободные, характеризующиеся большим многообразием глагольных и именных компонентов [59, с. 287]. Ср.: *асфальтировать – покрывать асфальтом*, *про-*

спиртовать – обработать спиртом и т. п. Важно еще раз подчеркнуть, что собственно деривационные сочетания представляют своеобразное «ядро» дискретных соответствий, наиболее модельную часть деривационного аналитизма, то, что естественно заслужило право на терминологическое обозначение – детерминирующие формы. Но как известно, «следует учитывать и ... факторы в развитии дискретных номинаций» [77, с. 246]. В частности, В. М. Никитевич, указывая на процессы фразеологизации отдельных детерминирующих форм (*молодой человек*) и синтаксическую фразеологизацию предикцирующих форм (*кто сеет ветер, кто не работает*), писал: «Эти явления изоляции отдельных номинаций не нарушают системности номинативного ряда. В этом проявляется лишь общая закономерность, которая состоит в том, что не только собственно словообразование, но и транспозиция, и аналитическая деривация одной своей стороной обращены к грамматике, а другой к лексике» [77, с. 247]. Поэтому-то большое количество дискретных соответствий производным глаголам, укладывающихся в «прокрустово ложе» словосочетания, лексическим многообразием своих компонентов свидетельствуют об активном «давлении» со стороны лексики. И, в этой связи, возникает вопрос об уместности использования термина «детерминирующая форма», точнее, о границах его использования. Во-первых, детерминирующая форма по определению представляет «каждую составляющую (семантическую и классифицирующую) отдельным словом» [79, с. 130]. Однако у производных глаголов нередки случаи, когда та или иная составляющая сама представляет дискретную структуру – сочетание слов. Ср.: *Ему приходилось некоторое время читать статьи по теории права (...почитывать...)*. Во-вторых, среди деривационных слов, отличающих специфику различных словообразовательных значений, немало таких, которые «обращены» к лексике. Ср. корреляты глаголам, обозначающим ‘действие, совершенное дополнительно’: *дополучить – получить дополнительно, докупить купить в дополнение, присочинить – сочинить в добавление*. Слова *дополнительно, в дополнение* (сюда также относится *вдобавок*) представляют собой лексически ограниченную группу слов, которая достаточно последовательно маркирует указанное словообразовательное (или, более точно, лексико-словообразовательное) значение в составе целого ряда словосочетаний – коммуникативных эквивалентов (это особо подчеркнем), соответствующим глаголам. Ср.: *Ему удалось дополнить внебюджетные средства; ... получить дополнительно...* Однако данные словосочетания скорее всего являются фактом аналитизма, не собственно деривационного, а аналитизма, обращенного к лексике, лексико-деривационного. И таких примеров в сфере глагольной номинации немало.

В этой связи любопытно отметить, как В. М. Никитевич определял один из параметров отличия детерминирующей формы от предикцирующей. Последняя для номинативных рядов глагола неактуальна, так как

сам термин подчеркивает возможность наличия «отношений микропредикации» [79, с. 133] у таких раздельнооформленных номинаций субстантива, как *кто богат* (богатый), *кто хитер* (хитрый) и т. п. Для дискретных глагольных номинаций, представляющих предикативность в «чистом» виде, нет необходимости именно в такой терминологии выделять одну из форм номинативного ряда. Но заслуживает внимания другой, собственно семантический параметр различий между двумя указанными образующими формами номинативного ряда. Отмечая, что «предицирующая форма, как и детерминирующая, является неоднословной номемой» [79, с. 132] и что «ее можно также рассмотреть как лексическое выражение деривационного значения» [79, с. 132], В. М. Никитевич указывал, что «различие между ними состоит в том, что первая (предицирующая. – А. Н.) актуализирует обобщенность деривационного значения (*кто*), а вторая (детерминирующая. – А. Н.) – его вещественность (*человек, лицо*)» [79, с. 132]. Естественно, для образующих форм субстантива это различие подкреплялось структурным (очевидна «разность» форм типа *богатый человек* и *кто богат*). Для номинативных рядов глагола при отсутствии (по указанной выше причине) предицирующей формы как таковой, следует отметить различия в степени обобщенности деривационного значения между самими детерминирующими формами в пределах либо одного номинативного ряда, либо разных номинативных рядов, и, более того, между детерминирующими формами и такими неоднословными соответствиями производным глаголам, которые, строго говоря, детерминирующими формами назвать нельзя. Поясним сказанное на примерах. Номинативный ряд глагола *слесарничать* включает, помимо самой словообразующей формы, как минимум три неоднословных коррелята: *быть слесарем, работать слесарем, заниматься слесарством (слесарным делом)*. Как видно, детерминирующие формы, деривационные сочетания различаются между собой степенью обобщенности самих деривационных слов. Можно было бы словосочетание с глаголом *быть*, как представляющее глагольную семантику наиболее отвлеченно, назвать формой предицирующей, если бы сам термин так явно не выделял тот признак, который является конституирующим для любого глагола (способность организовывать предикативность).

Различия по степени обобщенности детерминирующих форм могут, как было указано выше, противопоставлять и разные номинативные ряды. Ср.: *покраснеть – стать красным, сделаться красным* и *запротоколировать – составить протокол, ◊ – составить мнение*. И, естественно, в каких-то случаях неоднословные способы представления деривационной семантики не смогут получить право «возвыситься» до статуса образующей «формы», опять же в силу своей немодельности, нерегулярности, большей степени лексичности компонента, претендующего на роль деривационного. Ср.: *заледенеть – покрыться льдом, проспиртовать – обработать спиртом, ◊ – обработать йодом*.

1.4. Словообразовательные типы глагола и его номинативные ряды

Центральным понятием системы словообразования и традиционного подхода к исследованию словообразовательных явлений считается понятие *словообразовательного типа* [93, т. 1, с. 135]. Значение типа формулируется на уровне обобщения, связанного с общими, частеречными значениями производящего и производного слов. Эти значения являются способом лингвистического представления обобщенных, «типизированных отношений между производным и производящим словами», они называют «тип связи между тем, что осмысляется как ономасиологический базис, и тем, что воспринимается как ономасиологический признак» [34, с. 102–103]. Общее словообразовательное значение «уточняется» в терминах частных словообразовательных значений, которые являются следствием лексической семантики производящих слов. От того, насколько сложной по своей лексической семантике является совокупность производящих основ, вовлеченных в один словообразовательный тип, зависит и система его частных словообразовательных значений. Естественно, что словообразовательный тип потому и является типом, что в одной и той же модели последовательно реализуется не одна, а несколько и все возможное число имеющихся в данном языке производящих и производных. Однако не только значения словообразовательных типов, но и значения их подтипов и даже отдельных моделей, которые входят в подтипы, абстрагируются в такой степени, что их определение включает указание на мотивирующие основы или отношение к части речи, участвующей в словообразовательном процессе. Так, в отглагольных глаголах с суффиксом *-и-*, обозначающих 'действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным' выделяются следующие подтипы: 1) «совершать действия, свойственные тому, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным» (*партизанишь, шоферить, фиглярить, го-стить, соседить, шахтерить, козлить, лисить, парусить; вьюжить, дождить, нуржить, снежить, буранишь*); 2) «совершать действия, обычно производимые в (на) том, что названо мотивирующим существительным» (*базарить, балаганить, океанить, берложить*); 3) «наделять кого- или что-л. тем, что названо мотивирующим существительным» (*вак-сить, охришь, пудришь; воцить, смолить; солить, перчить, сахарить; ранишь, страшишь, смешишь, стыдишь*); 4) «удалять, отделять то, лишая того, что названо мотивирующим существительным» (*потрошить, шелушить, мездришь* (спец.)); 5) «наделять кого- или что-л. признаками того, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным» (*калечить, сиротить, пепелить; магнитить, решетить, атласить, пузырить*); 6) «добывать, получать то, что названо мотивирующим существительным» (*бельчить, калымить*); 7) «создавать то, что названо мотивирующим существительным» (*роить, копнить, стожить, торосить; слоить, ломтить, клочить; клубить, вихришь; чадить, коптить, дымить*,

искрить, парить; мусорить, следовать, крошить (на пол), *кляксить; каламбуричь, комплиментить*) 8) «действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным» (*боронить, мотыжить, бомбить, шпорить, арканить, утюжить, лопатить, лучить*) [93, т. 1, с. 334]. Обращает на себя внимание тот факт, сколь различные словообразовательные значения, выделяемые даже в пределах частного словообразовательного значения, подведены под единую рубрику семантического подтипа. Не может не вызвать внутреннего протеста объединение, например, в границах общего подтипа «наделять кого- или что-л. тем, что названо мотивирующим существительным» таких производных глаголов, как *ваксить, пудрить, смолить, солить* и т. п., с одной стороны, и таких единиц, как *страшить, смешить, стыдить* – с другой. Характер семантики производящей единицы (конкретное или отвлеченное имя существительное) решающим образом сказывается на «содержании» единицы производной. Ср.: *ваксить* «Покрывать обувь ваксой», *пудрить* «Покрывать пудрой», *смолить* «Мазать или пропитывать смолой», *солить* «Сыпать соль в какое-л. кушанье» и *страшить* «Возбуждать страх в ком-л.», *смешить* «Вызывать у кого-л. смех», *стыдить* «Укорять за что-л., заставляя почувствовать стыд». Экспликация семантики производных глаголов посредством различных типов словосочетаний (деривационных, лексически конкретизированных) – коммуникативных соответствий данных глаголов – позволяет решительно отграничить первую группу из 4-х единиц от второй.

Учет конкретной лексической семантики производного глагола требует иных, более содержательных, информативных оснований классификации производной глагольной лексики. Тем более, что не только разные факты могут быть подведены под «крышу» одного и того же суффикса, одной и той же словообразовательной модели (как в рассмотренном случае), но и содержательно тождественные единицы могут оказаться «разведенными» по разным классификационным рубрикам. Так, отсубстантивные глаголы, обозначающие деятельность лица, оказались «разбросанными» по разным словообразовательным типам: с суффиксами *-и-, -нича-, -ствова-*. Ср.: *настушить, пекарить; плотничать, сапожничать; скупердяйничать, бродяжничать; директорствовать, генеральствовать*. Однако на определенном этапе исследования существенно не различие словообразовательных моделей, но общность семантики, которая в последних примерах очевидна: все производные обнаруживают эксплицитную связь с одним и тем же обобщенным деривационным сочетанием *быть кем*. Ср.: *настушить – быть пастухом, генеральствовать – быть генералом* и т. д.

Таким образом, помимо распределения производных глаголов по словообразовательным типам, назрела необходимость описания и систематизации их в составе речевых микросистем – номинативных рядов. Для последних существенным и определяющим моментом является учет различных эксплицитно связанных способов представления одной и той же семантики.

1.5. Параметры «исчисления» образующих форм номинативных рядов глагола

Номинативные ряды глагола, безусловно, имеют существенные отличия от номинативных рядов субстантива, и это, естественно, связано с кардинальным противопоставлением лежащих в их основе производных единиц – глаголов и имен существительных. Номинативный ряд глагола, состав его образующих форм определяется «набором» единиц, способных явиться коммуникативными эквивалентами (при соблюдении ряда других условий) исходной словообразующей формы – производного глагола. Исчисление образующих форм и специфика самих номинативных рядов зависят от ряда параметров. Охарактеризуем кратко важнейшие из них.

Параметр 1: *часть речи производящей основы.* Как и для словообразовательного типа, для структуры и схемы развертывания номинативного ряда не последнюю роль играет значение части речи производящей для данного глагола единицы. Так, различными будут номинативные ряды для отсубстантивных, отадъективных и отвербативных глаголов. Ср.: **плотничать** – *быть плотником, работать плотником, заниматься плотничеством; толстеть* – *становиться толстым; задураться* – *начать дурачиться.* Более того, различия в конкретном наполнении номинативных рядов могут быть связаны с отнесенностью к тому или иному семантическому классу производящей единицы в пределах данной части речи. Номинативные ряды глаголов, образованных от конкретных имен существительных, будут отличаться от номинативных рядов глаголов, образованных от отвлеченных имен или имен лиц. Ср. с приведенными выше: **утюжить** – *гладить утюгом, пользоваться утюгом; боронить* – *обрабатывать бороной; гатить* – *прокладывать гать, делать гать; бороздить* – *делать борозды, проводить борозды* (от конкретных имен); **страшить** – *возбуждать страх, внушать страх, вселять страх; смешить* – *вызывать смех; вредить* – *наносить вред, причинять вред; нуждаться* – *испытывать нужду* (от отвлеченных имен). Естественно, не следует забывать и о том, что одна и та же производящая единица может послужить основой для образования нескольких производных глаголов (естественно, с различными номинативными рядами), различие между которыми уже связано с собственно внутриглагольной дифференциацией. Ср.: **белеть** – *становиться белым; белить* – *делать белым; задураться* – *начать дурачиться; подураться* – *дураться некоторое время.* Таким образом, помимо номинативных рядов глагола, тождественных по значению, следует выделять номинативные ряды, противопоставленные по значению (см. параметр 4).

Параметр 2: *отношения производности.* Номинативные ряды глагола, как его речевые микросистемы, включают в свой состав образующие формы, обнаруживающие различные деривационные связи с дерива-

ционно родственным для данного глагола окружением. Традиционно на первом месте деривационные и лексически конкретизированные словосочетания, конструктивно связанные с производящей единицей: *сапожничать – работать сапожником, толстеть – становиться толстым, утюжить – гладить утюгом, страшить – возбуждать страх*. Однако номинативный ряд как языковое явление выходит за рамки формально-смысловых отношений производности в традиционном понимании, включая в свой состав единицы, обнаруживающие связь не только с производящей единицей, но и с производной для глагола, и даже просто родственной единицей, отстоящей на ряд ступеней производности. Так, номинативный ряд глагола *сапожничать* включает в свой состав деривационное сочетание *заниматься сапожничеством* с производным для него именем действия *сапожничество*, а также лексически конкретизированное сочетание *шить сапоги* с исходным для словообразовательной цепи, производящим для имени лица (но не глагола) существительным *сапоги*.

Отношения производности *формальные* «уступают место» отношениям производности *функциональным*, когда номинативный ряд способен «развернуть» формально непроизводный глагол. Так, целый ряд глаголов в качестве своих смысловых эквивалентов имеют словосочетания с включением производного для них имени действия. Например: *сомневаться – испытывать сомнение, надеяться – иметь надежду, восторгаться – приводить в восторг*. Нередки случаи, когда непроизводный глагол (или его видовая форма) дает начало такому номинативному ряду, в котором можно обнаружить несколько аналитических составляющих с разными по степени отдаленности родства словами. Ср.: *унывать – впадать в уныние, становиться унылым, быть унылым*. Таким образом, номинативные ряды глагола обладают несравнимо большей мотивационной базой, нежели традиционные для словообразовательного типа отношения «производящее – производное».

Параметр 3: *характер словообразовательного процесса*. Номинативные ряды глаголов, состав их образующих форм также зависят от характера словообразовательного процесса, связывающего производную единицу с производящей. Прежде всего это касается разграничения понятий «*мутация*», «*модификация*», «*транспозиция*» [126], а также характеристики производных глаголов по степени фразеологичности их семантики (там, где последняя имеет место). В словообразующей форме номинативного ряда глагола так же, как и в номинативном ряде субстантива, находят отражение различные комбинации изменения (сохранения) семантической и классифицирующей составляющих (СС и КС) [79, с. 96–98]. Три типа отношений производности (1) изменение КС при сохранении СС; 2) изменение КС и изменение СС и 3) изменение СС при сохранении КС), характерные для глагольного слово-, формообразования, находят отражение в специфике их номинативных рядов. Так, словообразовательные явления *мутационного* типа прежде всего отличают глаголы,

образованные от имен существительных с предметной семантикой. Ср.: *пятна – пятнать, груз – грузить, пила – пилить, костыли – костылять*. Очевидные отличия в лексическом значении сопровождаются высокой степенью идиоматичности семантики данных глаголов. С этим, в свою очередь, связана непредсказуемость классифицирующего компонента в составе аналитической составляющей – деривационного или лексически конкретизированного словосочетания как образующих форм номинативного ряда глагола. Например: *пятнать – покрывать пятнами, грузить – наполнять грузом, пилить – разрезать пилой, костылять – идти с помощью костылей*.

Анализ глаголов, производных от наименований лиц, показывает, что в большинстве случаев отношения между мотивирующим и мотивированным носят характер *синтаксической деривации*. Об этом убедительно свидетельствуют и образующие формы (деривационные сочетания) данных номинативных рядов. Ср.: *садовничать – быть, работать садовником; актерствовать – быть, работать актером; дружить – быть, являться другом*. Фактически в данных случаях имеет место *деривационная транспозиция* имени лица в глагол. Для номинативных рядов подобного типа характерны также (как уже указывалось выше) деривационные сочетания с производным для глагола отвлеченным именем действия. Ср.: *садовничать – заниматься садовничеством, плотничать – заниматься плотничеством*. Явление *обратной транспозиции* [113] в подобном случае связывает не только производные слова, но и деривационные сочетания.

Нефразеологичны глаголы, образованные от качественных имен прилагательных. Ср.: *синий – синеть, белый – белеть; глухой – глохнуть, слепой – слепнуть*. Здесь также наблюдается явление синтаксической деривации, поскольку семантические приращения в глаголах носят субкатегориальный характер. Например: сема «становления» (*синеть – становиться синим, слепнуть – становиться слепым*), сема «каузативности» (*белить – делать белым, обузить – сделать узким*). Деривационные классифицирующие компоненты *становиться, делать* фактически выполняют функцию транспозиции прилагательного в глагол. Регулярность данных аналитических составляющих номинативного ряда во многих случаях способна компенсировать недостаточность собственно аффиксальных средств. Ср.: *старый – стареть, но пожилой – ∅, становиться пожилым*.

Свою специфику имеют номинативные ряды глаголов, образованных от глаголов. Здесь в основном господствует *модификационное* словообразование, область взаимодействия словообразования и грамматики. То, что в лингвистической традиции относится к способам глагольного действия (вне зависимости от статуса данных группировок единиц), в значительной своей части ближе к грамматике. Об этом красноречиво свидетельствует характер аналитических составляющих номинативных рядов, типов оппозиций, образуемых последними. К примеру, как извест-

тно, начало и конец действия у глагола могут быть представлены не только синтетически, но и аналитически. Ср.: *заиграть – начать играть, запеть – начать петь; отыграть – перестать (закончить) играть, отгреметь – перестать греметь*. В ряде случаев дифференциация по виду поддерживается деривационными сочетаниями. Например: *восхищать – привести в восхищение, восхищать – приводить в восхищение* [56]. Как общие, так и частные залоговые значения также могут эксплицироваться посредством системы номинативных рядов, включающих не только словообразующие формы, но и деривационные сочетания. Ср.: *восторгать – приводить в восторг, восторгаться – приходить в восторг* [55]. Таким образом, модификационные отношения занимают значительное место в системе номинативных рядов глагола.

Параметр 4: характер деривационного значения. В описании номинативных подсистем важно учитывать различия как между номинативными рядами, так и внутри них, между входящими в них формами. «Анализ этого явления показывает, что следует выделять различия и нарушения в модельности разных номинативных рядов: 1) объединенных деривационным значением, 2) противопоставленных по деривационному значению» [79, с. 122]. Помимо деривационных сочетаний, объединенных по значению (*быть сапожником, работать сапожником, заниматься сапожничеством; гладить утюгом, пользоваться утюгом; вызывать смех, заставлять смеяться (смешить)*), самого пристального внимания заслуживают парадигмы дискретных единиц, противопоставленных по значению. В соответствии с характером и типами внутриглагольных оппозиций выделяются различные *типы объединений номинативных рядов*, основанных на противопоставлении по *виду, залогу, каузативности, способам глагольного действия*. Учет собственно аффиксальных производных и их аналитических соответствий позволяет выявить различные случаи в нарушении модельности номинативных рядов. Ср. типы *неполных номинативных рядов* с отсутствующей номинацией синтетического типа в области вида: *услужить – оказать услугу, ∩ – оказывать услугу; восторгаться – выразить восторг, приходить в восторг, ∩ – выразить восторг, прийти в восторг; ∩ – испытать удовольствие, ∩ – испытывать удовольствие*.

Взаимосвязь различных значений в пределах КС (классифицирующей составляющей) глагольной номинации реально реализуется в целых системах номинативных рядов. Так, обнаруживается значительное число строго моделированных аналитических конструкций, выражающих достаточно широкий спектр каузативной семантики и представляющих ее вне зависимости от того, существует ли соответствующий глагол. Например: *стыдить – вызывать чувство стыда, ∩ – вызывать чувство гордости, мучить – подвергать мукам, ∩ – подвергать опасности, нежить – приводить в состояние неги, ∩ – приводить в состояние блаженства, устрашать – внушать страх, ∩! – внушать боязнь*.

Аналитические формы номинативного ряда, являясь несловообразовательным ядром в представлении данных структур, имеют непосредственное отношение к «скрытой» грамматике, так как способны явиться единственным способом выражения не только каузатива, но и других типов оппозиций. Фактически приходится вести речь об объединениях номинативных рядов более сложного типа, в которых теснейшим образом переплетены залог, вид, способ глагольного действия, а аналитические образующие формы являются связующим звеном в подобных образованиях.

1.6. Транспозиция в отношении к деривационному аналитизму.

Глагол

Одним из самых актуальных вопросов теории номинативной деривации является вопрос о разграничении способов создания производных единиц [35, с. 115]. В области личного субстантива традиционно рассматриваются три способа: аффиксация, транспозиция и деривационный аналитизм. Например: *богач*, *богатый человек*, *богатый* (сущ.), *тот, кто богат*. Причем деривационный аналитизм представлен в двух типах образующих форм номинативного ряда – детерминирующей и предципирующей. Разница между ними состоит в том, что первая является своеобразным аналитическим «расширением» производного аффиксации (*богач – богатый человек*), вторая – аналитическим «прочтением» производного транспозиции (*богатый* (сущ.) – *тот, кто богат*). Различаются указанные формы, как несложно заметить, также степенью конкретизации деривационных компонентов.

Номинативные ряды глагола имеют свою специфику. От номинативных рядов существительного, в частности, производных личного субстантива, их может отличать как состав образующих форм, так и своеобразие самих способов представления деривационной семантики [64]. В особенности это касается транспозиции и деривационного аналитизма, действие которых может взаимно дополнять друг друга.

Обоснование выделения для субстантива как минимум трех способов номинативной деривации сомнений не вызывает: «Если какая-то группа слов не способна выразить новое производное значение путем аффиксации и выражает его аналитически или транспозицией, *то можно быть уверенным* (здесь и далее выделено нами. – А. Н.), что и те классификационно идентичные им слова, которые способны выразить данное производное значение путем аффиксации, *непрерывно выражают* его также аналитически и транспозицией» [79, с. 109]. «Если аффиксация скована жестким бюджетом словообразовательных возможностей, *то это никак не относится* к аналитизму и транспозиции. В результате создаются условия, когда одна и та же производящая единица входит в синонимичес-

кий ряд производных номинаций разной структуры с общим значением» [79, с. 109].

В теории номинативной деривации указывается, что отличия транспозиции заключены в *изменении позиции без аффиксного преобразования производящей основы*, но не уточнено, играет ли (и какую?) при этом роль наличие вспомогательного (деривационного) слова. Ведь транспозиция в глагол без деривационных слов, вероятно, невозможна. Ср.: *пила* – *пилить*, *работать пилой*, *разрезать пилой*; *рубанок* – *∩*, *работать рубанком*, *строгать рубанком*. Следовательно, если смена синтаксической позиции и осуществляется, то посредством словосочетаний с различными типами глаголов в деривационной функции. Но это уже свойства деривационного (в чистом виде) или лексико-деривационного аналитизма. Другими словами, номинативная специфика глагола определяется тем, что **транспозиция в глагол осуществляется средствами деривационного аналитизма**. Помимо синтаксической позиции для глагольной номинации необходимы деривационные показатели глагольности. И, следовательно, для глагола нет принципиальной разницы между транспозицией и деривационным аналитизмом, а точнее, в глаголе данные средства синтезированы в едином способе номинации.

Косвенным подтверждением сказанному является характер примеров транспозиции, которые приведены в работах В. М. Никитевича. В основном транспозиция иллюстрировалась случаями субстантивной транспозиции. Ср.: *молодой* – *молодой* (сущ.), *доброе* – *доброе* (сущ.); транспозиция инфинитива опять же в субстантив: *купаться не всегда полезно* (ср.: *купанье не всегда полезно*), *думать всегда полезно* (∩). Более рельефно на различия между транспозицией и деривационным аналитизмом указывают следующие высказывания В. М. Никитевича: «Способ номинации, при котором производное значение обусловлено только изменением позиции, не что иное, как транспозиция на уровне частей речи, или деривационная транспозиция» [79, с. 84]. «Среди способов номинативной деривации есть и такие, которые *внешне подобны* словообразованию, так как производная номинативная единица выступает «*в одежде*» *отдельного слова*» [79, с. 79]. «Возникает вопрос, можно ли без опасности беспредельно расширить понятие «словообразование», рассматривать как способ словообразования такую транспозицию, при которой *производное значение части речи возникает по существу в самой производящей единице..?*» [79, с. 106]. «...субстантиват *бедный* способен реализовать парадигматику (*самый бедный*, *более бедный*) и синтаксическую *сочетаемость (бедный духом)* производящего, а существительное *бедняк* такой способностью не обладает» [79, с. 106].

Большинство фактов из области субстантивной транспозиции позволяет прийти к выводу, что объединяющим транспозицию и деривационный аналитизм свойством является грамматическая природа. Однако среди типов глагольных словосочетаний есть и такие, которые относятся

к аналитизму лексико-derivационному, могут содержать в своем составе не производящие единицы, а другие родственные слова, в частности, глаголы с другими префиксами, и, естественно, отражать различные модификации лексической семантики, происходящие и в коррелятивном глаголе. Такие словосочетания в derivационной функции представляют «неграмматическую» периферию этой словообразовательно-синтаксической системы. С другой стороны, «следует учитывать и ... факторы в развитии дискретных номинаций» [77, с. 246]. В частности, В. М. Никитевич, указывая на процессы фразеологизации отдельных детерминирующих форм (*молодой человек*) и синтаксическую фразеологизацию предидирующих форм (*кто сеет ветер, кто не работает*), писал: «Эти явления изоляции отдельных номинаций не нарушают системности номинативного ряда. В этом проявляется лишь общая закономерность, которая состоит в том, что не только собственно словообразование, но и транспозиция и аналитическая derivация одной своей стороной обращены к грамматике, а другой – к лексике» [77, с. 247]. Поэтому-то большое количество дискретных соответствий производным глаголам, укладываемые в «прокрустово ложе» словосочетания, лексическим многообразием своих компонентов свидетельствуют об активном «давлении» со стороны лексики.

Если более углубленно рассмотреть вопрос о соотношении транспозиции и derivационного аналитизма, то можно увидеть, что транспозиция невозможна без соответствующего «окружения». Ср.: *Течь* все увеличивалась и *Вода продолжала течь*. Другими словами: при однословном означаемом в выражении производного значения участвуют и синтаксические позиции других означающих. В глагольных словосочетаниях типа *играть на барабане*, *бить в барабан* имя существительное при транспозиции в глагол, во-первых, ставится в форме определенного падежа, во вторых, требует при себе определенного глагола, или достаточно ограниченный их круг. Совершенно ясно, что словосочетания со словом *барабан* в предложениях типа *Вода попала в барабан*, *На барабане появились темные, жирные пятна* не могут выступить в derivационной функции, поскольку не соотносятся с глаголом типа *барабанить*. Вероятно, транспозиция и derivационный аналитизм на определенных участках тесно переплетены. Именная семантика по-разному может транспонироваться в другие классы слов [59, с. 287]. Если, к примеру, взять названия музыкальных инструментов (*барабан, труба, скрипка, гитара, флейта, колокол, пианино*), то любопытно сравнить их derivационный потенциал:

- 1) *барабан* – барабанщик, барабанить, барабанный бой, бой барабана;
- 2) *труба* – трубач, трубить, трубный звук, звук трубы;
- 3) *скрипка* – скрипач, \cap , играть на скрипке, скрипичный мастер (ключ), мастер по изготовлению скрипок;
- 4) *гитара* – гитарист, \cap , играть на гитаре, \cap , звук гитары (*гитарный);
- 5) *флейта* – флейтист, \cap , играть на флейте, \cap , звук флейты;

б) *колокол* – \cap , тот, кто бьет в колокол, \cap , бить в колокол, колоколь-ный звон, звон колокола;

7) *пианино* – пианист, \cap , играть на пианино, \cap , звуки пианино.

Практически все имена существительные, обозначающие музыкаль-ные инструменты, образуют суффиксальные названия лиц. Лишь отсут-ствует наименование того, *кто бьет в колокол(а)*. Для обозначения дей-ствия музыканта из приведенных семи слов лишь два имеют аффиксно образованные глаголы (*барабанить, трубить*), в остальных же случаях есть только один способ – транспозиция в глагол посредством словосоче-тания с выступающим в этом случае в деривационной функции глаголом *играть*. Ср.: \cap , *играть на скрипке*; \cap , *играть на гитаре*; \cap , *играть на флейте*; \cap , *играть на пианино*. Лишь для слова *колокол* имеется более конкретное и весьма специфическое словосочетание – *бить в колокол*.

Бедны и средства собственно словообразования для «перевода» дан-ных имен существительных в имена прилагательные. Причем и возника-ющие здесь значения довольно специфичны и безусловно «избиратель-ны»: *барабанный бой, трубный звук, скрипичный мастер (ключ), коло-кольный звон*. И лишь посредством транспозиции падежной формы суще-ствительного можно передать следующие «прилагательные» значения: \cap , *звук гитары* (*гитарный), \cap , *звук флейты*, \cap , *звуки пианино*.

Другая глагольная модель, ориентированная на иное предложное управление, связана с реализацией сочетаемости *играть во что-либо*. Ср.: *футбол* – футболист, \cap (ср. **футболить*), *играть в футбол, футбольный* (мяч), мяч для игры в футбол. Здесь практически все имена на ...*бол* с легкостью образуют имена лица и прилагательные, но лишь словосочета-нием с *играть* выражают действие.

Как уже было отмечено, существует некоторое несоответствие меж-ду количеством способов номинативной деривации (3) и количеством образующих форм номинативного ряда (4). Существенно, что «различие между образующими формами в составе номинативного ряда в целом сводимо к разным способам выражения составляющих номинативной единицы (номемы)... Если исходить из основного различия между спо-собами выражения номемы – цельнооформленности и раздельнооформ-ленности, то противопоставленные по этому признаку единицы одного и того же ряда находятся друг к другу в отношении *сужения – расширения*. Сочетания *богатый человек* и (тот) *кто богат* могут быть интерпретиро-ваны как расширение слов соответственно *богач* и *богатый* (сущ.); соче-тания (то) *что разумно*, (то) *что сказано* – расширение слов (в знач. сущ.) *разумное* и *сказанное* и т. д. Отсюда следует, что сами эти слова синхрон-но могут быть представлены как сужение сочетаний» [79, с. 128–129].

«Более сложную характеристику получает окружение – *распрост-ранение* единиц номинативного ряда. Различие в распространении вызы-вается прежде всего тем, что словообразующие формы как результат сло-вообразовательной и семантической конденсации могут реализовать лишь

отдельные семы производящего слова (утрачивают тождество семемы). Это приводит к тому, что реализуемые в них семы, создавая воспроизводимость, не всегда и не обязательно могут выключаться и переходить в окружение ключевой номемы. Отчасти создаются грамматические ограничения или неспособность словообразующей формы к управляющему распространению. Другие же образующие формы, реализуя все «объектные» семы производящего, часто получают номинативную достаточность только в условиях распространения.

Расширение и распространение (эти понятия следует принципиально различать) существенно разделяют сферы влияния разных словообразующих форм, способных выступать в одном номинативном ряду. Существительные порядка *водитель, писатель, наборщик* обладают воспроизводимостью и номинативной достаточностью, так как включают указание на связь действия с объектом (объектами) в свою семантику. Сочетания как расширения таких слов – *кто водит, кто пишет, кто набирает* – получают номинативную достаточность лишь при распространении выраженным объектом (*кто водит автомашину, кто пишет художественные произведения, кто набирает шрифт*). При этом сочетание может передать все объектные связи мотивирующего глагола (*кто водит (ведет) самолет, кто водит дружбу* и т. п.)» [79, с. 129].

Таким образом, спецификой глагола как части речи определяется не только соотношение способов номинативной деривации, но и количество «образующих форм» в границах конкретного номинативного ряда.

1.7. Номинативный ряд и грамматика глагола

Аффиксация в глаголе есть прежде всего (или кроме прочего; в данном случае несущественно, что считать главным, а что – второстепенным) одно из неперменных средств разграничения видов. Естественно, *аффиксно маркированные глаголы*, включаясь в состав соответствующих номинативных рядов, не могут «не пользоваться возможностями» более сложных деривационных структур в дифференциации собственно видовой семантики. И хотя в границах глагольного слова переплетены (синтезированы) различные значения (зачем, вид, время, наклонение), вполне возможно некоторое диактное рассмотрение отдельных из них.

Номинативные ряды глагола как способ организации видовых противопоставлений

Вид всегда был объектом пристального внимания исследователей. Обращение к глагольному виду как системе средств выражения позволило в морфологии разграничить видовые пары, глаголы одновидовые и двувидовые. Специфика префиксации как способа словообразования, лек-

сичность большинства префиксов, так или иначе задействованных в организации видовых противопоставлений, не могли не заострить внимания на таких средствах выражения, которые являются чистовидовыми.

Двувидовые глаголы

Одним из самых интересных явлений в структуре глагольного вида является наличие двувидовых глаголов. По образному выражению А. В. Исаченко, наличие в языке двувидовых глаголов является аномалией. Однако класс подобных «аномальных» слов постоянно пополняется (в основном за счет заимствований): по данным словаря С. И. Ожегова, данный класс насчитывает более 600 глаголов; по данным «Грамматического словаря» А. А. Зализняка – уже 859. И, вероятно, двувидовость может быть рассмотрена не как «аномалия» в структуре категории вида, но, напротив, как одно из наиболее ярких воплощений закона экономии языковых средств – своеобразного предела конденсации.

Как известно, в распоряжении языковой системы находится целый арсенал средств «устранения» двузначности двувидовых глаголов. Это, в первую очередь, дифференциация значений совершенного и несовершенного видов средствами контекста: Мы, наконец, детально *исследовали* эти факты. – Мы долго *исследовали* эти факты. Кроме этого, существуют собственно аффиксальные приемы преодоления «аномальности» двувидовых глаголов. Это наблюдаемая в сфере двувидовых глаголов ярко выраженная тенденция к образованию видовых пар при помощи суффиксации и префиксации. При этом суффиксальные видовые пары получили небольшое распространение: *реализовать* – *реализовывать*, *организовать* – *организовывать*. Несомненно, большую роль в этом процессе играют префиксы. Ср.: *содействовать* – *посодействовать*, *демонстрировать* – *продемонстрировать* и др. В обоих случаях за бывшими двувидовыми глаголами закрепляется лишь одно из видовых значений.

Анализ семантики и речевого использования двувидовых глаголов позволяет также выделить некоторые типы словосочетаний, которые являются коммуникативными эквивалентами однословных глагольных лексем. Например: *содействовать* – *оказать (оказывать) содействие*, *наследовать* – *получить (получать) в наследство*, *казнить* – *подвергнуть (подвергать) смертной казни*, *оборудовать* – *снабдить (снабжать) необходимым оборудованием* и др. Среди данных словосочетаний встречаются как регулярные соответствия производным словам, так и единичные конструкции, в большей степени отражающие своеобразие лексической семантики двувидового глагола. В ряду регулярных соответствий глагольным лексемам можно отметить группу словосочетаний, отличающихся достаточно строгой модельностью. В конструкциях типа *подвергнуть (подвергать)~*, *оказать (оказывать)~*, *произвести (производить)~*, *сделать (делать)~*, *дать (давать)~*, *получить (получать)~* и т. п. «ядерные»

компоненты являются регулярным средством дифференциации видовых значений. Строгая модельность данных конструкций, однако, не всегда дает им возможность являться коммуникативными эквивалентами двуви- довых глаголов. Это становится очевидным, если сопоставить словарные дефиниции некоторых лексем. Ср.: *расследовать – провести (проводить) расследование* и *миновать* – ‘пройти (проходить), проехать (проезжать), оставив что-л. позади, в стороне’. Отсутствие в последнем случае указа- ния на конкретный объект действия (или конкретный тип распространи- теля) позволяет говорить лишь об относительной эквивалентности (в ком- муникативном плане) глагола и его словарной дефиниции. Целому ряду двуви- довых глаголов можно поставить в соответствие не одно, а несколь- ко деривационных сочетаний, способных в разной степени заменять их в речевых текстах. Так, глаголу *суммировать* соответствуют: 1) вычислить (вычислять) сумму; 2) подвести (подводить) итог чему-л.; 3) ‘собрать (со- бирать) вместе, обобщая’; 4) ‘вобрать (вбирать) в себя’; 5) ‘соединить (со- единять) в себе’.

Лишь первое словосочетание обнаруживает эксплицитную связь с означающим двуви- дового глагола (*сумма – суммировать*), однако сама конструкция (в силу лексичности, индивидуальности базового компонен- та – *вычислить/вычислять*) по существу является единичной и, таким образом, не соответствует условию регулярности и модельности дерива- ционного сочетания. Остальные единицы представляют собой имплицит- ные соответствия глагольной лексемы и также в неодинаковой мере отве- чают критерию регулярности и модельности.

Учет не только однословных единиц, но и соответствующих им сло- восочетаний, позволяет прийти к выводу, что реально в коммуникатив- ной системе существуют и неоднословные способы дифференциации ви- довой семантики. Фактически формой существования видовых корреля- ций являются номинативные ряды – целые микросистемы разноуровне- вых единиц, так или иначе восполняющие образующую и семантическую «недостаточность» двуви- довых и однови- довых глаголов. Ср.: *линчевать* (сов. и несов.) – *подвергнуть (подвергать) суду Линча; издеваться* (только несов.) – *подвергать издевательствам* и только *подвергнуть издевательствам* – ∩.

То, что реальностью коммуникативной системы являются именно номинативные ряды, подтверждается наличием подобных «форм суще- ствования» и у обычных видовых пар. Ср.: *согласиться – дать согласие, соглашаться – давать согласие; вычислить – произвести вычисления, вычислять – производить вычисления*. Некоторые же типы словосочета- ний являются общими у двуви- довых, однови- довых глаголов и обычных видовых пар. Например: *стимулировать – дать (давать) стимул; от- срочить – дать отсрочку*, но только *давать отсрочку* – ∩; *приказать – дать приказ, приказывать – давать приказ*. Последние примеры, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о необходимости «расширения»

границ того объекта, который мы называем глагольным видом. Наличие словосочетаний как единственных означающих в реализации семантики того или иного вида (например: *проявить бездействие* – \cap , *выразить восторг* – \cap , *испытать сожаление* – \cap и др.) настоятельно требует исследовать речевые микросистемы глагольного вида – номинативные ряды – во всей совокупности указанных форм.

Одновидовые глаголы

Вторым грамматическим «полюсом» в области вида являются глаголы, не имеющие коррелятивной пары по виду. Подавляющее большинство глаголов некоторых семантических классов (например, глаголы эмоционального состояния, переживания) являются одновидовыми. Например: *восторгаться, грустить, радоваться, гордиться, стесняться, стыдиться*. Отнесение их к данному грамматическому классу связано не только со спецификой лексической семантики исходной единицы, но и с тем, что префиксации от данных основ подвластна реализация лишь отдельных, частных сем СВ. Сравните: *горевать* (нсв) – *загоревать, погоревать, отгоревать, тосковать* (нсв) – *затосковать, потосковать, протосковать, страдать* (нсв) – *пострадать, выстрадать, исстрадаться*. Обилие префиксальных производных СВ в отдельных случаях приводит к причудливому синтезу грамматических и лексических сем, что еще в большей степени способствует их лексикализации, а следовательно, делает несоотносительными по семантике с глаголом НСВ. Ср.: *мучиться* (нсв) – *замучиться, намучиться, перемучиться, измучиться, помучиться, промучиться, отмучиться, умучиться*.

Нарушение грамматического параллелизма между членами видовых оппозиций уже давно сделало предметом специального рассмотрения анализ морфологических и семантических особенностей непарных глаголов. Однако не было единства среди лингвистов как в отношении объема и границ данного класса слов [119, с. 187–188], так и в оценке причин их непарности. По мнению Ю. С. Маслова, «причины непарности заключены в семантике самих непарных глаголов, в том, что лексическое значение данного глагола, отражая определенные объективные свойства соответствующего действия, оказывается несовместимым с грамматическим значением того или иного вида» [45, с. 54]. Обращение к семантике заставило исследователей освободиться от узко морфологического подхода к выделению одновидовых глаголов и резко расширить класс данных слов. Вместе с тем, реальность коммуникативной системы языка не могла не заставить лингвистов увидеть, что «морфологическая недостаточность глагола может преодолеваться путем привлечения этимологически «постороннего» ... словосочетания, (*очнуться – приходит в себя*)». Однако следовало увидеть еще и то, что для глагола может найтись неоднословное соответствие, соотносительное с ним по виду (*очнуться –*

прийти в себя) [45, с. 53] и, самое главное, данное словосочетание может оказаться этимологически «непосторонним» для данного глагола (*услужить – оказать услугу*).

Как известно, при рассмотрении слов того или иного семантического класса могут учитываться не только глаголы, но и «их **функциональные эквиваленты**, в частности глагольные перифразы типа *становиться глухим, лишаться слуха и т. п.*» [16, с. 37]. Солидаризируясь с Л. М. Васильевым в том, что «...без их (подобного рода единиц. – А. Н.) привлечения анализ семантических парадигм был бы неполным» [16, с. 37], добавим лишь, что и процесс коммуникации при отсутствии многих из них оказался бы просто неосуществимым (ср.: *услужить – оказать услугу*, но только *оказывать услугу*).

Специфика такого объединения, как семантический класс, и особенности лексической синонимии приводят к тому, что в границах одного семантического класса, как правило, объединены материально неродственные знаки (ср.: *грустить, печалиться, тосковать, горевать, скорбеть, унывать*). Будучи связанными между собой имплицитно, данные лексемы вместе с тем объединяются в один семантический класс и на основе выявления таких глубинных структур, связь между которыми является материально выраженной, эксплицитной (ср.: *предаваться грусти [печали, тоске, горю, скорби, унынию]*).

Анализ эксплицитно выраженных отношений между знаками различных уровней (словами и их неоднословными эквивалентами) требует рассмотрения всего «арсенала» номинативных средств, которыми язык располагает для реализации тех или иных сем, манифестации известных на лексическом и грамматическом уровнях оппозиций. Так, фактор межуровневого взаимодействия в границах номинативного ряда может оказаться решающим как в преодолении морфологической недостаточности, например одновидового глагола, так и в реализации тех или иных, изначально заданных языковой системой, частных сем аспектуальности.

Среди глаголов эмоционального переживания, как уже было отмечено, можно выделить значительную группу глаголов несовершенного вида, не имеющих коррелятивной пары. К ним относятся глаголы: *стыдиться, гордиться, стесняться, совеститься* (разг.), *мучиться, казниться* (перен.), *страдать, терзаться, томиться, маяться, тяготиться, мытариться* (прост.), *унывать* (книжн.), *нежиться, блаженствовать, млеть, благодушествовать, опасаться, бояться, страшиться, трусить, трепетать* (перен.). Будучи очень близкими по своей семантике и по формальным свойствам к глаголам эмоционального состояния, данные номинации обнаруживают эксплицитную связь с рядом эквивалентных словосочетаний, центральное место среди которых занимает конструкция с «ядерным» компонентом *испытывать*. Ср.: *стесняться – испытывать стеснение, страдать – испытывать страдания, опасаться – испытывать опасение* и т. п. В отличие от анализируемых глаголов сло-

восочетания в состоянии выразить противопоставление по виду. Ср.: *мучиться* (нсв) – *испытывать муки* (мучения) – \cap – *испытать муки* (мучения); *блаженствовать* (нсв) – *испытывать чувство блаженства*, \cap – *испытать чувство блаженства*.

Словосочетания, как правило, стилистически нейтральны, а следовательно, в большей степени могут отвечать целям коммуникации, нежели соответствующие производные аффиксации. Ср., например, такой номинативный ряд: *упиваться* (книжн. нсв) – *испытывать упоение*, \cap (св) – *испытать упоение*. Факты подобного рода вновь подтверждают тезис о том, что центральное видовое противопоставление может быть реализовано и несловообразовательно. Там, где отсутствует деривационная связь «глагол – отглагольное имя» (типа *страдать – страдание*), а также при вовлечении в процесс деривации непроемких имен, в номинативных рядах в основном господствует аналитизм. Сравните: \cap – *испытывать / испытать удовольствие* (*недовольство, неудовлетворенность, неловкость, боль, потрясение, шок*).

Деривационное сочетание модели «*испытать что*» указывает на совершенный вид недифференцированно, в отличие от соответствующих префиксальных образований, реализующих частные значения СВ (ср.: *испытать чувство стеснения* и *застесняться, постесняться*). Вот почему данные единицы могут не коррелировать и, вместе с тем, взаимодополнять друг друга, реализуя по отдельности «свой» спектр семантики. Лексическая семантика глагола может явиться препятствием для образования определенных частных сем СВ, но вряд ли служит препятствием для перевода в другой грамматический класс (СВ вообще!). Частные семы СВ – лексичны, поэтому и зависят от лексической семантики исходного слова. Но деривационное сочетание типа *испытывать* ~ ближе к чистой грамматике, идее чистой перфективации. Не случайно более лексичные по своему характеру деривационные слова (типа *впасть в ~, предаваться ~*) более избирательны в отношении к лексемам, членами номинативных рядов которых они являются. Они почти в такой же степени зависят от специфики лексической семантики глагола, как и словообразовательные префиксы.

Анализ различных способов организации аспектуальности в их единстве и взаимодействии позволяет глубже проникнуть в «грамматику» номинативной системы языка. В результате взаимодействия знаков различных уровней и одновидовые глаголы могут оказаться лишь «ядром» более сложного по структуре и семантике объединения разноуровневых единиц – номинативного ряда. Специфика последнего для данного класса единиц заключается в том, что в его границах преодолевается морфологическая недостаточность одновидового глагола. Например: *восторгаться* (нсв) – *выражать восторг*, \cap (св) – *выразить восторг*, *нежиться* (нсв) – *предаваться неге*, \cap (св) – *предаться неге*. Обнаружение подобного рода структур и у глаголов, имеющих коррелятивную пару по виду (ср.: *наслаждаться – испытывать наслаждение, насладиться – испытать на-*

слаждение), позволяет отвлечься от «морфологизма» в делении глаголов на двувидовые и одновидовые и рассмотреть организацию видовых противопоставлений в функциональном аспекте, с привлечением не только морфологических форм, но и их неоднословных соответствий.

*О типах структурной организации вида
как системы средств выражения*

Уже простое исчисление теоретически существующих возможностей и анализ фактической их реализации в речи дают основания говорить о следующих типах структурной организации глагольного вида как системы средств выражения.

I сов./несов. в одной лексеме + сочетания	воздействовать оказать воздействие оказывать ~
II сов./несов. – различные лексемы (формы) + сочетания	поддержать оказать поддержку поддерживать оказывать ~
III сов. вид – лексема + сочетание несов. вид – ∩ + сочетание	услужить оказать услугу ∩ оказывать услугу
IV сов. вид – ∩ + сочетание несов. вид – лексема + сочетание	∩ выразить восторг восторгаться выражать восторг
V сов. вид – ∩ + сочетание несов. вид – ∩ + сочетание	∩ испытать удовольствие ∩ испытывать удовольствие
VI сов. вид – лексема + ∩	хлынуть, встрепенуться, очнуться... ∩
VII несов. вид – лексема + ∩	удручаться, сетовать, млеть...∩

Отвлекаясь от специфики того или иного семантического класса и рассматривая данные типы в самом общем виде, можно заметить, что несомненно существует значительная область таких словообразователь-

ных «конденсатов» (производных аффиксации), семантика которых не может быть эксплицирована посредством деривационных сочетаний (VI, VII типы). Вместе с тем, не менее значительной по объему является группа раздельнооформленных номинаций, не имеющих аффиксальных соответствий (V тип). Например: *испытать / испытывать неловкость* (потрясение...); *проявить / проявлять мужество* (героизм, смелость, изобретательность...); *выразить / выразить уверенность* (недовольство, удовлетворение...); *произвести / производить фурор* (сенсацию...). Промежуточное положение в рассматриваемой системе занимают случаи активного взаимодействия производных аффиксации и деривационного анализа (I, II, III, IV типы). Деривационные сочетания не только эксплицируют семантику производного аффиксации (*восторгаться – выразить восторг, услужить – оказать услугу(и)*), но и восполняют его морфологическую недостаточность (*выразить восторг, оказывать услуги*), являясь в последних случаях единственным способом транспозиции в другой грамматический класс. Будучи близкими к чистовидовым средствам организации вида, деривационные сочетания менее лексичны и ближе к грамматике, чем производные префиксации, реализующие те или иные частные семы аспектуальности. Ср.: *испытать состояние тоски и затосковать, потосковать, протосковать*.

Вместе с тем, являясь одним из способов организации видового противопоставления, деривационные сочетания реализуют вполне определенные семантические линии и обладают своей собственной парадигматикой. Об этом красноречиво свидетельствуют факты наличия целого ряда деривационных сочетаний – коммуникативных эквивалентов производному аффиксации. Например: *радоваться – испытывать* (чувствовать, проявлять, выражать) *радость*. Специфика аффиксации как способа словообразования находит свое отражение в том, что в семантической структуре производной единицы может быть «сконденсирован» целый «спектр» лексических значений. И в этом случае, благодаря различию самих деривационных слов, деривационные сочетания образуют парадигму единиц, способных эксплицировать и данные различия. Ср.: *унывать – приходить в уныние, печаливать – повергать в печаль, нежиться – предаваться неге* и т. п.

Одним из факторов, способствующих разворачиванию данных номинативных рядов, является наличие деривационной связи «глагол → отглагольное имя» (и шире – предикатное имя) [20, с. 56–67]. Наличие пар типа *опасаться → опасение, бояться → боязнь* обеспечивает дальнейшее деривационное развитие номинативных структур. И, напротив, утрата предикатного имени (ср.: ист. *сета → сетовать*, ист. *туга → тужить*), специфика его семантики (*жажда → жаждать, горе → горевать*) либо приводят к нарушению семантической составляющей номинативного ряда, либо вообще препятствуют его осуществлению как структуры, способной организовать и дифференцировать вполне определенные грамматические и семантические различия.

Обращение к номинативному ряду как способу манифестации глагольного вида позволит преодолеть известный «морфологизм» в делении глаголов на двувидовые, одновидовые и, несомненно, даст возможность выделить различные типы структурной организации глагольного вида на более высоком уровне языковой системы.

1.8. К теории номинативного ряда: словарь и текст

Общеизвестное утверждение о том, что язык представляет собой систему систем, свидетельствует о признании существования определенных связей и отношений между единицами разных уровней. Распределение «по уровням» в известном смысле – результат анализа, необходимость поиска наиболее адекватных форм описания языка как объекта. Морфемы традиционно рассматриваются в ряду морфем – единиц одного уровня, слова – в ряду слов, словосочетания – на синтаксическом уровне, включающем различные объединения синтаксически связанных единиц. И, безусловно, везде в подобных случаях можно говорить о некоторых подсистемах единиц одного уровня. Однако также известно, что существуют и факты «сближения» единиц разных уровней. Слова могут по статусу, функциональной роли напоминать морфемы, словосочетания по характеру передаваемой семантики сближаться со словами. По характеру представления значения мотивированные слова резко противопоставлены словам немотивированным, но по этому же признаку могут сближаться со словосочетаниями как дискретным способом экспликации соответствующих значений. Другими словами, помимо микросистем единиц одного уровня, в языке существуют и различные микросистемы межуровневого типа [68, с. 307–308].

Процесс создания новой единицы всегда был в центре внимания теории номинации. Учет «возможностей» средств разных уровней позволил определить специфику данного процесса как «выбор» одной из альтернативных единиц в пределах единого номинативного ряда [78]. Например: *стареть – становиться старым, болеть – быть больным* и т. п. В настоящее время уже применительно к глагольному классу единиц (а не только к субстантиву) определена структура номинативных рядов, состав и специфика его образующих форм, отношение последних к важнейшим словообразовательным процессам: транспозиции, модификации и мутации; изучены и описаны особенности взаимоотношений между такими важными для теории классического словообразования категориями, как словообразовательный тип, словообразовательная парадигма и понятием номинативный ряд как категорией, выходящей далеко за пределы отношений производности между родственными словами [62, с. 159]. Однако все это прежде всего касается системы языка в статике, словаря

или, в крайнем случае, той степени коммуникативной эквивалентности между производными аффиксации и деривационного аналитизма, которую можно предположить, опираясь на словарные дефиниции и просто на здравый смысл. Так, совершенно ясна, например, эквивалентность типа: *асфальтировать – покрывать асфальтом* (Дороги *асфальтируют /покрывают асфальтом*), *стареть – становиться старым* (И деревья *стареют /становятся старыми*) и т. п. Поэтому состав и структура номинативных рядов как функциональных объединений родственных единиц **могут быть определены на основании словарных данных**. Анализируя последние, можно получить значительную информацию о семантической структуре производных единиц, о «возможностях» словообразовательной системы.

Исследование текста позволяет увидеть факты, отсутствующие в словаре и одновременно представляющие безусловную реальность языка. Существует несколько причин, по которым регулярная деривационная модель (например, *становиться каким*) зачастую присутствует в языке не в форме производного слова, а в виде деривационного сочетания. Так, сложения и структуры, уже осложненные морфемами, исчерпали собственно словообразовательные возможности для выражения значения ‘становиться каким’ и в тексте реализуют потенциальные возможности деривационного аналитизма. Например: Да какой тут способ, – *становясь словоохотливым* после водки, объяснил Шариков, – дело нехитрое (М. А. Булгаков). Люди, принявшие их в себя, *становились* тотчас же *бесноватыми* и *сумасшедшими* (Ф. М. Достоевский). В зимнее время по глубокому снегу она *становилась непроходимой* для противника, плохо снабженного лыжами (Б. Пастернак).

Ограничения могут быть и семантическими. К примеру, относительные прилагательные (в отличие от качественных) обычно не выступают в качестве производящих единиц для глаголов на *-еть*. Однако проекция и этих признаков в глагол возможна, и это доказывают примеры из текстов: Когда дул ветер, леса внезапно меняли темный цвет и *становились* точно *ртутными* (К. Г. Паустовский). Это недоступно высокое небо наклонилось низко-низко к ним в детскую, макушкой в нянюшкин подол, когда няня рассказывала что-нибудь божественное, и *становилось* близким и *ручным*, как верхушки орешника, когда его ветки нагибают в оврагах и обирают орехи (Б. Пастернак). Вторичная «качественность», возникающая в подобных случаях, реализуется в составе дискретных структур, «снимающих» ограничения, идущие от системы словообразования.

Возможности деривационного аналитизма. Когда в теории словообразования констатируется факт образования глагола на *-еть* от качественных имен прилагательных, то обычно не придается большого значения тому факту, что в качестве производящей единицы может выступить не исходная форма прилагательного, а другая его форма, например форма степени сравнения. Хотя в словаре данная информация, как правило,

представлена. Ср.: *умнеть – становиться умным* (1), *становиться умнее* (2); *суроветь – становиться суровым* (1), *становиться более суровым* (2). Естественно, есть примеры и двухкомпонентных номинативных рядов, состоящих всего из двух форм. Ср.: *червиветь – становиться червивым* (1); *здороветь – становиться здоровее* (2), *дорожать – становиться дороже* (2).

А что же дает текст? Текст позволяет увидеть, как на практике «расширяется» не только семантическое, но и грамматическое (!) пространство двух деривационных классов – производящего (имени прилагательного) и производного (глагола). Ср.: И голова моя *становилась легкой* от утомления, и Пилат летел к концу (М. А. Булгаков). Но ему с каждым шагом *становилось легче*; выдуманная им ночью ошибка было такое отдаленное будущее (И. А. Гончаров). Невиданный этот пожар вечера *становился* с каждым мгновением *резче, грубее*. Все *становится более выпуклым* и весомым. Чем дальше по времени был умерший человек, тем он *становился более живым* и, в конце концов, делался действительно бессмертным (К. Г. Паустовский).

Модель «становиться каким» способна «опираться» не только на исходную форму прилагательного, но и на формы степеней сравнения, краткую (!) форму. Ср.: Они просто не знали, что сплошь и рядом слово, чем дальше, тем *становится грозней*. Вагон трамвая *становился похожим* на измызанное общежитие, где переругиваются случайные жильцы-пассажиры (К. Г. Паустовский). Но Юру успело поразить, как в некоторых неудобных, вздыбленных позах, под влиянием напряжения и усилий, женщина перестает быть тем, чем ее изображает скульптура, и *становится похожа* на обнаженного борца с шарообразными мускулами в коротких штанах для состязания (Б. Пастернак). Особенности дискретной структуры как таковой дают возможность «грамматике» прилагательного как производящего класса быть представленной в тексте более дифференцированно, нежели в словаре!

Знание, к примеру, морфологии и словаря позволяет увидеть, что синтетические формы сравнительной степени имени прилагательного коррелируют с аналитическими формами, включающими в свой состав слово *более*. Например: *суровее – более суровый*, *умнее – более умный*, *тяжелее – более тяжелый*. И, напротив, отсутствуют какие бы то ни было корреляции аналитическим формам со словом *менее*. Ср.: *менее суровый* – ∅, *менее тяжелый* – !∅, *менее прочный* – ∅. При словарной интерпретации глаголов, образованных от имен прилагательных, зачастую обнаруживаются факты следующего рода: *мельчать* 1. ‘Становиться мелким, более мелким’. 2. ‘Становиться менее глубоким’. В поле зрения дериватолога фактически оказываются два различных номинативных ряда, связанных отношениями синонимии. Первый, состоящий из трех единиц: *мельчать* (1) – *становиться мелким* (2), *становиться более мелким* (3), и второй, представленный лишь одной аналитической формой: ∅ – *становиться*

менее глубоким (3). Сочетание *становиться более глубоким*, равно как и *становиться глубже*, обнаруживая деривационную связь с формой *становиться менее глубоким*, естественно, отличаются от нее по семантике. Вместе с тем, следует особо отметить регулярность и коммуникативную значимость неполных номинативных рядов с аналитической конструкцией, включающей слово *менее*. Ср.: к глаголу *слабеть* в 4-м знач.: *становиться менее тугим* – ◊, *становиться менее натянутым* – ◊ [67, с. 224–225]. И ничто не мешает нам признать вполне естественным контекст типа: *Их отношения становились менее натянутыми* в качестве единственного способа представить аналитически такое значение степени сравнения прилагательного, которому в системе аффиксации не нашлось места.

Современные исследования, основанные на принципах функционализма, показывают, что деривация как процесс порождения родственных единиц зависит и от существующего в системе языка межуровневого взаимодействия. Взаимодействие словообразовательной и синтаксической подсистем языка обнаруживает себя в том, что словообразовательные значения могут быть представлены дискретно, различными словосочетаниями, которые способны выступить в деривационной функции и заменить при необходимости соответствующие производные единицы. Уже сугубо словарная информация (корпус лексикографических дефиниций, их фрагментов) позволяет обратить внимание на: 1) реализованность/нереализованность тех или иных значений средствами словообразования; 2) типы деривационных словосочетаний, способных выразить данные значения; 3) позволяет установить функциональные соответствия и предварительно оценить «потенциал» аффиксации и деривационного аналитизма, сопоставить их возможности по представлению определенных групп значений. Однако полную картину можно получить, лишь выявив закономерности взаимодействия аналитизма и синтетизма в коммуникативной системе языка, в частности в тексте. В этом случае может быть представлена полная модель интегративного описания всей совокупности деривационных фактов, к примеру, в системе глагольного слова. Причем проверка текстом покажет, где мы имеем дело с метаязыком описания значений, а где – с реалиями самого языка, просто «перекочевавшими» в словарь. Прежде всего мы имеем в виду случай, при котором словарь метаязыка *совпадает со словарем языка-объекта*, а именно: *метаязык толкований (дефиниций)* в традиционных толковых словарях, формулируемых на том же языке, значения слов которого описываются, без наложения каких-либо ограничений на словарный состав толкований. По нашему мнению, и в традиционных толковых словарях в составе дефиниций к производным глаголам содержится немало точных в функциональном плане соответствий (словосочетаний), которые не могут не обратить на себя внимания. Следует также сказать, что и в Русской грамматике производным глаголам при интерпретации их словообразовательных значений во многих случаях приводятся именно функционально значимые соответствия.

На значительных по объему текстах можно выявить и систематизировать все случаи употребления словосочетаний как средств заполнения различного рода «лакун» в словообразовательной системе. К последним можно также относить все случаи грамматических, лексических и стилистических несоответствий между, например, префиксальными глаголами и соответствующими им словосочетаниями. К примеру, одновидовому глаголу *бунтовать* соответствуют словосочетания *производить бунт* и *участвовать в бунте* в 1-м значении, и *подстрекать к бунту* – во 2-м. Лишь первое словосочетание (*производить бунт*) способно восполнить «морфологическую недостаточность» одновидового глагола (ср.: *произвести бунт*), что, безусловно, подтверждается фактами из текста. Например: Крестьяне н-ской губернии хотели *бунт произвести*.

Многозначность глагола может определять границы возможной корреляции со словосочетанием в деривационной функции. Рассмотрим глагол *приветствовать* (несов. и сов.): 1. ‘Обращаться с приветствием к кому-нибудь’. 2. ‘Выражать одобрение чему-нибудь, полное согласие осуществить что-нибудь’. 3. У военных: ‘Прикладывать (приложить) руку к головному убору в знак приветствия’. Ср. также < Разг. Слова приветствия при встрече [101, т. 11, с. 370]. Например: В середине ужина бывало слышно, как в прихожей с грохотом снимали кожаные калоши и бархатный голос произносил: «Приветствую тебя, великий Могол!» (А. Н. Толстой). Очевидно, что лишь в 1-м значении словосочетание в деривационной функции способно коррелировать с глаголом (при необходимых трансформациях). Например: «Здравствуйте, здравствуйте! – воркующее *приветствовал* их Лопарев (ср.: *обратился с приветствием к ним*)» (В. Ф. Тендряков). Во 2-м значении (‘выражать одобрение’) и тем более в 3-м это невозможно. Ср.: Кто любит свой народ, тот поймет радость, с какою *приветствуем* мы в литературе всякое порядочное явление, имеющее прямое отношение к народной жизни (Н. А. Добролюбов).

Учитывая то обстоятельство, что некоторые факты из текста могут стать очевидными лишь при сопоставлении с корпусом уже отмеченных словосочетаний – деривационных соответствий производным глаголам (причем словосочетаний, различных по степени регулярности), общая направленность исследования в этом случае может выглядеть следующим образом. Все типовые и просто встретившиеся словосочетания по ядерным компонентам «закладываются» в базу поиска в значительных по массиву текстах. Даже если принимать во внимание некоторую случайность каких-то изначально полученных словосочетаний, то основная масса более менее регулярных конструкций уже с иными (да и с теми же!) именными компонентами может явиться хорошим подспорьем для выявления значений, представленных лишь в развернутом виде и отсутствующих на словообразовательном уровне. Не говоря уже о том, что работа на тексте может подтвердить деривационный статус тех или иных конструкций, уже выделенных ранее.

Существенно, что результатом подобной работы может явиться описание типов словосочетаний с учетом изначально заданной системы значений, что полностью соответствует «общей программе создания исчерпывающего описания словообразовательных возможностей русского языка с учетом синонимических и квазисинонимических возможностей средств других уровней и идее создания словообразовательного словаря для активных речевых действий» [48, с. 382]. По нашему мнению, одной из «составляющих» подобной работы должно стать создание базы данных, представляющей собой примеры реального функционирования деривационных сочетаний различной семантики в тексте. В результате такого исследования будут выявлены все типы словосочетаний с различными именными компонентами, что, безусловно, послужит богатейшим материалом для фиксации смыслов, представленных лишь в развернутом виде и отсутствующих на словообразовательном уровне.

В русской речевой действительности, в частности, в языке художественной литературы можно найти немало примеров функционирования глагольных деривационных сочетаний как единиц, способных представить значения, не получившие в языке однословного означающего, и, в силу этого, отсутствующие в известных грамматиках и словарях. Поэтому назрела необходимость в таком комплексном исследовании, которое было бы направлено на выявление и описание коммуникативных свойств подобных единиц, определение их места в коммуникативной системе языка, в условиях реального речевого контекста. Это позволит получить представление о процессе реального коммуникативного взаимодействия деривационных единиц разных уровней, послужит делу создания базы данных для «Словаря глагольных деривационных сочетаний».

Выявление закономерностей взаимодействия родственных единиц различной структуры (производных глаголов и коррелятивных им словосочетаний) в составе речевых микросистем (в тексте) потребует решения следующих конкретных задач:

- описание и систематизация номинативных рядов глагола как речевых микросистем;
- выявление характерных случаев использования в речи деривационных сочетаний как дискретных соответствий производным глаголам различной семантики;
- лингвистическая интерпретация фактов безэквивалентного деривационного аналитизма в текстах художественной литературы;
- определение «границ» речевого поля «невзаимодействия» производных глаголов различных семантических классов и деривационных сочетаний с учетом структурных, семантических и стилистических различий;
- создание базы данных к «Словарю глагольных деривационных сочетаний»;
- установление и описание различных типов взаимодействия производных глаголов и деривационных сочетаний в языке и речи.

Результаты подобного исследования могут оказаться «многовекторными» в том смысле, что могут быть использованы для создания «Словаря глагольных деривационных сочетаний» с изначально заданной системой словообразовательных значений, аналогов которому на данный момент не существует. Они также могут послужить основой для создания сопоставительной модели описания деривационных подсистем глагола в славянских и неславянских языках и, естественно, для создания сопоставительной деривационной грамматики славянских и неславянских языков, а также для создания деривационной грамматики речевого употребления. И, безусловно, подобные результаты могут быть учтены в лексикографической практике и оказаться полезными для исследования комплексных деривационных единиц в любом славянском языке.

1.9. Словосочетания в деривационной функции и текст

Деривация как процесс порождения родственных единиц зависит и от существующего в системе языка межуровневого взаимодействия. В этом, в частности, нас убеждают следующие факты: из 5115 глаголов, представляющих различные словообразовательные значения, 3623 в той или иной мере коррелируют со словосочетаниями, включающими в свой состав родственное слово. Взаимодействие разноуровневых подсистем языка обнаруживает себя, в частности, в регулярной манифестации целого комплекса словообразовательных значений различными словосочетаниями, которые при необходимости могут заменить соответствующие производные глаголы. Например: *сглупить* – сказать глупость, *переписать* – написать еще раз.

Обращая внимание на реализованность тех или иных значений средствами словообразования, на типы деривационных словосочетаний, способных выразить данные значения, увидеть зоны «пересечения» и «непересечения». Рассмотрим данное положение на примере глаголов, представляющих словообразовательное значение ‘вторичное, повторное действие’. К ним в основном относятся номинации с префиксом *пере-*: *переделать*, *переаттестовать*, *перепланировать*, *пересеять*, *перечитать*. Безусловно, в данном случае возможна дифференциация двух значений. Ср.: «32) еще раз (*переписать* ‘написать еще раз’; 33) еще раз с целью изменения первичного результата (*переписать* ‘написать еще раз в ином виде’)» [91, с. 176].

Судя по данным толковых словарей, семантика ‘вторичного, повторного действия’, свойственная префиксу *пере-* в составе рассматриваемых глаголов, легко эксплицируется ограниченным числом наречных компонентов в составе словосочетаний в деривационной функции. Ср.: *переоборудовать* – оборудовать заново, *переконструировать* – сконструировать

ровать заново; **переделать** – сделать **снова**. Причем семантическое приращение может быть более сложным и по структуре, и по комбинации передаваемых значений. Ср.: *переаттестовать* – *аттестовать снова и иначе*, *переналадить* – *наладить заново и иначе*, *переориентировать* – *ориентировать заново и иначе*. Комплексный деривационный компонент *заново и иначе* с удивительной последовательностью находит отражение в словарных дефинициях глаголов указанной семантики с префиксом *пере*. Безусловно, следует исключить из рассмотрения возможность использования словосочетания с данным, сложным деривационным компонентом (в тексте подобное маловероятно), однако вполне возможно избирательное (в зависимости от контекста и необходимого значения) соответствие производного глагола одному из двух возможных дискретных соответствий. Например: *переналадить* – *наладить заново* (а), *наладить иначе* (б), *перучить* – *научить заново* (а), *перучить* – *научить по-иному* (б).

Целому ряду глаголов можно привести в соответствие синонимичные словосочетания с различными деривационными компонентами. Ср.: *пересеять* ‘посеять заново, еще раз’, *перевозвооружить* ‘вооружить заново, по-иному’, *переквалифицировать* ‘квалифицировать иначе, по-другому’. Очевидна, к примеру, взаимозаменяемость компонентов *заново* и *еще раз* в словосочетаниях *посеять заново* и *посеять еще раз* (*пересеять*). Для нас очевиден и их «общий статус» – *деривационных показателей* тех семантических приращений, которые и появляются благодаря взаимодействию семантики присоединяемых морфем и лексических значений мотивирующих основ. Теперь перейдем к тексту.

В тексте префиксальные производные и их аналитические корреляты могут быть представлены в различных формах, что, в конечном счете, сказывается на общем количестве несоответствий в грамматическом, стилистическом плане составляющих тот или иной номинативный ряд единиц. Ср.: Он *позвонил еще раз* и еще раз и начал ворчать и тихонько ругаться. Известен глагол *перезвонить* в значении ‘Звонить заново, еще раз’ [101, т. 9, с. 615]. Например: – Не поленись, скажи «слушаю», а сам *перезвони* (А. А. Первенцев). И далеко не всегда возможна коммуникативно релевантная замена. Ср.: Он *перезвонил /и еще раз/* и начал ворчать и тихонько ругаться.

Любопытно, но внешне коррелятивные известным префиксальным глаголам словосочетания встречаются достаточно редко. Ср.: Его занимала другая интересная и соблазнительная мысль – *проверить* на этом человечке *еще раз* проклятую квартиру. Причем и здесь далеко не всегда можно говорить о возможности коммуникативной взаимозамены. Сравните глагол *перепроверить*.

В подавляющем числе случаев значение ‘действие, совершенное повторно’ получает аналитическое выражение от основ, либо 1) осложненных иными префиксами (и поэтому не могущих присоединить префикс *пере-*), либо 2) входящих в единую словообразовательную парадиг-

му с глаголом, включающим в свой состав данный префикс, но в иных значениях. Например: 1. Разрыть могилу, чтобы *еще раз увидеть* ее лицо и поцеловать глаза? Но на 16-й станции мне пришлось *еще раз своровать*, на этот раз не дрова, а самые обыкновенные помидоры. Слабую надежду на то, что Кларисса *еще раз сжалится* над девочкой и даст немного овощей, пришлось отбросить. На утро Гузар *снова помчался* по кибиткам, а к вечеру следующего дня первые медлительные верблюды, навьюченные кошмами, гнугыми палками и детьми, торжественно прошли по бесплодным берегам в сторону Ала-Тепе (К. Г. Паустовский). И *вновь он услышал* голос: – истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти (М. А. Булгаков). Она *вновь забылась*, но это последнее забытие продолжалось недолго (Ф. М. Достоевский). 2. Но до этого я успел *еще раз побывать* в яру. Он тщательно вытирал их рукавом рясы и говорил: – Сподобил господь *еще раз* перед кончиной *попить* чайку с сахарком. Он *снова зашагал* по комнате. Дыры в бортах заливали цементом, но вода тотчас же *проедала их снова*. Этих слов Маргарита не вынесла и *заплакала вновь*. Но Гелла и Наташа, утешая ее, опять повлекли ее под кровавый душ, опять размяли ее тело, и Маргарита *вновь ожила* (М. А. Булгаков). Все в мире смешалось, и человек, впервые после многих лет покоя, *вновь почувствовал* свою беспомощность перед злой волей другого человека. Вспоминая, я старался все это *увидеть* как бы *вновь* (К. Г. Паустовский).

Среди деривационных компонентов, способных маркировать данное значение (или значения), помимо *еще раз* и *снова*, возможны слова *иначе*, *заново*, *вновь*, *по-другому*, *по-иному*. Безусловно, если брать все производящие основы, то возможная их проекция на данное значение может иметь какие-то ограничения. Это можно установить, рассуждая на предмет того, **что невозможно сделать** *вновь*, *еще раз*, *иначе*. Однако, рассматривая реальные случаи словоупотребления глаголов с различными деривационными маркерами ‘действия, совершенного повторно’, невольно вспоминаешь А. М. Пешковского, который говорил о предлогах, как об «оторвавшихся от слов и распространившихся по поверхности языка аффиксах».

Всегда актуальными представляются вопросы, связанные с разграничением слов и неслов. Слов как полнозначных единиц, облеченных смыслом, и «кусочков материи», тяготеющих к функциональной роли простого «строевого» компонента, своеобразной «переменной» при другом, самостоятельном слове. В этом отношении заслуживает внимания лексема *иначе*. Хотя в словаре указывается, что перед нами может быть либо наречие, либо союз [101, т. 5, с. 324–325], анализ контекстов употребления показал, что в подавляющем числе случаев мы имеем дело со служебной частью речи – союзом. Например: Надо хорошо изучить местность, *иначе заблудишься* (М. М. Пришвин). И лишь в редких случаях слово *иначе* функционирует как наречие при глаголах с указанием на ‘дей-

ствие, которое может происходить иначе, по-другому'. Ср.: Теперь я *думаю иначе*. Вы не могли *решить иначе* (К. Г. Паустовский). Контрамарочки, например, его *иначе не называли*, как отец-благодетель (М. А. Булгаков). Но особенности подобного употребления данного слова заключаются в его фактической эквивалентности префиксу *пере-*. Другими словами, следует сказать, что степень лексичности данного компонента мало чем отличается от степени лексичности аффикса!

В свое время Ю. Д. Апресян, говоря о лексических параметрах, рассматривал наиболее яркие, очевидные (например, параметры с фазисным значением, параметр 'очень высокая степень') [5, с. 43]. Нам представляется, что в коммуникативной системе языка, во-первых, значительна роль более дробных в лексико-деривационном плане компонентов, способных выступить в роли организаторов нового значения, аналогичного словообразовательному, от самых различных по степени префиксальной сложности основ. Например: *еще раз увидеть* – ◌, *еще раз побывать* – ◌, *еще раз крикнул* – ◌, *простите мне еще раз* – ◌, *прочтите еще раз* – ◌, *снова зашагал* – ◌, *снова надвинула* – ◌, *снова выстрелил в воздух* – ◌, *снова помчался* – ◌. И, во-вторых, именно в тексте обнаруживаются интересные случаи взаимодействия синтетического и аналитического способов представления не только какого-то определенного или изначально заданного целью исследования значения, но целого ряда различных значений. Ср.: Я *несколько иначе* стал *смотреть* на этот заколоченный дом. Нужно было *перевязать всех заново*. Получив от этого некоторое облегчение, он отходил и *вновь начинал мерить* взад и вперед пыльную дорогу, ведущую на вершину.

В традиции словообразовательных описаний рассмотрение единиц, уже образованных. Например, согласно АГ-70, префикс *пере-*, присоединяясь к глагольным основам (естественно, различным), дает 10 словообразовательных значений [24, с. 265–267]. И значение 'действие, совершенное повторно' прежде всего ассоциируется с приставкой *пере-*. Совершенно очевидно, что многозначная приставка *пере-* «не справляется» с последовательной дифференциацией значений, определенных для нее системой словообразования. Даже с учетом всех возможных в подобных случаях семантических ограничений. Мы можем объяснить, почему семантика определенной основы, взаимодействуя с семантикой префикса *пере-*, дает то или иное значение и, вероятно, не может дать какие-то другие из «семантического арсенала» префикса *пере-* в принципе. Но если семантика какой-то части основ никак не препятствует (!) выражению словообразовательного значения 'действие, совершенное повторно' и, более того, мы имеем совершенно очевидные примеры дискретного выражения данного значения от этих же основ в тексте, то этот факт, по нашему мнению, заслуживает внимания именно в функциональном плане. Тем более это существенно, если принять во внимание то обстоятельство, что в тексте далеко не всегда есть примеры аналитического выраже-

ния данного значения, если уже существует глагол с префиксом *пере-*. И, с другой стороны, в подавляющем числе случаев дискретное выражение словообразовательной семантики касается тех основ, которые не в состоянии посредством имеющейся модели (с префиксом *пере-*) представить указанное значение. Любопытно также, что из более чем 2000 контекстов с префиксом *пере-*, встретившихся в нашем материале, примеры с глаголами в данном значении оказались единичными.

Лексичность словообразовательного значения 'действие, совершенное повторно' естественным образом эксплицируется с помощью деривационных компонентов *снова, вновь, заново, еще раз*, которые, как уже было отмечено, «не зависят» от степени морфемной сложности сочетающихся с ними глаголов. Известно, что в большинстве случаев дискретным соответствием префиксального глагола является словосочетание, в состав которого входит родственная данному глаголу единица с другим префиксом. Поэтому актуальным представляется рассмотрение глаголов со значением 'действие, совершенное повторно' с учетом тех префиксальных словообразовательных парадигм, членами которых они являются. Совершенно, например, очевидно, что есть глаголы с «нулевой» префиксальной парадигмой. Они не присоединяют к себе какие-либо префиксы и, следовательно, только аналитически способны выразить соответствующие «префиксальные» значения. Рассмотрим следующий пример: Сейчас шли к нему просто так, – поболтать, выпить вина и *еще раз ощутить* ночное своеобразие этих мест (К. Г. Паустовский). По данным *Словаря А. Н. Тихонова* [106, т. 1, с. 714], есть только один префиксальный производный глагол – устар. *предоощутить* (*предоощуцать*) 'заранее, наперед ощущать что-либо', соответствующее словообразовательному значению 'действие, совершенное заранее, предварительно'.

Отдельную группу составляют глаголы с достаточно разветвленной префиксальной парадигмой, в составе которой есть производные с префиксом *пере-*, но в ином (иных) значении. Например, глаголы *перевидать, перевидеть* известны в значении 'разг. увидеть, воспринять зрением все или многое, всех или многих' и относятся к дистрибутивному способу глагольного действия. Являются членами префиксальной парадигмы, включающей в свой состав другие родственные данным глаголы с префиксами *за-, на-..ся, невз-, недо-, по-, пред-, про-* и *у-*. Однако, как не сложно увидеть, данные глаголы не в состоянии выразить значение 'действие, совершенное повторно'.

Подводя итоги, следует сказать о том, что подобное интегративное описание ряда словообразовательных значений (возможно, и в сопоставительном плане), на наш взгляд, расширит представление о роли и взаимодействии различных по степени сложности деривационных средств системы языка.

1.10. ДЕРИВАЦИЯ И ТЕКСТ

Особенности текста как структуры накладывают отпечаток на существующие закономерности использования развернутых номинаций, например, номинаций действия. Текст, безусловно, не является простым объединением слов, словосочетаний и предложений. Это объединение структур более сложных, различных по протяженности синтагматических единств. Однако эти, обусловленные спецификой текста как структуры, объединения во многом зависят от свойств исходных единиц (составных компонентов), реализуют заложенные в них свойства, либо «компенсируют» отсутствующие свойства посредством использования структур иных, более сложных. И это явление характерно для многих русских префиксов.

Деривация как процесс создания новых единиц ориентирована не только на слова. Словообразование как фундамент деривационной системы есть прежде всего «компрессия», «сжатие», представление содержания максимально экономным способом. Однако именно этот путь («словной конденсации») и приводит к многозначности и нереализации всего потенциала производящей единицы. Особенности процесса словообразования сказываются, например, в том, что нередко производный префиксальный глагол не способен реализовать все значения производящего. Так, в предложении *В саду становилось пустынно и скучно, и снова начинал сеять дождь* (И. А. Бунин) обратим внимание уже на аналитическое представление словообразовательного значения ‘действие, совершенное повторно’ (ср.: *пересеять*). В словарной статье для производящего глагола *сеять* приводится 6 значений: 1. ‘Разбрасывать семена на подготовленную для посева землю’. 2. ‘Засевать (землю)’. 3. ‘*Перен.* Распространять среди людей (просвещение, идеи)’. 4. ‘Разбрасывать, распылять (мелкий снег, дождь)’. 5. ‘*Разг.* Просеивать’. 6. ‘*Перен. Простореч.* Вести сильный, непрерывный обстрел из пулеметов, автоматов’ [101, т. 13, с. 740–741]. Однако в производном от него глаголе *пересеять* реализуются далеко не все. Так, «за бортом» оказались переносные значения и 4-е значение ‘Разбрасывать, распылять (мелкий снег, дождь)’. Именно данным «семантическим ограничением» возможностей приставки *пере-* объясняется исключительно аналитическое выражение словообразовательного значения ‘действие, совершенное повторно’ в контексте «*и снова начинал сеять дождь*».

Одним из наиболее регулярных деривационных сочетаний, соответствующих различным по словообразовательной структуре производным глаголам, является словосочетание модели *покрываться чем*. Многозначный глагол *покрываться* далеко не во всех своих значениях способен выступить в деривационной функции. Так, см. 3-е значение ‘Оплачиваться, возмещаться чем-л.’: Военные расходы *покрывались* за счет налогов; 4-е значение ‘*Перен.* Иметь соответствие в чем-л., быть равноценным чему-л.’: Понятие *не покрывается* значением слова; 5-е значение ‘Заглу-

шаться чем-л., превосходящим по силе?: ...*покрывались* свистами (хотя ср.: *свистеть – издавать свист*).

Деривационная функция глагола *покрываться*, безусловно, связана с его 2-м значением, которое, к слову говоря, интерпретируется в словаре с помощью деривационной трансформации: '*Оказываться покрытым чем-л.*' [101, т. 10, с. 928–929]. Однако и в пределах данного значения реализация глагола *покрываться* в роли деривационного компонента зависит от конкретной сочетаемости с именами существительными. Среди объектов действия при данном глаголе могут выступать и имена отвлеченные, и имена конкретные. Ср.: *покрываться славой* (позором, стыдом) и *покрываться одеялом* (тучами). Существенно, что наличие коррелятивных связей с производными глаголами необязательно детерминировано неконкретным (отвлеченным) статусом имени, как иногда некоторые полагают [130]. Действительно, имена типа *слава, позор* и т. п. «рельефнее» проецируются на производные глаголы, которые, в свою очередь, «окружены» целым комплексом устойчивых словосочетаний в деривационной функции. Ср.: *славить, славиться; покрывать славой, пользоваться славой, приносить славу* и др. Причем, что также немаловажно, некоторые сочетания представляют в дискретном виде значения, неподвластные «технике» словообразования. Ср.: *приносить славу* – ◌, *пользоваться славой* – ◌.

В свою очередь, производные глаголы, как показывает их словообразовательная структура, могут представлять собой «сжатие» аналитических моделей «глагол покрываться + конкретное имя». Ср.: *растрескаться – покрыться трещинами, пятниться – покрываться пятнами, морициниться – покрываться морицинами*. Еще более частотны примеры глаголов, «созданных» на основе деривационных моделей с вещественными именами или именами, близкими им. Например: *запылиться – покрыться пылью, леденеть – покрываться льдом, ржаветь – покрываться ржавчиной*.

Говоря о функционировании деривационных сочетаний в тексте, следует отметить, в первую очередь, случаи, когда коррелятивные производные глаголы как возможные «результаты сжатия» соответствующих дискретных структур отсутствуют. Ср.: И тотчас полсцены *покрылось* персидскими *коврами*. Рука ее стала удлиняться, как резиновая, и *покрылась* трупной *зеленью*. Весна ударяла хмелем в голову неба, и оно мутилось от угара и *покрывалось* *облаками* (Б. Пастернак). Батулин закрыл глаза, лоб его *покрылся* *испариной* (К. Г. Паустовский). Руки *покрылись* *слизью* (К. Г. Паустовский). В подобных случаях речь идет об аналогичных, но неполных номинативных рядах: *покрыться коврами* – ◌, *покрыться трупной зеленью* – ◌, *покрыться шелком* – ◌, *покрыться облаками* – ◌, *покрыться испариной* – ◌, *покрыться слизью* – ◌.

Особого внимания заслуживают случаи такого аналитического представления данного деривационного значения, когда так или иначе «компенсируется» «семантическая недостаточность» производного глагола.

К примеру, имя существительное *снег* легко проецируется в глагольные основы, среди которых можно отметить и следующие: *оснежиться* 'Покрываться снегом', *заснежиться* 'Покрываться снегом', *оснежаться* 'Покрываться снегом'. Судя по примерам, приводимым в словарях, глаголы в основном употребляются в прямом значении и исключают какую-либо переносную семантику. Ср.: Лишь снег порхает – вечный, белый, Зимой он площадь *оснежит* (А. Блок); Когда *оснежаются* ели, И ставни стучат за окном... (А. А. Коринфский); Все вокруг побелело; *заснежились* сопки, жалкие травы и пни скрылись (В. Н. Ажаев). Нам же встретился контекст, где сочетание употреблено в переносном значении и вряд ли может коррелировать с соответствующим глаголом. Ср.: Да, нити, нити, на моих глазах *покрывается снегом голова*, ах, моя, моя много страдавшая голова (М. А. Булгаков).

Известно, что производная единица может оказаться значительно шире по семантике производящей (ср.: *орошать* ↑ *роса*), поэтому естественна в определенных контекстах актуализация словосочетания с исходным производящим, которое не коррелирует с соответствующим глаголом. Ср.: Растение *покрывается* мельчайшей *росой*. Имя существительное *роса* как производящая единица буквально «растворилось» в семантике производного глагола *орошать*, поэтому одна из исходных семантических линий «реализуется» посредством деривационного сочетания (*покрываться росой*).

Деривационный статус некоторых сочетаний косвенно подтверждается тем, что они зафиксированы в словарях как дискретные соответствия иным, имплицитно связанным с ними, глаголам. Ср.: *позеленеть* 'покрыться листвой' и в предложении Простреленные каштаны *покрылись* сочной *листвой* и расцвели почему-то особенно пышно. Показательно также, что имя существительное *листва* морфологически и семантически может иметь отношение к собственно словообразованию (ср.: *обезлиствить* – *лишить листвы*), что, безусловно, усиливает деривационный статус словосочетания *покрыться листвой*. Рассмотренный случай является достаточно распространенным.

Словосочетание модели «*покрываться чем*» может касаться иных семантических линий, нежели существующие в словообразовательной системе производные глаголы. Ср.: *покрываться каплями* – ∩ и *капать* '1) *падать* каплями; 2) *лить, наливать* каплями; // *проливать, ронять* капли' [101, т. 5, с. 767].

Одним из важнейших признаков деривационного сочетания является способность к замещению производной единицы в условиях реального процесса коммуникации, в тексте. Причем следует сразу отказаться от слишком прямолинейного понимания данной особенности деривационных сочетаний. В тех случаях, где отмечается безусловная семантическая эквивалентность словосочетаний и производных глаголов, зачастую возможна некоторая «корректировка» структуры предложения, обусловлен-

ная спецификой и «возможностями» структуры и семантики, в одном случае, словосочетания, в другом – производного глагола. Приведем сначала примеры вполне очевидной семантической эквивалентности и взаимозаменяемости: Рядом с нею с корнем вырвало дубовое дерево, и земля *покрылась трещинами /потрескалась, растрескалась/* до самой земли. Он отступил на шаг, и лицо его *покрылось бледностью /побледнело/*. Сделав несколько втираний, Маргарита глянула в зеркало и уронила коробочку прямо на стекло часов, от чего оно *покрылось трещинами* (М. А. Булгаков). Страницы, на которых развернуты были книги, *покрылись пылью /запылились/* и пожелтели (И. А. Гончаров).

Важно отметить, что примеры подобной взаимозаменяемости (эквивалентности без ущерба для общего смысла) достаточно редки. Так, в последнем примере мы сталкиваемся с обычным для большинства случаев сочетанием синтетического (*пожелтели*) и аналитического (*покрылись пылью*) способов представления глагольной семантики, при котором возможные трансформации практически не наблюдаются.

Зачастую, в силу различных, причем далеко не очевидных, причин нельзя просто заменить одну единицу на другую. К примеру, возможность установления коррелятивных связей между словосочетанием и глаголом в предложении *Лицо первосвященника **покрылось пятнами*** косвенно связана с наличием похожих контекстов. Ср.: Шея стала *пятниться*, как шкура пантеры (А. С. Шишков). Однако семантике совершенного вида соответствует глагол *запятнаться*, для которого характерны иные контексты. Ср.: Летом листья уже потемнели, перепутались и слегка *запятнались* (М. Е. Салтыков-Щедрин). Похожий пример: ... клоун тотчас умерал и *покрывался пылью* (К. Г. Паустовский). Семантика сочетания «требуется» глагола несовершенного вида, но не имеющегося в системе языка (*пылиться, пылится*), а скорее формы **запыливался*, которой просто нет.

Словосочетание как структура, состоящая из двух единиц, в большей степени зависит от морфологических и синтаксических свойств, которые могут «обнаружить и проявить» в тексте обе единицы. Одним из факторов, препятствующих установлению корреляционных отношений, является синтаксическое окружение именного компонента. Так в предложении *Зазубренные края жестянок **покрылись ржавчиной**, похожей на сухую кровь* наличие распространенного согласованного определения не позволяет осуществить вполне возможную замену на производный глагол. Ср.: *Зазубренные края жестянок **покрылись ржавчиной** (заржавели)*. Чаще всего структура деривационного сочетания модели «*покрываться чем*» «разрывается» одиночными определениями, что также нарушает возможные отношения корреляции. Ср.: Причальные тумбы *покрылись **такой слоеной ржавчиной***, что на них с трудом можно было прочесть литую надпись. Простреленные каштаны *покрылись **сочной** листвой* и расцвели почему-то особенно пышно. Черное море от Нового Афона до самых Очемчир *покрылось **бы розовой** пеной*. Лиза, увидев нас с попуга-

ем, вспыхнула, серое ее лицо *покрылось жарким румянцем*, и она неожиданно сделала маме реверанс. Но Торелли *покрылся обильным потом* и молчал. Они тут же обрастали образами, густо покрывались каплями выдумки, как растение *покрывается мельчайшей росой* (К. Г. Паустовский).

Возможен другой вид «осложнения» аналитической деривационной модели – дополнение в родительном падеже. Ср.: Временами от легкого ветра оно морщилось и *покрывалось разводами черни...* (ср. глагол *разводить* в 11-м знач.: ‘Выводить, рисовать (узоры, разводы)’ [101, т. 12, с. 201]. После полочки все *покрывалось оттисками липких денег* (ср.: *тиснить* ‘Выдавливать рельефные рисунки, узоры на чем-л.; подвергать тиснению’). Ср. также: Дома и мостовые *покрылись пленкой льда* и блестящие, как эмалированные (К. Г. Паустовский). Наличие подобного дополнения может кардинально изменить семантику ядерного словосочетания и сделать не соотносительным с известным глагольным деривационным окружением. Ср.: Они тут же обрастали образами, густо *покрывались каплями выдумки*, как растение покрывается мельчайшей росой (К. Г. Паустовский). В данном случае слово *выдумки* придает словосочетанию смысл, никак не соотносительный с дериватами глагола *капать*.

Заслуживает внимания и фиксация более сложных структур в синтаксисе, которые могут лежать в основе известных деривационных моделей. И этим, по нашему мнению, определяется перспектива подобных исследований. Так, в составе предложений обнаруживается немало сложных словосочетаний, семантическая структура которых соответствует производным словам. Ср.: имплицитное *покрываться влажным налетом* ко 2-му значению глагола *потеть* [101, т. 10, с. 1611] и реально зафиксированные в тексте: Совершенное изумление выразилось на лицах, а женщина *покрылась клюквенным налетом*. Когда черный от влаги паркет несколько подсох, все зеркала *покрылись баннным налетом* (ср. *запотели*) и звонки прекратились (М. А. Булгаков). К вечеру облака *покрылись слабым желтым налетом* (К. Г. Паустовский).

Таким образом, синтаксис «обогащает» и «усложняет» общий механизм деривации наименований действия посредством модели «*покрываться чем*». Поле «несоотносительности», безусловно, шире поля простой синонимии производных глаголов и деривационных сочетаний, что вполне естественно соответствует общим закономерностям коррелятивного взаимодействия единиц разных уровней в коммуникативной системе языка. Не простое дублирование и многообразие «компенсирующих» средств номинации, но использование «структурных преимуществ» дискретных единиц для создания более богатых в семантическом и грамматическом плане смыслов!

1.1.1. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПОЛЯ ВЕРБАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ. Фрагменты описания

Как известно, на определенном этапе развития теории словообразования большой интерес вызвало исследование закономерностей построения и внутреннего устройства различных комплексных единиц системы словообразования: словообразовательных цепочек, парадигм и других фрагментов словообразовательного гнезда [105]. Со временем было указано на возможность «выхода» за пределы синтетизма и рассмотрение не только производных слов, но и их аналитических соответствий [77]. В составе комплексных единиц системы словообразования данное направление исследований, безусловно, является перспективным, поскольку позволяет перейти от отношений, связывающих родственные слова, к отношениям, которые свидетельствуют о взаимодействии слов и родственных им словосочетаний [65, с. 27]. В этом случае речь может идти о таком «расширении» традиционных рамок анализа производной лексики, при котором затрагиваются целые подсистемы деривационно родственных единиц смежных уровней. Фактически от известного в теории описания словообразовательных полей [90] можно перейти к описанию полей деривационных, с включением тех родственных словосочетаний, которые «входят» в семантическое поле, «очерченное» аффиксацией [58].

Известно, что в любой системе все взаимосвязано и закономерности развития материальной структуры языка определяют деривационный потенциал тех или иных номинативных средств. Первичность в некотором смысле аффиксации, ее возможности по представлению необходимых для системы языка значений естественным образом могут компенсироваться иными средствами номинации. Так, анализ деривационного пространства русского глагола позволяет сделать ряд существенных выводов, касающихся специфики синтетической деривации как процесса. Во-первых, далеко не все существенные для грамматики глагола типы оппозиций могут найти морфемное выражение. Во-вторых, результаты аффиксации как синтеза морфем зачастую непредсказуемы. А именно: аффиксация подвержена сильнейшему давлению со стороны лексики, а также, как правило, стилистически отмечена (прежде всего это касается глагольных префиксов). Уже данные особенности синтетической деривации достаточны для того, чтобы осуществить взаимную проекцию глаголов данного языка и соответствующих им аналитических структур (в широком понимании) [57]. При этом следует принимать во внимание тот факт, что словосочетание может представлять, специфицировать различные грамматические (и неграмматические) «линии» глагольного слова; не говоря уже о том, что в ряде случаев оно может явиться единственным способом представления данной семантики.

Рассмотрим для иллюстрации ряд фрагментов различных деривационных полей глаголов с комплексом деривационно и семантически связанных с ними словосочетаний (деривационных, устойчивых и свободных).

Фрагмент 1. Ни у кого уже не вызывает сомнений тот факт, что далеко не все корневые морфемы могут быть транспонированы в глагол посредством простой аффиксации. Проекция в глагол посредством морфемы не способна охватить все «точки» грамматического и семантического пространства глагола, реализовать все возможные типы оппозиции. Так, глаголы *надеяться, нуждаться, ненавидеть* соотносимы с сочетаниями *иметь надежду, пребывать в нужде, испытывать ненависть* и представляют собой реализацию вполне определенных семантических линий. Учет других регулярных конструкций (*иметь ~, начинать ~, прекращать ~*) позволяет получить более полную картину взаимодействия (или не взаимодействия) аффиксации и аналитизма.

Как известно, в области глагольного словообразования большую роль играют префиксы. Поэтому, в известном смысле, глаголы можно классифицировать по их способности иметь «сильную» или «слабую» префиксальную парадигму (способность сочетаться с префиксами) [39, с. 82].

Так, если посмотреть на префиксальную парадигму глагола *скандалить*, то она состоит всего из 4-х префиксов (за-, на-, о-, по-). Глагол с префиксом за- маркирует «начало действия» (*заскандалить – начать скандалить*), глагол с префиксом по- «представляет» ограничительный способ глагольного действия (*поскандалить – скандалить некоторое время*), и лишь глагол с префиксом на- в какой-то мере соответствует по семантике сочетанию *сделать скандал*, правда, в более приближенном к условиям коммуникации лексически конкретном варианте. Ср.: *наскандалить – учинить скандал*. Глагол же с префиксом о-, как и его «возвратный оппонент» реализует значение, дискретная интерпретация которого не обнаруживает деривационного родства с именем *скандал*. Ср.: *оскандалить* ‘Поставить в неловкое, неприятное положение’, *оскандалиться* ‘Попасть в неловкое, неприятное положение’. Любопытно, что среди устойчивых сочетаний с именем *скандал* указаны также 4 единицы: *вызывать скандал, поднимать скандал, устраивать скандал, учинять скандал* [26, с. 223]. Правда, они вряд ли коррелируют со всеми указанными значениями префиксальных производных. И здесь может быть заложена более широкая основа сопоставления значительных по объему деривационных фрагментов вербальных номинаций, включающих в себя не только производные префиксации, но и различные типы деривационных и недеривационных сочетаний [48, с. 288]. Следует заметить, что сочетания с глаголом *сделать* в 3-м значении ‘Устроить, организовать’, а также в 4-м значении ‘Причинить что-либо’, несмотря на свой достаточно отвлеченный характер редко коррелируют с производными глаголами. Ср.: *сделать перерыв – прерваться*, но *сделать привал – ∅, сделать свадьбу – ∅, сделать вечеринку – ∅, сделать сцену – ∅, сделать скандал – ∅*. Хотя в после-

днем случае глагол имеется (*скандалить*), его значение (равно как и значение коррелятивных сочетаний) является «грамматическим оппонентом» сочетанию *сделать скандал*. Ср.: *устраивать (делая) скандалы – скандалить*.

Фрагмент 2. Рассмотрим более детально дискретные соответствия к глаголу *спланировать*. В Словаре устойчивых глагольно-именных сочетаний со словом *план* отмечается 16 (!) словосочетаний: *вынашивать планы, выполнять план, вырабатывать план, намечать план, нарушать план, осуществлять план, перестраивать планы, принимать план, проникать в планы, путать планы, разрабатывать план, разрушать планы, расстраивать планы, составлять план, срывать планы, строить планы*. В Словообразовательном словаре, помимо глагола *планировать* указано 6 префиксальных производных: *запланировать, напланировать, перепланировать, распланировать, спланировать* и *депланировать*. Приведем к последним их словарные дефиниции: *планировать* ‘Составлять план’; *запланировать* ‘Включить в план; Наметить по плану’; *напланировать* ‘Создать какое-либо количество планов и проектов’; *перепланировать* ‘Планировать заново; изменять план чего-либо’; *распланировать* ‘1. Наметить план. 2. Разметить, расположить по какому-либо плану’. Отсутствует дефиниция к глаголу *депланировать*, и о нем мы поговорим отдельно. Сейчас же хотелось бы обратить внимание на границы и объем того поля деривационно родственного окружения имени *план*, которое, собственно, и составляют приведенные выше производные префиксации и различные типы сочетаний. Если аффиксацию и аналитизм (в широком понимании: и деривационный, и лексический) представить как два различных «арсенала» средств проекции имени в глагол, то интересно сопоставить не только их номинативный потенциал (16/6), но и области *семантического пересечения* (совпадения) и *непересечения*. Так, очевидно, что глаголы *планировать, запланировать, распланировать, спланировать* вкуче со своими аналитическими соответствиями образуют своеобразное «ядро» данной номинативной области. Сюда же примкнул не указанные в словарных дефинициях, но присутствующие в списке устойчивых сочетаний конструкции *вырабатывать план, разрабатывать план* и сочетание с коннотативным вербализатором *вынашивать планы*. «Конструктивизм» сочетания *перестраивать планы*, вероятно, впишется в общее семантическое поле глагола *перепланировать – планировать заново, изменить план*. Но целому ряду сочетаний не найдется соответствий среди префиксальных производных. Ср.: *выполнять план – ∅, осуществлять план – ∅, принимать план – ∅, проникать в планы – ∅*. И это момент существенный. Не вдаваясь сейчас в обсуждение статуса данных сочетаний, отметим лишь, что в плане взаимодействия синтетизма и аналитизма и такие (!) конструкции могут соотноситься с цельнооформленными глаголами. Ср.: *наметить план – спланировать, запланировать и выполнить план – ∅*, но *наметить решение – ∅* и *выполнить решение –*

решить. С этой точки зрения любопытно положение в деривационной системе глагола области семантики, которую условно можно было бы назвать *деструктивной*. Так, целый ряд устойчивых сочетаний (и не только к имени *план*) несут на себе этот «отрицательный заряд». Ср.: *нарушать планы, путать планы, разрушать планы, расстраивать планы, срывать планы*. Единственный глагол, вероятно, в какой-то мере соответствующий данной семантике, – это глагол *депланировать*. Семантика префикса *де-* обычно обозначает ‘удаление, отмену, прекращение, устранение чего-либо или обратное действие’. Скорее всего, глагол *депланировать* по смыслу соответствует общей идее «нарушения планов» и не покрывает значений тех сочетаний, где подчеркивается «злая воля» какого-либо субъекта: *путать планы, расстраивать планы, срывать планы*. Таким образом, устойчивые сочетания могут представлять и такие типы значений, которые «не подвластны» аффиксации.

Фрагмент 3. Собственно аффиксная проекция в глагол имени *интрига* ограничена одновидовым глаголом *интриговать* в значении ‘вести интриги’: родственное окружение последнего составляют *заинтриговать* I ‘начать интриговать’ и *поинтриговать* ‘интриговать некоторое время’, представляющие инхоативный подтип начинательного СГД и ограниченный СГД, соответственно. Во втором значении глагол *интриговать* ‘возбуждать любопытство’ имеет пару по виду – *заинтриговать* II ‘возбудить любопытство’ с формой страдательного залога *заинтриговаться*, результатом вторичной имперфективации – *заинтриговываться*. Страдательная форма *заинтриговываться* характеризуется множественностью словообразовательной структуры слова: *заинтриговываться* I ↑ *заинтриговать*, *заинтриговываться* I ↑ *заинтриговываться*. В последнем случае реализуется оппозиция каузатив – декаузатив.

Аналитическим представлением данной семантики являются деривационно родственные конструкции *вести интриги, начать интриговать*, и также обнаруживающая имплицитную связь с глаголами *интриговать* аналитическая модель *возбуждать* (возбудить) *любопытство*. Расширением деривационного поля понятия *интрига*, безусловно, являются устойчивые глагольно-именные сочетания *плести интригу, заниматься интригами, строить интриги, разрушить интриги, прибегать к интриге, оставить интриги*. Некоторые из них способны «восполнить пробелы» в дифференциации глагольного пространства по способам глагольного действия. Так, конструкция *прибегать к интриге* служит для обозначения длительно-дистрибутивного процесса, сочетание *оставить интриги* – для выражения финитивности (ср. также *перестать интриговать*). Как нетрудно заметить, собственно аффиксная проекция в глагол в данном случае ограничена дифференциацией «грамматики» (вид, залог, два СГД), лексическая семантика имени *интрига* в известном смысле «прозрачна» и «не потребовала» каких-то «персональных» форм для отражения специфических (лексикализованных) смыслов. Однако совершен-

но ясно, что конструкции *плести интриги*, *строить интриги* и *разрушать интриги* дополняют деривационное поле анализируемого понятия, «высвечивая» семантические линии креативного и деструктивного типов, что существенно для определения специфики когнитивной семантики противоположности [82, с. 70].

Фрагмент 4. Аффиксальное представление в глаголе имени *грех* связано с имеющим пару по виду глаголом *грешить* (сов. *согрешить*) – ‘совершать грех’ в 1-м знач. Дифференциация по способам действия ограничена лишь глаголом *погрешить* 1. ‘Некоторое время грешить’. Помимо этого, в составе словообразовательного гнезда выделяются разг. *нагрешить* ‘наделать грехов’, словарная дефиниция которого соответствует накопительному способу глагольного действия, а также устаревшая форма *прегрешить* (с нсв. *прегрешать*) ‘совершать проступок, грех’. Семантическая структура глагола *грешить* включает в себя также 2-е значение ‘допускать ошибку’, коррелирующее с глаголом сов. *погрешить* ‘допустить ошибку’. Словарные дефиниции обнаруживают имплицитную связь с глаголом *грешить*, в отличие, например, от глагола *ошибиться* (ошибаться), который синонимичен рассматриваемой номинации в данном значении. Не имеющий же видového коррелята глагол *грешить* в оттенке значения || ‘иметь какой-л. недостаток, погрешность’ дает возможность перейти к рассмотрению аналитических конструкций, деривационно родственных данному глаголу и содержащих в своем составе исходное производящее имя.

Состав данных конструкций может варьироваться по разным источникам, но совершенно очевидно, что ряд из них имеют отношение к деривационной грамматике глагола. Помимо «ядерной» конструкции *совершить* (совершить) *грех*, заслуживает внимания сочетание *впасть в грех*, соответствующее ингрессивному подтипу начинательного способа глагольного действия, а также *начать грешить* – способу представления инхоативной начинательности. Устойчивые глагольно-именные сочетания *искупать грех* (*и*), *сваливать грехи* не включаются в деривационную систему глагола *грешить*, а относятся к области семантических способов номинации.

В заключение хотелось бы обратить внимание на комплекс нереализованных значений, связанных с непереходностью глагола *грешить*. В системе залоговых значений одним из наиболее регулярных является значение каузативности: *заставлять грешить*. Ср. в языке XVIII в.: *вести* (вводить) *в грех* – *впасть в грех*; \curvearrowright – *грешить*.

Фрагмент 5. Аффиксное поле представления в глаголе имени *жертва* состоит из пяти единиц (включая форму совершенного вида *пожертвовать* и страд. *жертвовать*). Одна из них – глагол *пережертвовать*, представляющий дистрибутивный способ глагольного действия (объектно-дистрибутивный подтип). Среди коммуникативных соответствий глагола *жертвовать* выступают сочетания *приносить в жертву* (экспли-

цитное указание на производящую единицу к 1-му знач. глагола) и *подвергать* <гибельной> *опасности* (имплицитная связь с глаголом во 2-м знач.). При этом первая конструкция образует конверсную оппозицию с сочетанием *принимать жертву*, вторая – оппозицию каузатив/декаузатив с деривационным сочетанием *подвергнуться опасности* (ср. в 1-м знач. противопоставление *жертвовать* ‘приносить в дар’ – *жертвоваться* ‘быть принесенным в дар’). Другие устойчивые глагольно-именные сочетания (*идти на жертвы*, *падать жертвой*) нерегулярны с точки зрения передачи деривационной семантики и относятся, скорее всего, к области лексики и фразеологии русского языка.

Фрагмент 6. Семантически компактную группу представляют глаголы *соврать*, *солгать*, *сбрехать*, *соstrить*, *съязвить*, *сдерзить*, *сгрубить*, *сбалагурить*, *скаламбурить*, *съябедничать*, *съяхидничать*, *соstrовенничать*, *снасмешничать*. Подавляющему большинству из них соответствуют словосочетания с глаголом *сказать*. Ср.: *сдерзить* – *сказать дерзость*, *сгрубить* – *сказать грубость*, *скаламбурить* – *сказать каламбур*. Другое дело, что далеко не все дискретные соответствия с глаголом *сказать* являются деривационно родственными данным глаголам. Об этом красноречиво свидетельствуют дефиниции следующих глаголов: *соврать* ‘Сказать неправду’, *сбрехать* ‘Сказать ложь, неправду’, *сбалагурить* ‘Сказать что-либо забавное, шутовское’. Правда, становятся очевидными в этой связи деривационный статус конструкций *сказать ложь* (ср. *солгать*) и *сказать неправду* – \cap (равно как и *сказать правду* – \cap).

Целый ряд глаголов соответствует более сложной, трехкомпонентной конструкции. Например: *съязвить* – *сказать что-либо язвительное*, *съяхидничать* – *сказать что-либо ехидное*, *снасмешничать* – *сказать что-либо насмешливое*. Учитывая, что ряд имен могут сами представлять известное «сжатие» более сложных и развернутых конструкций (ср. *что-либо глупое* – *глупость*), то естественно признать деривационный статус и этих трехкомпонентных конструкций у глаголов речи. Ср.: *сгрубить* – *сказать грубость (что-либо грубое)*. С той лишь существенной разницей, что у многих *именных дискретных структур* также может не быть однословных синтетических имен. Ср.: *что-либо глупое* – *глупость*, *что-либо язвительное* – \cap , *что-либо ехидное* – \cap . Поле «анализиума» существенно расширяется, если увидеть, что деривационно неродственные дискретные соответствия ряду глаголов также представляют собой аналитические структуры, деривационные сочетания рассматриваемого здесь типа. Ср.: *соstrить* и *сказать что-либо остроумное* – \cap (правда ср. *сказать какую-либо остроумность*), *сбалагурить* и *сказать что-либо шутовское* – \cap (ср. также *пошутить* – *сказать шутку*), *сказать что-либо забавное* – \cap .

Сочетания с глаголом *сказать* не приводятся в качестве примеров устойчивых глагольно-именных сочетаний, и это понятно. Тем не менее, если не со статусом деривационных, то лексически конкретизированных

они должны быть учтены, поскольку образуют достаточно регулярные сочетания как коммуникативные соответствия глаголам речи. Даже единичные, редкие случаи не должны остаться без внимания, поскольку характеризуют те или иные возможности словообразовательного синтеза. Так, в небольшой микрогруппе глаголов со значением 'исполнить что-нибудь' (*спеть, сыграть, плясать, станцевать*) отмечаются сочетания с глаголом *исполнить* в деривационной функции. Ср.: *плясать – исполнить пляску, станцевать – исполнить какой-либо танец*. При столь мизерном количестве самих глаголов может «высветиться» большая, чем кажется на первый взгляд, роль деривационных конструкций. И связано это может быть со спецификой самого имени. Так имя *танец* представляет собой родовое понятие, видовыми по отношению к которому являются различные названия танцев: *танго, фокстрот, румба, полька* и др. Естественно, что границы собственно аналитического представления действия существенно расширяются. Ср.: *свальсировать – исполнить вальс*, но *исполнить румбу – ∅, исполнить танго (фокстрот, польку) – ∅*.

Фрагмент 7. Рассмотрим фрагмент словообразовательного гнезда слова *ветер*. В русском языке существует 21 глагол с корнем *ветер-*: *ветреть* 'Становиться ветренным (о погоде)', *ветреть* 'Простореч. Сохнуть, просушиваться на ветру', *ветреть* 'Становиться ветренным', *выветреть* 'Просушиться, подвергаясь действию ветра', *выветреться* 'Измениться под действием ветра'; *обветреть* 'Стать сухим, огрубеть, потемнеть и т. п. под действием ветра'; *выветрить, выветривать* '1. Подвергать одежду, ковры и т. п. действию воздуха с целью просушки, устранения плесени; < Действием ветра устранять дурной запах, сырость; < Очистить, вымести ветром. 2. Действием ветра и др. атмосферных явлений разрушать что-либо (о горных породах)'; *выветриться, выветриваться* '1. Разрушаться, изменяться под влиянием ветра и др. атмосферных явлений. 2. Исчезать под действием ветра'; *обветрить, обветривать* '1. Подвергать действию ветра; вызывать высыхание, погрубение, потемнение кожи, поверхности от ветра. 2. Становиться обветренным'; *обветриться, обветриваться* '1. Подвергаться действию ветра. 2. Страд. к обветривать'; *проветрить, проветривать* '1. Очищать, освежать (какое-либо помещение) притоком свежего воздуха. 2. Разг. Давать возможность проветриться'; *проветриться, проветриваться* '1. Очищаться от плохого воздуха... 2. Пребывать на свежем воздухе, освежаться'; *попроветрить* 'Проветрить немного, несколько'; *разветриться, разветриваться* 'Простореч. 1. Становиться солнечным, проясняться при ветре. О погоде. 2. Безл. Делаться ветренным. О погоде' [101, т. 12, с. 179].

Заслуживает внимания и сопоставление с белорусским языком, в котором имеется 18 глаголов: *ветраць* 'Сохнуть на ветру', *ветрыць* 'Определять что-либо, приносиваясь к ветру', *выветраць* '1. Пазбавіцца вільгаці, высахнуць. 2. Тое, што і выветрыцца (у 1 знач.)'; *выветрываць, выветрыць* '1. Змяніць, разбурыць што-н. уздзеяннем ветру, кліматыч-

нымі ўмовамі. 2. Перан. Прымусяць забыць'; *выветрывацца, выветрыцца* '1. Змяніцца, разбурыцца пад уздзеяннем ветру і іншых кліматычных умоў. 2. Перан. Забыцца; знікнуць (пра пачуцці і пад.)'; *абветрываць, абветрыць* 'Пакінуць на паверхні чаго-н. сляды ўздзеяння (пра вецер). // Зрабіць цёмным, шурпатым, агрубелым (пра скуру на твары, руках, нагах)'; *абветрывацца, абветрыцца* '1. Ззнаць уздзеянне ветру. // Зрабіцца смуглым, шурпатым, агрубелым ад ветру (пра твар, рукі, ногі і пад.). 2. Абсохнуць на ветры)'; *праветрываць, праветрыць* '1. Асвяжыць прытокама свежага паветра. 2. Перан. Разм. Даць магчымасць праветрыцца'; *праветрывацца, праветрыцца* '1. Асвяжыцца прытокама свежага паветра; ачысціцца; прасушыцца. 2. Асвяжыцца, пабыць на свежым паветры. 3. Перан. Разм. Развяхацца, набрацца новых уражанняў' [108, т. 4, с. 307].

Кроме этого, в качестве эквивалента к русскому глаголу *обветреть* приводится, наряду с *абветраць* 'Тое, што і абветрыцца', беларускі глагол *абсівераць*; аналагічна: к глаголу *обветриться* – *абсіверацца*. Даныя адзінцы производны ад глагола *сівераць* 'Рабіцца шурпатым, асмуглым, грубець ад ветру, холаду (звычайна пра скуру на твары, руках і пад.)', дэрывацыйна восходзячага к слову *сівер* 'Разм. Халодны, паўночны пранізлівы вецер'.

Существенно, что префиксальные производные (от слова *ветер*) в русском языке *не синонимичны, представляют различные лексические значения*. Данную особенность в основном демонстрирует и беларускі язык. На фоне близкого родства важно отметить и некоторые различия. Среди беспрефиксальных глаголов в русском языке отсутствует морфемный эквивалент беларускому *ветрыць* 'Определять что-либо, приносиваясь к ветру', однако имеется два глагола (различающиеся ударением!) – *ветреть* 'Становиться ветренным (о погоде)' и *ветреть* 'Простореч. Сохнуть, просушиваться на ветру', лишь одному из которых есть однословный «визави» в беларуском языке: *ветраць* 'Сохнуть на ветру'. Любопытно, но в беларуском языке нет однословных эквивалентов (частично синонимичных в русском) глаголам *ветреть* 'Становиться ветренным (о погоде)' и *ветреть* 'Становиться ветренным'. Данные глаголы различаются количеством значений (в первом речь может идти только о погоде). В беларуском языке данные значения могут быть представлены лишь на несловообразовательном уровне: \cap – *станавіцца ветраным*.

Среди префиксальных производных в русском языке также есть единицы, которым отсутствуют однословные эквиваленты в беларуском. Сюда относится один представитель достаточно регулярной модели – *попроветрить* 'Проветрить немного, несколько', и глагол *разветриться*, *разветриваться* в весьма специфическом значении: 'Простореч. 1. Становиться солнечным, проясняться при ветре. О погоде' (сравните *аналогичный по специфике* и отсутствующий уже в русском глагол *ветрыць* 'Определять что-либо, приносиваясь к ветру'). Во втором значении глагол *разветриваться* '2. Безл. Делаться ветренным. О погоде' синонимичен

глаголу *ветреть* 'Становиться ветреным (о погоде)', которому, как уже было указано нет синтетического соответствия в белорусском. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что по отношению к однозначному существительному *ветер* ряд глаголов развивает многозначность.

Система номинативных рядов в данном случае выглядит следующим образом: 1) *ВетрЕть, ветренеть (о погоде), разветриваться (о погоде) – становится ветреным, делаться ветреным (о погоде)*. В значении, касающемся погоды, аффиксальная «составляющая» представлена тремя синонимичными глаголами, аналитическая «составляющая» – двумя синонимичными деривационными сочетаниями; 2) Префиксальные производные *совершенного вида* от глагола *ветреть* семантическую линию, касающуюся погоды, не поддерживают (!): *выветреть* 'Просушиться, подвергаясь действию ветра', *обветреть* 'Стать сухим, огрубеть, потемнеть и т. п. под действием ветра'. Поэтому в этой грамматической «составляющей» данный номинативный ряд «сокращает» количество единиц и имеет следующий вид: *разветриться (о погоде) – стать ветреным, сделаться ветреным (о погоде)*.

С другой стороны, вряд ли можно говорить о полном номинативном ряде применительно к первому и весьма специфическому значению глаголов *разветриться, разветриваться*: 'Простореч. 1. Становиться солнечным, проясняться при ветре. О погоде' (тем более это очевидно в отношении не менее специфичного белорусского глагола *ветрыць* 'Определять что-либо, принимаясь к ветру'). Сочетание *проясняться при ветре* является достаточно индивидуальным, нерегулярным и, безусловно, некоммуникативным эквивалентом глаголу *разветриваться*, чтобы его можно было квалифицировать как деривационное или лексически конкретизированное. Однако анализируемый глагол обнаруживает имплицитную связь с деривационным сочетанием *становиться солнечным*, не имеющим, в свою очередь, эксплицитного аффиксального эквивалента: *становиться солнечным* – ◊.

Таким образом, в сфере многозначных префиксальных глаголов лишь какая-то часть семантики может быть представлена в системе номинативных рядов, обнаруживающих эксплицитную связь с производным глаголом. Однако не исключены и имплицитно связанные объединения синонимичных единиц различной структуры, которые демонстрируют тесную связь словообразования, синтаксиса и лексических подсистем языка.

Если говорить о системе номинативных рядов в целом, то можно заметить отсутствие в большинстве случаев строго деривационных коммуникативных соответствий производным глаголам с корнем *ветер-*. Из состава словарных дефиниций (и из числа логически предполагаемых и вполне адекватных тем или иным речевым ситуациям) можно привести лишь некоторое количество сочетаний – «кандидатов» на эту роль: *сохнуть на ветру, просушиваться на ветру; очистить ветром, вымести ветром; подвергать действию ветра; становиться обветренным, под-*

вергаться действию ветра; давать возможность проветриться. Важнейшим признаком деривационного или лексически конкретизированного сочетания в отношении указанных словосочетаний является возможность употребления в тексте.

Примеры: Белье *сохнет (просушивается) на ветру* (простореч. *вЕт-реет*). Эти породы недолговечны, потому что постоянно *подвергаются действию ветра* и воды. Помещению необходимо *дать возможность проветриться* (Сравните: Помещению необходимо *проветрить*). Лицо *становится обветренным* (обветривается). Вряд ли найдутся контексты с сочетаниями *очистить ветром, вымести ветром*.

Любопытно, что словарь приводит сочетание *подвергаться действию ветра* как эквивалент глагола *обветриваться*, а глаголу *выветриваться* соответствует толкование '1. Разрушаться, изменяться под влиянием ветра и др. атмосферных явлений. 2. Исчезать под действием ветра'. Однако различия в лексической сочетаемости глаголов *выветриваться* (например, о горных породах) и *обветриваться* (например, о лице, губах) очевидны. Нельзя сказать вместо *губы обветриваются* – **губы подвергаются действию ветра*. Аналогично: можно *дать возможность проветриться* помещению, человеку, но не лицу. Другими словами, деривационное сочетание может характеризоваться такой же избирательностью в отношении лексической сочетаемости, стилистической принадлежности текста (контекста), что и производный глагол как единица лексической системы языка. Совершенно очевидно, к примеру, что деривационное сочетание *подвергаться действию ветра* «тяготеет» к официально-деловому стилю (сравните, в особенности, подобную принадлежность сочетания *подвергать действию ветра*).

Другой момент, касающийся приведенного предложения. В нем можно выделить аналогичное данному словосочетанию *подвергаются действию воды*, которому нет аффиксального соответствия.

Но следует помнить и о том, что в каких-то случаях последовательность *подвергаться действию чего-л.* может не являться деривационной, а сочетание *подвергать действию чего-л.* в целом ряде случаев. Сравните: **подвергать действию пилы* (топора и т. п.). Важнейшие критерии – взаимозаменяемость, коммуникативность. Важный вывод: не следует выделять деривационные соответствия чисто механистически, без учета лексической сочетаемости, возможных контекстов.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что по отношению к однозначному существительному *ветер* ряд глаголов развивает многозначность, в то время как глагольные лексемы – производные от многозначного прилагательного *хороший* – резко сужают количество возможных семантических «проекции» в глагол.

В исследовании необходимо учитывать различия в типах семантических структур глаголов по отношению к организации номинативных рядов: а) *проветрить, проветривать* '1. Очищать, освежать (какое-либо

помещение) притоком свежего воздуха. 2. Разг. *Давать возможность проветриться*; б) *выветриться, выветриваться* '1. Разрушаться, изменяться под влиянием ветра и др. атмосферных явлений. 2. Исчезать под действием ветра'; в) *обветрить, обветривать* '1. *Подвергать действию ветра*; вызывать высыхание, погрубение, потемнение кожи, поверхности от ветра. 2. *Становиться обветренным*'. В первом приближении можно говорить о том, что не вся семантика многозначного глагола, а лишь какая-то ее часть может обнаружить (и проявить!) связи с единицами иного уровня, что в языке получает реальную экспликацию в системе номинативных рядов. Причем, как уже указывалось, если подобные связи существуют, то следует учитывать не только эксплицитные, но и имплицитные отношения между единицами разных уровней.

Исследование потенциала «лексичности» и «грамматичности» префиксов в пределах различных глагольных гнезд позволяет увидеть место словосочетаний в общем семантическом поле, покрываемом аффиксацией, отметить случаи как «словообразовательной недостаточности», «избыточности», так и факты своеобразной доминанции лексико-derivационного аналитизма.

1.1.2. Лексическая синонимия в структурной и семантической организации номинативных рядов глагола

Системность языка может в большей степени обнаруживаться и проявлять себя не в пределах каких-то уровней, а в объединениях единиц разной структуры, причем в составе не деривационных цепочек и парадигм, гнезд, но в составе своеобразно переплетенных, синтезированных их фрагментов. Это нечто иное, нежели хорошо нам известное только потому, что вполне очевидно и вытекало из логики исследования: сначала слова, производные и непроизводные, затем их объединения в виде цепочек и парадигм, гнезд. Поэтому вполне возможно обращение не к отдельным словообразовательным категориям, словообразовательным парадигмам или даже к целым словообразовательным гнездам, а к некоторой совокупности деривационно связанных фактов – *комплексным деривационным фрагментам*, которые могут представлять фрагмент гнезда, парадигмы, цепочки или синтез этих единиц, каких-то их частей [72, с. 173–174].

В этой ситуации вполне возможен и такой «исследовательский путь», когда учитываются особенности гнезда не словообразовательного, а лексического, принимаются во внимание отношения синонимии и антонимии, которые могут также связывать производные номинации и деривационные сочетания, определяя и особенности их функционирования в тексте.

К примеру, анализ системы префиксальных производных глаголов – результатов деривации признака «мягкий» – свидетельствует о количе-

ственном неравенстве среди номинаций, представляющих модели «делать каким» и «становиться (делаться) каким». Существенно меньшим числом глаголов (*мягчить, смягчать, размягчить, умягчить*) обеспечивается реализация деривационной модели «делать мягким». Правда, при известной многозначности «ведущего» глагола *смягчать* (6 значений) этого оказывается вполне достаточно. Модель «становиться мягким» в той или иной степени представлена в 16-ти глаголах: *мякнуть, мягчить, помягчить, мягчиться, измягнуть, намягнуть, обмягнуть, отмякать, подмягнуть, промягнуть, смягчаться, поотмягнуть, пересмягнуть, умягнуть, размякать, размягчаться* [106].

Прежде всего «бросается в глаза» многообразие префиксального оформления данной модели, а также «широта» синонимических связей, характеризующих глагольные производные. И зачастую весьма сложно определить как причины подобного «варьирования формы», так и конкретные различия между производными с теми или иными префиксами.

В этой связи вызывает интерес *вопрос о синонимии и причинах словообразовательной «избыточности»*: наличие целой группы префиксальных производных для представления во многих отношениях общего деривационного значения. Так, просторечный глагол *умягнуть* в первом значении (‘стать мягким’) синонимичен глаголу *размягнуть*, а во втором (‘Перен. Приобрести мягкость’) – глаголу *смягчиться*. Причем, наряду с этой «внешней» *межпрефиксальной* синонимией, здесь наблюдается и синонимия «внутренняя»: просторечный глагол *умягнуть* практически тождественен по семантике глаголу *умягчиться*: *Умягчаться* 1. ‘Делаться мягким или более мягким; размягчаться’. 2. Перен. Разг. ‘Становиться более мягким, смягчаться под влиянием, воздействием кого-, чего-л.’. О характере, нраве человека. ... Как *умягчился* сам автор во всем тоне, во всем колорите своего описания! (В. В. Ермилов). 3. Страд. к *умягчать*. Сравните во 2-м знач.: *умягнуть* ‘2. Перен. Приобрести мягкость, смягчиться’. О характере, нраве человека. – Сперва-ть брательники больно сердитовали на тебя, – отвечал Матюшка, – а потом ничего, *умякли* тоже (Д. Н. Мамин-Сибиряк) [101, т. 16, с. 648]. Единственное различие (помимо стилистического), которое здесь можно усмотреть, заключается в том, что в глаголе *умягчиться* действие может быть маркировано как *результат* воздействия со стороны. Об этом свидетельствует и словарная дефиниция (‘Становиться более мягким... под влиянием, воздействием кого-, чего-л.’) и деривационная оппозиция *умягчить – умягчиться*. Для целого ряда глаголов, представляющих рассматриваемые деривационные фрагменты, характерно наличие подобной оппозиции. Сравните: *смягчать – смягчаться, мягчить – мягчиться, размягчать – размягчаться*. Однако заслуживают внимания и примеры «независимого» становления признака – глаголы *умягнуть, отмякать, обмякать, размякать, намякать, подмякать, смягчать*. Как несложно предположить, в большинстве случаев многозначность данных префиксальных производных включает в себе две основные «линии» – становление признака, имеющее отноше-

ние к предмету (1) и становление признака, имеющее отношение к лицу (2). Сравните: *обмякать* 1. 'Становиться мягким, размякать'. Картошка вся *обмякла*. 2. 'Становиться расслабленным, вялым, дряблым'. Сам дядя сильно постарел... *облез* и *обмяк*. Пальцы *обмякли* и обессилели. // 'Чувствовать душевную вялость, слабость или растроганность'. Вихляев как-то *обмяк* и стал ленивым и скучным (Ф. В. Гладков); *размякать* 1. 'Делаться совсем *мягким* (во 2-м знач.)'. Дорога *размякла* под вечер от сырости... Если хлынет ливень, глина *размякнет*, поползет вниз, начнет обваливаться глыбами (К. Г. Паустовский). 2. 'Утрачивать упругость, становиться *дряблым, вялым*'. О частях, членах тела. Внезапно, сразу, мышцы старика *размякли*. // Перен. 'Становиться *расслабленным, бессильным, вялым*'. О человеке. Собеседник мой окончательно *размяк*. *Размяк* старик под солнышком, сидит (А. С. Серафимович). 3. Перен. 'Приходить в состоянии душевной растроганности, становиться *кротким, добрым*'. Он не боялся ни Бога, ни черта, ни смерти, но жалко терялся и *размякал* от женских слез (К. Г. Паустовский). Уже подобные различия или *частичные нетождества* говорят в оправдание различного префиксального оформления модели «становиться (делаться) каким». Однако и другие производные глаголы дают не меньше оснований полагать, что «словообразовательная избыточность» зачастую оказывается «внешне» бросающимся в глаза явлением. Так, просторечный глагол *смякать* имеет существенное ограничение – употребляется только в 3-м лице. Сравните: *смякать* Простореч. 1. Только в 3-м лице. 'Становиться мягким от избытка влаги; размякать'. Гриб *смяк*. 2. Чаще сов. Перен. 'Утратить твердость, решительность; смягчиться'. Этого я не определяю, – сразу *смякла* Василиса (Г. Е. Николаева).

Глагол *подмякать*, судя по словарной дефиниции, никак не может касаться лица. Ср.: *подмякать* 'Делаться мягче от сырости, испарений'. Сухари *подмякли*. Аналогично: глагол *намякать* 'Становиться мягким от влаги, сырости; размякать'. Сухари *намякли*. Да и вызывает сомнение фиксация (без примера!) якобы существующего оттенка переносного значения у глагола *отмякать* Ср.: *отмякать* 'Становиться мягким, размякать от сырости, смачивания'. Печенье *отмякло* // Становиться расслабленным, вялым. О частях, членах тела. В обед выдали по чашке спирту, и от огненной влаги у Рошина прошла ломота, *отмякли* кости (А. Н. Толстой). // Перен. 'Становиться податливее, сговорчивее'; смягчаться.

Анализ семантических структур, основанных на синонимии, показал, что в составе номинативных рядов глагола приоритет эксплицитности деривационных связей может «уступать» свое место признакам регулярности и коммуникативности. Ср.: Он ... жалко терялся и *размякал* (*становился кротким, добрым*) от женских слез (К. Г. Паустовский). Есть связи собственно словообразовательные, «материального родства», но есть связи семантические, идущие от лексической синонимии. И коммуникативная взаимозаменяемость может быть обеспечена взаимодействием единиц различных уровней, одной особенностью которых (единиц) являйт-

ся *имплицитная* связь, материальное *неродство*. Если сочетание *становился добрым* коррелирует и с глаголом *добрел* (системно), и с глаголом *размякал* (по речевой ситуации), то сочетание *становился кротким*, не имея «системного» коррелята, может соотноситься в речи с глаголом, например *размякал*, или с каким-нибудь иным. Т. е. его коррелятивные возможности в любом случае будут основываться на имплицитных, собственных лексике, связях. Иного не дано системой языка! Но системой языка определен его статус как деривационного сочетания в силу регулярности самой модели «становиться каким».

Таким образом, многозначные имена прилагательные (особенно в части переносных значений) могут проецироваться в глагол такими подсистемами номинативных рядов, в составе которых регулярные модели деривационных сочетаний, испытывая сильнейшее давление со стороны лексики, особенностей ее системной организации, обнаруживают со своими коррелятами именно *имплицитные*, а не *эксплицитные* связи.

1.13. Семантика противоположности и деривация как процесс

Хорошо известно высказывание Ф. де Соссюра о том, что «весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых» [103, с. 141].

Имена прилагательные, как известно, могут обозначать признаки, которые максимально удалены друг от друга и дают разные имена соотносительным полярным признакам, т. е. могут являться антонимичными. Причем противоположным признается то, что «максимально отлично по признаку, положенному в основание сравнения» [81, с. 456].

В деривационном плане всегда был интересен вопрос, как подобные семантически различные единицы (антонимы) могут быть «переведены» в плоскость иной части речи, какие деривационные средства и в какой мере способны представить данное семантическое содержание (с учетом многозначности и всех возможных <зафиксированных в словарях> лексических сочетаемостей). Следует также помнить и о том, что есть особенности семантики *производной* части речи, которые также должны найти отражение в деривации как подсистеме языка. Рассмотрим хорошо известную оппозицию признаков «*твердый – мягкий*».

Семантическая структура прилагательного **твердый** состоит из 9 значений (вместе с оттенками – 19). Лишь 3 из них (по данным [101]) нашли отражение в производном глаголе **твердеть** (1. ‘Становиться твердым, *более твердым*’ (во 2-м. знач.). Под солнцем кожа **твердеет**, лицо стягивает, оно становится шершавым (Н. Ляшко). 2. Перен. ‘Становиться твердым, *более твердым*’ (в 4-м. знач.). Человек **твердеет** постепенно, мужаясь против непрерывных ударов рока, и под конец нет уже такого удара, который бы мог сокрушить его (В. Даль). 3. ‘Становиться твер-

дым, более твердым (в 7-м знач.)'. Когда ополчения вступали в московские слободы, шаг их **твердел**, веселел (С. Бородин). 4 – в глаголе **отвердевать**. 1. 'Становиться твердым, жестким; застывать при охлаждении' ... в этом месте мясо очень **отвердело**. // Перен. *Становиться неподвижным*, застывать в неподвижности. О чертах лица, членах тела. Сквозь слезы она увидела, как **отвердел** подбородок Жудовой и каменно застыли у переносицы густые брови (Е. Мальцев). 2. Перен. 'Становиться *бесчувственным, неотзывчивым*'. Сердце ее **отвердело** по смерти властителя (Т. Н. Грановский). 3. Перен. 'Становиться *спокойным и уверенным. О голосе*'. Вначале, минут с пять, автор... читал бессвязно и неровно; но потом голос его **отвердел** и стал вполне выражать смысл прочитанного (Ф. М. Достоевский). 4. Спец. 'Становиться *твердым, несмягченным. О согласных звуках*'; по 1 в глаголах **затвердеть** ('Становиться твердым, жестким'. Расплавленный металл **затвердел**; земля *затвердеет*) и **потвердеть** ('Стать твердым, тверже'. Замерзшая земля **потвердела**).

Все глаголы, образованные от прилагательного **твердый**, представляют деривационную модель «становиться каким». Понятно, что есть такие значения прилагательного **твердый**, которые изначально не предполагают подобной модификации. Об этом свидетельствует анализ лексической сочетаемости данного прилагательного в 1, 3, 5, 6 и 8 значениях. Сравните: 1) твердое тело – ◊ (* становиться каким); 5) твердое решение – ◊, // твердые ответы – ◊; // твердый отпор – ◊, твердые меры – ◊; 6) твердая точка опоры – ◊, // твердое правление – ◊. И, напротив, контекст и лексическая сочетаемость подтверждают наличие семантики 'становиться твердым' у глаголов, производных от прилагательного во 2-м, 4-м, 7-м (примеры были приведены выше) и даже в 9-м значениях. Сравните: Сквозь слезы она увидела, как **отвердел** подбородок Жудовой и каменно застыли у переносицы густые брови (Е. Мальцев).

Для дальнейшего рассмотрения оппозиции «твердый – мягкий» полезно обратить внимание на то обстоятельство, что в силу существующего *лексического ограничения* (наличие глагола **твердить** 'Говорить, повторять одно и то же') полностью нереализованной оказалась модель **делать твердым**. Хотя совершенно очевидно, что эта модель вполне реальна, но «обеспечена» она посредством деривационных сочетаний. Сравните: Жизненные обстоятельства могут *сделать* человека *твердым*, непреклонным... Солнце делает кожу твердой, шершавой (см. 1 знач. глаг. **твердеть**). Сильные морозы могут *сделать* металл *менее прочным* и даже *хрупким*. Таким образом, следует говорить о наличии следующих неполных номинативных рядов: *делать твердым* (в 1-м, 4-м знач.) – ◊; *сделать менее прочным* – ◊; *сделать хрупким* – ◊.

Как известно, деривация глагольного слова может быть «продолжена» в представлении семантики вида и способов действия. Для глагола **твердеть** «поле» производных единиц ограничивается тремя: **затвердеть**, **отвердеть** и **потвердеть**. За «бортом» синтетического выражения остались

такие, к примеру, очевидные значения, как *перестать твердеть* – ◊, *начинать отвердевать заново* – ◊ (Если строители упустят время, то приготовленный раствор *начнет отвердевать заново*), *сильно затвердеть* – ◊, *отвердеть слегка* (немного) – ◊. Таким образом, «бедность» глагольного блока словообразовательной парадигмы прилагательного **твердый** в ряде случаев восполняется деривационными сочетаниями. Несколько иная ситуация складывается с проекцией в глагол признака «мягкий».

Семантическая структура прилагательного **мягкий** также состоит из 9-ти значений (с оттенками – 16). 3 из них рассматриваются как противоположные: 1) **мягкий** – **жесткий**; 2) **мягкий** – **твердый**; 7) **мягкий** – **суровый**. Значительно количество глагольных производных: *мякнуть, мягчить, помягчить, мягчить, мягчиться, размягчить, умягчить, измягнуть, намягнуть, обмягнуть, отмякать, подмягнуть, промягнуть, смягчать, смягчаться, поотмякнуть, пересмякнуть, умякнуть, размякаться, размягчаться*. Причем реализацию получила как модель «становиться каким», так и модель «делать каким». Так, богатым семантическим содержанием (по отношению к производящему прилагательному **мягкий**) отличаются глаголы **смягчать** и **смягчаться**. Семантическая структура первого глагола (**смягчать**) состоит из 6 значений (с оттенками – 11). В первую очередь, следует соотнести такие значения прилагательного **мягкий**, которые, несомненно, получили «проекцию» в глагол. Так, первые два значения прилагательного **мягкий** (1. ‘Не твердый на ощупь, не дающий ощущения жесткости при надавливании, прикосновении (*противопол. жесткий*)’ // Нежный, не грубый; пухлый. О частях человеческого тела // Тонкий, шелковистый. О волосах, шерсти. 2. ‘Легко поддающийся сжатию, давлению (*противопол. твердый*)’ // Свежий, нечерствый. О хлебных изделиях) как будто «вписываются» в содержание 1-го значения глагола **смягчать**. Сравните: **смягчать** 1. ‘Делать более мягким, эластичным, лишать твердости, жесткости’. **Смягчать** кожу. **Смягчить** волокно. [Кучера] заранее смазывали колеса тачанок, линеек, *смягчали дегтем* сбрую (Ю. Н. Бабаев). Деривационные структуры *делать более мягким, эластичным*, с одной стороны, и *лишать твердости, жесткости*, с другой – хорошо подчеркивают антонимичность первого значения слова **мягкий** по отношению к **жесткий**, а второго – по отношению к **твердый**. Сравните: // ‘Тонкий, шелковистый’. О волосах, шерсти и *Смягчать* кожу. *Смягчить* волокно. Естественно, лишь примеры из текстов покажут, в каких случаях (значениях и оттенках прилагательного **мягкий**) будет употреблен глагол **смягчать** (в 1-м знач.), а в каких – коррелятивные ему деривационные сочетания: *делать более мягким, делать более эластичным; лишать твердости, лишать жесткости*.

Анализ комплекса переносных значений прилагательного **мягкий** (3. Перен. ‘Вызывающий приятные ощущения; не раздражающий, не резкий’ // ‘Тихий, приглушенный, чуть слышный’ // Плавный, размеренный. О движениях. 4. Перен. ‘С неопределенными, несколько расплывчатыми чертами, границами’. Я разглядел белое лицо с **мягкими** линиями

(А. П. Чехов). 5. Перен. 'Легко поддающийся уговорам, влиянию; кроткий, уступчивый'. Ненавидеть он не умел, был слишком **мягок** для этого (М. Горький). 6. Перен. 'Сердечный, душевный, отзывчивый' // Нежный, ласковый. О взгляде, улыбке, выражении лица и т. п. У Павла дрогнули веки, лицо **стало мягче**, он улыбнулся (М. Горький) // Лишенный резкости, грубости; вежливый) в отношении к семантической структуре глагола **смягчать** показал следующее: 4-е значение прилагательного и оттенки 6-го и 3-го нашли отражение в семантической структуре 4-го значения (с оттенками) глагола **смягчать**. Сравните: 4. Перен. '*Делать менее отчетливым, заметным, резким*'. [Егор Павлович] сбрил их [усы], чтобы **смягчить** следы, положенные на лицо работой времени. // '*Делать менее громким; приглушать (звук, шум и т. п.)*'. Ночное хмурое небо сеяло снег частыми хлопьями и **смягчало** шум санной езды (П. Д. Боборыкин). // 'Лишать что-л. излишне резких, прямолинейных черт, свойств, качеств'. Смягчать противоречия. Смягчить неприятное впечатление).

Несложно увидеть, что и 2-е значение глагола **смягчать** (2. Перен. 'Делать более снисходительным, доброжелательным, благосклонным'. // '*Делать более приветливым, теплым, сердечным (взгляд, выражение лица, голос и т. п.)*' // '*Делать менее грубым, резким (слово, выражение и т. п.)*') в той или иной мере соответствует переносным семам различных значений прилагательного **мягкий**. Сравните, к примеру, семантику 5-го значения прилагательного (5. Перен. 'Легко поддающийся уговорам, влиянию; кроткий, уступчивый'. Ненавидеть он не умел, был слишком **мягок** для этого (Горький)) и основное значение глагола (2. Перен. 'Делать более снисходительным, доброжелательным, благосклонным'). И совсем несложно увидеть соответствие оттенка 3-го значения глагола **смягчать** (3. // '*Делать менее суровым, тяжелым, тягостным*'. Смягчать приговор. Смягчать условия договора) и 7-го значения прилагательного **мягкий**, антонимичного прилагательному **суровый** (7. 'Нестрогий, снисходительный (*противопол. суровый*)'). Мягкий приговор (обращение, наказание)). Совершенно очевидны соответствия между 8-м и 9-м значениями прилагательного (8. 'Умеренно-теплый, без резких изменений'. О климате, погоде. Погода **становилась мягче**. 9. ... О согласных звуках) и 5-м и 6-м значениями глагола (5. 'Делать более теплым, без резких колебаний температуры (погоду, климат)'. Леса **смягчают** суровый климат (А. П. Чехов). 6. Спец. Палатализовать).

Таким образом, следует признать, что в целом семантическая структура глагола **смягчать** достаточно последовательно (за исключением несколько различного распределения по отдельным значениям и оттенкам) отражает семантическое многообразие значений и их оттенков прилагательного **мягкий**, что в итоге резко отличается от рассмотренной ранее системы отношений, характеризующих «проекцию» в глагол признака **твердый**. Это тем более заметно, если учитывать, что глаголу **смягчать** в полной мере (столько же содержательно и семантически многоаспектно) соответствует глагол **смягчаться**. Причем одним из характерных по-

казателей подобного параллелизма является система противопоставленных друг другу номинативных рядов. Сравните: 1. *Делать более мягким, делать более эластичным – становиться более мягким, становиться более эластичным; лишать твердости, лишать жесткости – лишаться твердости, лишаться жесткости.* 2. *Делать более снисходительным, делать более доброжелательным, становиться более снисходительным, становиться доброжелательным, становиться более доброжелательным. Делать более приветливым, делать более теплым, делать сердечным – Становиться более приветливым, становиться более теплым, становиться сердечным. Делать менее грубым, делать менее резким (слово, выражение) – Лишаться резкости.* 3. *Делать более слабым, делать менее ощутимым – Становиться более слабым, становиться менее ощутимым. Делать менее суровым, делать менее тяжелым, делать менее тягостным – Становиться менее суровым, становиться менее тяжелым, становиться менее тягостным.* 4. *Делать менее отчетливым, делать менее заметным, делать менее резким – Становиться менее отчетливым, становиться менее заметным, становиться менее резким. Делать менее громким – Становиться менее слышным.* 5. *Делать более теплым (о погоде) – Становиться более теплым.*

Заслуживает внимания сама организация системы деривационных сочетаний, обнаруживающих эксплицитные и имплицитные связи со своими аффиксальными коррелятами. Причем, если говорить об условиях взаимозамены в контексте, то особую «мобильность» могут обнаружить имплицитные (а не эксплицитные!) соответствия производному глаголу. Сравните: – Вера! – сказал отец, стараясь <сделать более приветливым (теплым, сердечным)> **смягчить** свой сухой твердый голос (Л. Андреев). – Не нахожу нужным **смягчать** <делать менее резкими> свои выражения ни в каком случае... (Ф. М. Достоевский). Естественно, есть различия в стилистике, в выборе одного из нескольких синонимических соответствий (К примеру, в последнем предложении вряд ли уместно использование сочетания *делать менее грубым*). Но для номинативной системы существенна сама возможность взаимозамены, поскольку случаи отсутствия коммуникативного параллелизма номинативных соответствий встречаются чаще. Так, если на уровне некоторых словосочетаний (*смягчать кожу, смягчить волокно*) вполне возможны корреляты *делать более мягкой, эластичной* <кожу> (к 1-му значению глагола **смягчать**), то в следующем предложении это невозможно. Ср.: Кучера заранее смазывали колеса тачанок, линеек, *смягчали дегтем* сбрую (Ю. Н. Бабаев). Причина – наличие косвенного дополнения. Аналогично, вряд ли в предложении *Ночное хмурое небо сеяло снег частыми хлопьями и смягчало шум сонной езды* (П. Д. Боборыкин) возможно в качестве коммуникативного и стилистического соответствия деривационное сочетание *делало менее громким* (оттенок 4-го значения глагола **смягчать**).

Анализ рассмотренных выше фактов приводит к необходимости более глубокого теоретического осмысления структуры и семантики номинативных рядов глаголов-отадъективов.

ГЛАВА 2 ДЕРИВАЦИЯ И СМЫСЛ

2.1. КОМПЛЕКСНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ФРАГМЕНТЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

При сопоставлении близкородственных языков одной из самых интересных является задача «выявления формально никак не выраженных значений» [49, с. 116]. Хорошо известная близость, к примеру, русского и белорусского языков «закреплена» в общности целого ряда лексем (с учетом, естественно, различного фонетического оформления, ср.: *брусовать*, *линовать*, *шиновать* (рус.) и *брусаваць*, *лінаваць*, *шынаваць* (бел.)). Однако сопоставление деривационных систем русского и белорусского языков показывает, что от одних и тех же (параллельных) единиц могут разворачиваться различные по наполняемости словообразовательные цепочки, словообразовательные парадигмы могут различаться количеством единиц, характеризующих соответствующие семантические места; наличие различных по структуре и семантике деривационных объединений, в которых при сопоставлении можно отметить целый ряд лакун, словообразовательных или семантических, так или иначе связанных с различиями в деривационном потенциале производящих единиц.

Знакомство с работами профессора Б. Тошовича, в частности с его докладом «Деривационные различия между сербским, хорватским и бошняцким языками (прелиминариум)», позволило нам понять, что в сербско-хорватских словообразовательных корреляциях достаточно часто встречаются случаи так называемой блокированной деривации, когда «в принципе можно образовать определенное слово, но этому мешает то, что уже существует слово с другим значением» [110, с. 242]. В конечном счете, подобные случаи являются одной из возможных причин образования различного рода лакун.

Прежде чем перейти к рассмотрению различного рода лакун, остановимся на некоторых тождествах/различиях, касающихся особенностей русского и белорусского языков и обратим внимание на несколько типичных случаев русско-белорусских глагольных параллелей. Так, достаточно распространенным является **отсутствие различий в особенностях аффиксации** (имя ↓ глагол): *стекло* ↓ *стеклить* (*шкло* ↓ *шкліць*), *вставлять стекло* (*устаўляць шкло*); *стекло* ↓ *стекловать* (*шкло* ↓ *шклаваць*), *превращать в стекло* (*ператвараць у шкло*). Любопытно, что в данном случае общность затрагивает целый фрагмент словообразовательной парадигмы. В обычном случае это касается словообразовательных пар: *фабрика* – *фабриковать*; *фабрика* – *фабрикаваць*. Причем формальное тождество «подкреплено» семантическим. Сюда относятся при-

меры параллелизма и в толкованиях (1), и в наличии однотипных деривационных сочетаний (2). Например: *шихтовать* – *составлять шихту* (руды) и *шихтаваць* – *састаўляць шыхту*. Хотя возможны и различия в степени конкретизации действия в составе деривационного сочетания. Ср.: *торцевать* – 1) обрабатывать торцы, 2) покрывать торцами и бел. *тарцаваць* – 1) апрацоўваць тарэц, 2) засцілаць тарцамі.

Достаточно обычными для близкородственных языковых систем являются случаи, когда **словообразовательная вариантность в одном языке противопоставлена отсутствию** таковой в другом. Ср.: в русском *штабелевать*, *штабелировать* – *укладывать в штабеля*; в белорусском *штабеляваць* – *складваць у штаблялі*. Причем в обоих языках глаголы – двувидовые. И обратный пример: в белорусском *гуміраваць* и *гумаваць* – ‘Покрывать, насыщать гумай; рызініць’; в русском – *гуммировать* ‘Покрывать раствором гумми’. Правда, вариантность в белорусском здесь объясняется влиянием польского языка. Ср.: в белорусском *рызіна* и *гума* ‘резина’ ↓ *рызініць* и *гумаваць*; в польском: *guta* ↓ *gutować*.

Вполне естественны ситуации, когда при **совпадении корневых элементов различаются аффиксы**. Например: *вулканизировать* и *вулканізаваць*, *ратинировать* и *рацінаваць*, *шагренировать* и *шчыгрынаваць*, *стереотипировать* и *стэрэатыпаваць*. Важно, что в подобных случаях при формальных различиях (-ава- / -ирова-) налицо полная семантическая корреляция. Ср.: *шагренировать* ‘Обрабатывать под шагрень’ и *шчыгрынаваць* ‘Апрацоўваць пад шчыгрын’. Любопытно, что подобные факты, как правило, сопровождаются следующими комментариями: «Значительному числу глаголов с суффиксом -ава- в белорусском языке соответствуют в русском глаголы с суффиксом *ирова-*; ... в современном белорусском языке происходит процесс ограничения глаголов на -ирова- и замена многих из них на образования с -ава-» [15, с. 20].

У некоторых исследователей понятие «словообразовательная лакуна» вызовет скептицизм, поскольку данные семантические места могут быть «заполнены» единицами других уровней, иными словами, компенсированы в системе языка в целом. Однако языки, обладающие **сходной словообразовательной техникой**, могут продемонстрировать различные результаты в «деле» словообразовательного синтеза, что приводит к наличию **словообразовательных лакун**. Примеры: а) *день* – ∅, *дзень* – *днець* ‘Займацца на дзень; світаць, развіднівацца’; б) *дно* – ∅; *дно* – *дніць* ‘Устаіць дно’; в) *кора* – *окорить* (СВ) ‘Очистить дерево от коры’; ∅ – (НСВ) *кара* – *карыць* (НСВ), *акорваць* ‘Абчышчаць дрэва ад кары’, *акарыць* (СВ). Наблюдения показывают, что далеко нередкими являются ситуации, когда в одном из близкородственных языков отсутствует производный глагол при наличии в обоих языках формально и семантически тождественных производящих (или исходных) единиц: *щебень* – ∅, *засыпать* (покрывать) *щебнем* и бел. *шчэбень* – *шчабняваць*, *засыпаць* (пакрываць) *шчэбенем*; *грубый* – *грубеть*, *грубить* и бел. *грубы* – *грубець*, ∅. В

последнем случае как эквивалент приводится глагол *грубіяніць*, хотя семантические различия сразу же бросаются в глаза.

Словообразовательные лакуны в белорусском языке становятся очевидными, когда «вектор сопоставления» направлен от русского языка к белорусскому. Так, существуют примеры, когда отсутствуют эквиваленты русским глаголам: *палуба* – *палубить* ‘Покрывать настилом, обвивать чем-л. сверху какое-нибудь сооружение’; *палуба* (бел.) – ∩; *ствол* – *стволиться* ‘Развивать цветоносный стебель за счет других частей растения’; *ствол* (бел.) – ∩.

Рассмотрим подробно следующий пример. В русском языке отсутствуют глаголы (глагол), образованные от существительного *шапка*, однако существует значительное число фразеологических единиц с этим словом: *дать по шапке* ‘Простореч. Прогнать, уволить, дать отставку’, *получить по шапке* ‘Простореч. Получить отставку, быть уволенным’, *закидать шапками* (ср.: *заниматься шапказакидательством*), *прийти (явиться) к шапкам* (*к шапочному разбору*), *не под шапку* (т. е. не подходит), *По Сеньке и шапка*, *под шапку накласть* (наложить) *кому-л.* ‘Простореч. Побить, поколотить’, *снимать* (снять) *шапку перед кем-л.* ‘Выражать свое почтение, уважение’ [101, т. 13, с. 1489], *ломать шапку* ‘Подобострастно, заискивающе кланяться’ [101, т. 6, с. 343]. В белорусском языке можно отметить глагол *шапкаваць*, по семантике соответствующий выражению *ломать шапку*. Ср.: *шапкаваць* Разм. ‘1. Уніжальна прасіць каго-н. аб чым-н. 2. Рабалепстваваць, нізкапаклоннічаць’ [108, т. 5, ч. 2, с. 350].

Различия в наличии/отсутствии сходных по структуре и семантике производных в близкородственных языках могут определяться **неодинаковой активностью** словообразовательной модели. Так, в подсистеме «лицо – действие данного лица» модель на *-ава(ць)* в белорусском обладает большей морфологической «свободой», нежели модель на *-и(ть)* в русском. Ср.: *вораг* – *варагаваць* и *враг* – *враждовать*; *батрак* – *батракаваць* и *батрак* – *батрачить*. Неудивительно, что в целом ряде случаев белорусский язык характеризуется большей степенью синтетизма, нежели русский. Ср.: *ведзьма* – *ведзьмаваць*, *дэва* – *дэваваць* *дэваваць* (Адказалі ў сватах – яшчэ молада быццам, хай яшчэ *падзявуе*, хай яшчэ *вясяліцца* (М. Танк) (сравните в русском: *Пусть еще побудет в девках, не замужем*), *дзед* – *дэдаваць* (І зауважыў я, што ў званні дзед а сёння многа несівых мужчын: вось адзін такі *дзядуе* ў сорок (М. Кусянкоў); сравните в русском: *стать дедом в сорок лет*), *дзеўка* – *дзеўкаваць*. Во всех приведенных примерах в русском языке позиция глагола будет представлена сочетанием слов.

Активность белорусской модели на *-аваць*- подтверждается и появлением в свое время большого количества новообразований (*жыгуляваць*, *веснаваць*, *нядзелькаваць*, *сталоваць*), зафиксированных в языке художественной литературы. Ср.: Тэгля Бяганская не хацэла мяне *сталоваць*, і, пажывшы ў яе з месяца, я перабраўся на другую кватэру (А. Наўроцкі).

В связи с последним примером следует отметить, что в русском языке есть только глагол *столоваться* 'Питаться, получать стол (в 3-м значении) где-л. или у кого-л.'. Косвенно подтверждают активность модели единицы, которые уже успели выйти из активного употребления, либо находятся на периферии языковой системы. Ср.: *калега – калегавець* 'Уст. Сябраваць, вадзіць кампанію з кім-н.', *таварыш – таварышаваць* 'Разм. Быць таварышамі з кім-н.' [108, т. 5, ч. 1, с. 458].

Другой пример: наличие словообразовательного префикса *-аб-* в составе ряда производных белорусского языка, причем в словах различных частях речи создает целую «линию лакун» по отношению к другому близкородственному языку – русскому. Сравните: *абмежак* 'край межи'; *абложнік* 'Боец, участвующий в осаде (города, крепости и под.)'. *Абшарнік* 'помещик, владеющий большими земельными наделами'. В последнем случае своеобразие производного связано и с отсутствующим в русском языке производящим *абшар* 'простор, пространство'. Помимо имен существительных с префиксом *аб-*, можно выделить и глаголы с данной приставкой: *абрасіць, абрасіцца, абрахманіць, абрахманіцца, абхарошваць*. Главной их особенностью является отсутствие соответствующих однословных коррелятов в русском языке. Сравните: *абрасіць* 'Намочить росой', *абрасіцца* 'Намокнуть от росы'. Причем в данном случае различия возникают на уровне беспрефиксальных глаголов: *расіць* 'Мочить росой', *расіцца* 'Становиться мокрым от росы, покрываться росой'. Другой случай представляет собой глагол *абрахманіць (-цца)*. В *Словаре современного русского литературного языка* с пометой «областное» приведено слово *рахманный* 1. 'Добродушный, веселый'. 2. 'Небойкий, нерасторопный' [101, т. 12, с. 1030]. В *Беларуска-рускім слоўніку* ў слова *рахманы* также указано на 2 значения: 1. (о человеке) 'Кроткий, покладистый'. 2. (о животном) 'Ручной, смиренный' [23, с. 241]. Семантические различия между прилагательными русского и белорусского языков вполне очевидны, и это сказывается, в частности, на «деривационной судьбе» белорусского слова *рахманы*. Ср.: *рахманець* 'Становиться кротким, покладистым, послушным', *абрахманіць* 'Сделать кротким, послушным, покорным'. Следует отдельно отметить и то обстоятельство, что, в отличие от русских прилагательных на *-нн-*, белорусские их аналоги с одним *-н-* легко образуют глаголы на *-іць (-ить)*. Таким образом, лексемы, общие для двух близкородственных языков, могут по-разному проявлять себя в таких лексических подсистемах, как синонимия и омонимия (см. пример ниже), что в дальнейшем сказывается на их деривационном потенциале, образовании лакун и т. п. (см. об этом подробно в [70, с. 473–486]).

В некоторых случаях русский и белорусский языки обнаруживают некоторую **общность в различиях** по отношению к польскому языку. Так, в обоих языках отсутствует аффиксальная «проекция» в глагол лексемы *кусок*: *кусок* ↓ ∩, *резать на куски, колоть на куски; кусок* (бел.) ↓ ∩; *кавалак* ↓ ∩. Однако сравните в польском: *kawalek* > *kawałkować, krajać*

na kawalki ‘Расчленять, делить, рубить (разрезать) на куски’ [127, т. 1, с. 313]. Лексеме *кусок* в польском языке также соответствуют: 1) слово *kąsek* ‘кусок, кусочек’ и 2) *szuka* в 6-м знач. ‘штука, кусок’. Первая единица скорее ограничена сочетаемостью с прилагательными *smaczny (łakomy) kąsek* ‘лакомый кусок (кусочек)’ и также не имеет проекции в глагол. Слово *szuka* в интересующем нас значении образует глагол *szukować* ‘сшивать, штуковать’. Прилагательное *szukowany* в значении ‘сшивной, составленный из кусков’ позволяет понять, что в глаголе *szukować* заложена идея «соединения, составления из частей целого». Таким образом, здесь возникает **своеобразная антонимия** по отношению к глаголу *kawalkować – sztukować* ‘составлять из кусков’. Ср. в русском языке: *штуковать* ‘Спец. Сшивать из кусков или штопать так, чтобы шов, штопка были незаметны’; *Штуковать сукно, воротник пиджака*.

Всегда будут представляться актуальными вопросы типа: почему средствами словообразования не представлены достаточно простые и очевидные действия, такие, как, например, *сделать узел* или *завязать узлом* – ∩ (при наличии именной линии «развития»: *узел – узелок – узелочек*; в польском: *węzeł – węzełek; zawiązać na węzeł*). Ср., однако, в бел. языке новообразование *вузлаваць*: Але тое, што мы цяпер называем літаратурнай спадчынай, пасведчыць, як нанова *вузлавалася* мускулатура метафары і развінаўся абсяг тэматыкі (А. Вялюгін).

Отсутствие морфонологического барьера, общая активность модели (-*ава-ць* в бел., *оваć-* в пол.) еще не гарантируют появления номинации по действию. Так, в белорусском языке глагол *сенаваць* зафиксирован лишь как новообразование 80-х г. XX века, в польском возможная номинация отсутствует (**sianować*), а соответствующее действие может быть представлено только дискретно: *sprzętać siano* – ∩. В русском языке при меньшей активности модели на -*ова-ть* используется (правда, не в литературном языке) иной путь – сложение. Значимость самого понятия и всего, что с ним связано, находит отражение в значительном числе производных – сложений с основой *сен(о)* [всего 35 единиц – 101, т. 13, с. 647–651], среди которых отмечено и два синонимичных глагола: *сенокосить* и *сенокосничать*. Любопытно, что в близком и по сути, и по семантике деривационном «освоении» слова *стог* все языки «солидарны» в выборе словообразовательных средств, а русский и польский делают это даже с некоторой избыточностью. Ср.: рус. *стожить, стоговать*; пол. *stogować* [127], *stożyc*; бел. *стогаваць*. Возвращаясь к причинам, которые могли послужить препятствием к образованию глагола от основы слова *сено*, следует обратить внимание и на такие, любопытные, на наш взгляд, обстоятельства. По данным [101], в русском языке от омонимичной основы одного из значений устаревшего слова *сень* 1. ‘Лиственный покров деревьев // Навес, покров чего-л.’ был образован глагол *сенить* ‘Закрывать, покрывать тенью’ [101, т. 13, с. 645], который, вероятно, сумел «заполнить» эту лексико-словообразовательную «нишу» (ср.: *стог – стожить*).

Различия между близкородственными языками могут касаться лишь одной какой-то семы, сочетаемости из общего семантического поля в целом сходных лексем. Ср., в рус., бел., пол. наличие лексемы *temperatura* (*temperatura*), тождественной для большинства возможных контекстов. Лишь при обозначении наличия высокой температуры во время болезни в польском языке появляется коррелят от иного корня (*gorączkować*), правда, с использованием наиболее характерной для польского языка словообразовательной модели (ср. *температурировать* в рус. и бел.).

Различия могут быть минимальными и существенными. Так словосочетанию делать заметки (в блокноте) не соответствует по семантике глагол замечать (но ср. помечать). В белорусском же языке существует глагол *занатоўваць* (*занатаваць*) 'Делать заметки, записывать для памяти' и существительное *нататнік* 'Записная книжка'. Ср. также известное в русском языке выражение читать нотации в значении 'Делать замечания'. Исходной единицей здесь, безусловно, является слово нотация 'Выговор, наставление, нравоучение; лат. *notatio* 'обозначение, замечание' [98, с. 347], восходящее, в свою очередь, к латинскому *nota* 'знак, замечание'. Таким образом, близкие по родству языки демонстрируют различную «степень освоения» латинского корня. Вероятно, здесь сказывается влияние и польского языка. Ср.: *notatka* 'заметка', *notować* 'записывать, отмечать; делать заметки'; *notowanie* 'записывание'; *notes, notatnik* 'записная книжка'. Следует также принимать во внимание различия в содержании слова *nota*, например, в русском и польском языках. Так, в польском языке, помимо двух известных нам омонимов (I. 1. 'Условный графический знак'. 2. 'Отдельный звук определенной высоты'. 3. 'Только мн. Текст музыкального произведения в нотной записи'. 4. 'Перен. Оттенок, тон речи, выражающий какое-либо чувство'. II. 'Официальное дипломатическое обращение одного правительства к другому' [101, т. 7, с. 1422]), отмечается значение, неизвестное в русском языке. Ср.: *nota* 3. 'Оценка, отметка, балл'; *otrzymać dobrą notę* 'получить высокую оценку' [127, с. 551].

Сходства и различия в глагольной деривации русского и белорусского языков отчасти объясняются историческими тенденциями (**приятие/неприятие тех или иных новаций**). Сравните историю отношения к суффиксу *-ирова-* и оформлению заимствованных основ в рус., бел. Так, распространение суффикса *-ирова-* в белорусском языке происходило уже под влиянием русского языка. В частности, известно, что 27 глаголов на *-ировать* из Белорусско-русского словаря-62 не попали в [108]. 17 глаголов было заменено производными на *-аваць*, а 10 признаны лексемами, которые не стали нормой современного белорусского литературного языка (*абардзіраваць, абсарбіраваць, купіраваць, кульмінараваць* и др.) [15, с. 76–77]. Любопытно, в этой связи отметить возникновение своеобразной лакуны, например, на месте глагола *купировать* – *делать купюры* в белорусском языке: \cap – *рабіць купюры*. Как считал Н. С. Василевский, «этим и объясняется тот факт, что белорусская глагольная система прини-

мает образования на *-ировать* ограниченно, только в том случае, когда заимствованную основу нельзя оформить при помощи суффикса *-ава-* (*-ява-*) или других собственно белорусских суффиксов» [15, с. 80].

Как известно, благодаря богатым возможностям лексической системы языка, названия общего процесса могут быть представлены и рядом более конкретных обозначений. К примеру, в толковании русского глагола *прививать* в значении 'Пересаживать часть живого растения (глазок, черенок и т. п.) на ткань другого...' содержится явное указание на наличие более конкретных «составляющих» данного процесса. Сравните русский глагол *черенковать* 'Выращивать растения с помощью черенков, размножать черенками', вступающий в видо-родовые отношения с лексемой *прививать* в указанном значении. В белорусском же языке, помимо глагола *чаранкаваць* 'Разводзіць, вырошчваць расліны пры дапамозе чаранкоў', есть и глагол *ачкаваць* (производное от *вочка* '4. Пупышка, зрэзаная з дрэва для прышчэпкі') 'Прышчапляць да якой-н. расліны вочка іншай расліны', не имеющий соответствующего аналога в русском языке. С точки зрения «возможности» обозначения данного конкретного действия, которую продемонстрировал (!) близкородственный язык, в русском языке можно говорить о «лакуне», которую, к слову говоря, нельзя восполнить и деривационным сочетанием.

В ряде случаев отсутствие в одном языке единицы, деривационно общей для двух других языков, **не свидетельствует о существовании лакуны**, заслуживающей внимания с деривационной точки зрения. Так, в белорусском языке (в отличие от русского) отмечены следующие словообразовательные пары: *фастрыга* 'Шво вялікімі шыўкамі' – *фастрыгавец* 'Шыць, прашываць рэдкімі шыўкамі', *гафт* – *гафтавец*. В обоих случаях совершенно очевиден характер прямого заимствования из польского языка. Наличие польских глаголов *fastrygować* и *haftować* с соответствующим деривационным окружением красноречиво свидетельствуют об этом. Так, белорусское *гафт* 'Від ажурнай вышыўкі' восходит к польскому *haft* '1. Вышивка, 2. Вышивание', транспозиция которого в глагол дает номинацию *гафтавец* 'Вышываць узоры на тканіне'. Сравните в польском: *haftować* '1. Вышивать, 2. Перен. Украшать орнаментом', а также *trudnić się haftem* 'Заниматься вышиванием' [127, т. 1, с. 257].

Лексемы, общие для двух близкородственных языков, могут по-разному проявлять себя в таких лексических подсистемах, как *омонимия* и *синонимия*, что в дальнейшем сказывается на их деривационном потенциале, образовании лакун и т. п. Известно, например, что слова *мурава*, *глазурь*, *полива* в русском языке представляют единый синонимический ряд. Ср.: *мурава* 'Стеклообразное, непроницаемое для жидкости вещество, которым покрывают глиняную посуду, изразцы; глазурь, полива', *глазурь* 'Стекловидный сплав, которым покрывают глиняную, фаянсовую посуду и др. подобные изделия для водонепроницаемости и украшения; мурава, полива', *полива* 'Стеклообразный сплав, которым покрывают ке-

рамические изделия; глазурь, мурава'. Наименования действий от данных единиц следующие: *муравить* 'Покрывать муравой'; *глазурить, глазировать* '1. Покрывать глазурью. 2. Придавать глянец, делать глянцевитым'; ∩. Необходимо отметить, что слову *мурава* в указанном значении есть омоним *мурава* 'трава', который «материально идентичен» и белорусскому существительному *мурава*. Слова *мурава*, синонимичного лексемам *глазурь, полива*, в белорусском языке нет. Синонимический ряд существительных здесь «сокращается» до двух единиц, что накладывает отпечаток и на проекцию в глагол. Сравните: *мурава – палива – паливаць; полива – палива – паливаць; глазурь – 1 (для посуды) палива, 2 (кулинар.) глазура – глазировать – 1 (посуду) паливаць, 2 (бумагу) глянцаваць, 3 (кулинар.) глазураваць*. Любопытно, что в русском языке у глагола *поливать*, вероятно, в силу «кардинальности» передаваемого значения, отсутствует узкоспециализированное значение 'покрывать поливой'.

Возможен целый комплекс различий, обнаруживаемых при сопоставлении ряда близких славянских языков. Так, в русском языке глагол *паровать* в основном значении 'Оставлять землю под паром', // 'Оставаться под паром' (спец.) имеет два омонима с пометой *областное*: 1. То же, что *парить* 'Выпускать пар'. 2. 'Подбирать парами'. Ср.: – Гляжу я на вас и думаю, до чего ж природа разумно *парует* людей! (Ю. Н. Бабаев). В последнем случае производный глагол мотивируется существительным *пара*. Очевидно, что указанные значения могут быть представлены и коррелятивными словосочетаниями (*выпускать пар, подбирать парами*). Учет их совершенно необходим при сопоставлении деривационных подсистем близкородственных языков. К примеру, в белорусском языке в предложении *Хлеб парует на стале* глагол *пароваць* реализует значение 'Испускать пар (аромат)'. Данная лексема является соответствием русскому глаголу *парить* в значении 'Испускать пар'. Русское *паровать* в этом значении – лишь «периферия» по отношению к глаголу *парить*. В белорусском *пароваць* в этом значении – основная лексема! Для специального же употребления в белорусском используется слово *папар*, глагольные дериваты которого просто отсутствуют. Поэтому русскому *паровать* в указанном выше основном его значении в белорусском имеются лишь дискретные соответствия: 1) *пакідаць пад папар* – ∩, 2) *быць у папары* – ∩ ('оставаться под паром').

Любопытна ситуация и в польском: родственное по корню *para* характеризует неспециальное употребление (ср.: 'Водяной пар' и т. п.), для интересующего нас значения характерна иная единица – *ugór*. Причем, в отличие от белорусского языка, эта линия получает дальнейшее деривационное развитие: *ugór* ↓ *ugorować* 'Лежать под паром'. Любопытно также, что в словарях отмечено и 2-е значение с пометой устар. 'Паровать, оставлять под паром'. Данному польскому глаголу коррелятивно и деривационно родственное словосочетание: *leżeć ugorem*. Общая активность модели на *-ować* в польском в значении 'Выделять, испускать пар'

на первый план выводит глагол *parować*, экспансия которого распространяется и на значение 'парировать'.

В переводе на русский язык белорусского предложения *Далека ўнізе вірліла, пенілася рака* глаголу *вірліць* наиболее точно соответствует непроизводный глагол *бурлить*. В белорусском языке поле «синонимии» шире, так как также есть лексема *бурліць*. Однако, в отличие от русского языка, помимо *бурліць*, в сходных употреблениях, прямом и переносном значениях, известны глаголы *віраваць*, *вірыць* и уже отмеченное *вірліць*. При этом существенно, что все они производны и восходят к существительному *вір* в значении '1. Кругавы, лейкападобны рух вады, які ўзнікае ад сутыкнення сустрэчных плыней. 2. Перан. Бурлівы, імклівы рух чаго-н. *Вір падзей. Вір пачуццяў*.' В русском языке этому слову соответствует сложное существительное *водоворот* (в белорусском также *водаварот*), которое, безусловно, обладает несколько иной внутренней формой, нежели та, которую можно увидеть в структуре белорусских глаголов. Ср.: *віраваць* – *утвараць віры*. Кстати, приведенному белорусскому сочетанию трудно подобрать эквивалент в русском языке (*утвараць віры* – ∅).

Достаточно характерными являются и случаи следующего рода. В русском языке глагол *дробить* (*дробиться*) этимологически восходит к существительному *дробь*, с чем, в сущности, и связано семантическое своеобразие всех производных в данной глагольной части словообразовательного гнезда. *Дробить* 1. 'Ломать, разбивать целое на мелкие части; мельчить, крошить'. Белорусский язык не только повторяет данную особенность русского языка, но и усложняет и, безусловно, обогащает семантику данного поля за счет прилагательного *дробны* (7 значений): 1. 'Невялікі па аб'ёму, велічыні'. 3. 'Які складаецца з малых аднародных частачак'. Глаголы, образованные от данного прилагательного, не только увеличивают число синонимичных с русским языком единиц (*драбніць*, *драбніцца*), но и представляют значение, не имеющее в русском языке синтетического коррелята. Ср.: *драбнець* – *станавіцца драбнейшым* (ср.: Дождь *становился более редким*).

Близкородственные языки по-разному проецируют в глагол различные виды заимствованных слов. Прежде всего следует отметить случаи совершенно однотипного освоения одних и тех же заимствований. Ср.: *трель* (*трэль*) 'Спец. Специальная дорога для трелевки древесины, а также место, где складывается трелеванная древесина. От англ. *trail* 'след' – *трелевать* (*траляваць*) 'Подтаскивать, подвозить (спиленный лес) с места заготовки к проезжей дороге'. Любопытно также, что в польском языке есть глагол *trelować* в значении 'выводить трели' – производное от *trel*. В русском языке глагол *трелить* квалифицирован как устаревший. Ср.: *трелить* 'Устар. Петь с трелями, делать трели'. В белорусском языке подобный глагол отсутствует.

Безусловно, особый интерес представляют случаи «расхождений» в близкородственных языках. Так, чрезвычайно любопытна «схема освое-

ния» средствами деривации лексемы *букет*. В белорусском языке отмечен глагол *букеціраваць*, однако не в значении (казалось бы, естественном!) ‘составлять букеты’, а в значении ‘проводить букетировку (праводзіць букеціроўку)’. Данный глагол отсутствует и в русском, и в польском языках, однако в обоих есть отвлеченное имя: *букетировка* и *bukieciarstwo*, соответственно. Данные имена прямо указывают на основную «специализацию» глаголов, если бы они были, или действий, которые могут быть дискретно представлены. Ср.: *букетировка* ‘Сел.-хоз. Посадка или прореживание культурных растений так, что они растут группами (букетами). Способ ухода за пропашными культурами, при котором сплошные ряды растений путем поперечной распашки разбивают на отдельные группы’; *bukieciarstwo* ‘умение (искусство) составлять букеты’. Польское *bukieciarstwo* по семантике резко отличается от русского и белорусского *букетировка* (*букеціроўка*) с исключительно «сельскохозяйственной» ориентацией (А как бы хотелось «работать» в «поле» составления букетов! Нет тебе! Только «пропашные культуры»!). Таким образом, «пакет различный» в данном случае будет состоять в следующем: в белорусском языке оппозиции *букет* – *букеціраваць*, *праводзіць букеціроўку* в русском будет соответствовать деривационная пара с действием, представленным исключительно аналитически: *букет* – \cap , *проводить букетировку*. Семантическую линию, более рельефно очерченную в польском языке (ср. семантику слова *bukieciarstwo*), русский и белорусский языки представят на несловообразовательном уровне. Ср.: *букет* – \cap , *составлять букет(ы)*, *заниматься составлением букетов*; *букет* – \cap , *састаўляць букет(ы)*, *займацца састаўленнем букетаў*.

Всегда представляется заманчивым проследить тождества и различия в близкородственных языках от изолированных слов, коррелятивных последним деривационных сочетаний, к **объединениям родственных единиц разной степени сложности** (словообразовательные пары, цепочки, парадигмы) и разных уровней (фрагменты деривационных гнезд).

К примеру, доминанта синонимического ряда лексемы *слабый* (*слабы*) в русском и белорусском языках представлена параллельными единицами и однотипными производными глаголами модели «становиться каким» (*слабый* – *слабеть*, *слабы* – *слабець*), однако паре *хилый* – *хилеть* русского языка в белорусском языке соответствует синтетико-аналитическое объединение следующего вида: *кволы* – \cap , *станавіцца кволым*. И, напротив, семантическая структура белорусского слова *гладкі* полностью соответствует «набору» значений (и их упорядоченности) русского слова *гладкий*. Однако, в отличие от русского языка, в белорусском 3-е значение способно быть представлено в производном глаголе (*гладчэць* – *станавіцца больш гладкім*). Любопытно, что более сложные в морфемном отношении структуры русского языка (*сглаживаться*, *сгладиться*) подобной семантики не отражают. В польском языке номинативный ряд глагола, образованного от прилагательного *gladki* ‘гладкий, ровный’, представ-

лен исключительно аналитическими единицами (словосочетаниями): \cap , *stawać się gładkim* – \cap , *stawać się bardziej gładkim* – \cap , *stawać się mniej gładkim*. Аналогично: *surowy* ‘суровый’ – \cap , *stawać się surowym*; *trwały* ‘прочный (материал)’ – \cap , *stawać się trwałym*. И, напротив, синтетизму в польском языке может соответствовать аналитизм в русском. Так, в русском языке отсутствуют синтетические соответствия польским глаголам *głodnieć* ‘становиться голодным, начинать испытывать голод’ и *głodzić* ‘морить голодом’ (при тождественном русскому *głodować* ‘голодать’).

Есть, безусловно, и случаи достаточно однотипного отражения структуры соответствующих номинативных рядов. Сравните: *twardy* – *twardnieć* ‘твердеть’, *stawać się twardym*, *stawać się bardziej twardym*; \cap , *stawać się tniej twardym* и *твердый* – *твердеть, становиться твердым, становиться более твердым*; \cap , *становиться менее твердым*.

Семантически и формально идентичные наименования тождественных понятий могут различаться морфонологически в том смысле, что в одном языке производная глагольная номинация появляется, а в другом – нет. Ср.: *плужок* – \cap и *плужок* – *плужкаваць* (*працаваць плужком*). Правда, здесь это объясняется тем, что в белорусском слове *плужок* отсутствует суффикс «уменьшительности» *-ок*. Однако в ряде случаев глагол отсутствует и в том случае, когда видимых морфонологических барьеров нет. Ср.: *пług* – \cap , *идти за пługом* (хотя: *друг* – *дружить*, *враг* – *враждовать*). Любопытно, но в белорусском языке, при активности модели на *-аваць*, глагол здесь отсутствует. В польском языке (при еще более активной модели на *-ować*) также глаголы отсутствуют: *plug* – \cap , *plużek* – \cap . Причем известно новообразование *plużyć* в значении ‘4. Спорт. тормозить пługом’ (в лыжном спорте) [127, т. 2, с. 54]. В русском языке данное значение получает все большее деривационное развитие. Ср., например, в спортивном репортаже о соревнованиях биатлонистов: Ему все время приходится *подпуживать*. Почему в 3-х языках действие по прямому назначению орудия не реализовалось в глаголе – просто загадка. К слову говоря, в русском языке существовало два наименования деятеля (**плугарь* и **плужник*), однако глаголов, коррелятивных данным именам, не зафиксировано (ср., например, **плужничать*). Хотя сравните в белорусском языке: *плугарь* – *плугарыць*.

Укажем еще на ряд случаев, учитывая то обстоятельство, что «если близкородственные языки развиваются в условиях культурных, а следовательно, и языковых контактов, развитие идет путем параллельного выравнивания этих структур» [13, с. 253].

Более сложные в морфемном отношении структуры в белорусском языке появились «под давлением» русского. Это в полной мере касается различных фрагментов словообразовательных парадигм и цепочек. По нашим наблюдениям, в целом ряде деривационных фрагментов, в основе своей совпадающих в русском и белорусском языках, различия касаются наличия/отсутствия достаточно простых по структуре лексем. Например:

в русском языке в составе глагольной «составляющей» деривационного поля «счастье» отсутствует «морфемноподобный» эквивалент белорусского глагола *шчасціць* ‘Шанцаваць’ (‘Везти’ в смысле *Ему везет*), а также является устаревшим (в отличие от белорусского) простой по структуре глагол *счастливить* ‘Устар. Делать счастливым, давать счастье’ (сравните бел. *шчаслівіць* ‘1. Рабіць шчаслівым каго-н. 2. Разм. Шанцаваць’). Указанным значениям в русском языке соответствуют более сложные в морфемном отношении структуры (*осчастливливать, осчастливить*), вероятно, просто заимствованные белорусским (*ашчасліўліваць, ашчаслівіць*).

Если «отслеживать» наличие параллельных структур в русском и белорусском языках, то можно обратить внимание на «дублирование», если можно так выразиться, структур более сложных, морфемно более осложненных, нежели простых. Например, в белорусском языке нет слов *пруд, прудить*, но уже есть *запруда, запрудзіць, запруджваць*; нет слова *снежить* (ср. разг. *снежит* – ◌, *ідзе снег*), но есть *аснежыць*. Можно сказать так: два очень близких друг другу языка при наличии большого количества общих лексем и их производных, вполне могут каких-то не иметь. И связано это с тем, что в общем (!) лексическом фонде двух языков есть своеобразное **перераспределение** тождественных значений по разным (и вместе с тем общим для двух языков!) лексемам. Например, глаголу *прудить* ‘устанавливать пруд’ в белорусском языке существует соответствие *гаціць*, семантика которого шире (!) аналогичного глагола в русском (*газить*) и включает не только значение 1. ‘Рабіць гаць, пракладаць дарогу праз балота’, но и 2. ‘Перакрываць, запруджваць ваду ў рацэ плацінай’. Соответственно, производящее слово *гаць* в белорусском языке шире по семантике слова *гать* в русском, обозначая в том числе и 2. ‘Плаціна, якую ставяць, каб павысіць узровень вады ў рацэ; запруда’. С этим, вероятно, связаны как различия в лексических и словообразовательных подсистемах двух языков, так и причины различной степени разветвленности тех или иных общих (!) деривационных фрагментов.

Семантически родственные понятия могут иметь такие морфемные структуры, которые различаются по своему потенциалу дальнейшей проекции в глагол. Ср.: *воскресенье* – ◌ и белорусское *нядзеля* ↓ *нядзеляваць* ↓ *заядзеляваць* (*застацца на нядзелю*). Ср. также: *лопата* – *лопатить, лопатка* – ◌ и *лапата* – *лапаціць, лапатка* – *лапаткаваць* (*працаваць лапаткай*).

Близкородственные языки могут существенно различаться протяженностью таких объединений родственных единиц на синтагматической оси, как **словообразовательные цепочки**. Сравните, например, в русском языке: *заря* – *зоревать* – *позоревать* ‘Обл. Совершить какое-либо действие на заре, предпринять что-либо на заре’; в белорусском языке: *зара* – *зараваць* ‘Сустрэкаць зару’ – ◌; в польском языке: *zorza* – ◌ – ◌.

Активность уже упоминавшейся словообразовательной модели на *-ава-(ць)* может приводить к разветвлению в белорусском языке слово-

образовательных цепочек от имен, общих с русским языком, но не имеющих в последнем подобного деривационного «продолжения». Сравните зафиксированное еще в 1771 г. русское *комель* ('Прилегающая к корню часть дерева, растения // Толстый конец бревна // Нижний конец чего-л., сделанного из дерева' [101, т. 5, с. 1229]), но так и не получившее дальнейшего деривационного развития в глаголе (у А. Н. Тихонова отмечены лишь неглагольные дериваты: *комелек, комлевый, окомелок* [106, т. 1, с. 459]). В белорусском же языке появление в свое время новообразования *адкамляваць* '*пазбавіць комля*' свидетельствует о существовании целой подсистемы родственных единиц, а именно словообразовательной цепочки: *камель – камляваць – адкамляваць*. Причем следует особо подчеркнуть, что рассматриваемый белорусский глагол представляет значение, соответствующее такому конкретному действию, которое, безусловно, является актуальным для этих двух близких славянских культур.

Известно, что богатый материал для выявления тождеств и различий в близкородственных языках может дать сопоставление **словообразовательных парадигм** и их фрагментов. К примеру, общее для русского и белорусского языков слово *погода* весьма своеобразно проецируется в систему глагольных дериватов, по-разному «вычерчивая» границы деривационного пространства. Так, в русском языке *погодить* обозначает 'Быть ненастной погоде', а в белорусском *пагодзіць* Разм. 'Пра добрае, спрыяльнае надвор'е'. Отсутствующее уже в русском языке *пагодзіцца* 'Рабіцца пагодлівым' мотивируется прилагательным *пагодлівы* в значении 'Добры, ясны, цеплы'. Подобное прилагательное отмечается и в [101]: *погодливый*, однако с пометами устар. и обл. и с 2-мя (!) значениями '1. Ненастный, дождливый, холодный. 2. Ясный, солнечный, теплый'. Таким образом, совершенно очевидно, что формально однотипные глаголы в русском и белорусском языках «закрепили» диаметрально противоположные семантические линии (см. 1 и 2), мирно уживавшиеся в более раннем прилагательном *погодливый* (рус.). В белорусском языке прилагательное *пагодлівы* известно лишь в одном значении, с которым и связан производный глагол. Следует отметить, что в русском языке имеются прилагательные *погожий* 'Ясный, теплый' и *погодный* '1. Относящийся к погоде. 2. Устар. и обл. То же, что *погожий*', а также глаголы *распогодиться, распогоживаться* '1. Становиться ясным, погожим. 2. О наступлении ясной, солнечной погоды'. Ср.: День окончательно *распогодился*. В белорусском языке последним соответствуют по два (!) эквивалента: *распагодзіцца, выпагодзіцца; распагоджвацца, выпагоджвацца*. Добавим к «полно хорошей» погоды глагол *опогодиться* 'О наступлении ясной погоды (после дождя, снега и т. п.)'; в белорусском *апагодзіцца* 'Тое, што і распагодзіцца'. Любопытно, что тема «плохой, ненастной погоды» в русской языковой картине мира получает достаточно неожиданное (с точки зрения морфемики) продолжение, не имеющее структурных соответствий в белорусском языке. Ср.: *занепогодить* 'Прост. О наступлении ненаст-

ной погоды' – ◊ (хотя и в белорусском языке есть слова *непагода*, *непагадзь*, *непагодлівы*; ср. в русском: *непогода*, *непогодь*, *непогожий* (день); *размокропогодить*, *размокропогодиться* 'Сделаться дождливым, сырым (о погоде)'; Ср. также: *мокропогодица*, *размокропогодье*. Правда, [96] приводит в качестве эквивалента русскому глаголу *размокропогодиться* (прост.) более конкретное *задажджыцца* 'Пра зацяжныя дажджы, дажджлівае надвор'е' – ◊. Ср.: *Задажджылася* на цэлыя суткі. При этом следует отметить, что в русском языке подобного производного глагола от слова *дождь* нет, хотя имеются глаголы *дождить* и *задождить* (в белорусском: *дажджыць*, *задажджыць*). Следует помнить и о том, что в белорусском языке есть слово *надвор'е*, не имеющее «проекции в глагол».

Различия в степени «деривационного освоения» языкового пространства могут быть связаны и с различием в статусе исходной корневой лексемы. Лексическим эквивалентом русскому слову *туча* является белорусское *хмара*. В [101] подобная единица отмечается, но с пометой «областное»: 1. 'Темная туча, облако'. 2. 'Мгла, темнота'. 3. // Перен. 'Тяжелый сон с гнетущими видениями, кошмар'. Приведен и ряд производных: *хмарный*, *хмарно*, *хмарь* [101, т. 17, с. 238–239]. В белорусском языке этот ряд шире и, что существенно, включает в свой состав глаголы. Ср.: *хмаравы*, *хмарка*, *хмарна*, *хмарнасьць*, *хмарны*; *хмарыць* 'Затягивать тучами', *хмарыцца* 'Затягиваться тучами, становиться пасмурным', *захмарыць* 'Покрыть облаками или тучами', *захмарыцца* 'Затянуться тучами'. Ср. также *захмарье* 'Заоблачная высь', *надхмарье*, *хмурына* Разг. 'То же, что и *хмара*'. С точки зрения теории и практики перевода заслуживают внимания следующие контексты: 1. *А нябёс не ўпрасіў... Адабралі, захмарылі мой асенні дзянек* (М. Лужанін). *Захмарыла ўжо восень неба...* (А. Вялюгін). 2. *З раницы захмарылася, падзьмуў моцны вецер* (Е. Лось). 3. *Трохі хмарыць* (А. Зарыцкі). *Можэ, што стаяла цудоўная раница: хмарыла, як на дождж...* (В. Карамазаў). В подобных случаях, по всей видимости, однословные эквиваленты в русском языке отсутствуют. Ср.: С утра <небо> затянуло тучами. Однако известная «широта» синонимических связей и контексты типа «хмурое утро», «небо хмурится» выводят нас на еще один деривационный фрагмент родственных единиц. Рус.: *хмурый* 1. 'Облачный, пасмурный, ненастный. О погоде'. 2. 'Насупившийся, угрюмый, мрачный. О человеке'. 3. Перен. Гнетущий, безрадостный'; *хмурь* разг. 1. 'Сумрак, темнота, хмурость'. 2. 'Угрюмость, мрачность' // Сумрачное выражение лица, взгляда; *хмурный* устар. 'То же, что *хмурый*'; *хмурить* 'Мрачнеть, морщить, насупливать (брови, лоб)'; *хмуриться* '1. Мрачнеть, сдвигая брови, морща лоб; насупливаться. 2. Покрываться тучами, становиться пасмурным. О небе. 3. Темнеть, мрачнеть. О местности, обстановке, предметах (перед дождем, в сумерки)' [101, т. 17, с. 246–250]. Бел.: *хмурны* 1. 'Пахмурны, воблачны (пра неба, пагоду, пару года, частку сутак). 2. Перан. Сумны, пануры (пра чалавека) // Які выражае суровасць, панурасць, заклапочанасць'; *хмуры* 'Тое, што і хмурны'; *хмурына* 'Тое, што і

хмара'; *хмурьць* 'Панура або задумліва моршчыць, насупліваць (лоб, бровы); *хмурыцца* 1. 'Пакрывацца хмарамі, станавіцца хмурным' (пра неба) // Станавіцца пахмурным, хмарным (пра пагоду). 2. Перан. Станавіцца хмурным, насупленным // Моршчыцца, насуплівацца, выражаючы неспакой, хваляванне, турботу (пра лоб, бровы). // Злавацца на каго-н.; *хмурнець* (1-е і 2-е л. не употр.). 1. 'Рабіцца, станавіцца хмурным, воблачным'. 2. Перан. 'Станавіцца хмурным, панурым' [108, т. 5, с. 206].

Говоря о сопоставлении словообразования в близких по родству языках, следует иметь в виду и своеобразие, «непредсказуемость» конкретного деривационного шага. Так, в русском и белорусском языках достаточно однотипны соответствия: лысеть, залысеть, полысеть, облысеть (*лысець, залысець, палысець, аблысець*). Однако в белорусском языке имеется глагол *залысіць* 'Стесать кору на каком-либо участке ствола дерева', представляющий собой явление метафорической мотивации. Ср. отсутствие каких-либо прямых связей со словами *лысеть, лысина* и даже 2-м значением слова *залысіна* '2. Пятно на лбу у животного белой или более светлой окраски, чем вся шерсть' [101, т. 4, с. 628]. Осмелимся также предположить, что если бы подобное слово было отмечено в русском языке, то, скорее всего, оно имело бы характер диалектного и в академическом словаре имело бы помету «областное».

Практически равноценные (в сопоставительном плане) префиксальные парадигмы глагола *шпилить* (*шпіліць*) в русском и белорусском языках (*зашпилить, нашпилить, отшпилить, перешпилить, подшпилить, пришпилить*; *зашпіліць, адшпіліць, перашпіліць, падшпіліць, прышпіліць*) представляют достаточно небольшой спектр значений. Поэтому в некоторых случаях можно говорить о своеобразной словообразовательной «избыточности». Сравните очевидную синонимичность в интерпретации глаголов *зашпилить, нашпилить* и *пришпилить*: *зашпилить* 'Заколоть шпилькой, булавкой и т. п. для соединения, скрепления', *нашпилить* '1. Приколоть шпилькой, булавкой', *пришпилить* 'Приколоть что-либо шпилькой, булавкой'. Причем близкое родство русского и белорусского языков «закреплено» и в передаче некоторых частных словообразовательных значений. Ср.: *отшпилить* (*адшпіліць*) 'Разг. Отколоть что-либо, прикрепленное шпилькой, булавкой', *перешпилить* (*перашпіліць*) 'Зашпилить, заколоть заново и иначе', *подшпилить* (*падшпіліць*) 'Подбирая вверх, приколоть шпилькой'. Заслуживает особого внимания дальнейшее «префиксальное усложнение» белорусских дериватов, постоянно фиксируемое в словарях. Ср.: *пазашпільваць, паадшпільваць, папрышпільваць*. Безусловно, это связано с существованием некоторых различий в самих словообразовательных системах. Так, в русском языке отсутствует глагольный деривационный тип со значением 'Продолжительность или многократность действия' типа *папапрасіць, папамучыцца, папанасіць, папаенчыць, папавазіць, папаесці, папазбіраць*. Значение белорусской приставки *папа-* в русском языке передается с помощью деривационных ком-

понентов *долго* и *неоднократно*: *napaxadzićь* – ‘долго ходить’, *napakry-
чаць* ‘кричать долго, неоднократно’.

Интересно в сопоставительном плане и новообразование *пераш-
пількаваць* ‘замяніць шпількі’.

В польском языке префиксальная парадигма соответствующего глагола «лишена» производных с префиксами *na-*, *ot-*, *prze-* и *pod-*. Существует лишь видовая пара *przyszpilić* – *przyszpilać* ‘пришпилить – пришпиливать’, глаголы *zazspilić* ‘обл. зашпилить, заколоть’ и *szpilkować* ‘прибивать деревянными шпильками’. Частные словообразовательные значения, зафиксированные в префиксальных производных русского и белорусского языков, в польском, вероятно, реализуются средствами иных уровней (хотя сравните: *отшпилить* – *odpiąć*). Таким образом, на данном участке деривационной системы польский язык обладает меньшей степенью синтетизма, нежели русский и белорусский.

Определенные, собственно деривационные факты, достаточно зримо указывают на связь с лексикой, лексической подсистемой языка. Так, в белорусском языке глагол *густаваць* – производное от *густ* «вкус» – любопытен тем, что его мотивирующее связано с реализацией лишь определенной части значений, коррелятивных русскому слову *вкус*. А именно: *вкус* ‘2. Развитое чувство изящного, повышенная способность эстетического восприятия и оценки. 3. Художественная манера, стиль, школа. 4. Склонность, интерес, любовь к чему-л.’. Первому значению (‘1. Ощущение, возникающее при раздражении слизистой оболочки языка какими-либо веществами; качество, свойство пищи, ощущаемое при еде’) в белорусском языке соответствует слово *смак*. То, что семантическая структура русского слова *вкус* в белорусском языке «распределена» между двумя единицами (*смак* и *густ*), подтверждается и рядом устойчивых выражений. Ср.: *войти во вкус* – *адчуць (пачуць) смак, не в его вкусе* – *не на яго густ, (прыйтись) по вкусу* – *(прыйсіся) да густу* [96, с. 181]. И, самое главное, эти различия сказались на деривационной проекции в глагол. Если в русском языке глагол *вкусить (вкушать)* в прямом значении является уже устаревшим, и, говоря о еде, нам приходится довольствоваться сочетанием *попробовать на вкус* – \cap , то в белорусском языке в этом значении употребителен глагол *смаковать (смакаваць)*. Данная лексема коррелирует в других различных значениях и с русским глаголом *смаковать*, однако известно, что последний в русском языке получил особую «специализацию» и, скорее, обозначает «есть со вкусом, получать наслаждение от еды». Ср.: *смаковать* ‘1. Есть, пить, наслаждаясь вкусом чего-л.’. Так своеобразно переплетены собственно лексические различия с деривационными.

Особенности лексической семантики слова *смак*, глагола *смакаваць* в белорусском языке приводят к «расширению» соответствующего семантического и деривационного поля. Так, семантика русских глаголов *просмаковать* ‘Разг. Съесть или выпить, смакуя’ и *посмаковать* ‘Смаковать некоторое время’ полностью находит отражение в семантической струк-

туре белорусского глагола *пасмакаваць* (см. оттенок 1-го значения: 'Са смакам з'есці што-н.', и 2-е значение: 'Смакаваць некаторы час'). Однако 1-е значение белорусского глагола ('Папрабаваць на смак, пакаштаваць') в русском языке может быть выражено только с помощью словосочетания *попробовать на вкус* (ср.: [Апанас] узяў ложку, *пасмакаваў* боршч.) или более «общим», менее конкретным глаголом *попробовать*. Аналогична ситуация с белорусским глаголом *усмакаваць* 'Упадабаць якую-н. страву', точного деривационного эквивалента которому в русском языке нет. Например, в переводе предложения *Ён усмакаваў смажаныя грыбы* на русский язык специфика белорусского глагола «растворится» в более общем синониме *полюбил* (хотя есть в белорусском языке глагол *палюбіць*) или в глаголе *понравиться*: *Ему понравились жареные грибы* (хотя и в белорусском языке есть «общий» глагол *спадабацца*).

Таким образом, становится очевидным, что лакуны могут обнаруживаться на «поздних» ступенях производности различных комплексных единиц системы словообразования. Так, в составе префиксальной парадигмы глагола *смаковать* можно выделить следующие единицы: *обсмаковать*, *просмаковать* и *посмаковать*. Первой из них (*обсмаковать* 'Разг. Есть, пить, смакуя. // Перен. Воспринимать что-либо с особенным удовольствием') в белорусском языке соответствуют два глагола: *абсмакаваць* и *асмакаваць*. Причем любопытно, что у глагола *асмакаваць* отмечен коррелят по возвратности *асмакавацца* 'Упадабаць што-н. па смаку'. Ср.: I рассказала пра тое, як мядзведзі *асмакаваліся ў* мёдзе (А. Васілевіч). Интересна интерпретация его значения в толковом словаре белорусского языка для школьников: 'Пачаўшы есці, адчуць смак у тым, што раней здавалася нясмачным' [10, с. 42]. Вряд ли семантика данного глагола соответствует по смыслу выражению *войти во вкус*, поскольку последнее менее всего касается процесса приема пищи. Ср.: *войти во вкус* 'Начинать ощущать удовольствие от чего-либо; постепенно проявлять все больше интереса, любви к чему-либо'. Отличается по значению и русский глагол *распробовать* 'Пробуя, определить вкус чего-либо'.

В отличие от русского и белорусского языков, в польском языке словообразовательная парадигма (в ее глагольной части) глагола *smakować* фактически ограничена одной единицей: *smakować* ↓ *posmakować*. И если семантическая структура глагола *smakować* ('1. (*próbować*) отвеживать, пробовать; 2. *быть вкусным*, нравиться: *to mi smakuje* это мне нравится; 3. находить в чем-л. удовольствие, наслаждаться чем-л.') коррелирует с глаголом *смакаваць* в белорусском языке, отличаясь от семантики русского глагола *смаковать*, то префиксальные производные в белорусском и польском языках также обнаруживают между собой некоторые различия. Сравните в польском *posmakować* во 2-м значении: *posmakować swobody* 'вкусить свободы' [127, т. 2, с. 124], вряд ли возможное для белорусского глагола.

Таким образом, с переходом к более сложным объединениям родственных единиц (в частности, словообразовательным парадигмам) «поле

различий» разного рода (семантических, словообразовательных) между близкородственными языками может существенно возрастать.

Сопоставительный анализ словообразовательных значений, представленных в производных глаголах и их аналитических соответствиях, позволяет не только описать собственно аналитические номинации, способы транспозиции слов различных частей речи в глагол, но и увидеть, как деривационное пространство глагола в близкородственных языках формируется целой системой комплексных деривационных структур, основанных на взаимодействии родственных единиц разных уровней, – номинативных рядов. Начиная с простейших микросистем, объединений производных глаголов с родственными им по корню словосочетаниями, номинативные ряды, подобно словообразовательным типам в системе словообразования, объединяются в своеобразные деривационно связанные фрагменты, которые участвуют в формировании целого ряда оппозиций. Анализ подобных микросистем, деривационных фрагментов в сопоставительном плане позволяет увидеть и такие различия, которые были «скрыты» под «маской» внешне совпадающих или мало чем отличающихся друг от друга словообразовательных типов, словообразовательных категорий, иных традиционно рассматриваемых объединений родственных единиц.

2.2. БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА И ДЕРИВАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС

В теории словообразования деривация как процесс противопоставляется деривации как результату. При этом обращается внимание не на созданные уже единицы, а на возможность построения новых и на выяснение причин отсутствия в системе словообразования таковых.

Как известно, среди способов глагольного действия в русском языке небольшим числом примеров представлена «многократность действия»: *знавать, говаривать, выезживать, езживать, держивать, леживать, сиживать, служивать, ужживать, хаживать*. Глаголы многократного СГД образуются при помощи суффиксов -ива- (-ыва-), -ва-, -а-, выражают *нерегулярное повторение действия в отдаленном прошлом* (обычно употребляются в форме прошедшего времени): все они несов. вида [122, т. 2, с. 32]. Как известно, «многократность» исторически восходит к формам имперфекта, которые могли передавать действие или состояние, длившееся или повторяющееся, имевшее место в прошлом на фоне событий, обозначенных формами аориста. Сравните: «У имперфекта два основных значения. Его формы показывают: 1) *длительность* действия, не ограниченного временем, – постоянную или развивающуюся в данном высказывании, и 2) *многократную повторяемость* действия, также не ограниченную временными пределами, – последовательную или прерывистую. Длительность действия или состояния в общем показана *лексически*, и

каждая группа глагольных основ своим лексическим значением определяет *характер* имперфекта» [31, с. 282].

В белорусском языке многократных глаголов нет, и дериватолога не может не интересовать проблема определения их точного эквивалента при сопоставлении. Обращение к лексикографическим источникам показывает, что отсутствуют данные о белорусских аналогах глаголам *держивать, служивать, выезживать, перехаживать* (см., например в [96]). Другим же глаголам, как правило, приводятся либо единицы, не являющиеся точными эквивалентами, либо словосочетания с достаточными частотными деривационными компонентами. Примеры первых: *знавать* – *ведаць, знаць, сиживать* – *сядзець, уживать* – *вудзіць* (ср. рус. *удить рыбу*). Примеры вторых: *говаривать* – *часта (не раз) гаварыць (казаць)*, *хаживать* – *часта (не раз) хадзіць, ежживать* – *часта (не раз) ездзіць, леживать* – *ляжаць не раз, сиживать* – *часцяком сядзець*. Существенно, что некоторые глаголы в других значениях имеют соответствующие эквиваленты: *выезживать* (приучать к езде) – *аб'язджаць, выезджаць; перехаживать* (нсв) – *пераходжаць*.

Аналогична ситуация при сопоставлении русского языка с польским: *бывать* 1) (быть, иметься) – *буваць, быць*; 2) *буваць, odbywać się* вечерами он бывает дома *wieczorami bywa w domu*; *бывать* – *tylko cz. pczeszly ndk wkc pot. bijać; говаривать* – *tylko cz. pczeszly ndk wkc pot. mawiać; видывать* – *tylko cz. pczeszly ndk wkc pot. widywać; ежживать* – *nieraz jeździć; знавать* – *znać* (w swoim czasie), я знавал его еще раньше *znałem go już o wiele wcześniej; певать* – *śpiewać; саживать* wkr. do *садить* и *сажаць* (перевода нет!); *слыхивать* – *słuchiwać, słyszeć* слыхивал я не раз эту историю – *słyszałem nieraz tę historię* [127].

Эти и другие, подобные рассматриваемым, факты позволяют увидеть, как значения словообразовательных морфем могут быть выражены на несловообразовательном уровне с помощью различных деривационных компонентов (*сильно /слегка* – интенсивность действия; *не раз, много раз /один раз* – многократность/ однократность действия). А именно: в сочетаниях с некоторыми наречиями, семантическая структура которых предрасполагает к представлению *деривационных значений*, а сами наречия (некоторые из них) способны «забыть» о своем статусе знаменательной части речи и выступить в качестве деривационных компонентов в составе некоторых типов словосочетаний. Семантика некоторых наречий столь очевидна (или, напротив, сложна?), что в толковых словарях никак не объясняется. Ср.: *Часто*, сравнит. степ. *чаще* [101, т. 17, с. 783]. Удивительно, но никаких (!) семантических толкований к наречию не приводится. Случайно ли?! Причем слово расположено внутри (!) словарной статьи прилагательного *частый*. *Часто, чаще*. Нареч. к *частый* [100, т. 4, с. 655]. Аналогично: практически отсутствует информация о такой единице, как *не раз*. Лишь методом «от противного» можно лексикографически подтвердить, что *не раз* обозначает *многократность*. Срав-

ните: *Раз 1 1*. 'В сочетании с числительным *один* или без него указывает на *однократность* какого-либо действия' [100, т. 3, с. 582].

Учитывая сопоставительный анализ русских многократных глаголов и их соответствий в белорусском и польском языках, можно прийти к выводу о способности слова *часто* выступать в деривационной функции (если вообще не признать за ним этой функции как основной!) и в русском языке. При этом важно понимать, что есть различные с семантической точки зрения наречные компоненты. Ср.: <> *говорить с жаром*, ~ с увлечением, ~ с чувством (оба компонента равноценны, учитывая их «вклад» в формирование лексического значения словосочетания) и *говорить часто (не раз)*, где вторые компоненты являются лишь *параметрическими указаниями на частоту действия*. Приведем некоторые примеры. – Я человек мягкий, слабый, век свой прожил в глуши, – *говаривал* (не раз, часто говорил) он... (И. С. Тургенев). Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «окончить мое воспитание», как *говаривалось* (часто говорилось) тогда... (И. С. Тургенев). *Езживая* многокр. То же, что *езжать* (!). 'Несколько раз, часто ездить'. То были раздольные, пространные, поемные травянистые луга..., места, подобные тем, куда *езживали* (часто ездили, не раз) богатыри наших древних былин... (И. С. Тургенев). (Ларина) *езжала* (часто ездила) по работам... (А. С. Пушкин). Жены и дочери *редко езживали* к Кириллу Петровичу (А. С. Пушкин). В последнем предложении отмечен пример деривационного сочетания с наречием *редко*, да еще с многократным глаголом! Следует особо отметить, что антонимичное наречию *часто* слово *редко* является единственным способом представления в деривации глаголов. Существенна и лексикографическая интерпретация этого наречия. *Редко*, нареч. <> Редко когда. Изредка, не часто [101, т. 13, с. 1123]. Лексичность слова *редко* не оказалась в «поле» абстрагирующей способности словообразовательной семантики (в противовес *часто*). Нет в системе словообразования аффиксов, которые были бы способны передать значение сочетаний типа *редко говорить*, *редко ходить* и т. п., хотя совершенно очевидна частотность в системе языка подобных сочетаний. Любопытен, в этой связи, и следующий пример. *Нередко* в такие чудные вечера *сизживали* мы вместе с Кириллычем (К. М. Станюкович).

При употреблении некоторых глаголов СГД встречаются случаи, когда деривационный компонент – экспликатор специфики СГД может присутствовать в роли своеобразного «усилителя», маркера при самом глаголе. Ср.: *проговорить* – говорить *некоторое время* и *проговорить некоторое время* (три часа – лексически уточняющая конкретизация). Сравните: [Дубровский] с большим прилежанием следовал за музыкальными успехами ученицы и *часто по целым часам сизживал* с нею за фортепьяно (А. С. Пушкин). Когда мы в Луге жили, я у ней *по целым дням сизживала*... (Ф. М. Достоевский). Прокофий Иванович *часто* и подолгу *сизживал* в тюрьмах, в семье привыкли к обыскам и арестам (С. Крем-

лев). Налицо «усиление» многократности и в следующем предложении: Между тем он (Карамзин) *часто говаривал* мне, что ему хотелось бы писать отечественную историю (И. Дмитриев).

Есть, безусловно, и более тонкие различия. Например: 1) *сиживал в тюрьмах* – приходилось сидеть *не раз* и 2) *часто* и *подолгу* сиживал в тюрьмах, где это «не раз» получает дополнительную временную характеристику.

Тенденция к разрушению многократности как категории приводит к тому, что в случаях ослабления значения многократности в самих глаголах она (многократность действия) могла дополнительно представляться лексически, точнее на лексико-derivационном уровне. Ср.: <часто> по целым часам *сидел* с нею за фортепьяно. Не секрет, что в ряде случаев многократность глагола не ощущается, и он может быть заменен на обычный глагол. Приведем некоторые примеры. *Держивать*. Устар. и в простореч. – Видишь: ветх, истлел, скот пасу, – держу посох. А не копие. – А и копие *держивал*? – Многожды (С. Бородин). Ср.: Ты ружье хоть раз **держал**? (Отец) не *держивал* у себя никогда более двух или трех борзых собак (А. Т. Болотов). В данном случае многократность не эксплицируется посредством derivационных компонентов *часто*, *не раз*. *Служивать*. Устар. Многокр. к служить. – Захарьиным нам, – говорили они, – не *служивать* (А. П. Платонов). Мало ли чиновников *служивало* в разных присутственных местах (В. Б. Ливанов). – Давно мы с тобою, друг, молебнов не *служивали* (А. И. Левитов).

Возвращаясь же к тем многочисленным случаям употребления слова *часто* (*не раз*) при глаголе, следует отметить, что при общепризнанном подчиненном положении наречия по отношению к глаголу все-таки следует констатировать и такие факты, когда эта «подчиненность» позволяет уравнивать по статусу наречия в достаточно определенных употреблениях с аффиксами (см. подробнее об этом в [66, с. 179–185]).

Способность наречий функционировать не самостоятельно, «соорганизовывать» конструктивно более сложную единицу косвенно подтверждается местом наречий в истории языка. Общеизвестно, что большинство наречий – результат «перехода» других знаменательных частей речи. Так, общеизвестно, что многие из обстоятельственных наречий «переходят» в предлоги. Ср.: «В систему предлогов вовлекаются только обстоятельственные наречия; объясняется это тем, что у наречий этого типа связь с глаголом несравненно слабее, чем у наречий качественных: обозначая нечто внешнее по отношению к процессу, а не те или иные качества, ему присущие, эти наречия не примыкают собственно к глаголам и не образуют с ними тесно связанного и внутренне объединенного сочетания слов» [117, с. 28]. Примечательно, что автор, признав «только» за обстоятельственными наречиями способность утратить свою самостоятельность и перейти в предлоги, вместе с тем констатирует, что наречия качественные образуют с глаголом «тесно связанное и внутренне объединенное

сочетание слов». Мы же считаем, что в целом ряде случаев не очевидными для исследователей результатами указанных выше *внутренне объединенных единств* являются *сочетания слов и неслов*, или слов, функционально соответствующих морфемам. И здесь нам видится живой процесс «проникновения» аналитизма, предпосылки к его становлению и развитию на рассматриваемом участке номинативной системы. Факты собственно словообразования «окружены» фактами деривационного аналитизма.

2.3. РУССКО–БЕЛОРУССКИЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТУРНО–ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Близкое родство русского и белорусского языков, как известно, отчасти обусловлено общностью исторических и культурных связей между этими славянскими народами. Значительна близость лексического состава, морфологии и синтаксиса. Тем больший интерес вызывает весь комплекс нетождеств и различий, обнаруживаемых при сопоставлении, казалось бы, внешне тождественных деривационных подсистем.

В настоящей статье мы хотели бы остановиться на следующем ряде вопросов. Что собой представляет производная лексика белорусского языка (в своей основе родственная русскому), *отсутствующая в языке русского*, относящаяся к так называемой сфере безэквивалентности? Каковы тематические группы данной лексики? Как обнаруживаемые различия связаны: а) с особенностями истории и культуры белорусского народа и б) с особенностями словообразования в белорусском языке?

В нашем, не претендующем на исчерпывающую полноту, анализе хотелось бы прежде всего обратить внимание на ту область различий, которая касается *мотивированной лексики* белорусского и русского языков. Здесь вполне возможно выделение не только отдельных слов (лакун в том или ином языке), но и целых групп единиц, которые в некотором количестве «порождены» одной словообразовательной системой и отсутствуют в другой. К примеру, в белорусском языке достаточно большой и хорошо дифференцированной предстает группа единиц, обозначающих временные отрезки и поры года. Сравните: *змярканне* ‘Наступление сумерек’, *напрадвесні* ‘Ранней весной, в конце зимы’, *нацямочку* ‘Перед рассветом’ (ср. в рус. *Встать засветло*), *налета* Разг. ‘В будущем году, будущем летом’, *налеце* Обл. ‘Лето следующего года’, *надвячоркам* ‘Перед наступлением вечера’, *надранне* ‘Преддугреннее время’, *летась* ‘В прошлом году’ (ср. также существительное *лецішча* ‘Дом, где живут летом’).

Вызывают интерес также глаголы, обозначающие действия, «сопряженные» с некоторыми временными промежутками: *заднець* ‘О времени приближения рассвета’, *заасянець* ‘Повернуть на осень’, *заасяніць* ‘Стать похожим на осень (по погоде)’, *зараваць* ‘Встречать зарю’, *зарэць* ‘Зани-

маться на зарю’, *днець* ‘Заниматься на день’, *пералетаваць* ‘Пережить лето’, *падначоўваць* ‘Ночевать время от времени’, *тыдняваць* ‘Заниматься чем-либо в течение недели’, *злеціцца* ‘Сделаться теплой, как в летний день (о воде)’...вада і не падумала *злеціцца* такой гарачыней...; *лунаць* ‘Распространяться, расходиться в пространстве’. Потым над прыціхлымі прасторамі Даўгавы доўга *лунала* беларуская песня (С. Александровіч); ...небасхіл, над якім нашы песні *лунаюць*... (М. Танк); *вечараваць* ‘Коротать время вечером’.

Среди производных имен существительных отдельно следует отметить группу слов, характеризующих в той или иной степени родственные отношения. Например: *сямейнік* ‘Член семьи’, *млынароўна* ‘Дочь мельника’, *пісароўна* ‘Дочь писаря’, *леснікоўна* и *леснічоўна* ‘Дочь лесника’, *старастроўна* ‘Дочь старосты’, *ткачоўна* ‘Дочь ткача’. Ср. в русской диалектной речи: *батькишина* и *батьковна* волог. ‘Дочь, похожая на отца или любимая им более других детей’ [41, с. 13]. Важно отметить, что «исходные» имена могут выступить в качестве производящих основ для целой группы производных, по тем или иным причинам отсутствующих в русском языке. Ср.: *леснічоўка* ‘Дом лесника и его семьи’, *леснікаваць* ‘Выполнять работу лесничего’, *лясоўка* (обл.) ‘Лесная яблоня, плод такой яблони’, *млынарышча* и *млыншча* ‘Место, на котором стояла мельница’. В последнем случае морфологические особенности белорусского слова *млын* ‘Мельница’ позволяют эксплицировать значение, не имеющее однословного коррелята в русском языке.

Достаточно активной для системы белорусского словообразования является следующая модель: *леопардзяня* ‘Детеныш леопарда’, *ластавяня* и *ластаўчяня* (*ластаўчанё*) ‘Птенец ласточки’, *крацяня* ‘Детеныш крота’, *сабачяня* (*сабачанё*) ‘Маленькая собачка’, *салаўяня* ‘Птенец соловья’ и даже *удадзяня* ‘Птенец удода’. Как известно, появление некоторых слов может объясняться и экстралингвистическими факторами. Осмелимся предположить, что бел. *кратоўка* ‘Норка крота’ и разг. *кратавінне* ‘Холмики земли, накрытые кротом’ – результат действия и этих причин.

Одной из самых интересных и значительных по числу дериватов групп являются производные, в той или иной степени обозначающие различные «точки» пространства. Например: *завуголле* ‘Место за углом дома, за домом’, *прылужжа* ‘Местность, окаймляющая луг’, *захлеўе* ‘Место за хлевом’, *хлевшча* ‘Место, где стоял хлев’, *азярышча* ‘Место, где прежде было озеро’, *засень* и *зацень* ‘Затененное место’, *зацішак* ‘Укрытое (тихое) место’, *забалаць* ‘заболоченное место’, *загароддзе* ‘место за огородами’, *залужжа* ‘о том, что расположено за лугом’, *замчышча* ‘место, где стоял или стоит замок’, *невараць* ‘Место, откуда не возвращаются’. Залішне шмат у ім [слове] таго, што добра распачыналася, але знікла дазвання ў *невараці* (В. Акудовіч)... Юлька... падпісала штосьці страшнае пра каханага хлопца, якога варанок павез у *невараць*... (У. Арлоў); *натанч* ‘Натоптанное ходьбой или ездой место на земле’. Гняды і Уюн упэўнена сту-

паюць па коўзкай *натапчы* зімовай дарогі вострымі шыпамі новых падкоў... (Я. Брыль); *надрэчча* 'Местность, прилегающая к берегу реки', *наддольны* 'Находящийся в надземном пространстве (над долом)'. Лясны жаваранак вольны, снуючыся ў яснай далі, песню пеў у жытнім кліне і будзіў прастор *наддольны*' (Я. Колас), *надзем'е* 'Надземное пространство'. Шэптам задавалення шушукаліся суседнія дрэвы і ...неслі іх далей па лесе, аддавалі мурожнай траве на лузе, аксамітным руням засеваў на полі і вечна рухлівым хвалям рэк, а срэбраныя ніці тужлівага месяца пераносілі іх у прасторы маўклівага *назем'я* (Я. Колас)... Пакутуюць у *надзем'і* і духі тых, хто пры жыцці не выканаў свайго зямнога прызначэння (К. Цвірка), *надлужжа* 'Пространство над лугом'.

Любопытно, что в ряде случаев речь идет о достаточно детализированном представлении «пространственных координат», а сочетание «морфонологической свободы» производящей основы и активности префиксов приводит к появлению целой группы производных. Сравните: *прылужжа*, *надлужжа*, *залужжа* 'о том, что расположено за лугом'; *надрэчча* 'Местность, прилегающая к берегу реки', *узрэчча* 'Место, расположенное у реки' (ср. в русском *заречье* 'Место, расположенное за рекой'); *забалаць* 'заболоченное место', *узбалотак* и *ўзбалоцце* 'Край болота'.

В белорусском литературном языке, в целом ряде конкретных наименований содержится точная «пространственная» мотивировка номинации. Сравните: *падвоканне* 'Место снаружи дома под окнами', *падмосце* 'Место под мостом', *падстолле* 'Пространство под потолком', *падстрэшыша* 'Место под нижним краем крыши какого-либо строения'; *прыгрэбнік* (*прыгрэбак*) 'Пристройка перед входом в погреб', *прыклецце* 'Место перед клетью', *прысады* 'Деревья, посаженные возле, вдоль или около чего-либо', *прысценак* 'Боковая пристройка', *прыямак* 'Небольшая яма специального назначения перед или под чем-либо'; *пазахлеўе* 'Место за хлевом'. Причем значительная часть слов характеризует быт и уклад жизни человека на селе, что, естественно, не удивительно, зная историю становления и развития Беларуси.

Как видно, среди рассматриваемых номинаций встречаются производные для обозначения «координат» пространства не только конкретного, но и (в той или иной степени) абстрактного. В этой связи любопытны и некоторые наречия: *наўзбоч* (нареч., в знач. предлога) 'На некотором расстоянии, отдельно от места, где что-либо находится, движется'. Конь чмыхнуў пры слупе, спыніўся *наўзбоч* (М. Лужанін). *Наўзбоч* гаю дзве бярозы ды з дубочкам маладым абняліся так прыгожа на узгорачку крутым (М. Машара). Трашчыць касцёр, і бульба варыцца, табун стрыножаны – *наўзбоч* (А. Сербантовіч); *наўсцяж* 'Во всех направлениях, в пределах обозримого пространства' *І наўсцяж* краінаю, радасць услаўляючы, песні салаўіныя льюцца не сціхаючы (П. Глебка)... там, дзе жыты высокія – *наўсцяж*... (М. Калачынскі), *нагбом* разг. 'Нагибаемый (пить)'. Той (сусед) выцер рукавом акрываўленыя губы і пацягнуў баланду *нагбом*...

(С. Александровіч). Жаўнер прыпаў да вады і піў посярбам – нахіліць вядро і напіцца *нагбом* не мог з-за балячай рукі (Я. Лецка), *назіркам* ‘Не спускай глаз, не теряй из виду (идти, бежать)’. У лесе Косцік вывернуў на другі бок кажух, надзеў на сябе і пайшоў *назіркам* кустамі (С. Александровіч); *накругла* і *наўкругла* ‘Вокруг головы’. У адкрытым кузаве – станок, а каля яго жанчына ў камбінезоне, у чырвонай касынцы, завязанай *накругла* (Л. Арабей). Любопытна, што сустраганае ў адным з апошніх прапанаваных выражэнняў *піў посярбам* адсуткуе ў слоўвары. Ёсць толькі ўказанне на глагол *сёрбаць* ‘1. Разм. Есці вадкую страву, прысмоктваючы. 2. Піць, прысмоктваючы. 3. Піць невялікімі глыткамі час ад часу. 4. Утвараць у час яды характэрныя гукі сёрбання’ [108, т. 5, с. 125].

Деривационное «осложнение» общих для белорусского и русского языков корней приводит к целому комплексу неологизмов и различий в области производной лексики. Сравните: *намакліца* Собир. ‘Намокшие вещи, предметы, солома и под.’, *насевак* Разг. ‘То, что можно посеять; то, что может засеяться само’, *неруш* Разг. ‘Что-либо нетронутое, первозданное’, *непатрэбшчына* Собир., разг. ‘Ставшие ненужными вещи’, *крушня* ‘Куча камней’, *набыток* ‘Нажитое за годы добро’, *плеціва* ‘Что-либо изготовленное или получившееся в результате плетения (переплетения)’, *маркоўнік* Собир. ‘Морковная ботва’, *лапушнік* Собир. ‘Заросли лопуха’, *ламачына* 1. ‘Обломок дерева’. 2. Разг. ‘Поломанная, испорченная вещь’, *любошчы* Разг. ‘Любовные отношения, любовные приключения’. Яшчэ перад тым як Сяргея ўзяць у армію, яны моцна кахаліся. Людзі казалі, што гэтакіх *любошчаў* і вадай не астудзіш (Р. Сабаленка).

В словообразовании, как в зеркале, отражены не только общие и частные модели мотивации, но и некоторые особенности духовной и материальной культуры народа. Об этом, в частности, свидетельствуют и рассматриваемые нами слова белорусского языка, отсутствующие в русском. Например: *лежанка* Разг. ‘Вылежавшийся для созревания плод садового дерева’, *масціна* и *маставіна* ‘Доска или бревно в мосту’, *межытока* Обл. ‘Дорога, соединяющая два озера или болота’, *мінавіца* Разг. ‘Путь или дорога, проходящая мимо чего-либо в обход’, *мянташка* ‘Наждачная лопатка для точки косы’ и, соответственно, *мянташыць* ‘Точить косу с помощью мянташки’, *пластаваць* ‘Ползти по-пластунски’, *кнігарня* ‘Книжный магазин’, *кравянка* ‘разг. Кровяная колбаса’, *кусанік* Обл. ‘Недоеденный или надкусанный кусок’, *насыпанка* Разг. ‘Насыпная дорога’, *насенка* Разг. ‘Растение (имеющее название женского рода), оставленное на семена’. Праўда, якая ж там *насенка* была – вядро бульбянога лупіння выпадкова набрала яна [Рэната] на памыйніцы ля нямецкага шпіталя (А. Савіцкі); *насілы* (только мн.) ‘Жерди без настила для переноски сена в копах’ [Міхась і Алена] падсадзілі *насілы* пад капу і панеслі яе з балота на поплаў (В. Дайліда). Мужчыны і жанчыны трымалі ў руках граблі, вілы, з кожнага воза тырчалі *насілы* (Р. Сабаленка), *насоўка* Разг. ‘Носовой платок’, *насцак* Обл. ‘Удар носком сапога’. Падбег потым сабачка, дык ён

[гаспадар] яго так варсануў *насцаком*, што яно, беднае, аж звiлося... (А. Ф. Наўроцкі); *начніца* 'Летучая мышь', *недасаль* Обл. 'Недосоленная еда', *надворак* 'Двор возле дома', *надзежнік* 'Холст для накрывания дежи с квашней'. Пасля дзяжу накрываюць *надзежнікам* і накладваюць века, а зверху, перахрысціўшыся, ухутваюць кажухом (М. Лужанін). Ср. в русском *дежа* Обл. 'Деревянная кадка, в которой обычно растворяют и месят тесто; квашня' [101, т. 3, с. 646]; *напавер* 'Под честное слово (взять, получить в долг)'.

Специфика некоторых слов белорусского литературного языка (в известных нам словарях отсутствуют какие-либо иные пометы) позволяет обратиться к лексическому фонду... русской диалектной речи. Слишком очевидна семантика и построение некоторых производных. Знание фактов диалектного словообразования (безусловно, с учетом того, что это особая подсистема) позволяет более глубоко понять механизм деривации как процесса и в литературном языке, а также более рельефно представить ту степень различий, которые могут обнаруживаться между близкородственными языками. В этой связи важно отметить, что некоторые из рассматриваемых ниже слов отмечены и в русских говорах на территории Беларуси, о чем свидетельствует Словарь А. Ф. Манаенковой [44]. Прозрачность «внутренней формы» некоторых диалектизмов дает возможность провести интересные (и порой неожиданные) параллели при сопоставлении деривационных подсистем русского и белорусского языков.

С учетом указанных обстоятельств приведем примеры из русской диалектной речи: *дворовик* 'Неопределенное название всего того, что относится ко двору', *деревина* 'Отдельное дерево', *заглуха* (ср. урал.) 'Глухое место, глушь', *залуговеть* 'Покрываться травой, стать лугом', *заколотеть*, *заколodить* (олон., волог., сев.) 'Стать непроезжей, будучи заваленной упавшими деревьями, колодами (о дороге)', *истопле*, *истопок*, *истопье* 'Количество дров на одну топку печи, охапка дров, которая укладывается в печь', *каплюга* (курск., тамб.), *каплюжник* (пенз., тамб., ворон.) 'Тот, кто собирает вино по каплям, сливая остатки из пустой посуды, и напивается этим', *каплюжить* 'Собирать вино по каплям, сливая остатки из пустой посуды, и напиваться этим', *квасник* 'Деревянная посуда для приготовления и хранения кваса', *лакомка*, *лакомник* 'Принадлежность женской, обычно праздничной одежды – мешочек для конфет, других сладостей, мелких вещей или денег, привешиваемый к поясу', *ленивка* 'Широкая скамья, лежанка у печи', *лещевик* (симб., Даль) 'Сеть с большими ячейками для ловли лещей или другой крупной рыбы', *лозан* (курск., смол.) 'Удар лозою, палкой или рукой', *луквенник* (куйб., ряз.) 'Пирог с луком', *медведеничик* калуж. 'Человек, показывающий за деньги обученного медведя' (ср. в бел. *медзведзяваты* 'Похожий на медведя, напоминающий медведя'), *междудворник* ворон. 'Бездельник, который ходит от нечего делать по чужим дворам (домам)' и *междворить* тамб., курск. 'Ходить, шататься без дела по чужим домам, дворам', *мехонош* (пск.),

мехоноша (Даль, смол.) ‘Участник обряда в честь Рождества Христова’, *мздоимоватый* (яросл.) ‘Склонный к мздоимству, взяточничеству’, *молитвовать* (арх.) и *молитвить* (якут.) ‘Читатать установленную молитву над женщиной после родов’, *навалиха* (волог., нижегор.) ‘О женщине, девушке, напросившейся на замужество, принудившей взять себя замуж’. Я к тебе не *навалихой* пришла – сам взял. *Наворотка* (пск., новг.) ‘Шест или кол (иногда с небольшим загибом на конце), помогающий поворачивать жердь подо льдом при подледном лове рыбы’, *наживочник* (арх., помор.) ‘Тот, кто наживляет наживку на рыболовные крючки, наживщик’, *наголовень* (твер.) ‘Тесьма для стягивания волос на голове’, *нагревень* (твер., калин.) ‘Горшок, в котором нагревают, кипятят воду’, *нагреблины* (мн.) ‘То, что сгребли в кучу (сено, солома и т. п.)’ (сравните в белорусском языке слово *насевак* с аналогичной моделью ‘то, что ~’).

Можно предположить, что один и тот же фрагмент деривационного пространства (реализованный или потенциальный) может являть собой в одном случае часть языковой картины диалекта, в другом – часть языковой картины литературного языка. К примеру, русское слово *кудель* ‘Пучок вычесанного льна, пеньки или шерсти, приготовленный для пряжи’ (в диалектах также *куделя*, *кужель*) в диалектном словообразовании проецируется в производных глаголах *куделить* Обл. ‘Драть, трепать за волосы’, *куделиться* Обл. ‘Лохматиться’. О волосах. Семантика аналогичных белорусских глаголов *кудзелиць* и *кудзелицца* (производных от бел. *кудзе-ль*) имеет свою специфику, что подтверждают и контексты. Ср.: *кудзелиць* ‘Делать похожим на кудель’. *Ніхто са мной так радасці не дзеліць, як жаўранак і ціхі васілек, і ветрык, што дымкі з дамкоў кудзелиць* (А. Лойка). *Будзе сніцца [край] раннім сонцам, што ўстае з пасцелі і на рэчках па старонцы туманы кудзелиць* (Л. Геніюш). *Кудзелицца и кудзелиць* ‘Становиться подобным на кудель’. *Раптам нікне ў сэрцы горыч, унь кудзелицца дымок!* (Я. Колас). *На платах тчэцца шоўк павуціны, і кудзелиць над хаткай дымок* (З. Бядуля). В белорусском языке в глаголах фактически не отражена исходная семантика производящей единицы. Ср. в русском: *Начнут меня за волосы куделить – стружки летят* (Ю. Д. Левитанский) – *Ну, известно, пошли бабенку куделить с уха на ухо, таскать за волосы* (Д. Н. Мамин-Сибиряк). *На пухлых щеках неровная куделилась борода* (М. А. Шолохов). Не говоря уже о том, что в русском языке указанные глаголы – диалектные, а в белорусском – принадлежность литературного языка. Кроме этого, в белорусском языке отмечено слово *кудзя-лянка* разг. ‘Подстилка, сделанная из кудели’.

Как видно, среди приведенных примеров есть и такие, которые в полной мере представляют духовную и материальную культуру русского и белорусского народов. Причем есть и факты тождественные и тонкие различия. Так, например, в [121] ошибочно указывается, что в белорусском языке есть слова *набірак* Обл. ‘Берестяная или лубяная коробочка, в которую набирают ягоды, грибы и под.’, *дзядзіна* ‘жена дяди’, *замужніца*

‘замужняя женщина’, якобы отсутствующие в русском. Однако сравните: *набирка, набирок* (ряз., сиб., иркут.) ‘Корзина, лукошко из бересты или лубка для собирания ягод, грибов’ [41, с. 113], *дядина* ‘жена дяди’, *замужница* ‘замужняя женщина’ [44, с. 61, 72].

Как уже мы однажды отмечали [70, с. 475], активность белорусской глагольной модели на *-аваць* способствовала реализации целого ряда семантических позиций в белорусском языке, в отличие от русского. И приводили среди прочих пример глагола *дзедаваць* в значении ‘быть дедом’ (І заўважыў я, што ў званні дзеда сёння многа несівых мужчын: вось адзін такі *дзядуе* ў сорок (М. С. Кусянкоў)). Однако в культурно-историческом плане интересен другой глагол *дзедаваць*, семантика которого связана с древним обычаем, обрядом поминовения усопших. Ср.: А памятаеш, у тых, бывала, што за стол *дзедаваць* сядуць... (Л. Калюга). Аналогично: *запасаваць* ‘Совершая древний обряд, выгонять скот на пастбище впервые после зимы’. Цяпер няма такога звычаю, а раней *запасвалі* кароў (Л. Калюга).

Среди производных слов белорусского языка, отсутствующих (как однословные номинации) в русском языке, особую группу единиц представляют наименования лица. Ср.: *плечавень* Обл. ‘Плечистый человек’, *навуковец* ‘Человек, занимающийся наукой’, *недавярак* ‘Человек, не верящий во что-либо, кому-либо’, *непакора* ‘Тот, кого невозможно покорить’, *нецярплівец* ‘Тот, кому не свойственно терпение’, *нешчаслівец* ‘Несчастливый человек’, *нікчэмнік* ‘Никчемный, ничтожный человек’, *лірнік* ‘Музыкант, играющий на лире’. Как известно, самыми причудливыми с точки зрения характера мотивации могут оказаться и номинации лица в русских диалектах. Например: *водоход* (арх.) ‘Тот, кто хорошо плавает и ныряет’, *грустилка* (курск.) ‘Тот, кто грустит, печалится’, *дележер* (моск.) ‘Тот, кто делит что-л.’, *долгоспан* (перм.) ‘О том, кто долго спит, поздно встает’, *заболотень* ‘Человек, живущий за болотами’, *запечник* (твер., олон.) ‘О том, кто любит посидеть на печи. Особенно при появлении в избе посторонних’, *заспа* (пск., твер.) ‘Тот, кто много спит, ходит с заспанным видом; соня’, *игральник* (олон., арх.) ‘Молодой человек, ухаживающий за девушкой’, *игральница* (олон.) ‘Девушка, за которой ухаживает какой-либо молодой человек’, *каждогодки* (новосиб.), *кажелетки* (курск.) ‘Погодки (о детях)’, *катальник* (твер., арх.) ‘Тот, кто катается на санках и т. п.’, *ковшарь* (костром.) ‘Мастер, делающий ковши’, *косолапина* ‘О косолапом, неуклюжем человеке’, *кочерука* (волог.) ‘О человеке со сломанной рукой’, *красовар* (влад.) ‘Мастер, умеющий готовить (варить) краски’, *кроватьник* (олон.) ‘Человек, убирающий кровать’, *лазак* (арх., ср.-урал., омск.) ‘Тот, кто хорошо залезает на деревья, в том числе – для сбивания кедровых шишек’, *легкоум, легкоумок* (пск., твер.) ‘Дурачок, слабоумный’, *личник* (влад.) ‘Иконописец, пишущий только лица (лики) и руки на иконах’, *ласкомойка* (новг.) ‘Женщина, которая из щегольства слишком часто и усердно моет лицо, стараясь придать ему белизну’, *лысаниха* (пск., твер.) ‘О жене лысого человека’, *межемер* (во-

рон., курск.) ‘Землемер’, *метальщик* и *метельщик* (смол., пск., новг.) ‘Тот, кто мечет сено’, *мигач* (ворон., курск.) и *мигун* (нижегор., пск.) ‘О том, кто мигает, подмигивает или перемигивается с кем-либо’, *могут* (фольк., пск., новг.) и *могутай* (твер.) ‘Силач, богатырь’, *молокан* (перм., курган.) и *молоканщик* (урал., свердл.) ‘Приемщик молока’, *молоканка* (свердл.) ‘Любительница молока’, *моргай* (пск., твер.) и *моргач* (костром.) ‘О том, кто часто моргает глазами’, *мороженник* (пск., твер.) ‘Человек, быстро мерзнувший, страдающий от холода’, *морянин* (фольк., арх., олон.) ‘Человек, живущий за морем (о мужчина и женщине)’, *мурник* (пск., эст., лит.) и *мурищик* ‘Каменщик, печник’ (ср. в белорусском: *мур*, *мураванка*), *мытэйка* (перм.) ‘Женщина, моющая полы, посуду и т. п.’, *мяльщица* (Даль, пск., свердл.) ‘Женщина, мнущая лен’, *набивоня*, *набивщик* (пск., твер.) ‘О том, кто назойливо навязывается (набивается), когда его не спрашивают’, *навяза* (пск., твер.) ‘Назойливый, навязчивый человек’.

Рассмотрение такого обширного и, намеренно, разнородного материала в сопоставительном плане свидетельствует и о единых закономерностях процессов деривации в таких близких по родству языках, как русский и белорусский, и о том, что в белорусском литературном языке существуют весьма специфические по своему содержанию лексемы (и их, надо признать, немало), более напоминающие слова, которым в [101] дается помета «областное». Есть, конечно, и фактор некоторой неупорядоченности соответствующих помет в лексикографических источниках, но и с учетом этого обстоятельства можно констатировать, что в белорусском литературном языке в большей степени, чем в русском языке, ощущается диалектная основа, так как это совсем молодой литературный язык (в сравнении опять же с русским языком). Поэтому при чтении белорусской литературы этот язык предстает столь самобытным, приближенным к народной основе.

Заслуживают внимания и глаголы – наименования самых различных действий. Здесь можно привести примеры, когда хорошо известные (родственные) для белорусского и русского языков корневые морфемы могут лежать в основе производных, образованных от взаимоисключающих в данных языках основ: *прававацца* ‘Доказывать кому-либо свои права, свою правоту’, *праўдзіць* ‘Говорить правду’, *пукаціць* ‘Делать выпуклым, холмистым’, *раздалікаціцца* ‘Стать изнеженным, деликатным’, *разнасцежыць* ‘Открыть настежь’, *разумецца* ‘Понимать друг друга’, *рамансаваць* ‘Петь романсы’, *распалавініць* ‘Разделить приблизительно на две равные части’, *расмакавацца* ‘Войти во вкус’, *расчытаць* ‘С трудом разобрать написанное’, *рачкаваць* ‘Работать не разгибаясь, ползая на четвереньках’, *раяваць* ‘Жить, чувствовать себя, как в раю (беззаботно, беспечно)’, *ручыцца* ‘Успешно развиться (о хозяйстве); хорошо поддаваться разведению (о животных, растениях и под.)’, *склеціць* ‘Поставить избу клетью’, *сніць* ‘Видеть сон, видеть во сне’, *сплычваць* ‘Соединять бревна в плоты’, *ссінячыць* ‘Наставить синяков’, *спрычыніцца* ‘Послужить, стать причиной’, *спеліць* ‘Доводить до спелости, зрелости’.

Есть и весьма специфические наименования действий, характеризующие как литературный белорусский язык, так и диалектную речь. Например: *запамагчыся* 'Обл. Используя что-л., извлечь для себя выгоду' *От, ці то яна сама надумала, ці людзі наўмілі, але маім гасцяваннем яна захацела запамагчыся* (Я. Скрыган). Т. е. буквально *помочь себе* (ср.: *памагчы* 'помочь; пособить, подсобить'); *запачаткавацца* 'Быть определяемым как начало'. *Паводле фармальных крытэрыяў п'есу «Парог» можна было б залічыць у шэраг «антыалкагольных», таго спецыфічнага жанру, які запачаткаваўся ў беларускай драматургіі творамі К. Каганца...* (П. Васючэнка) (ср.: *берет начало*); *запарваць* 'Обл. Смочь захватить' *Сагналі ўсіх, каго запарвалі, бургамістр загад прачытаў, што каб выказалі ўсіх сумліцкіх камуністаў* (К. Чорны). В последнем случае очевидно влияние польского языка (ср. *rogwać* 1. 'Похитить, выкрасть, украсть'). *Здарожыцца* 'Утомиться в дороге'.

При исследовании *границ деривационного потенциала* системы языка на второй план могут отступать не только факторы стилистического расслоения лексики (разг., простор.), но и принадлежность производной единицы к ареалу употребления (литературный язык, диалект). Для деривации, исследования закономерностей словообразовательной мотивации ценность может представлять любой факт: не только создания слова, но и сама возможность проекции (находящей свое подтверждение в родственной языковой системе) той или иной корневой морфемы в известный класс единиц.

2.4. К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Сопоставление близкородственных языков (русский, белорусский, польский) может оказаться более продуктивным не на уровне изолированных номинаций, различных их словообразовательных подсистем (цепочки, парадигмы), но более сложных, комплексных структур, представляющих собой *синтез известных в теории словообразования комплексных единиц* с включением (там, где это необходимо) деривационных сочетаний.

Ономасиологический подход в применении к фрагменту глагольной «составляющей» отвербативных парадигм позволяет как увидеть вполне конкретные случаи «непредставления» деривационной семантики в одном близкородственном языке по сравнению с другим, так и понять причины различной степени разветвленности тех или иных общих деривационных фрагментов [70].

Для словообразования, безусловно, существенны отношения, связывающие родственные единицы, т. е. такие, основа выявления и отождествления которых представляется *эксплицитно* (знаки, которые прежде

всего формально, т. е. материально родственны). И эта основа приоритетна для номинативной деривации как системы. С другой стороны, в лексике ведущим принципом, в частности, в организации синонимии, является *имплицитный*, т. е. объединение материально неродственных знаков. На первое место здесь выходит значение. Производное слово является принадлежностью не только словообразовательной, но и лексической подсистемы языка. И, естественно, основополагающие свойства данных подсистем могут по-разному проявляться в производном слове, так или иначе отражаться на его связях с другими словами, отношениях с единицами других уровней.

В частности, заслуживает внимания исследование различий в «развертывании» систем глагольных номинативных рядов на основе деривационных фрагментов основных частей речи. Анализ некоторых фактов (например, глаголов, деривационно связанных с прилагательным *хороший*) показывает, что семантическая структура многозначного производного глагола может не содержать таких дискретных соответствий, которые характеризуются наличием эксплицитной связи с данным глаголом. Вместе с тем, все значения глагола представлены целой группой имплицитных по отношению к нему сочетаний, которые образуют известную подсистему из достаточно регулярных, коммуникативно значимых единиц. Факультативные компоненты данных сочетаний представляют собой синонимичные прилагательному *хороший* единицы, которые также не «имеют выхода», «дальнейшей проекции» в глагол. Так, производные глаголы с корневой морфемой *хорош-* (*хорошеть* ‘Становиться красивее, привлекательнее’, *похорошеть* ‘Стать красивее’, *хорошиться* ‘Обл. Любоваться собой, кокетничать’, *прихорошиться* ‘Стать более красивым, нарядным’, *прихорашивать* ‘Делать более красивым, нарядным’, *прихорашиваться* ‘Придавать себе более нарядный, красивый вид’, *охорашивать* ‘Оправляя, приглаживая, придавать кому-, чему-л. более нарядный, красивый вид’, *охорашиваться* ‘Охорашивать себя’) в подавляющем числе случаев коррелируют с деривационными сочетаниями, не имеющими общего с ними знака. В данном случае это связано с «избирательным подходом» системы словообразования к проекции семантической структуры прилагательного *хороший* на производные классы слов, в частности, на глагол. Из 10 (!) значений прилагательного *хороший* дальнейшее развитие фактически получает лишь одно (‘8. Обычно в краткой форме. Красивый, доставляющий радость, наслаждение’ [101, т. 17, с. 401], ‘9. Только кратк. ф. Очень красивый’ [100, т. 4, с. 621]). Это значение на уровне лексической системы языка представлено рядом синонимов (*красивый*, *привлекательный*, *нарядный*), каждый из которых в силу особенностей уже словообразовательной системы не может получить последовательной аффиксальной проекции в глагол. Ср.: *делать(ся) красивым (-ее) – ∅*, *стать (становиться) красивым (-ее) – ∅*; *делать(ся) привлекательным (-ее) – ∅*, *стать (становиться) привлекательным (-ее) – ∅*; *делать(ся) нарядным*

(-ее) – ∩, *стать (становиться) нарядным (-ее)* – ∩. Из деривационно родственных глаголов можно отметить лишь: а) *привлекать* ‘6. Вызывать, возбуждать в ком-либо какие-либо чувства, какое-либо отношение’ [101, т. 11, с. 382], косвенно представляющий значение ‘делать(ся) привлекательным (-ее)’; б) *нарядить, наряжать* ‘Одевать кого-нибудь в красивую, нарядную одежду’; *нарядиться, наряжаться* ‘Одеваться в красивую, нарядную одежду’ [101, т. 7, с. 472–473]; *принарядить, принаряжать* ‘Одевать нарядно, наряднее, чем обычно. // Перен. Представлять в более красивом виде, приукрашивать’, *принарядиться, принаряжаться* ‘Одеваться нарядно, наряднее, чем обычно’; *попринарядиться* ‘Разг. Принарядиться немного, несколько’ (!) Любопытно, что, в отличие от прилагательных *красивый* и *привлекательный*, номинация *нарядный* (правда, лишь в первом значении из трех! Ср.: 1. ‘Красиво одетый’, 2. ‘Красивый, пышный’, 3. ‘Перен. Внешне красивый, приукрашенный’) в глаголе представлена микросистемой номинативных рядов: *нарядить – одеть в нарядную одежду, наряжать – одевать в нарядную одежду; нарядиться – одеться в нарядную одежду, наряжаться – одеваться в нарядную одежду; принарядить – одеть нарядно, наряднее, принаряжать – одевать нарядно, наряднее; принарядиться – одеться нарядно, наряднее, принаряжаться – одеваться нарядно, наряднее; попринарядиться – немного принарядиться, несколько принарядиться*. Существенно, что последнему глаголу отсутствует аналогичное по морфемной структуре соответствие в белорусском языке (*попринарядиться* – разг. *прыбрацца*). В целом же здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что система номинативных рядов, характеризующая фрагмент глагольного деривационного пространства, спроецированного от лексемы *нарядный*, отличается по степени обобщенности от соответствующего фрагмента лексемы *красивый*. И это вполне объяснимо.

Самого пристального внимания заслуживают и различия в «проекции» лексем, общих для двух языков. Так в русском языке (по данным словарей) имеется 8 глаголов, содержащих в своей основе корень *хорош-*: *хорошет* ‘Становиться красивее, привлекательнее’ (бел. *прыгажэць* ‘Станавіцца прыгожым, прыгажэйшым’, *хараішэць* ‘Станавіцца прыгожым, больш прывабным’), *пыхорошет* ‘Стать красивее’ (бел. *напрыгажэць* ‘Стаць прыгажэйшым’, *пахараішэць* ‘Стаць прыгожым, прыгажэйшым’), *хорошиться* ‘Обл. Любоваться собой, кокетничать’ (бел. *хараішыцца* ‘Разм. Прыбірацца, пыхараішвацца’), *прихорошиться* ‘Стать более красивым, нарядным’ (бел. *прыхараішыцца* ‘Разм. 1. Абрануцца прыгожа, хараіша, лепш, чым раней, чым звычайна. 2. Надаць сабе больш прыгожы, прыгажэйшы выгляд’; *нарядиться – прыбрацца*), *прихорашивать* ‘Делать более красивым, нарядным’ (бел. *прыхараішваць*; *наряжать – прыбіраць*), *прихорашиваться* ‘Придавать себе более нарядный, красивый вид’ (бел. *прыхараішвацца*; *наряжаться – прыбірацца*), *охорашивать* ‘Оправляя, приглаживая, придавать кому-, чему-л. более нарядный, красивый вид’

(бел. *ахарошваць*), *охорашивацься* 'Охорашивать себя' (бел. *ахарошвацца*, *харашыцца*). В белорусском языке их 15! Так, помимо указанных эквивалентов, отмечены глаголы *харашыць* ('1. Разм. Надаваць больш прыгожы, прывабны выгляд. 2. Абл. Чысціць, церабіць. Ср: харашыць бульбу') и *прыхарашыць* ('Разм. 1. Зрабіць больш прыгожым, надаць прыгажэйшы выгляд. 2. Перан. Падаць, паказаць у больш прыгожым, цікавым выглядзе, чым у сапраўднасці'); *абхарошваць* 'Придавать надлежащий вид, поправлять, улучшать', *абхарашыць* 'Прыдаць каму-, чаму-н. належны выгляд, упрыгожыць; паправіць', *абхарашыцца* 'Аглядзецца, прывесці сабе ў належны парадак'; *ахарашыць* 'Тое, што і абхарашыць', *ахарашыцца* 'Тое, што і абхарашыцца'.

Таким образом, синонимичность проецируется и на более сложные, нежели лексемы, деривационные комплексы, о чем свидетельствуют приведенные примеры. Тесное взаимодействие лексической и словообразовательной подсистем языка требует учитывать как эксплицитные, так и имплицитные связи, существующие между различными составляющими синонимичных номинативных рядов и их объединений.

Различия в исходных мотивационных связях приводят к образованию реальных семантических лакун, так или иначе связанных с процессом деривации. Так, деривационное «окружение» русского слова *транжир* (*транжирить*, *транжириться*, *транжирство*) естественным образом связано с описанием «деятельности» лица. Поэтому здесь не находится места для представления семантики, аналогичной белорусскому глаголу *марнець* (в 3-м знач.) 'марна прападаць (напрасно пропадать)'. Ср.: *Марнее гаспадарка*. Мотивированное именем прилагательным (*марны*), данное производное «шире» и в то же время специфичнее гипотетически возможного в русском языке **транжиреть* 'становиться транжирой'. Сравните более «соответствующую» линию, представленную в дериватах *марнаваць*, *марнатравец*, *марнатравіць*, *марнатраўства*, где фактически реализована семантика «пустой траты (времени, денег...») лицом. Кстати говоря, показательно, на наш взгляд, что в словообразовательном гнезде глагола *транжирить* отсутствуют имена прилагательные. Однако развитие получает префиксальное «усложнение» глагола: *перетранжирить*, *протранжирить*, *растранижирить* [106, т. 2, с. 425]. В белорусском: *перетранжирить* – ◊, *протранжирить* – разг. *праматаць*, *змарнатраваць*; *растранижирить* – *растранижырыць*, *змарнатравіць*; *марна растраіць*.

Таким образом, белорусский язык находится «под влиянием» и польского языка, и русского. Через последний, вероятно, он заимствовал слово *транжир* с производными. Но, по данным словарей, представители этого гнезда отмечены пометой «разм.» (разговорное), а дериваты по линии заимствованного из польского *марнатравец* лишены подобных помет, т. е. являются словами общеупотребительными.

Синонимичные русскому слову *напрасный* прилагательные *беспольный*, *тщетный* также получают исключительно аналитическую «про-

екцию» в глагол: \cap , *становиться бесполезным*; \cap , *стать тщетным* (может труд любого). В белорусском же языке данным прилагательным соответствуют две единицы (*дарэмны, марны*), последняя из которых образует глагол *марнець* (см. 3-е значение ‘марна прападаць’) с существующей корреляцией по виду (*змарнець*).

«Широта» и «непредсказуемость» «поля различий» зависит и от «широты» синонимических рядов, общих для близкородственных языковых систем. Так, русскому слову *вражда* в польском соответствуют и *nieprzyjaźń, nienawisć, wrogość*, и сочетание *wrogie uczucia*; производному же от него глаголу *враждовать* – либо глагол *nienawidzić się (ze sobą)* с безусловным указанием на взаимность совершаемого действия, либо сочетание *być w nieprzyjaźni*. Ср., в бел.: *варагаваць* (в рус. форма **ненавидеться* невозможна). Для осуществления процесса деривации существенно, что «выбор» той или иной производящей единицы каждый из близкородственных языков осуществляет из общего (или во многом пересекающегося) «поля» синонимии.

2.5. Словообразование. Лексикография. Интернет–пространство языка

В докладе объединены три составляющие, связь между которыми хотелось бы пояснить. Как известно, словообразование изучает слова, имеющиеся в составе данного конкретного языка. Одним из важнейших источников информации о наличии тех или иных единиц являются словари. Причем, помимо толковых словарей, для дериватолога носителями весьма ценной информации являются словари специальные, в частности «Словообразовательный словарь» А. Н. Тихонова, в котором представлена информация о различных объединениях родственных слов – словообразовательных цепочках, словообразовательных парадигмах, различных комбинированных фрагментах словообразовательных гнезд. От степени полноты информации, представленной в словаре подобного типа, естественно, зависят результаты вполне конкретных исследований. С другой стороны, ни для кого не является секретом, что с появлением Интернета информационное «поле» собственно языковых фактов существенно расширилось, возможности Интернет-ресурсов несопоставимы с традиционными способами сбора и обработки информации.

Словообразование в нашем выступлении ограничено такой комплексной единицей, как словообразовательная парадигма, в конкретном случае – глагола, и не в полном объеме, а блоком глагольных префиксальных производных. Известно, что в русском языке имеются 28 префиксов, которые обладают по разным и вполне объяснимым причинам неодинаковой способностью сочетаться с глаголами. Известны причины формаль-

ные (морфонологические) и причины чисто семантического свойства: семантический класс глагола, семантический «диапазон» приставки и т. д. В ряде случаев можно обратить внимание на значительные по объему префиксальные фрагменты глагольных парадигм, их условно можно назвать «сильными» и парадигмы, состоящие из минимального числа подобных производных (две-три единицы), назовем их «слабыми». К примеру, словообразовательная парадигма глагола *любить*, безусловно, относится к «сильным» и включает в себя 17 производных: *пролюбить, влюбить, возлюбить, залюбить I, залюбить II* ‘причинить вред любовью’, *залюбить(ся), невзлюбить, недолюбливать, облюбить, отлюбить, перелюбить, полюбить(ся), подлюбливать, прилюбить, прилюбливать, пролюбить, разлюбить(ся), слюбиться*.

При этом слова данной парадигмы реализуют как значения, в известной степени близкие грамматике словообразования (способы глагольного действия, каузатив): *пролюбить* ‘любить в течение какого-л. времени’, *залюбить I, отлюбить, перелюбить, разлюбить*; *влюбить* – влюбиться, так и различные лексические семы и модальные коннотации. Ср.: *возлюбить, залюбить II* ‘причинить вред любовью’, *залюбить(ся), невзлюбить, облюбить, полюбить(ся), подлюбливать, прилюбить, слюбиться*. Здесь можно говорить и о возможной синонимии префиксов, а потому избыточности аффиксальных средств.

С другой стороны, есть примеры глаголов почти с «нулевой» префиксальной парадигмой. Они не присоединяют к себе какие-либо префиксы, и, следовательно, только аналитически способны выразить известные и возможные в подобных случаях «префиксальные» значения. Так, лексичность словообразовательного значения ‘действие, совершенное повторно’ может эксплицироваться с помощью деривационных компонентов *снова, вновь, заново, еще раз*. Ср.: ***переоборудовать*** – *оборудовать заново, переконструировать* – *сконструировать заново*; ***переделать*** – *сделать снова*. Согласно АГ-70, префикс *пере-*, присоединяясь к глагольным основам (естественно, различным), дает 10 словообразовательных значений [24, с. 265–267]). И значение ‘действие, совершенное повторно’ прежде всего ассоциируется с приставкой *пере-*. Совершенно очевидно, что многозначная приставка *пере-* «не справляется» с последовательной дифференциацией значений, определенных для нее системой словообразования. Даже с учетом всех возможных в подобных случаях семантических ограничений. К примеру, отсутствуют глаголы в следующих случаях: *еще раз увидеть* – ∅, *еще раз побывать* – ∅, *еще раз крикнул* – ∅, *простите мне еще раз* – ∅, *прочтите еще раз* – ∅, *снова зашагал* – ∅, *снова надвинула* – ∅, *снова выстрелил в воздух* – ∅, *снова помчался* – ∅ (фрагменты взяты из реальных текстов).

В свете сказанного обратим внимание на следующее предложение: Сейчас шли к нему просто так, – поболтать, выпить вина и *еще раз ощутить* ночное своеобразие этих мест (К. Г. Паустовский). По данным *Сло-*

варя А. Н. Тихонова [106, т. 1, с. 714], есть только один префиксальный производный глагол – устар. *Предоощутить* (*предоощущать*) ‘Заранее, наперед ощущать что-либо’, соответствующий словообразовательному значению ‘действие, совершенное заранее, предварительно’ (лишь одному из 10!). Таким образом, словообразовательная парадигма глагола *ощущать* фактически равна словообразовательной паре: *ощущать* – *предоощущать*, а большая часть регулярных словообразовательных значений выражается с помощью деривационных сочетаний. Однако, по данным Интернет-ресурсов, фрагменты словообразовательных гнезд могут быть существенно пополнены, а «лакунарность» может оказаться мнимой. К примеру, парадигма производных префиксальных глаголов от *ощущать* состоит не из 2-х, а из 16-ти единиц. Сравните (произвольная выборка по данным информационной системы google с указанием степени частотности): *предоощущать* (331 000), *переощутить* (234), *поощущать* (3 310), *заощущать* (3), *отоощущать* (1), *соощущать* (1), *наощущать* (812), *недоощутить* (42), *недоощущать* (29), *приощутить* (6), *доощутить* (33), *доощущать* (56), *соощутить* (61), *соощущать* (256), *подоощутить* (2), *преощутить* (3). При этом деривационные сочетания уже не могут считаться единственным способом представления сходных значений. Примеры: Буду *переощущать* ощущённое, ибо нарушилась картина мира. *Предоощутите* физиологически, что Ваше тело может излучать сходную, густую, мягкую, вибрирующую энергию тотально всей поверхностью кожи. Хочется (хотя бы в мечтах) *поощущать* себя большим и сильным, на всё способным. Им главное унижить кого-нибудь, чтоб себя покруче *заощущать*. Смотри, они с фотки смотрят на нас так, будто хотят *отоощущать*! А сейчас надо «риал тайм» *соощущать*! В стремлении побольше всего *наощущать* и заключается по Веллеру смысл. И это очень непривычно для меня, кажется, что можно что-нибудь упустить, *недоощутить*. То есть зритель должен додумать, *доощутить* дальнейшие события? Это замечательное умение, талант – увидеть, почувствовать, *соощутить* в лаконичных строчках закодированное послание автора! Вчера аз грешен малость *подоощутил* это в ходе обычного вербовочного мероприятия... Т. е. задача в том, чтобы некую (не-физическую) работу сделать до контакта с инструментом, максимально точно *преощутить* те аспекты исполнения.

Таким образом, не исключена возможность привлечения интернет-ресурсов для последовательного «извлечения и описания непрерывных лексических, словообразовательных, лексико-словообразовательных, лексико-грамматических пространств (полей, парадигм, цепей, гнезд) и представления их в виде матриц» [22, с. 203].

В настоящее время активно обсуждаются новые явления в славянском словообразовании. В частности, высказывается мнение о том, что «одной из доминирующих тенденций в развитии современных славянских языков является расширение полисинтетизма. В них намного больше новых однословных номинативных единиц, чем аналитических наи-

менований» [6, с. 97]. Это подтверждается наблюдениями многих ученых-славистов [83, с. 85, 100–113, 221–223, 379]. Когда-то Л. В. Щерба призывал к необходимости наблюдать живую речевую стихию! Он был бы поражен тем, как эта «стихия» буквально захлестнет лингвиста! Благодаря Интернет-ресурсам перед исследователем предстает огромный массив языковых фактов. Причем языковая реальность такова, что требует критического отношения к авторитетным словообразовательным источникам, в частности к *Словарю А. Н. Тихонова*. Так, фрагменты словообразовательных гнезд могут быть существенно пополнены, а лакунарность может оказаться мнимой. К примеру, можно констатировать несколько «информационных уровней» в оценке деривационного потенциала отдельно взятого славянского языка. Первый – с учетом данных лексикографии, в соответствии с которыми словообразовательная парадигма глагола *ощущать* фактически равна словообразовательной паре: *ощущать* – *предощущать*, а большая часть регулярных словообразовательных значений выражается с помощью деривационных сочетаний. Последние же считаются единственным способом представления данных значений.

Второй – с учетом того обилия реально засвидетельствованных речевых фактов, которые предоставляют современные Интернет-ресурсы. В этом случае, как было показано выше, приходится признать, что парадигма производных префиксальных глаголов от *ощущать* состоит из 16 единиц. Фактически есть язык, представленный словами, которых нет в словарях! При этом деривационные сочетания уже **не могут считаться** единственным способом представления сходных значений. Правда, существенно то обстоятельство, что Интернет-ресурсы подтверждают несравнимо большую коммуникативную мобильность деривационных сочетаний, что становится понятным при простом сравнении с глаголами. Сравните: *ощутить заранее* (1 690 000), *ощутить вновь* (2 190 000), *ощутить снова* (3 340 000), *ощутить еще раз* (1 830 000), *начать ощущать* (1 970 000), *перестать ощущать* (565 000).

Приведем еще один пример. По данным словообразовательного словаря [106], парадигма префиксальных глаголов от *ненавидеть* состоит всего из 2-х единиц: *взненавидеть* и *возненавидеть*. Причем закономерно, что, по данным поисковой системы google, частотность глаголов диаметрально противоположна: *возненавидеть* (56 200), *взненавидеть* (30). Неудивительно, что последний глагол отмечается лишь в семнадцатитомнике. Но удивительно другое: есть более частотные (как, впрочем, и менее частотные), чем *взненавидеть*, глаголы – префиксальные производные от *ненавидеть*. Сравните: *поненавидеть* (3 460), *заненавидеть* (100), *отненавидеть* (306), *проненавидеть* (132), *перененавидеть* (98), *изненавидеть* (255), *сненавидеть* (4), *недоненавидеть* (38), *приненавидеть* (1), *доненавидеть* (258), *подненавидеть* (9), *разненавидеть* (91), *соненавидеть* (2), *уненавидеть* (2), *прененавидеть* (9).

Таким образом, фрагмент префиксальной парадигмы глагола *ненавидеть* состоит не из 2-х, а из 18-ти производных. Причем некоторые из

глаголов имели гораздо большие основания быть включенными в толковые и словообразовательные словари, нежели глагол *взненавидеть*. Для исследования деривационного потенциала глагола *ненавидеть* приведенные факты оказываются весьма существенными. В свою очередь, они подтверждают востребованность в языке определенного набора словообразовательных значений, причем и таких, которые не могут быть представлены описательно, на несловообразовательном уровне.

Приведем иные примеры, свидетельствующие об особенностях отражения языкового материала в Интернете. В «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова указываются следующие глаголы, производные от *злить*: *злиться*, *изозлиться* (770), *озлиться* (15 300), *обозлиться* (427 000), *позлиться* (40 300), *разозлиться* (34 100) (всего шесть единиц) [106, т. 1, с. 372]. Однако можно добавить и следующие: Все остается, глубоко в памяти, в подсознании, пока не **прозлишься** окончательно и не дашь чувствам вырваться. А затем – **прозлиться** (275). Вставлю здесь, чтобы раз навсегда отвязаться: редко кто мог столько **вызлиться** (447) на свою фамилию, как я, ... (Ф. М. Достоевский). Он пропал на 2 месяца и считает, что просто дал мне время **перезлиться** (242). Перед тем, как **ззлиться** (499) на меня из-за моей неохоты, лени или упрямства, может мне неважно из-за плохой пищи, может слишком долго был под солнцем...; ...а на счет **злиться** – я свое уже **отзлил** (120), это так, жалкие струйки желчи. Это ж надо до такой степени **назлиться** (146), что развеселиться. Не знаю, не **взлиться** (4) ли она! Обещала ему **дозлиться** (76) до 22 февраля. Я знаю 5 поводов **злиться-презлиться** (2) на препода. Механик – супер, настоящий мужчина, который не шакалил, а честно прокачался, да не **созлится** (52) на меня Зябакин.

Любопытно отметить тот факт, что есть глаголы из русской классической художественной литературы, но отсутствующие в словарях.

В сопоставительном плане, безусловно, усложняется задача наиболее точного сравнения деривационного потенциала двух близкородственных языков, поскольку фактически может отсутствовать лексикографическое отражение некоторой (а порой и значительной) части языкового материала. К примеру, как ответить на вопрос, существует ли столь подробная дифференциация «поля ненависти» (в границах глагольной лексеммы) в белорусском и польском языках? Не секрет, что переводные словари в меньшей степени могут отражать то, что принято называть лакунами. К примеру, Русско-белорусский словарь приводит лишь эквивалент к глаголу *возненавидеть* (*зненавідзець*). Аналогично: пол. *Znienawidzić*. А других единиц (и, следовательно, словообразовательных значений) будто и не существует.

Расширение когнитивного пространства русского языка не может не осуществляться и в направлениях, заданных реализованными потенциалами языков близкородственных. По нашему мнению, для начала вполне возможно выделить то актуальное пространство языка, его линии, точ-

ки, фигуры мысли, которые нашли успешную реализацию в другом (других) языках, близких по родству. Иными словами, необходимо систематизировать все то, что реализовано в языках **родственными по корню** единицами, средствами, которые могут в какой-то мере быть использованными и в русском языке. С одной стороны, есть немало слов русского языка – реализаций вполне определенных смыслов, которые неизвестны обывателю. Ср.: Пока, бывало, доедешь до этой усадьбы, уже совсем *ободняется* (И. Бунин). С другой стороны, мы способны понимать слова близкого по родству языка. Ср.: *бараніць* ‘защищать’, *абараніць* ‘защитить’ и рус. *оборона* ‘защита’ (бел. *абарона*). Тем интересны некоторые семантически отличные реализованные потенциалы близкородственных единиц. Ср.: *разбароніць* ‘Разнять дерущихся’. В этой связи следует отметить некоторую неполноту белорусской словообразовательной лексикографии. Полезно было бы увидеть в лексикографическом отражении состав и структуру словообразовательных гнезд белорусского языка.

На этом фоне становится совершенно очевидной принципиальная нерешенность в теории словообразования проблемы дифференциации потенциальных и реальных слов, в частности, несовершенство критерия лексикографической незафиксированности для квалификации слова как потенциального [22, с. 209]. И хотя указанные проблемы существуют, само богатство материала, свидетельствующее об активных процессах, происходящих в словообразовательных подсистемах современных славянских языков, не может не заинтересовать.

2.6. «Минимумы различий» в деривационном пространстве контактирующих языков

Как известно, одной из центральных задач описания словообразования является выяснение причин словообразовательной выраженности, а следовательно, и актуальности для носителей языка определенных элементов внеязыковой действительности. К числу явлений языка, подлежащих описанию и анализу с точки зрения языковой картины мира, относятся словообразовательные значения [116, с. 298]. В связи с этим не утрачивает своей актуальности вопрос: какие словообразовательные значения в говорах органично «вписываются» в систему словообразовательных значений литературного языка? Какие, напротив, весьма специфичны, неповторимы и, в каком-то смысле, заполняют «когнитивные» лакуны русского языка. Не утрачивает своей актуальности и выявление зон, которые «закрыты» для диалектного словообразования, определение того, как распределены в диалектной лексике мотивированные единицы в рамках определенных лексических групп и подгрупп. Следует заметить также, что при анализе некоторых семантических групп русской диалектной

лексики в книге Т. И. Вендиной постоянно указывается, что те или иные значения «актуализируются с помощью словообразовательных средств» [17, с. 11], но полезно было бы также представить и классифицировать сами словообразовательные средства.

Производные слова по характеру своего строения и по семантике в своем большинстве представляют выбор из некоторого возможного числа моделей. К примеру, словообразовательная структура и значение диалектного слова *свежак* 'Прохладный, свежий ветер' как результат словообразовательного синтеза в известной степени предсказуемы, не удивляют, но данное производное может обозначать в принципе и что-то иное. Хорошо известны собственно словообразовательные лакуны (*святарства* 'занятие священника'), заполнение которых может быть достаточно легко компенсировано средствами других уровней. Но всегда находятся и примеры такой словообразовательной конденсации, когда представлено очень сложное значение, описана тонко структурированная ситуация. И есть случаи, претендующие на роль «когнитивного прорыва», некоторого «расширения» деривационного пространства языка, о котором на одной из наших конференций говорил И. Г. Милославский [50].

Для дериватолога всегда будет очень привлекательной задача собрать все смыслы, получившие выражение в различных подсистемах языка (диалекты, социолекты, близкородственные языки), и описать по сферам (наименования лица, обозначения пространства, действий и т. д.). И, возможно, таким путем можно увидеть хотя бы некоторые «точки расширения» когнитивного пространства языка и понять, как осваивается языком та или иная сфера человеческой деятельности. К примеру, известно, что есть слова, в которых может и не возникнуть особой надобности, они могут «детализировать» какие-то частные сферы. Ср.: *раскрыжоўваць* 1. 'Разделять ствол дерева на части в поперечном направлении'. *Малады хлапец з вясновым рабаціннем на твары раскрыжоўваў у гэты час тоўстую яліну* (А. Чарнышэвіч).

Анализ производных слов белорусского языка, отсутствующих в русском языке, последовательно приводит к необходимости сопоставления в деривационном аспекте и диалектного словообразования этих близкородственных языков. Народно-разговорная основа белорусского литературного языка тому виной. Так, значительную часть производных могут представлять примеры фиксации в том или ином языке некоторых достаточно простых смыслов. Ср.: *свяснынец* 'свежеиспеченный хлеб', *скавародік* 'Плоский круглый хлеб, испеченный на сковороде'. *Неўзабаве яна [Гануся] спякла такім парадкам тры скавароднікі, пухлыя і тоўстыя* (К. Чорны).

Хорошо также известно, что есть очень сложные, «тонкие» смыслы, облеченные в форму производного слова и понятные лишь в условиях контекста. Богатый материал подобного рода представлен в Словаре белорусской безэквивалентной лексики [121]. Текст дает примеры самых

неожиданных и интересных с точки зрения внутренней формы производных. Сравните: белорусский глагол *раскрыліць* 'Раскинуть в стороны крылья (руки)'. Ен *раскрыліў* рукі... Как сказать по-русски? Он раскинул (распростер руки)... Ср.: *распростер объятия*. Но в белорусском языке также есть глагол *праставаць* 'Идти напрямик, не сворачивая'. *Наступны ўсплёск азарыў белую постаць, што ўваходзіла ў лес, і чорную вялікую постаць жанчыны, якая праставала да млына...* (У. Караткевіч). Таким образом, различные «корневые основы» могут участвовать в выражении сходной семантики.

Заслуживают внимания и значения, укладываемые в бинарные структуры. Ср. в белорусском языке глагол *разнасцежыць* 'Открыть настезь'. Но есть более сложные по внутренней форме производные с предельно фразеологизированной семантической структурой. Именно они могут оказаться более ценными с точки зрения исследования возможностей «расширения» когнитивного пространства языка. Так, в русском языке есть целый ряд производных глаголов от *спать*: *проспать, выспаться, переспать, проспаться, отоспаться* и т. д. Однако при всем многообразии значений особо следует отметить диалектное *приспать* в значении 'Случайно навалившись, задушить во сне'. Любопытно, что в белорусском языке данный глагол диалектным не является. Ср.: *приспаць* 2. разг. 'Случайно навалившись, задушить во сне'. *А я баяўся толькі прыспаць яго [Бурька], ненароком наваліўшыся ў сне. Занадта ўжо ён быў малы* (У. Караткевіч).

Особого внимания заслуживает исследование переводов текстов белорусской художественной литературы со словами, отсутствующими в русском языке. Ср.: *рупіць* 'Не давать покоя, не быть безразличным'. *Спярыла мала хто з жанцоў зацікавіўся коннікамі – мала хто едзе! А калі яны сталі падбліжацца, многім стала рупіць* (Ц. Гартны).

Корневая морфема может оказаться в составе такой группы родственных слов, часть которых представляют литературный язык, а часть – диалект. И в этом смысле неразумно рассматривать их отдельно, «разрывая» единое с точки зрения реализации деривационных потенциалов гнездо. Хотя можно предположить, что наличие (отсутствие) каких-то единиц в диалекте может быть связано с наличием каких-то иных отличий (на других уровнях: акцентологическом, морфонологическом, морфологическом) его от соответствующих подсистем литературного языка. В принципе всегда можно найти аргументы к изолированному рассмотрению лексических подсистем говоров (наличие уклада жизни, реалий, которые приводят к наличию тех или иных лексем и, следовательно, «активизируют» деривационные потенциалы того или иного корня). Но при исследовании деривации как процесса создания номинативных единиц, по нашему мнению, первостепенное значение имеет факт наличия самой единицы, а не отнесенность ее к той или иной территории.

Диалектное словообразование, народная речь есть отражение удивительных «движений» человеческой мысли. И, как это ни парадоксаль-

но звучит, многие «точки», «линии» возможного расширения когнитивного пространства языка следует искать здесь... Когда мы задумываемся над тем, как назвать «человека, который...», «действие, которое представляет собой...» и т. п., то неожиданно можем найти примеры «материальной реализации» некоторых весьма любопытных значений в языке того или иного говора, либо в языке, близком по родству. Из деривационного поля «всех возможных «движений корня» (В. Хлебников) вполне есть такие, которые подскажут нам, как поступать в тех или иных случаях, когда мы хотим *разумно* вторгнуться в пространство родного языка.

Рассмотрим ряд специфических наименований действия в белорусской народно-разговорной речи в сопоставлении с русским языком. В данной области производных единиц всегда есть такие, которые (при ближайшем рассмотрении) обращают на себя внимание своеобразием своей внутренней формы. Ср.: *сацьмець* (ср. *тьма*) 'Догореть постепенно, без пламени, тлеть'. *Агонь, забыты людзьмі, хутка апаў, сацьмеў* (І. Мележ). В семантике слова есть несколько важных компонентов, которые отличают его от «простых» *догореть* и *тлеть*. Ср.: *тлеть* 2. 'Медленно гореть без пламени, догорать'. Префиксальные производные: *истлеть, перетлеть, протлеть, растлеть, сотлеть* (*сотлеват*) 'Сгнивая, разлагаться, разрушаться; тлеть'; *истлеват* '2. Медленно сгорать, обычно без пламени'. В [96, т. 1, с. 590] глаголу *истлеть* приведено соответствие *сатлець*. В белорусском глаголе *сацьмець* внутренняя форма указывает на связь с наступающей в результате тления темнотой, что, безусловно, отличает его от русских эквивалентов.

Скрыляць 'Нарезать ломтиками, снимать слоями'. Аўген заспяшаўся *скрыляць* бульбу. Ксения *скрыляе* скрэбеную бульбу ў гаршчок (Л. Калюга). Ср. в рус.: *нарезать кружками* (огурцы, ...). Для сравнения в русском языке возможно в речи рыбаков: **кружковать* – ловить на кружки. В [9] данный глагол отсутствует. Дополнительно: *скрыль* 'Адрэзаны вялікі кусок чаго-н. (Вывозяць снег, *скрылі* ільду...); *скрылік* (скрылёк) 'Памянш. да *скрыль*; невялікі *скрыль* чаго-н. для яды' <*Скрылёк* каўбасы. *Скрылёк* гурка (У газеціне быў загорнуты кавалак хлеба, агурок і *скрылёк* сала)>... Тонкія *скрылікі* каўбасы..., тонкія *скрылікі* бульбы зляталі з нажа ў гарачы тлушч (А. Савіцкі) [108, т. 5, с. 185]. Совершенно очевидно, что белорусский глагол (*скрыляць*) «представляет» очень интересное с точки зрения внутренней формы действие, чрезвычайно интересно по форме, метафоричности семантики и возможные «результаты» данного действия (*скрылікі*). Деривационное микрополе, созданное с помощью корневой морфемы слова *крыло*, в белорусском языке весьма специфично и, безусловно, *богаче*, нежели в русском. Ср. также: *акрылець* 'Стать на крыло', *крыляць* 'Лететь, махая крыльями'.

Имеющие в исходе тождественные производящие, формально идентичные лексемы в русском и белорусском языках могут иметь совершенно различные значения. Ср.: *годовать* В прост. и обл. 'Проживать, прово-

дить год где-л.’; *гадаваць* 1. ‘Растить, выращивать; (детей еще) воспитывать’. 2. ‘Отращивать, растить, отпускать’.

Другие примеры своеобразно маркированных действий: *спароць* ‘Сбросить сверху вниз’. [*Загадчык гаража*] *спароў* з галавы вушанку, разблытваючыся, потым наступіў на яе і ледзь не бразнуўся са сцэны (А. Кулакоўскі). Ён [*Кордзя*] і «вяхом» на сабе Ганьку возіць, і ў саду самую смачнейшую ігрушу ёй *спора*... (А. Васілевіч). *Спорваць* ‘Сбрасывать чем-либо острым что-либо сверху вниз’. *Дзед доўгім прутам спорваў* спелыя яблыкі, а ўраднік збіраў (Р. Мурашка). *Прыбіральшчыкі ў гатэлі Le Meridien спорваюць* гнёзды ластавак (А. Глобус). Наличие двух префиксов в составе данных глаголов – типичная особенность некоторых производных диалектного словообразования. *Спарнець* ‘Становиться более спорым’. *Пад’ясніваецца, – і тады дождж спарнее, асталеўваецца, цэдзіць роўна, праймае ўсе на свеце* (І. Пташнікаў). *А дождж спарнеў* (В. Быкаў). *Дождж то спарнеў, то сеяўся цёплай імжакай-пытлем* (П. Місько). Сравните в русском языке значение глагола *спориться* (работа спорится) ‘Идти хорошо, удаваться’. *Цаляць* ‘попадать в цель’ (ср. рус. целить(ся)). – *Кааб захацеў, дык пацэліў бы, – збянтэжана і трошкі горда пасмейваўся Корчак. – Што я, турак, кааб у жывога хрысціянна цаляць?* (У. Караткевіч). *Цьмець* 1. ‘Едва светиться’. *Сярод жываватых пакалечаных кустоў крушыніку дзе-нідзе цьмелі вогнішчы* (М. Зарэцкі). 3. ‘Виднеться невыразительно, в темноте’ *За Галаскамі пракрычала балотная птушка, з шашы доўга чуўся грузавы аўтамабіль, запахла росна травой, і неба за агародамі цьмела...* (К. Чорны). *Чаркаваць* ‘Пить рюмками, не спеша, понемногу’. *Тыя самыя людзі сеялі, жалі, касілі, малацілі, на лаўках сядзелі, гаманілі, жартавалі, прыдумлялі, пацяшалі ці засмучалі, фэсты спраўлялі, часам, гады ў рады, чаркавалі* накрысе і не ўсе (Ф. Янкоўскі). *Шыцца* (ср. русское *шить*) ‘Лезть в узкое, тесное, труднопроходимое место’ *Капрал наш... шыецца тварам у траву і, час ад часу, наслепя крычыць: «Агонь!»* (Я. Брыль).

В русском языке есть хорошо известное выражение типа *У него ничего не допросишься* (о жадном, скупом человеке). В белорусском языке аналогичная по характеру семантика представлена целым рядом глаголов. Например: *дакупіцца* (с отрицанием *не*) ‘Купить что-либо с трудом’. *Ды не дабіцца цяпер ні да чаго, не дакупіцца, і дзе яно што і падзелася?* (М. Лынькоў). *Дамыцца* (с отрицанием *не*) ‘Вымыть что-либо с трудом’. – *Сядзяць і сядзяць ля яго [тэлевізара], як пачне ісці пра гэтых танкістаў ды сабаку, то гора адно: паўвескі збягаецца, так падлогу стопчуць, што пасля не дамыцца, зубамі не аддзярэш* (Г. Далідовіч).

Безусловно, заслуживают внимания и такие смыслы, которые реализованы в одном языке с помощью лексем, которые формально чужды другому родственному языку. Сравните в бел.: *сапсець* О неприглядной или слабоумной старости. – *Чаму, Аніська, не жэнішся, сапсееш* вась так, хто на цябе тады і пагалицца? (М. Лынькоў). *Цяпер – ні кірмашоў табе,*

*ні барышоў, тут **савсееш**, як Радзівіл* (М. Танк). *І дзед махаў рукою: – Зусім бацяў **савсеў!** А бусел думаў тое ж, але сказаць не ўмеў* (М. Лужанін).

Подобные слова в белорусском языке могут представлять собой очень интересные по характеру внутренней формы значения. Приведем некоторые примеры. *Выкіравацца* (от бел. *кіраваць* ‘управлять, руководить’) ‘взять направление, выйти или выехать в выбранном направлении’. *Габрыель Жагала, зябка сутулячы плечы, з нейкай асцярогаю, нібы на гібкай кладцы, каб не упасці ў ваду, павярнуўся... і **выкіраўся** на пясчаную дарогу* (В. Адамчык). *Гадзіць* ‘Обл. Нанимать на работу на определенный срок’. *Стэпа за саб пяць год **гадзіла** яго пастухом у сваім мястэчку* (Ц. Гартны).

Белорусское слово *ліст* ‘письмо’ имеет деривационное продолжение в глаголе *ліставацца* ‘Обмениваться письмами’. *Здаецца, мы ніколі не ліставаліся: лішні клопат пошце, а мы поруч заўсёды (дваццаць два гады!)* (А. Вялюгін). Сравните аналогично: *люстравацца* ‘Отражаться, как в зеркале’.

Русскому глаголу *уважать* в белорусском языке в одном из своих значений соответствует глагол *шанаваць* ‘1. Беречь, щадить. 2. Читить, почитать; уважать’ [23, с. 318]. Сравните также *шаноўны* ‘1. Почтенный; уважаемый. 2. (форма обращения) Многоуважаемый’ и глагол *шанавацца* 1. ‘Блюсти себя, заботиться о своей репутации’ *З такога паняволення доўга **вырываўся** чалавек. Шмат чаго дамогся, набраў сілы, узброўся і таму павінен **шанавацца*** (М. Лужанін).

Многочисленные факты диалектного словообразования свидетельствуют о том, что одни и те же словообразовательные модели могут наполняться различным лексическим содержанием. Как бы дан перечень возможных словообразовательных структур, форм, «одежд», в которые облачается вполне конкретное содержание, причем лишь один компонент в семантике указывает на связь со строением данной единицы.

2.7. К сопоставлению словообразовательных подсистем близкородственных языков

При обращении к сопоставлению словообразовательных подсистем близкородственных языков далеко не праздным является определение того, что может быть выбрано в качестве объекта сопоставления.

Очевидно, что анализ комплексных единиц системы словообразования (словообразовательных парадигм, цепочек, категорий, гнезд) явился своеобразным этапом «ухода» от изолированного исследования производных слов, от изучения простейших объединений родственных единиц. При сопоставлении ряда родственных языков необходимо учитывать, что языковые системы, помимо свойств системности, могут также обнаруживать (в разной степени) признаки несистемности, некоторой асимметрии и

характеризоваться наличием лакун [120, с. 13–14]. Когда за цепочками, парадигмами мы видим совокупность определенных отношений, находящихся формальное выражение на уровне системы словообразования, то, естественно, на следующем этапе логично увидеть факты «нереализации» тех или иных семантических позиций и обратиться к возможностям средств смежных уровней. Так, в качестве нового объекта исследования появляются деривационные цепочки, деривационные парадигмы в существенном терминологическом «уточнении». Деривационные структуры «берут за основу» словообразовательные, «дополняют» их словосочетаниями с той или иной степенью аналитизма, имеющими в своем составе родственные по корню слова. И это, безусловно, интересный объект исследования, который отражает свойства производных слов, коррелятивных им словосочетаний и связи, существующие между ними. Однако в какой-то момент становится понятно, что речь не может идти о *простом дополнении* цепочек и парадигм единицами более сложного уровня. Межуровневые связи и свойства наводят на мысль о существовании иных объединений единиц.

Системность языка может в большей степени обнаруживаться и проявлять себя не в пределах каких-то уровней, а в объединениях единиц разной структуры, причем в составе не деривационных цепочек и парадигм, гнезд, но в составе своеобразно переплетенных, синтезированных их фрагментов. Это нечто иное, нежели хорошо нам известно только потому, что вполне очевидно и вытекало из логики исследования: сначала слова, производные и непроизводные, затем их объединения в виде цепочек и парадигм, гнезд. Поэтому вполне возможно обращение не к отдельным СК, СП, или даже к целым СГ, а к некоторой совокупности деривационно связанных фактов – *комплексным деривационным фрагментам*, которые могут представлять фрагмент СГ, СП, СЦ или синтез этих единиц, каких-то их частей. При сопоставлении близкородственных языков могут оказаться ценными не «общие» категории (СК, СП, СГ), а более дробные, частные их компоненты.

Как определяется «некоторая совокупность деривационно связанных фактов»? Начнем с того, что сами факты языка «заставляют» обратить на себя внимание. Естественно, этому способствует и «позиция» исследователя, «угол зрения»... Но, в любом случае, отталкиваться приходится от того, что принято в традиции, в теории словообразования. Дериватолога всегда будут привлекать факты, свидетельствующие о «системности» того объекта, который он исследует! Системность всегда интересней «отклонений», аномалий и т. п. Гармония, логика, «устроенность», – именно эти характеристики мы стремимся увидеть и описать, анализируя те или иные стороны языка. Поэтому у нас принято говорить о языке как *системе знаков*, в словообразовании – о комплексных единицах *системы* словообразования.

Далеко не секрет, что СП, СГ, СЦ не только объекты исследования, но и **модели**, которые мы «выстроили», чтобы лучше понять устройство

системы словообразования. Ономаσιологический подход позволяет построить и увидеть иные модели, модели, с помощью которых становятся очевидными такие грани системности языка, которые «приходятся» на его «межуровневое» пространство.

Следует пояснить, что мы имеем в виду, когда говорим о синтезе некоторых частей традиционно рассматриваемых комплексных единиц системы словообразования (СП, СЦ, СГ) как интересующем нас объекте исследования, а с учетом различных видов деривационных сочетаний, – о *деривационных фрагментах* (структурах, являющихся уже результатом межуровневого взаимодействия). *Как формируется и чем в данном случае ограничивается «пространство» исследовательского интереса?* Известно, что ономаσιология (путь «от значения к форме») вполне определено противопоставлена семасиологии (пути «от формы к значению»). Вместе с тем, традиционно принимаемое большинством ученых положение о двустороннем характере основных единиц языка часто приводит исследователя к необходимости «двигаться в обоих направлениях» (естественно, не одновременно!).

При рассмотрении сложных объединений родственных единиц (например, СП), в первую очередь, мы обращаем внимание на «потенциал» исходной производящей единицы, на то, в какой мере реализован потенциал ее *формы* для создания всех возможных производных. Сравните: 1) **мягкий** – *мягчить*, *мягкий* – *мякнуть*; *твердый* – \cap , *твердый* – *твердеть*; 2) **мякнуть** – *измякнуть*, *намякнуть*, *обмякнуть*, *отмякнуть*, *подмякнуть*, *промякнуть*, *размякнуть*, *смякнуть*, *умякнуть* (9); **твердеть** – *затвердеть*, *отвердеть*, *потвердеть* (3). Беглый взгляд на «движения формы», разное количество «ближних» и «дальних» проекций в глагол признаков **мягкий** и **твердый** сразу позволяет увидеть «нереализованное» с помощью средств словообразования пространство и приступить к анализу конкретных семантических позиций. Но, самое главное, уже объектом исследования (по специфике попавших в поле зрения фактов) становятся не отдельные словообразовательные пары, не СЦ или СП по отдельности, но синтез СЦ и фрагмента отглагольной «составляющей» СП. Выделение данного *словообразовательного фрагмента* как самостоятельного объекта «интереса исследователя» никак не противоречит сложившимся представлениям о СЦ и СП как комплексных единицах системы словообразования. Однако обращение к семантике реализованных и, в особенности, нереализованных позиций средствами словообразования, анализ в связи с этим деривационно родственных средств и единиц иного (несловообразовательного) уровня (деривационных сочетаний) приводит к выделению в качестве объектов исследования таких объединений родственных единиц (деривационных фрагментов), которые, по вполне понятным причинам, «выходят» за пределы собственно словообразования и тех сложных, комплексных единиц, которые по традиции в нем рассматриваются. Специфика *фрагментов деривационных* состоит не только в

дополнении единиц системы словообразования (в данных семантических пределах) системой единиц несловообразовательных (словосочетаний), которые способны «представить» свойственную производным словам семантику. Она состоит и в том, что данные единицы могут представить и такие значения, которые не доступны аффиксации.

СЦ, СП – не только единицы, но и **категории анализа**, категории общие, достаточно отвлеченные, категории, посредством которых мы познаем некоторые особенности устройства системы словообразования. Эти «общие» категории могут применяться и как инструмент сопоставительного анализа, к примеру, близкородственных языков. Об этом, в частности, свидетельствуют исследования К. Бузашиовой. Сравните формулирование ею задач сопоставления СП в славянских языках: «При сопоставительном изучении словообразования славянских языков на уровне СП или типовых парадигм можно изучать:

- меру соответствия деривационного потенциала эквивалентных исходных слов, присущих определенным классам;

- при помощи каких словообразовательных формантов образуются производные, представляющие семантические места, СЗ, позиции в типовых парадигмах;

- меру вариантности выражения определенных категориальных значений не только с точки зрения формы, но и с точки зрения числа и характера частных СЗ» [14, с. 18].

Однако сопоставительный анализ **целых** парадигм может оказаться менее продуктивным (с точки зрения выявления отличий, касающихся структуры и семантики близкородственных языков), нежели **какой-либо ее части** в сочетании с фрагментом иной комплексной единицы. Общие категории как инструмент анализа «подталкивает» к обобщениям, общим выводам. Однако именно в подобных случаях можно «не заметить» ту или иную тонкость, «пренебречь» частными различиями, существенными для определения степени близости, «расстояния» между близкими по родству языками. Данное обстоятельство дает нам основание выбирать в качестве объектов сопоставления именно фрагменты деривационно связанных единиц: производных слов, деривационных сочетаний. Они более конкретны, они – ткань языка, они позволяют увидеть такие различия между близкими по родству языками, которые, как правило, «сокрыты» при осуществлении общих, фактически категориальных сопоставительных исследований.

Теперь постараемся проиллюстрировать данное положение. Формально однотипные глаголы (*помягчить* и *памякчэць*) занимают совершенно различное положение в структуре СП русского и белорусского языков, соответственно. Тожественные по образованию (*мякчэць* – *памякчэць* [9, с. 236]), внешне занимающие одну и ту же позицию в составе СП, данные глаголы кардинально различаются по семантической структуре. Русский глагол *помягчить* является просторечным, коррелятивен

деривационному сочетанию *сделаться несколько мягче* и, самое существенное, по данным Русско-белорусского словаря, не соответствует по семантике белорусскому глаголу *памякчэць*. Ср.: *памякчэць* 1. ‘Зрабіцца больш мяккім, эластычным; пазбавіцца цвёрдасці’. 2. перан. ‘Страціць суровасць, стаць больш лагодным’ // ‘Стаць больш прыветлівым, сардэчным (пра твар, голас і пад.)’. 3. ‘Стаць слабейшым, менш адчувальным; паменшыцца (пра з’явы прыроды)’. 4. ‘Стаць цяплейшым (пра надвор’е, клімат)’ [108, т. 3, с. 656]. Несложно заметить, что семантическая структура этого белорусского глагола практически полностью совпадает с семантической структурой русского глагола *смягчаться*, т. е. занимает одно из центральных мест в деривации признака *мяккі* в глагол. Об этом свидетельствует и система соответствующих номинативных рядов. Сравните: 1. *Зрабіцца больш мяккім, зрабіцца больш эластычным* – ◌; *пазбавіцца цвёрдасці* – ◌. 2. *Страціць суровасць* – ◌, *стаць больш лагодным* – ◌. // *Стаць больш прыветлівым* – ◌, *стаць больш сардэчным* – ◌. 3. *Стаць слабейшым, стаць менш адчувальным* – ◌. 4. *Стаць цяплейшым*. Таким образом, при внешне однотипном «наборе» производных глаголов в составе того или иного деривационного объединения (СП, деривационный фрагмент) возможны различия в семантическом содержании этих единиц.

Близость деривационных подсистем глагола в русском и белорусском языках, хорошо развитая префиксация, наличие синонимичных производных – все это не исключает некоторых различий. Так, помимо глагола *помягчить*, отсутствуют в белорусском языке эквиваленты к русским глаголам *промякнуть*, *поотмякнуть*, *пересмякнуть*, *умякнуть*. Естественно, не обязательно заострять внимание на отсутствии эквивалента глаголу *пересмякнуть* (с пометой «областное» и в значении ‘Стать жестким, сухим (о губах, рту)’ [101, т. 9, с. 896]), так как последний находится на периферии языковой системы. Аналогично: русский глагол *промякнуть* отмечен лишь в словаре Д. Н. Ушакова, поэтому неудивительно, что он не принимается во внимание Русско-белорусским словарем. Однако показательно отсутствие коррелята глаголу *умякнуть*, поскольку другим производным с префиксом у- (*умягчать*, *умягчить*) в белорусском языке наблюдаются соответствия, но с иными префиксами. Ср.: *змякчаць*, *памякчаць* и *змякчыць*, *памякчыць*. С другой стороны, интересно отсутствие эквивалента глаголу *поотмякнуть* при достаточно хорошей активности соответствующей модели в белорусском языке. Ср.: *пооткрываць* 1 (двери, окна) – *паадчыняць*, *пооткрываць* 2 (снять покрывало, крышку) – *паадкрываць*; *поотнимать* – *паадбіраць*; *поотрывать* – *паадрываць*; *пообтрати* – *паабтрэсваць*. Любопытно, что словообразовательное значение ‘совершить действие с небольшой интенсивностью или неполностью’, представленное в русских глаголах *пообождать*, *пообсохнуть*, *пообтереться*, *пообтrepаться*, *пообжиться*, в белорусском языке может быть представлено деривационными сочетаниями с компонентом *трохі*.

Ср.: *трохі пачакаць* – ◌, *трохі абсохнуць, паабсыхаць; трохі абцверціся*, ◌; *трохі абтрапацца*, ◌; *трохі абжыцца*, ◌! [96, т. 2, с. 684–685]. В ряде случаев в словаре приводятся эквиваленты, не отражающие семантическую специфику русского глагола. Например: *пообноситься* – *абнасіцца*; *поослабнуть* – 1) *аслабець, аслабнуць*; 2) *наслабець*; *поотогреться* – *адагрэцца* [96, т. 2, с. 684–685]. С другой стороны, в белорусском языке есть глаголы (*паабмякнуць, паразмякаць*), не имеющие зафиксированных в словарях синтетических коррелятов в русском языке.

Рассматривая группу производных глаголов, имеющих отношение к антонимичному признаку «твердый», можно и здесь обратить внимание на ряд различий. Так, в белорусском языке отсутствует эквивалент глаголу *потвердеть*, а также не отражается «морфемное варьирование» семантики несовершенного вида: русским глаголам *твердеть* и *отвердевать* приводится один и тот же эквивалент (*цвярдзець*) [96, т. 2, с. 379]. Кроме этого, заслуживают внимание различия в префиксальном оформлении русско-белорусской коррелятивной пары *измякнуть* – *размякнуць*. Таким образом, два близкородственных языка могут различаться и общим количеством участвующих в процессе семантической дифференциации префиксов. Ономаσιологический подход в применении к фрагменту глагольной «составляющей» отвербативных парадигм позволяет увидеть вполне конкретные случаи «непредставления» деривационной семантики в одном близкородственном языке по сравнению с другим.

Для словообразования существенны отношения, связывающие родственные единицы, т. е. такие, основа выявления и отождествления которых представляется эксплицитно. Эти основополагающие свойства так или иначе отражаются на связях производного слова не только с другими словами, но и отношениях с единицами других уровней. Так, в некоторых случаях нельзя не обратить внимания на деривационно родственные словосочетания, так как на собственно словообразовательном уровне некоторые группы значений, их оппозиции могут быть представлены в менее систематическом виде. Поэтому сопоставительное исследование с привлечением единиц смежных уровней может оказаться более содержательным. Сравните, например, следующие глаголы в белорусском языке и отсутствие аналогичных в русском: *навыразнець* ‘Стать выразительнее’, *падвысіць* ‘Сделать более высоким’, *ачужэць* ‘Стать чужим’, *бліжэць* ‘Становиться ближе’, *большаць* ‘Становиться больше’, *вузець* ‘Становиться уже’, *вышэць* ‘Становиться высоким, выше’, *глушэць* ‘Становиться глухим’, *глыбець* ‘Становиться более глубоким’.

Целый ряд фактов (и предпосылок) свидетельствует о большей степени синтетизма белорусского языка по сравнению с русским. Сравните: *злой* – *злеть, злиться*; *злостный* – ◌, *становиться злостным* (прогульщиком) и бел. *злосны* – *зласнець, становиться злым* (сердитым); *пазласнець*. Как известно, наличие префикса *не-* в обычном случае является морфонологическим «барьером» и в русском языке нельзя, к примеру,

образовать глаголы от слов типа *нелюбимый, нелюдимый*. Однако сравните в бел.: *знелюдзець* ‘Стать нелюдимым от уединенной жизни’, *знелюбець* ‘Стать кому-либо нелюбимым’.

Другой пример: *детство* – ɔ, *впадать в детство, вести себя по-детски* и бел.: *дзяцінства – дзяцінець* ‘Траціць развагу, выжываць з розуму’; *дзяцініца* ‘Разм. *Паводзіць сябе несур’езна, па-дзіцячаму*’. Любопытно, что в белорусском языке от существительного образуются сразу два глагола! Безусловно, структура белорусского существительного *дзяцінства* для процесса словообразования морфологически более «мобильна», нежели соответствующая структура русского слова *детство*. Аналогично, сравните: *опрятный* – ɔ, *придавать опрятный вид* и бел. *апратаць (апратаць)* ‘Освобождать от всего ненужного, придавать чистый, опрятный вид’.

Следует обратить внимание и на большую легкость в «освоении» белорусским языком достаточно простых по структуре основ, лишенных очевидных морфологических барьеров. Сравните: *день* – ɔ, *дзень* – *днець* ‘Займацца на дзень; світаць, развіднівацца’ (хотя в русском *день* – *дня*); *дно* – ɔ; *дно* – *дніць* ‘Уставіць дно’.

Обращение к «движениям» формы при сопоставлении не единичных лексем, а целого комплекса деривационно связанных фактов, позволяет увидеть некоторые различия в тех или иных подсистемах глагола в русском и белорусском языках. Так, очевидно, что сочетание *стать многолюднее* – ɔ, является единственным способом проекции в глагол лексемы *многолюдный*. Вместе с тем, в силу тесного взаимодействия словообразования и лексики, оно может являться полноценным коммуникативным и деривационным эквивалентом глаголов *полюднеть* ‘Простореч. Стать, сделаться людным, более людным’ (бел. *палюднець* ‘Разм. Стаць, зрабіцца больш людным, мнагалюдным’) и *люднеть* ‘Делаться более людным’ (бел. *люднець* ‘1. Разм. Станавіцца людным, мнагалюднее’). Правда, уже здесь наблюдается тонкое различие: у белорусского глагола, в отличие от русского, есть еще одно значение (‘2. Перан. Набываць якасці чалавечнасці, пачцівасці, ветлівасці’). Например: *У лесе людзі дзічэюць, а ў людзях люднеюць*. К слову, в недавно вышедшем словаре И. Г. Шкрабы данное слово ошибочно приведено как безэквивалентное не в переносном, а в прямом значении.

Лексема *люди* несколько по-разному проецируется в глагольных производных в составе словообразовательных гнезд русского и белорусского языков. Так, отмечается полное совпадение в реализации известной деривационной модели «лишить/лишиться чего»: *обезлюдеть (обязлюдзець* ‘Стаць бязлюдным, пустэльным’), *обезлюдить (обязлюдзіць* ‘Зрабіць бязлюдным, пустэльным’). Правда, в русском языке отмечены отсутствующие в белорусском языке: *обезлюжить* ‘Делать безлюдным’,

обезлюжывацца, безлюдеть 'Становіцца безлюдным'. С другой стороны, в белорусском языке есть глаголы, отсутствующие в русском. Помимо факта словообразовательной вариантности (*абязлюдзец* 'Тое ж, што і абязлюдзец'), особого внимания заслуживают глаголы *палюдзец* 'Побыць среди людзей, пообщацца з людзьмі'. *Часам ім [хлопцам] удавалася падкупіць семінарскага вяртаўніка і выбегчы на якую гадзіну ў горад, каб палюдзец на рынку або заскочыць у кавярню Навума Гаха, што размяшчалася на рагу вуліц Задамені Качскай і Міхалінскай* (М. Тычына). *Людскавацца* '1. Жыць безбедна. *Людскаваўся* я нядоўга: хутка адправілі мяне на пазіцыю... (С. Хурсік). 2. Находзіцца среди людзей'. Там *людскуецца* вусаты, ва ўсім новым, міліцыянер (М. Лужанін). *Палюдскавацца* 'Почувстваваць сябе (пожыць) годнымі людзьмі'. ... *Уласнікі іх [бурак], колішнія нехацімцы і бедалагі, назайздросціўшыся ў свой час, пазіраючы на нэпманаўскія ўборы, вырашылі палюдскавацца самі* (М. Лужанін). Вось каб Галонскі тут астаўся! За ім бы, брат, *палюдскаваўся!* (Я. Колас). В последнем случае белорусский язык демонстрирует большую степень синтетизма, нежели русский, так как «преодолевают» достаточно сложный морфологический барьер, образовав глагол от наречия (сравните выражение *жыць по-людски*).

Следует отметить и любопытные «разночтения» в заполнении модели «становится/стать каким» русским и белорусским языком. Например: *безлюдеть – обезлюдеть* и \cap – *абязлюдзеть*. И наоборот: \cap – *поширеть* 'Стать шире, раздаться в ширину' и *ширэць* 'Станавіцца шырэй' – *пашырэць* 'Стаць шырокім, шырэйшым'. Особняком стоят белорусские глаголы *вылюдзец* и *вылюднець* 'Стать видным, рослым, возмужалым', не имеющие аффиксальных эквивалентов в русском, а также *знелюдзец* и *знялюдзец* 'Стать нелюдимым от уединенной жизни'. Сравните: На голае месца селі, на пагібель пайшлі, а от *вылюдзелі* (Я. Скрыган). Не скажаш сэрцу, біцца ці не біцца, сабе не загадаеш *знелюдзец*... (Р. Барадулін).

Сопоставительный анализ подобных фактов в составе значительных по количеству объединений (и оппозиций) родственных единиц позволяет увидеть как различия в лексических и словообразовательных подсистемах глагола двух языков, так и причины различной степени разветвленности тех или иных общих деривационных фрагментов.

ГЛАВА 3 ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

3.1. Словообразовательные типы в литературном языке и в диалектах

Анализ деривационных особенностей диалектной речи не может не базироваться на таком кардинальном для теории словообразования понятии, как словообразовательный тип. Заслуживает особого внимания выявление всего комплекса специфических особенностей конкретных производных единиц в рамках тех или иных словообразовательных типов в диалектах. К примеру, среди названий *болот* есть целый ряд единиц, в той или иной мере (по тому или иному параметру) отличающихся от внешне аналогичных единиц литературного языка. Так, отмечаемые в говорах *топель* (< *топить*), *вязель* (< *вязнуть*) могут быть соотнесены, *на первый взгляд*, с единичными для литературного языка *купель* (< *купать*), *качел(и)* (< *качаться*) [93, т. 1, с. 157], либо с представителями непродуктивного словообразовательного типа с суффиксом *-ель/-ль*: *капель* (< *капать*), *метель* (< *мести*), *гибель* (< *гибнуть*) [93, т. 1, с. 164]. Однако существенна разница в значении: в первом случае – это ‘предмет, предназначенный для выполнения действия’, во втором – ‘отвлеченный процессуальный признак’ (ср. ‘место’ в семантике наименования болота).

Диалектное слово *качалище* ‘вязкое, топкое болото’ [99, т. 13, с. 141] не соответствует по семантике производным литературного языка *игрище* < *играть*, *позорище* < *позориться*, которые «называют действие» [93, т. 1, с. 164], но вполне согласуется с *зимовище*, *прибежище*, *жилище*, представляющих существительные, которые «называют предмет (чаще всего *место*), характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’. Причем слова данного словообразовательного типа «проявляют некоторую продуктивность в словах с *местным* значением: *кормилище* (фазанов), *таилище* (наук)» [93, т. 1, с. 153].

«Вписывается» в семантические границы известного литературному языку словообразовательному типу с суф. *-ун-* и диалектное слово *вязун* ‘вязкое болотистое место’. Ср.: «Преобладают слова со значением лица (*бегун*, *прыгун* и т. п.); ...некоторые образования обозначают... виды грунтов, пород (*пльвун*, *зыбун*)» [93, т. 1, с. 146]. Аналогична ситуация со словом *ржавец* ‘ржавое болото’, которое по словообразовательной семантике коррелирует с одним из семантических подтипов словообразовательного типа с суффиксом *-ец-* *отадъективов*. Ср.: «...среди образований этих подтипов немало слов с неличными значениями: названия... пространств, территорий (*солонец*, *голец*)...» [93, т. 1, с. 168]. Для справки: *солонец* ‘1. Почва, содержащая значительное количество поглощенного

натрия'. 2 'Озеро или ключ с соленой водой; солончак (во 2-м знач.); *голец* '2. 'Вершинная плоскость или волнистая поверхность горного хребта или возвышенности, лишенная древесной растительности; горная зона выше границы лесов' [101, т. 14, с. 236, т. 3, с. 210]. Ср. также *голея* 'Болото, лишенное растительности' со словом литературного языка *голь* I 'Местность, лишенная растительности'.

Достаточно специфичным представляется слово *вязило* как обозначение болота, так как в литературном языке в рамках известного словообразовательного типа с суффиксом *-л-* [93, т. 1, с. 149–150] выделяются два семантических подтипа: 1) 'лицо – субъект действия' (*громила, воротила*); 2) 'орудие, приспособление для производства действия' (*черпало, точило*); отдельные образования называют помещения (*стойло*), животных (*прилипала*), совокупность предметов (*тягло*) [93, т. 1, с. 150]. По морфонологическим особенностям слово *вязило* (<*вязать*) напоминает слово *мазила* (< *мазать*) с редкой меной финали (*а/и*).

В литературном языке, по данным [106, т. 1, с. 204–206], есть два словообразовательных гнезда с глаголами *вязать* и *вязнуть*. Однако в составе словообразовательных парадигм этих глаголов отсутствуют рассмотренные нами *вязель, вязун* и *вязила*, хотя сами гнезда (в особенности от глагола *вязать*) обладают хорошим деривационным потенциалом. Другими словами: диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка.

Заслуживает особого внимания выявление диалектных словообразовательных типов, отсутствующих в литературном языке. Ср., например: 1) о- + сущ. + -ыш- (*осередыш*), 2) у- + сущ. + -j- (*уречье, угорье*), 3) глаг. + -ищ-(а) (*падища*), 4) от- + сущ. (*отнога*), 5) не- + глаг. + ∩ (*некать*), 6) су- + сущ. + -иц- (*судорожица*), 7) глаг. + -ень- (*огибень*). 8) по- + прил. + ∩ (*понизь*), 9) за- + глаг. + ∩ (чередование *t/t'*) (*западь*), 10) прил. + -едь- (*мокредь*), 11) прил. + -етин- (*мокретина*), 12) глаг. + -арин-(а) (*моcharина*), 13) глаг. + -ель- (*вязель* 'место'), 14) глаг. + -л- (*вязило* 'место').

Примеры подтверждают мнение М. Н. Янценецкой: «Лексические мотивационные связи, не совпадающие со словообразовательными, обладают потенциальной способностью служить схемой построения новых слов. Реализация этой возможности может привести к появлению словообразовательных типов, характеризующихся новым видом производящих основ и аффиксов или их своеобразной комбинацией» [123, с. 123].

Понятие словообразовательного типа предполагает **типовые** (общие) модели построения слов. Особенностью диалектного словообразования может явиться широкое распространение «внетипового» словообразования, большое количество редких и просто единичных словообразовательных моделей. Избирательность диалектного словообразования не может не восхищать: при невероятно богатом словообразовательном гнезде слова *мыть*, наличии таких единиц, как *промоина, промыв, промывка* [106, т. 1,

с. 645], в литературном языке отсутствуют слова *промой*, *промывина* ‘овраг, образовавшийся потоками воды’. Каких только нет сложений с компонентом *вод(а)* [106, т. 1, с. 180–182], даже «близкое по форме» *водоток*, но в диалектном словообразовании находим *водотек* ‘овраг, по дну которого течет ручей’.

Сопоставление состава словообразовательных типов в литературном языке и диалектах – интересная и во многом еще не решенная задача!

3.2. Опыт описания фрагмента лексико-словообразовательного гнезда (от литературного языка к диалектам)

Как известно, «мотивирующая база словообразовательной мотивации строго регламентирована словообразовательными парами однокоренных слов, в отличие от лексической мотивации, характеризующейся обширностью лексических связей слов и многолексемностью лексических мотивационных отношений их в гнезде» [107, с. 229].

Значительная часть диалектной производной лексики, по всей видимости, должна рассматриваться в рамках не словообразовательного гнезда, но *гнезда лексического*, включающего в свой состав ряд словообразовательных гнезд, а также одиночные словообразовательные пары. К примеру, по данным «Словообразовательного словаря» А. Н. Тихонова, словообразовательное гнездо слова *баба* I ‘Женщина’ насчитывает 41 слово, словообразовательное гнездо слова *баба* II ‘Тяжелый молот’ – 5 слов, слова *баба* III ‘Кулич’ – 1. Подавляющее большинство производных из первого словообразовательного гнезда хорошо известны: *бабенка*, *бабеночка*, *бабочка* I, *бабёшка*, *бабица*, *бабье*, *бабник*, *бабничать*, *бабий*, *бабин*, *бабушка*, *бабушкин*, *прабабушка*, *прабабушкин*, *прапрабабушка*, *прапрабабушкин*, *бабуся*, *бабусин*, *бабуля*, *бабулин*, *бабенька*, *бабенькин*, *бабонька*, *бабка* I, *бабкин*, *прабабка*, *прабабкин*, *прапрабабка*, *прапрабабкин*, *бабиться*, *избабиться*, *обабить*, *обабиться*, *баба-яга*, *бой-баба*, *жох-баба* [106, т. 1, с. 79]. Куда менее известны рядовому носителю литературного языка (а многие просто неизвестны) слова диалектные, в той или иной степени относящиеся к данному лексико-словообразовательному гнезду и характеризующиеся как своеобразием лексических значений, так и хитросплетением всевозможных лексических и словообразовательных мотиваций. Ср. необычные глаголы *бабничаться*, *бабнуть*, *бабчиться*, *бабовать*:

Бабничаться ‘Нянчиться с детьми (о мужчине)’. Пск., Осташк. Твер., 1855. Даль [без указ. места] [99, т. 2, с. 25].

Бабнуть ‘Ответ девушки мужчине на бранное слово баба’. *Бабнула бы ты по губам-то*. Пек., Карпов, 1855. Ругнуть бабой девушку или парня. Даль [без указ. места].

Бабчиться '1. В выражении: «*Чтоб тебе бабчилось на том свете – о плохой повивальной бабке, знахарке*». Даль [без указ. места]. 2. 'Перепутываться, сбиваться в комки, кучи (о стеблях)'. *Жито бабчится на посяде*. Смол., 1914.

Бабовать 'Вести себя как подобает бабе, замужней женщине'. *Коли баба, так бабуй*. Красы. Смол., 1914. [99, т. 3, с. 25].

Для справки: *баба* '1. В простореч. Замужняя женщина (обычно о крестьянах) (устар.)', '2. Обл. и в простореч. Жена', 3. 'О женщине вообще'. С оттенком пренебрежения, 4. 'Переносно и в сравнении: о мужчине слабого, нерешительного характера, робком, изнеженном и т. п.', 5. 'То же, что бабушка', 6. 'Человеческая фигура, слепленная из снега', 7. 'Зоол. птица-баба. Пеликан' [101, т. 1, с. 233–234].

Глагол *бабничаться* словообразовательно не связан с глаголом *бабничать*, здесь скорее всего отношения лексической мотивации со словом *баба* (корневой морфемой *баб-*). Ср.: выполнять функции (*нянчиться*), свойственные женщине (бабе). Значение глагола *бабнуть* своеобразно, но налицо словообразовательная связь с существительным *баба* в 3-м значении. Глагол *бабовать* реализует деривационную модель 'вести себя как' с семантическим приращением «подобает» и словообразовательно мотивирован существительным в 1-м или 3-м значении.

Для характеристики глагола *бабчиться* важно принимать во внимание словообразовательную связь с диалектным *бабка* в 1-м значении 'Женщина, занимающаяся оказанием помощи при родах; повитуха'. Ворон., 1849. Тул., Курск., Калужск. и др. Теперь *бабки* редко принимают, больше родят в больнице [99, т. 2, с. 20] (в литературном языке это слово либо относится к модификационному словообразованию (Пошла какая-то *бабка*), либо отмечается как устаревшее [100, т. 1, с. 54] (ряд омонимов *бабка* 2–4 во внимание не принимаем). Своеобразие диалектного *бабчиться* очевидно, как в 1-м, так и во 2-м значении.

Бабанеженка 'Избалованный человек; неженка, любимчик'. *Ишь, какой бабанеженка, – того не хочу, да в этом не пойду*. Весегон. Калин., 1937.

Бабанежить 'Нежить, холить, баловать, ласкать (по отношению к женщине, балующей своего ребенка)'. Вят., 1901. Чухл. Костром., Весегон. Калин.

Бабанежиться 'Долго валяться в постели'. Любим. Яросл. [99, т. 2, с. 16].

Очень интересными по структуре представляются сложения *бабанежить* и *бабанежиться*. Вместе с производным существительным *бабанеженка* они образуют фрагмент словообразовательного гнезда, не известный литературному языку. «Поле отличий» от литературного языка в глагольной части данного лексического гнезда дополняют глаголы *бабить*, *бабкать* и *бабиться*:

1. *Бабить* 1. 'Заниматься ремеслом повивальной бабки, принимать детей'. Тихв. Новг., 1854. Пек., Смол., Калуж., Орл., Курск., Нижегород., Олон., Бсх., Перм. *А я у их детей всех бабила*. Том. *Старухи ходили рань-*

ше бабили. Челяб. 2. 'Лечить, заниматься знахарством'. Переясл. В лад., 1849 и 1851. Курск., Орл. 3. 'Ворожить'. *Он искусник бабитъ.* Обоян. Курск., 1854. Курск., Орл. – Ср. *Бабкать.* 4. 'Быть замужем'. *Третий год бабит.* Кадн. Волог., 1883–1889. Волог.

2. *Бабить* Бабить поле. Складывать сжатый хлеб в бабки. Петрозав. Олон.

Бабкать То же, что 1. Бабить (в 1–3-м знач.). *Она уже начинает бабкать.* Тамб.

Бабиться 1. Исполнять обязанности акушерки, принимать детей. Перм., 1848. Нижегород. Чу! *Кум меня зовет бабиться.* Перм. *Вечерось бабилась, сын родился.* Камен. Свердл. 2. Рожать, становиться матерью (о молодой замужней женщине). Порх. Пск., Нижегород., Перм. [99, т. 2, с. 20].

Если первые два в лексикографии литературного языка никак не отражаются, то глагол *бабиться* представлен в отличном от диалектов значении. Ср.: *бабиться* 1. 'Проводить время среди женщин, с женщиной (с насмешкой)' [101, т. 1, с. 234].

Значительна группа имен существительных, так или иначе связанных с корневой морфемой *баб-*, с целым спектром значений, не представленных в литературном языке. Кстати, сравнение с литературным языком оказывается очень интересным. Например: *бабёнка* в литературном языке и *бабёнок*:

Бабёнок 'Ребенок, находящийся постоянно с женщинами; маменькин сынок; неженка'. Осташк. Твер.

Бабенка Ласк. 'Обращение к бабушке; бабушка'. *Скажи, бабенка, далеко ль или близко наш татенка ездил?* Заонеж. Олон. [99, т. 2, с. 17].

Далеко не всегда оппозиция суффиксов *-онк-/-енк-* свидетельствует не о вариантности, а о разных значениях.

Бабина 'Обращение к замужней женщине; замужняя женщина'. Олон., 1872. *Здравствуй, бабина.* Олон. Корч. Твер. ~ *Бабину городить, нести.* 'Ухаживать, волочиться за женщинами, любезничать с ними'. Ряз., Даль. [99, т. 2, с. 19].

Как видим, последнее производное слово отличается по семантике от обычной притяжательной формы. Ср. также рассматриваемое ниже *бабица*.

Заслуживает внимания лексикализация формы множественного числа *бабины* с поясняющим семантику данного слова метатекстом, в котором отмечено причастие *перебабленные* – форма глагола *перебабить* [99, т. 26, с. 19]. В этой связи существенно исследование фрагментов глагольных деривационных парадигм в составе диалектных лексических гнезд (ср. типовое значение у глагола *переарывать* 1. 'Пахать заново, еще раз; перепахивать сохой'). Возвращаясь к рассматриваемому фрагменту, следует указать и на слово *баблений*.

Бабица 1. 'Женщина средних лет; приветственное обращение к женщине средних лет'. Олон., 1856. *Здорово, бабица!* Соликам. Перм.,

1905?1921. // Молодая женщина, недавно вышедшая замуж. *А бабица какова на работу* Кадн., Тотем. Волог., 1902. 2. 'Распутная женщина' [?]. Перм., 1914. Свердл. 3. *Собир.* 'Женщины (бабы)'. *Уж бабица с поля идет*. Нижнедед. Ворон., 1848. Ворон.

Бабины 'Праздник в честь повивальной бабки, 26 декабря'. «К бабке приходят «перебабленные» его внуки» с родителями, приносят ей муки, кусок сала, свинины, крупы, булку или краюху хлеба; мужчины – денег. Бабка угощает внуков орехами и играет с ними. Праздник завершается ужином с обильной выпивкой». Смол.

Перебабить 'Принять ребенка у роженицы'. *Перебабить младенца*. Даль [без указ. места]. *Уж, ты, бабушка. Моя Марковна, А прошу я тебя: – Да не оставь ты меня – Перебабь ты моего дитятку, Перебабь ты моего Ты маленького!* Смол., Зап. Брян.

Бабленый 'Такой, у которого повивальная бабка завязала пупок (о ребенке)'. *Как мать меня породила, так и снесла на море, не бабленого и не обмываного*. Смол., 1914 [99, т. 2, с. 25].

В рамках словообразовательной мотивации находится словообразовательная пара *баба – бабинец*, а также целый ряд мужских наименований лица: *бабьяк, бабьчанин и бабей*. Из словарной статьи к последнему слову видна значительная вариантность «словообразовательных форм», характеризующих определенные значения в диалектной речи. Подобное варьирование, безусловно, связано и с большей морфонологической свободой диалектного словообразования по сравнению с литературным языком. Помимо приведенного уже слова *бабьчанин* и, ранее, глагола *баба-нежить*, обращает на себя внимание существительное *бабятя*. Каков механизм образования данного слова? Осмелимся предположить, что здесь произошло частичное наложение (*баба + батя*).

Бабинец 'Притвор церкви – место для женщин (баб)'. «Одна русская сказка (об Иване дурачке) говорит: *Не войти тебе, Ягая, к нам на венчанье, не помешать тебе нам на сочетанье; место бабе на бабинце*». Макаров, 1827 [без указ. места; «из малорусского»]. «Бывший в старину особый женский притвор в церквях». Южн., Даль.

Бабьяк 1. 'О застенчивом, скромном женатом человеке'. Бабьяк. Бсх., Даль. Бабьяк. Помор. Бсх., 1885. 2. Бабьяк. То же, что *бабей* Шенк. Бсх., 1898.

Бабьчанин 'Насмешливое прозвище мужчин из Поречья, своим внешним обликом и поведением похожих на женщин'. *Поречане – бабьчане*. Пореч. Смол., 1914.

Бабей 'Любитель ухаживать за женщинами; волокита'. Обоян. Курск., 1854. Калуж., Курск, *Сам-то шалудивый, а какой бабей*. Севск. Орл. – Ср. Бабень (в 1-м знач.), Бабик (в 1-м знач.), 1. Бабич, Бабнюк, Баболюб, 1. Бабочник, Бабыляй, Бабьяк (во 2-м знач.).

Бабятя 1. 'Женоподобный мужчина (иногда бранно)'. Нижегород., 1861. 2. 'Гермафродит'. Даль [без указ. места]. 3. 'Мужчина, чертами ха-

рактера, поведением и т. п. напоминающий женщину'. Ветл. Костром., 1861 [99, т. 2, с. 17].

Если говорить о всех словах, представляющих данное лексическое гнездо, то в ряде случаев необходимо учитывать широко распространенную многозначность и омонимию. Ср., к примеру, 6 (!) омонимов у лексемы *бабка*, причем в одном случае (3. *бабка*) указано 19 (!) различных значений [99, т. 2, с. 21–22]. Естественно, что в целом ряде случаев однокоренные слова обнаруживают отношения лексической мотивации. Рассмотрим диалектное слово *бабулька*. Судя по дефиниции, в большинстве случаев оно лексически мотивируется словом *бабочка*, а момент возможной словообразовательной мотивации (ср.: 2. *Бабуля* 'Бабочка, мотылек'. Костром., Даль) может отступить на второй план. В литературном языке пару *бабушка* – *бабуля* (*бабуся*) (в привычном для нас значении) также связывают отношения не словообразовательной, но лексической мотивации.

Бабулька, и, ж. 1. Уменьш. к бабочка – насекомое отряда чешуекрылых, рарііо. Ряз., 1852. 2. Детская игрушка. Грязов. Волог., 1898. *А бабулька-то где у тебя?* Грязов. Волог., 1902 [99, т. 2, с. 27].

Наличие/отсутствие рассматриваемых видов мотивации определяют структуру диалектного слова. Если в литературном языке слово *бабушка* образовано от *баба* [106, т. 1, с. 79], то оно является производным. В диалектах *бабушка* – это и 'повивальная бабка' (1), и 'лекарка, знахарка' (2) – одно слово; 'бабочка' (1), 'бирюзовая стрекоза, коромысло' (2), 'растение василек' (3) – другой случай; 'общее название детской игрушки' (1), 'гармоника' (2), 'безделица, мелочь, ничего не стоящая вещь' (3) – в третьих; 'белая булка' (1), 'нерастворившийся мучной комочек в вареве, крошеное или несученое комочками тесто (лапша) для похлебки; «колобочки, мелкие клецки»' (2), 'оладья, пышка' (3) – в четвертых [99, т. 2, с. 30]. И во многих случаях нельзя усматривать не только отношения словообразовательной мотивации, но и даже отношения мотивации лексической. Пример мотивации словообразовательной: *баба* 'повивальная бабка' ↓ *бабушка* 'повивальная бабка' с характерной для говоров *структурной ремотивацией* [11, с. 73]. Отношения лексической мотивации: *бабка* 'насекомое, бабочка' – *бабушка* 'бабочка', *бабка* 'игрушка' – *бабушка* 'общее название детской игрушки' и др. На данном участке лексического гнезда последних примеров значительно больше.

Бабушки 1. 'Натуральная оспа; пятна натуральной оспы'. Холм. Пск., 1850. *У него было только три бабушки*. Новг. *У него сын в бабушках*. Пск. Петерб., Твер. *Все лицо в бабушках. По-деревенски – бабушки, поделикатней – воспа*. Лит. ССР, Эст. ССР, 1964. || Оспенная прививка; болячки от прививки оспы. *Ну, ребята, пошли вон, а то барин бабушки привьет*. Новоржев. Пск., 1898. Петерб., Пск., Калин. 2. 'Корь', Бабушки [удар.?). Холм. Пск., 1897. 3. Чаше ед. 'Всякая болячка у детей'. *Ах, какая у тебя бабушка. Подуй на нее, душечка*. Опоч. Пск., 1858. Новг., Пск. || Кровоподтек, рана. *В игрушках бывают и бабушки*. Пск., 1902–1904.

Бабушечник 1. 'Ребенок, больной оспой; ребенок, у которого есть бабушки, оспа'. Пск., 1858. || Рядой человек, с оспинами. Даль [без указ. места]. 2. 'Оспопрививатель'. Пск., 1855 [99, т. 2, с. 29].

К слову, в диалектах в значении (так долго носителем литературного языка ожидаемом!) 'бабушка, мать отца или матери' отмечено слово *бабухна* (Смол., Пск.) [99, т. 2, с. 29]. С другой стороны, лишь знание слова *бабушки* 1. позволяет понять словообразовательную структуру слова *бабушечник* в границах неизвестной для литературного языка словообразовательной пары.

Таким образом, совершенно очевидно, что диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка.

3.3. ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Как это не удивительно, ученые и в XXI веке с неподдельным интересом обращаются к диалектам русского языка. И связано это с тем, что это также наш родной язык, но язык в известном смысле «более чистый, более естественный» по сравнению с языком, который формируется современным миром, в том числе его Интернет-пространством. А. М. Пешковский писал в свое время, что при сравнении речи человека с другими привычными процессами нашего организма, например, с ходьбой или дыханием, можно было бы сказать, что «говорение» интеллигента будет так же отличаться от «говорения» крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или дыхание факира от естественного дыхания. Понятно, что «народные наречия и говоры не только не могут игнорироваться при таких условиях лингвистом, а напротив, они для него и составляют главный и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект исследования, подобно тому как ботаник всегда предпочтет изучение луга изучению оранжереи» [86, с. 233].

Мы приучены к «правилам»... Синхронное словообразование, как *правило*, ограничено рамками литературного языка, и за эти рамки не принято выходить в процессе преподавания языка в вузе и школе. Однако есть немало слов, простых по структуре, понятных любому носителю литературного языка (если, конечно, объяснить их значение) благодаря *комбинации* хорошо известных ему морфем. Просто *необычна* сама комбинаторика общерусских морфем. Ср.: 'то, что находится у горы' – *угорье*.

Простота и ясность морфемного состава целого ряда диалектных слов делает их удобным учебно-дидактическим материалом на занятиях по словообразованию. Как это ни парадоксально, но есть немало слов, к примеру, в школьном учебнике, которые не решаются дать для разбора по

составу учащимся вполне квалифицированные учителя. Это связано отчасти и с тем, что в школьной теории словообразования отсутствует необходимая информация для анализа подобных слов. Сравните: *рисунок, прикосновение, таксист*. Для правильного разбора данных слов необходимо знать о чередовании у/ов (ов/у) и таком морфонологическом явлении, как наложение.

И, напротив: *не-кать-∩, су-дорож-иц-а, без-дорож-иц-а, кат-ень, на-езд-ок* (названия дороги); *объ-езд-ок, о-гиб-ень, о-кол-иц-а* (названия окольной дороги); *огиб-∩, от-ворот, по-верн-иц-е, по-верт-к-а* (названия поворотов).

Сравнение, как известно, является одним из важнейших условий развития исследовательского интереса, источником размышлений. Диалектное слово может отличаться от слова литературного языка иной комбинаторикой одних и тех же морфем, что, естественно, способствует лучшему усвоению морфемного состава слов литературного языка (ср.: *ездок* и *наездок, объездок*). Диалектная морфемика заслуживает самого пристального внимания. Ср.: литературный язык: *гора – на-горье, вз-горье, при-горок* и т. д.; диалект: *гора – угор – под-у-гор* [99, т. 28, с. 226].

Из практики преподавания словообразования в вузе известно, что некоторые словообразовательные модели литературного языка усваиваются с трудом по причине их необычности, редкости, порой единичности. Диалектный материал может помочь усвоить специфику данной модели, так как представляет целый ряд аналогичных по структуре образований. К примеру, в диалектном словообразовании отмечено большое количество производных нулевой суффиксации, имеющих в своем составе префикс. В основном они «повторяют» особенности известных литературному языку словообразовательных типов, но количественно значительно превосходят последние. Ср.: *мочить* ↓ *замочь* 'низменное сырое место', *топить* ↓ *затоп*, *падать* ↓ *западь* 'низина'; *низкий* ↓ *понижь* 'низина у подножия гор' или 'речная долина'.

Важнейшие понятия теории словообразования могут быть лучше усвоены, к примеру, в студенческой аудитории, если в качестве иллюстративного материала будут использоваться не только производные слова литературного языка, но и слова, представляющие русские народные говоры. Так, основное для системы словообразования понятие словообразовательного типа может быть проиллюстрировано очень показательными примерами диалектных слов, представляющих словообразовательные типы (продуктивные и непродуктивные), отсутствующие в системе литературного языка. При этом всегда полезен анализ сходств и различий по общим и частным словообразовательным значениям, учет различий в семантическом «наполнении» конкретных словообразовательных типов, в диапазоне значений, связываемых с конкретным суффиксом, в степени продуктивности сравниваемых в данных подсистемах словообразовательных типов. Так, диалектное слово *копань* [101, т. 5, с. 1380–1381] по сло-

вообразительной семантике в самом общем виде обозначает 'то, что выкопано', на лексическом уровне реализуя следующие значения: 1. 'Яма, ров, колодезь, выкапываемые для собирания дождевой или почвенной воды'. 2. 'Место, расчищаемое под пашню; полевая раскорчевка'. 3. 'Дерево, выкорчеванное, вывороченное с корнем // Нижняя часть ствола хвойного дерева, выкопанная вместе с частью главного корня, перпендикулярного к стволу; употребляется при постройке плоскодонных судов, на застрехи кровель крестьянских домов'.

Для сравнительной оценки деривационного потенциала данного словообразовательного типа в языке говора следует указать на основные характеристики, приписываемые данным образованиям в языке литературном. Ср.: «Существительные женского рода с суффиксом *-нь* называют собирательное понятие – объект или результат действия, названного мотивирующим словом: *ткань, рвань, дань, дрань, клепань, ругань, кипень*. Мотивирующие – глаголы I и V классов, а также *дать, кипеть*. Тип непродуктивный» [93, т. 1, с. 154].

Проанализируем некоторые примеры. **Уречье**. Префиксальное усложнение корневой морфемы слова *река* напрямую связано с наличием некоторых «предложных» показателей пространства. Ср.: *за рекой* ↓ *за речье, вдоль по реке* ↓ *поречье*. По данным Обратного словаря, еще отмечены такие слова, как *приречье* 'Местность, расположенная возле реки, на берегу реки' [101, т. 11, с. 703], *междуречье* и не относящееся к обозначению пространства *староречье*. Язык диалекта дополняет «карту пространственных ориентиров» вполне естественным (по семантике) *уречье* 'полоса земли у реки' (ср.: *у моря, у дома, у ограды*) и достаточно специфичным *разречье* (хотя ср.: *распил* 2. 'Место разреза пилой' [101, т. 12, с. 682]).

Осередыш 'Остров посередине реки'. Нет ничего удивительного в том, что даже по Обратному словарю очень сложно найти слово подобной словообразовательной модели и в точности соответствующего словообразовательного типа. Ср.: *околыш* (в *Словаре А. Н. Тихонова* – непроизводное) 'Часть головного убора в виде обода, облегающего голову' [101, т. 8, с. 798], лишь в диахронии: *о-кол(о)-ыш*. Таким образом, диалектное слово *осередыш*, образованное префиксально-суффиксальным способом от существительного *середина* представляет словообразовательный тип, **отсутствующий** в литературном языке. И подобных словообразовательных типов немало.

Есть основания предполагать, что дифференциация словообразовательными средствами происходит внутри тематической, лексической группы. Рассмотрим, к примеру, различные обозначения реальных, так или иначе связанных с рекой. Ср.: *течень, течун* 'течение реки', *разречье, подкручье* 'место слияния двух рек'. Локализация собственно словообразовательными средствами «речного или околоречного пространства» в языке говоров просто поражает! Это и названия **порогов** (*вз-вод-ень, пад-ун*),

водоворотов (*за-верт-ень, завит, заводь, затыгалка, коловерть, круговорот, кружилка*) и **водопадов** (*водопадъ, пад-еж*). Заслуживают внимания и другие «точки» пространства: 'место у истока реки' (*верховище, головище*), 'место разделения реки на рукава' (*разречье, растока, переволок(а)*), 'место вдоль реки' (*подречье*), 'полоса земли у реки' (*уречье*). Обозначение получают детали многих объектов, имеющих отношение к реке. Ср.: *привершье* 'верхняя часть острова', *высыток* 'наносной остров на реке'.

Не следует забывать, что в преподавании русского языка существенен и аспект культурологический, когда через язык происходит знакомство с культурой народа, отношением его носителей к миру, оценкой тех или иных явлений. И все это закреплено в производных единицах самой различной структуры и семантики.

Известными формами организации деривационно родственных единиц являются словообразовательные парадигмы и словообразовательные цепочки, состав слов в которых может существенно различаться в литературном языке и русских народных говорах. Диалектное словообразование интересно и тем, что может восполнять нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка. Это, в частности, может выражаться в организации дополнительных словообразовательных парадигм и словообразовательных цепочек. К примеру, общее наименование болота *топель* формально и семантически «специализируется» в *топелица* 'вязкое, топкое болото'. Словообразовательное гнездо слова *бор* 'сосновый и еловый лес' «не знает» таких диалектных слов (причем с разным семантическим «наполнением»), как *боровина* (в нашем случае 'бугор среди болота') и *боровинка* 'возвышенное, покрытое лесом место среди болота', вне зависимости от того (определить это порой не просто), образуют ли они целую словообразовательную цепочку или являются компонентом одной словообразовательной парадигмы. Словообразовательное гнездо слова *дыб* (*ом*) [106, т. 1, с. 325] состоит лишь из нескольких глаголов и «не знает» существительного *дыбун* в значении 'топкое, непроходимое болото'.

Среди диалектных слов есть такие, строение которых предполагает известный литературному языку «семантический результат». Например, слово *олешье* (от *ольха*) должно было бы рассматриваться в ряду имен собирательных с суффиксом *-j-*: *зверьё, палочьё, сучьё* и т. п. [93, т. 1, с. 206], однако, в отличие от литературного языка, оно обладает вполне конкретным значением: *олешье* (*ольшатник, ольшняк*) 'болото, заросшее ольхой'. Ср. также: *мошняк* (*моховик*) 'болото, поросшее мхом', *кочажник* (*кочкари*) 'болото, покрытое кочками'. Для сравнения: *березняк, ивняк; кустарник, ельник*. Существительное *замочка* 'низменное сырое место' по образованию соответствует словообразовательному типу со значением отвлеченного процессуального признака (*задержка, завалка*) [93, т. 1, с. 160]. Ср. в литературном языке: *замочка* 'То же, что замачивание. Замачивание льна' [101, т. 4, с. 688]. Однако очевидно иное значение («место»).

На первый взгляд, диалектное словообразование весьма произвольно «подбирает» «свободные» от выполнения каких-либо функций в литературном языке формы и приравнивает их к выражению требуемого смысла. При этом можно говорить даже о некоторой словообразовательной избыточности. Ср.: *бездонник, бездонница* и *бездонье* 'топкое, непроходимое болото'. Однако восхищает избирательность (и далеко не произвольность), с какой появляются внешне обычные слова в диалектах, «не совпадая» с достаточно близкими по форме словами литературного языка. Ср.: в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова: *донце, доньшко, донушко, донник, бездонный, недонный, одонье, поддон, поддонок* и др. [106, т. 1, с. 301].

Одной из очень продуктивных форм усвоения того или иного языка является *моделирование* словообразовательного гнезда, так как это не только установление существующих словообразовательных связей, «заполнение» соответствующих типовым словообразовательным значениям «мест», это и (вольное или невольное) обнаружение таких единиц, которые не зафиксированы в традиционной лексикографии, но реально существуют в народной речи и, что уже никого не удивит, в интернет-пространстве русского языка.

3.4. ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутренняя форма диалектного слова не может не привлечь внимания исследователя. А ведь как многообразие самих диалектных слов, так и собственно словообразовательных средств не может не поразить. Не претендуя на какую-то новизну, заметим, что заслуживает внимания комплексное исследование диалектного словообразования как такового вне общепринятого деления на говоры, либо рассмотрение тех или иных словообразовательных особенностей в рамках определенных тематических групп (наименования рельефа местности, растения и т. д.). При **номинативном** (не лингвогеографическом) подходе к исследованию диалектного словообразования наличие/отсутствие локализации тех или иных единиц, моделей, словообразовательных типов, принадлежность их к той или иной лексико-семантической группе отступает на второй план. В монографиях словообразовательная составляющая диалектного материала, как правило, представлена выборочно (Т. И. Вендина). Зачастую описания ограничиваются иллюстрациями для тех или иных словообразовательных типов, значений. Поэтому «поле исследования», аспекты, тем более, «набор фактов» – все может отличаться. К примеру, у известного специалиста по словообразованию, Ю. С. Азарх, по ее словам, учтены только те лексико-семантические группы, которые «представлены на картах или в материалах Диалектологического атласа русского языка и Общеславянс-

кого лингвистического атласа» [1, с. 5–6]. Но есть, безусловно, и такие лексико-семантические группы, и единичные примеры, которые заслуживают внимания в ономаσιологическом аспекте.

Как известно, в диалектной речи употребляется значительное количество слов, неизвестных литературному языку. Ср.: *бодряга* ‘бодрый, бойкий человек’, *косматюга* ‘косматый человек’, *глухуша* ‘глухой человек’, *мальша* ‘младший в семье’, ‘последний в роде’, *кривуля* ‘кривой на один глаз’, *малюта* ‘взрослый человек, ведущий себя как ребенок’, *прилавень* ‘лентяй’, *поизбень* ‘дармод’, *зауморок* ‘человек с плохим аппетитом’. С точки зрения теории номинации есть примеры конденсации очень интересных значений, с одной стороны, и конкретные аргументы в пользу обоснования аналитического представления номинаций лица в литературном языке – с другой (ср.: *глухой человек* – \cap ; *глухарь* ‘птица’, ‘дело’; *глушень* ‘глухой человек’). Вряд ли диалектное *глушень* годится для целей номинации в литературном языке.

Процесс создания нового слова, безусловно, зависит и от потребностей носителя языка. К примеру, В. Хлебникову и его последователям понадобился даже целый язык с многообразием новых форм и смыслов. Носителю говора, в силу известных причин, необходимо отражение в языке «деталей» быта и окружающего его мира. И... «запускается» механизм порождения единиц «по корню родственных» словам литературного языка, но других. Тех же по форме, что и в литературном языке, но совершенно неожиданных по значению (ср., например: *противник* ‘название ветра’). Со словообразовательной точки зрения поражают отличия диалектных слов от слов литературного языка. Иногда создается такое впечатление, что две языковые подсистемы «взаимно отталкивались», оставляя каждая себе свои собственные единицы (ср.: *ездок* и *наездок*, *объездок*). В литературном языке нам хорошо известно *подножие горы*, но сравним: *отножинка* (Терск., Дон.), *отнога*, *отножина* (Дон.) – ‘отроги горы’. Хотя последние два слова зафиксированы в разных говорах, в системе родственных единиц и тех словообразовательных отношений, которые ее характеризуют, первое из них (*отнога*) очень напоминает обратное словообразование. Можно ли его так рассматривать? При исследовании деривационного потенциала русского языка в целом, безусловно!

Особенности процесса диалектного словообразования приводят к тому, что зачастую для правильного определения направления словообразовательной или лексической мотивации просто необходимо точное знание толкования соответствующего слова, текста с его присутствием либо метатекста с пояснением его семантики носителем диалекта. Рассмотрим для примера диалектное слово *абрашка* ‘Железный крюк четверти длиной на темляке или короткий багор для ловли рыбы’ (Астрах.). «Ручной железный крючок на темляке, коим учужные водолазы подсекают изручь рыбу, стоящую под учугом или заколом». Уральск., Казач. [99, т. 1, с. 191]. Приведенный метатекст «требует» от носителя лите-

ратурного языка знания следующих слов: *темляк, изручь, учуг, закол*. Нередкими же являются случаи, когда словообразовательные связи производного диалектного слова без соответствующей дефиниции установить просто невозможно.

Известно, что собственно словообразовательная информация, характеристика структуры единиц и мотивационных отношений, их связывающих, может оказаться менее интересной (то, что в языке представлено), чем информация *экстралингвистическая*, представляющая в деталях структуру и признаки данного объекта, особенности действия (многое из того, что в языке может быть никак не представлено). Отражение подобного рода наблюдений является одним из результатов ономаσιологического аспекта исследования диалектного словообразования. К примеру, знание особенностей *игры в айданчики* «изнутри» дает представление о тех «сложностях», возникающих перед собственно «языковой техникой», чтобы передать не просто название действия («играть в айданчики»; семантическое место «занято» словом *айданить* «вздорить, ссориться», представляющим совершенно иную группу говоров), но его особенности (игральная кость, сжатая двумя пальцами руки, бросается таким образом, что ей задается «крутящий момент», в результате которого она «планирует», горизонтально снижаясь и «выбивая» такую же кость (*айдан*) из ряда айданчиков, занимающих положение, указанное во 2-м значении слова *айдан*). Данная информация, безусловно, является актуальной, так как речь идет о возможностях языка в передаче самых сложных, порой очень тонких смыслов. Ср. в этой связи название одного доклада: «Семантика *глаголов вращения* в типологической перспективе» [25].

Сопоставление деривационного потенциала различных подсистем русского языка может быть осуществлено посредством сравнительного анализа словообразовательных парадигм в литературном языке и диалектах. Причем известно, что даже в большом академическом словаре [101] приводится немало диалектных слов, большая часть которых являются многозначными. Ср.: *верховина* '1. Возвышенное место, пригорок'. 2. 'Верхушка, верх, макушка'. 3. 'Первые, лучшие вычески льна для пряжи'. 4. 'Верховье реки'; *верхник* 'Верхняя одежда, надеваемая поверх платья, костюма и т. п.', *верховище* 'Теменная часть, макушка головы', *верховодница* 'Мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды', *верхляк* том., *верхняк* ворон. 'Верхний косяк окна, двери', *верховчанин* ленингр. 'Житель местности, расположенной в верховьях реки', *вертушка* 1. 'Название разного рода вертящихся предметов и инструментов (в просторечии) [101, т. 2, с. 195].

Одним из возможных направлений исследования является оценка деривационного потенциала близких по родству языков, например, белорусского и русского, с учетом сопоставления словообразовательных типов и целого комплекса словообразовательных значений в диалектных словообразовательных подсистемах и литературных языках. В частности,

вполне возможен сопоставительный анализ «минимума различий» в семантическом наполнении конкретных диалектных словообразовательных типов, всего комплекса несоответствий в составе тех или иных частных лексико-словообразовательных значений, связываемых с конкретными аффиксами.

Существенно, что при сопоставлении родственных словообразовательных гнёзд белорусского и русского литературных языков обнаруживаются семантические позиции, своеобразные лакуны, которые могут быть заполнены диалектными словами. Ср., с одной стороны, очень интересную характеристику действия в белорусском слове *аберучкі* 'Аберуч, абедзвюма рукамі' (*Аберучкі калышаш дзіця ў калысцы*), слово *абношка* 'Камочки пылку, што нясуць пчолы на лапках' (Пчала *абношку* носіць на нагах) [1027, т. 1, с. 38]. С другой стороны, русское слово *наручи* 'В старину – часть брони, или лат, защищавшая руки от локтя до кисти' [101, т. 7, с. 464].

Базирующаяся на основе известных словообразовательных типов, система словообразовательных значений в говорах, безусловно, также тесно связана с лексическими значениями производных слов. Своеобразие лексической семантики последних не может не быть связано с особенностями их строения. Рассмотрим такую подгруппу единиц, как названия оврагов. В русском литературном языке есть непроизводное слово *овраг* 'Глубокая, длинная впадина на поверхности земли, рытвина от действия талых вод, ливней' [101, т. 8, с. 598] и производное *овражек*. В языке диалекта имеются как иные «осложнения» корневой морфемы *овраг-* (*овражина* 'большой овраг', *оврачок* 'овражек', *завраг* 'овраг, соседствующий с другим оврагом'), так и большое количество производных, не являющихся родственными по форме, но семантически включающихся в данную тематическую группу. Ср.: *ложок*, *ложина* 'овражек'; *луговина* 'небольшой овраг', *вершок* 'небольшой овражек'. В литературном языке слово *ложок* известно, как производное от *лог* '1. Глубокая длинная впадина на земной поверхности с пологими склонами'. Судя по семантике, диалектное слово *ложок* вполне «согласуется» со словом литературного языка. Примерами независимого развития значений (семантическая деривация) являются слова *луговина* (в литературном языке: 'То же, что луг; небольшой луг') и *вершок* (в литературном языке: '2. Верхняя часть чего-нибудь'). Богатство лексем, дифференцирующих данную тематическую область, заслуживает внимания. В первую очередь, следует говорить о совершенно различных мотивировках названий оврага: *вершина*, *завал*, *овраговина*, *падъ*, *намой*, *обрух*, *падун*, *погибелка*, *кругляк*. Значительное место занимают отглагольные: *завал* ↑ *завалить*, *падъ* ↑ *падать*, *намой* ↑ *намыть*, *обрух* ↑ *обрушить*. Для справки: в БАС отмечено диалектное слово *падун* 'То же, что водопад' [101, т. 9, с. 27]; *падъ* '1. Резко очерченная, глубокая неширокая долина, обычно заросшая лесом' [101, т. 9, с. 30]. Слова *намой*, *обрух* в литературном языке отсутству-

ют, они относятся к «словообразовательному типу слабой продуктивности (в литературном языке) с общим значением ‘предмет (чаще неодушевленный), характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’, представляя семантический подтип ‘объект или результат действия’ (ср.: *ров* ↑ *рыть*, *привой* ↑ *привить* и т. п.); в качестве словообразовательного средства выступает нулевой суффикс» [93, т. 1, с. 221]. В данном случае диалектные слова уникальны по комбинации сочетающихся морфем (*об-рух-∅*, *на-мой-∅*), но вполне согласуются как по словообразовательной семантике (‘результат действия’), способу словообразования и аффиксу (∅). Лексическая семантика данных единиц (‘овраг’) представляется более мотивированной (благодаря известным связям между значениями морфем, внутренней форме самих единиц), нежели привычного для нас слова *овраг*. В отличие от литературного языка, в языке говора средствами словообразования осуществлена дальнейшая дифференциация данного понятия, с маркировкой очень своеобразных значений. Ср.: *падина*, *падища* ‘глубокий овраг’, *кручка* ‘глубокий овраг с крутыми, обрывистыми склонами’, *рытвина* ‘глубокий овраг с крутыми склонами’, *ровчак* ‘глубокий овраг’, *распадина* ‘неглубокий овраг’, *овражина* ‘большой овраг’, *вывершек* ‘начало оврага’, *крутик* и *обмыв* ‘крутой склон оврага’, *падина* ‘пологий овраг’, *ложек* ‘овраг с пологими склонами’. Целый ряд слов представляют значение ‘отрог оврага’: *отвершек*, *люлечка*, *насынок*; ср. также: *отрожек* ‘ответвление оврага’. Еще примеры: *промой*, *промывина* ‘овраг, образовавшийся потоками воды’, *водотек* ‘овраг, по дну которого течет ручей’, *приярок* ‘овраг, соседствующий с другим оврагом’ (также *завраг*), *суходол* ‘сухой овраг’. В связи со сказанным следует особо подчеркнуть, что заслуживает отдельного внимания проблема выявления диалектных словообразовательных типов, отсутствующих в литературном языке [74, с. 24–26].

Деривационный потенциал диалектного словообразования проявляется также в дальнейшем развитии тех или иных морфемных структур. Это, в частности, может выражаться в организации дополнительных словообразовательных парадигм и словообразовательных цепочек. Ср.: *завал* ‘овраг’ ↓ *завальё* ‘овражистое место’, *буерак* ‘овраг’ ↓ *буерачник* ‘местность, изрезанная оврагами’. Для справки: *буерак* ‘Углубление между двумя возвышенными местами; обрывистая глубокая промоина; небольшой овраг. < Снежный овраг, провал между сугробами’ [101, т. 1, с. 671]. Даже если словообразовательные цепочки или парадигмы «составлены» из родственных единиц, представляющих различные диалектные подсистемы, само «направление движения языковой техники», отличающееся от литературного языка, не может не заинтересовать. К примеру, помимо отсутствующего в литературном языке слова *погорица* ‘место под горой’, заслуживает внимания и такой фрагмент словообразовательного гнезда (вне зависимости от отношений производности, существующих между словами, тем более, что иногда это невозможно установить), как: *гора* –

угор ‘дорога в гору’ – *подугор* – *подугорица*, *подугорье* ‘полоса у подножия горы’. Хотя не исключена связь *угорье* – *подугорье*. В любом случае, данных фактов литературный язык не знает, что в полной мере касается большинства подобных полипрефиксальных структур.

Заслуживает самого пристального внимания диалектная морфемика (не только словообразование). Причем речь идет не о каких-то иных морфемах, но о различиях (отличиях) в комбинации морфем, своеобразной морфемной комбинаторике. Ср.: *окоморье* Фольк. ‘Место около моря’. Около моря, в чистом поле, в зеленом *окоморье* стоит лестница. Арх., 1867–1868 [99, т. 1, с. 79]. В этой связи следует особо отметить, что очень интересным и продуктивным может оказаться исследование морфемной структуры слов отдельных частей речи, например наречий, в русских и белорусских говорах в сопоставительном плане (и в сопоставлении с литературным языком). Сравните, к примеру: *втапор* и *втапорь* нареч. ‘В ту пору, в то время, тогда’. Ср. также: *втупора*, *втапоры*, *втапоря*, *втупор*, *втупорь*, *втупорась*, *втупорва*, *втупоре*, *втупоредь*, *втупори*, *втупоронь*, *втупору*, *втупорги*, *втупоры*, *втупорыги*, *втупоря* (18 единиц). Здесь интерес может вызвать не только морфемная структура единиц, но и способы синтезирования составных компонентов, а также многообразие форм словоизменения производящих единиц, участвующих в процессе «механического» сращения: *та*, *ту* и *пор*, *пора*, *поры*, *поре*, *пору* (с вариантами: *поря*, *пори*, *порь*). Пристального внимания и объяснения требуют компоненты: *-порась*, *-порва*, *-поредь*, *-поронь*, *-порчи*, *-порычи*. И очевидно, что столь многообразная дифференциация «материи» свидетельствует о важности сегментации языковыми средствами времени, временных координат вообще, данной «точки» в когнитивном пространстве временного континуума языка носителей говора. И, конечно же, характеризует особенности «парадигматики» языковой техники в диалектах.

Известно, что богатство языка создается за счет «выбора» синонимических средств. К известным значениям может быть «проложен» различный путь с помощью словообразовательно мотивированных лексем. Общие для славян корневые морфемы могут по-разному раскрыть свой деривационный потенциал в каждом конкретном языке. Самые простые, очевидные с точки зрения присутствия в языке, корневые морфемы максимально «раскрепощены» в языке диалекта. Ср. в русском литературном языке: *глазеть*, *наглазеться*, *поглазеть*, *проглазеть*, *сглазить* и в диалекте: *оглазовать* ‘Определить на взгляд’, *оглазеть* (5 значений) 1. ‘Потерять зрение, ослепнуть’ [99, т. 1, с. 79]. Поэтому от сопоставления конкретных словообразовательных парадигм вполне возможен переход к анализу целых фрагментов словообразовательных гнезд в литературном языке и диалектах.

Сравнительная же модель сопоставления диалектных подсистем белорусского и русского языков, оценка их деривационных потенциалов не может не учитывать тонких различий, характеризующих периферию

словообразовательного гнезда. Ср.: *Адзімніць* 'Астыць'. *Адзімніла* паветра за гэты холад. *Адзімкі* 'Зазімак'. Першы снег выпадзіць і згоніць – *адзімкі* [102, т. 1, с. 59]. В русских говорах: *зализмок* 'Первый снег, первый мороз' и *зализме* 'Первые зимние холода' [101, т. 4, с. 464]; *озимка* обл. 'То же, что озимь' [101, т. 8, с. 750]. В русском литературном языке *предзимье* 'Время перед наступлением зимы'. Если говорить о глагольной составляющей словообразовательного гнезда *зима*, то в русском литературном языке хорошо представлены производные от глагола *зимовать*; *вызимовать*, *дозимовать* 'Провести, прожить зиму до конца', *зализмовать* 'Остаться где-л. на зиму', *отзимовать* 'Провести зиму в каком-л. месте; перезимовать'; *перезимовать* 1) 'Жить зимой, оставаться где-л. на зиму', 2) 'Жить где-л. в продолжение зимы, перенося зимние холода (о растениях и животных)'; *позимовать* 'Провести, прожить где-л. зиму', *прозимовать* 'Провести где-л. зиму; перезимовать'. Всем производным есть однотипные соответствия в белорусском языке.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что, в отличие от словообразовательной недостаточности (явления хорошо известного и компенсируемого с помощью средств различных уровней), в ряде случаев диалектное словообразование «продуцирует» единицы, отсутствующие в литературном языке при наличии достаточно богатых с точки зрения количества единиц гнезд. Ср. богатое на производные единицы словообразовательное гнездо слова *верх* и диалектные слова *вывершек* 'начало оврага', *отвершек* 'отрог оврага'. Важно учитывать и следующий момент. Известно, что на разных участках номинативной системы тот или иной язык может характеризоваться различной степенью синтетизма. К примеру, в словообразовательном гнезде русского слова *ребро* нет ни одного глагола. Однако ср. значение 'положить на ребро'. В русских говорах: *ребрить* 1. 'Ставить, класть на ребро, переворачивать'. Сначала в прямом кирпич на пласт кладёшь, потом на ребро – *ребришь*. Каргоп. Арх., 1971. При молотье снопы *ребрят*. Костром. [99, т. 34, с. 361]. Для гнезда не словообразовательного, но деривационного в равной степени важны как глагол *ребрить*, так и сочетание *ставить на ребро*. Поэтому с ономаσιологической точки зрения совершенно очевидна необходимость комплексного сопоставительного исследования фрагментов деривационных парадигм в составе лексико-словообразовательных гнезд, представляющих собой своеобразный синтез диалектных подсистем и литературного языка.

Как известно, деривационный потенциал близкородственных языков может быть связан с процессами их контактирования с иными (в том числе и неродственными) языками, с процессом заимствования. В частности, в языке некоторых белорусских говоров могут обнаруживаться слова, так или иначе связанные, например, с литовским языком. В дальнейшем, система усложняется, слово «обрастает» различными славянскими морфемами, в частности префиксами, и перед нами фрагмент словообразовательной парадигмы, способный «расширить» когнитивное простран-

ство данного славянского языка. Сравните: *адгольнівы* ‘Прыкры, агідны’. Не магу есці макароны забеленыя, яны мне *адгольнівыя*. Дакудава Лід.; параўн. літ. *atgal* ‘Назад’; *жэргаць* 1. ‘Переступать (через кого-л., что-л.)’. *Жэргае*, пераступае, спаць не дае. 2. ‘Перелазить’. *Жэргае* туды-сюды прас плот. 3. ‘Скакать через что-л., кого-л.’. Ні *жэргайце!* *Жэргай* праз мяне! *Жэргаюць* дзеці адзін праз другога! 4. ‘Ступаць, крочыць’. *Жэргае* сабе памалу. 5. ‘Мераць крокамі’. Я *жэргаў*, правяраў шагамі. Ср. также: *Ад-жэргаць* ‘Пераступіць (назат)’. *Аджэргай* назат, а то расці ня будзя. Старыя Трокі Трак.; параўн. літ. *žėgti* ‘Пераступіць’; *абжаргаць* 1) ‘Сесці вярхом на каня’. *Абжаргаў* каня і паехаў. Лісна В.-Дзвін. 2) ‘Пераступіць што-н.’. Кап ягады не пагаптаць, *абжаргаіш* іх; параўн. літ. *žėgti* ‘тж.’; *абжэргаць* 1) ‘Сесці на які-н. прадмет, як на каня’. *Абжэргаў* ровар і палляцеў. 2) ‘Ушчаміць паміж ног’. *Абжэргала* паміж нох і атлупіла добра [102, т. 1, с. 33]. Слово в иной языковой системе может просто отличаться по комбинаторике включенных в семему значений. Белорусское диалектное слово *жэргаць*, в отличие от соответствующих слов русского языка, непроизводно (ср.: *переступить*, *перелазить*) и может посредством присоединения префикса (*ад-*) выразить необходимое значение с «включенным» пространственным ориентиром (...*назад*), (...*вбок*), что в определенных ситуациях может представляться когнитивно значимым, так как ценность последнего деривационного фрагмента состоит именно в том, что он неизвестен литературному языку.

Диалектные словообразовательные подсистемы по-разному проецируют в ту или иную часть речи различные виды заимствованных слов. Наряду со случаями достаточно однотипного освоения одних и тех же заимствований, заслуживают внимания и единицы, представляющие значение(я), которые в том или ином литературном языке не могут быть выражены одним словом. Например: *аймиштать* 1) ‘Спать, не закрывая рта’. Вытегор. Олон. 2) ‘Вздрагивать от сильного и долгого плача; глотать слезы’ (Ср.: финск. *äimistää*, *äimistya* ‘беспокоить, причинять боль’). *Аймиштаться* 1) ‘То же, что *аймиштать*’. 2) ‘Сильно заплакать’. Иш, ребенок как плакал, тожно *аймиштался*. *Аймиштался* бы ты, да и околел. Вытегор. Олон., Куликовский 1885–1898 [99, т. 1, с. 224].

Как известно, термином «валентность» обычно определяется (или «измеряется») *потенциал сочетаемости* той или иной единицы. К примеру, хорошо нам известное слово *авось* ‘1) Нареч. Может быть, вероятно’. 2) ‘О напрасных, легкомысленных надеждах, о действиях наудачу’ [101, т. 1, с. 30], по данным «Словообразовательного словаря» А. Н. Тихонова, образует два слова: *авось-либо* и *авоська 1* в значении ‘Случай, счастье, удача’, которого литературный язык не знает, но оно отмечено в диалектах. Любопытно, но в словаре современного русского литературного языка слово *авось* представлено как одиночное, и лишь в Малом академическом словаре отмечено слово *авоська* в хорошо известном значении: ‘Разг. Сетчатая сумка для продуктов, мелких предметов и т. п.’ [100, т. 1, с. 21]. По мнению А. Н. Тихонова, слово *авоська 2* (в указанном значении) не связано по смыслу с *авоська 1* и

должно рассматриваться как отдельная словообразовательная единица. В любом случае деривационный (вероятно, и семантический) потенциал корневой морфемы *авось-* в диалектах существенно превосходит возможности литературного языка: *авоськать, авосьничать, авосев, авосьник, авосьница, авоська* (наречие и частица), *авось-та, авось-те, авось-то* (все нареч.). Существенно также отметить большой потенциал не только семантической, но и грамматической валентности словоформы *авоська* в диалектах, по сравнению с литературным языком.

Определенный интерес могут представлять и непроизводные слова, обладающие «нулевым» словообразовательным потенциалом. Помимо общеизвестного знакомства с миром материальной культуры носителей говоров (неизвестным носителям литературного языка), есть собственно словообразовательный аспект: в диалекте может быть представлено одним словом значение (понятие, объект, субъект, признак), способное в той или иной ситуации оказаться актуальным для любого из нас. К примеру, как бы странно не звучали для носителя литературного языка диалектные слова *абуконь* 'Прибрежный подводный камень' и *абик* 'Вершина прибрежного подводного камня, показавшаяся из воды' [99, т. 1, с. 189], они обозначают вполне точные объект и его часть, известные любому в обычной жизни. Они (слова) некоторым образом «расширяют» когнитивное пространство русского языка и, безусловно, не могут остаться вне поля внимания дериватолога.

3.5. Когнитивные лакуны и стереотипы восприятия внутренней формы слова

Лингвистика отдает дань моде. Отчасти и этим объясняется интерес к процессам межкультурной коммуникации. Знание иной культуры, языка вольно или невольно заставляет сравнивать те или иные языковые факты, обнаруживать интересные несоответствия и то, что характеризуется как межъязыковая лакунарность. Любопытно, но ни в Лингвистическом энциклопедическом словаре [40], ни в сравнительно недавно вышедшем Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий [122] нет отдельной словарной статьи для определения данного явления. Вместе с тем о лакунах лексических, словообразовательных приходится говорить при сопоставлении родственных и неродственных языков, а также реализации ономаσιологического подхода к исследованию той или иной предметной области. Так, всегда актуален вопрос о деривационном потенциале того или иного языка, о имеющихся в его «арсенале» средствах создания новых единиц. Но оценить в полной мере возможности словообразовательной системы позволит лишь своеобразная интеграция в рамках одного лексико-словообразовательного гнезда слов литературного языка и диалектных слов.

Известно, что в самом авторитетном Словообразовательном словаре русского языка [106] в составе словообразовательного гнезда можно обнаружить и некоторые диалектные слова. Причем их наличие объясняется не только «производственной необходимостью», а именно: отражением тех или иных важных и, самое главное, недостающих словообразовательных звеньев в составе тех или иных гнезд. Просто данные единицы ранее «попали» в самый большой толковый словарь современного русского языка [101], кстати говоря, по причине аналогичной (круг привлеченных источников, в частности, произведений художественной литературы). И в этом случае отдельного исследования заслуживает проблема поиска каких-то оснований отсутствия в словообразовательном гнезде целого ряда диалектных слов (при наличии других). Связано ли это со степенью «семантического расстояния» между самими родственными словами или просто некоторым субъективизмом самого процесса лексикографирования?

Непривлечение к анализу диалектных слов по причине их несоответствия целому набору параметров, обеспечивающих функционирование слов в литературном языке, могло бы служить оправданием дериватологу, если бы не одно обстоятельство: среди диалектных слов есть и такие, которые, безусловно, являются примерами расширения когнитивного пространства русского языка [50]. Ведь не секрет, что появление нового (если не большинства) слова – это своеобразный ответ на вполне конкретно поставленный вопрос. Приведем лишь некоторые из вполне очевидных. Как назвать того, кого любили и перестали любить? Как назвать того, кто охотно делится чем-либо с другими? Как называется ‘растение, достаточное для поражения цели из ружья’? Ср. в диалектах: *облюбок*, *подельчивый*, *перестрел*. Можно ли одним словом описать следующее действие: ‘Стреляя, промахнуться и попасть в предмет позади цели’? В литературном языке такое слово вряд ли существует, однако в говорах есть: *позадить*. Ср. также: *окапанный* ‘Похожий на кого-л., точь-в-точь кто-л.’. Он – *окапанный* отец. Сравним известное нам *как две капли похож*. *Обогнет* ‘Засветиться огнями’. *Обогнело* (обогнилось) село. *Окопнать* ‘Сложить (сено) в копны’, *осмеркаться* ‘Быть застигнутыми сумерками’, *перечасить* ‘Подождать часок; пробыть где-л. час. // Подождать, повременить’, *перепродок* ‘Перепроданная вещь’, *поручкаться* ‘Поздороваться за руку’, *первоучина* ‘Что-л., сделанное в первый раз’. Это *первоучина*, а после лучше сделано будет. *Подкистник* ‘Место под кистью’. Подобных примеров можно привести немало. Но существенно и другое: лакунарность может обнаруживаться на самых различных ступенях производности [70], касаться самых разных «точек» деривационного пространства лексического гнезда [71]. Причем зачастую при многообразии членов словообразовательного гнезда в литературном языке в русских говорах обнаруживается немало производных, представляющих «позиции», семантически отсутствующие в подобных сложных объединениях родственных единиц, характеризующих современный язык.

Важнейшей деривационной особенностью диалектного слова является его семантическая наполненность, возможная многогранность смыслов. Так, *летник* – это и ‘летняя дорога’, и ‘дорога по берегу реки’, *долгомосье* ‘дорога через болото, сделанная из бревен’, *неторник* ‘плохая, ухабистая дорога’, *паозерок* ‘дорога по льду озера’, *пешеход* и *путник* ‘названия тропинок’. В последних двух случаях подобные значения носителю литературного языка и в голову не придут! Появление их в языке во многом объясняется давлением языковой системы, а именно существующей в диалектах тенденцией к мотивированности слова. Одни и те же словообразовательные модели могут наполняться различным лексическим содержанием. Как бы дан перечень возможных словообразовательных структур, форм, «одежд», в которые облакается вполне конкретное содержание, причем лишь один компонент в семантике указывает на связь со строением данной единицы. Ср.: *плетень* (‘плетется’), *летун* (‘летит’), *веснянка* (‘весной’).

Когда мы обращаемся к тому или иному языку, помимо проблем, связанных с процессом коммуникации, есть и такие, которые относятся к процессу восприятия значения отдельного слова, в большинстве своем – слова производного, семантика которого связана с его строением. Знание литературного языка (даже с учетом различных его форм) также способно создать немало стереотипов и у обывателя (или лица, изучающего данный язык), и у специалиста. К примеру, хорошее знание системы русского словообразования, его особенностей, его возможностей в ономаσιологическом плане, т. е. в плане создания новых единиц по заданным параметрам, формирует определенный набор содержательных характеристик. Сюда относятся и способы словообразования, характеризующие систему литературного языка, и набор словообразовательных формантов с учетом тех многочисленных вариантов, которые, в свою очередь, обусловлены известными морфонологическими явлениями. И, самое главное, особенности словообразовательной семантики, значений, обусловленных строением слов в литературном языке. Кто не знает значения таких обычных слов, как: *противник*, *полуночник*, *пешеход*, *падеж*, *залив*, или не уверен в том, что предположительно могут обозначать следующие слова: *забережье*, *завражье*, *паозерок*, *затропок*, *изголовь*, *заберег*? Не говоря про «очевидные» для обывателя слова первой группы (о них мы скажем отдельно), в отношении вторых сама внутренняя форма «подсказывает», что *забережье* и *заберег* имеют какое-то отношение к берегу, причем вполне определенное: скорее всего это ‘то, что находится *за берегом*’. Однако точные значения этих диалектных слов, которые приводятся в Словаре русских народных говоров, могут и удивить: *заберег* ‘прибрежный лед’, *забережье* (Арх.) ‘низменная часть морского берега, заливаемая водой во время прилива’, *завражье* ‘селение, которое располагается за оврагом’, *паозерок* ‘дорога по льду озера’, *затропок* ‘обходная тропинка’, *изголовь* ‘место раздвоения реки’ [99]. Слово *завражье* может сбить с толку, так как с «позиций» литературного языка (а не диалекта, к которому оно от-

носится) правильное *заовражье*. Но и значение данного слова, в котором ведущим компонентом является сема 'селение', вряд ли укладывается в прокрустово ложе стереотипов носителей литературного языка. Нелегко «прочитать» компоненты 'дорога по льду' в слове *паозерок*, 'обходная тропинка' – в *затропок*. И уж совсем сложно предположить, что *изголовь* – это место раздвоения реки.

Такова специфика словообразовательной семантики и таковы особенности диалектного словообразования, когда достаточно простые по форме единицы обременены сложным по характеру идиоматичности и различным по конфигурации значением. Поэтому неудивительно, что слова из первой группы обозначают совершенно не то, что мы изначально знаем в соответствии с нашей лингвистической компетенцией. Ср.: *противник* 'встречный ветер', *полуночник* 'северо-восточный ветер' (ср. в белорусском языке *паўночны* 'северный'), *пешеход* 'тропинка' (ср. также *путник* 'тропинка'), *падеж* 'водопад', *залив* 'проливной дождь'.

В процессе межкультурной коммуникации, когда (вольно или невольно) мы оцениваем тождества и различия в близких по родству языках (русский, белорусский, польский), мы также можем оказаться в плену у тех или иных стереотипов восприятия. Говоря о близком родстве некоторых языков (например, русского и белорусского), носители языка, а порой и специалисты, могут воспринимать те или иные факты как абсолютно тождественные. Возможен целый комплекс различий, обнаруживаемых при сопоставлении ряда близких славянских языков.

При анализе целых фрагментов словообразовательных гнезд возможно выявление лакун, характеризующих оппозицию литературный язык – говоры. Так в [60] нами было представлено описание префиксальных глагольных производных в словообразовательном гнезде слова *ветер*. Теперь приведем примеры диалектных производных по данным [99], среди которых имеются и достаточно интересные факты: *завётрить* '1. Обветрить. 2. Сделать черствым (о хлебе). 3. Безл. Начаться (о ветре)', *заветриться* '1. Обветриться; испортиться от ветра, воздуха. 2. Уйти, скрыться, пропасть'. Бросил жену, детей, *заветрился* не знать куда. 3. 'Поступить легкомысленно, предаться разврату, загулять', *заветрять* '1. То же, что заветреть (в 1-м значении). 2. Зачерстветь (о хлебе)', *заветренеть* 'То же, что заветреть (в 1-м значении)', *завётренеть* 'То же, что заветреть (в 1-м значении)', *завётренье* 'Обветриванье (лица, рук)', *заветреть* '1. Слегка высохнуть, подсохнуть от ветра. 2. Сделать смуглым от ветра; загореть. // Обветриться'. Губы *заветрели*. 3. 'Покрываться язвочками от весеннего воздуха (о лице)'. 4. Безл. 'Начаться (о ветреной погоде)'. Со вчерашнего вечера что-то *заветрело*, *наветреть* '1. Обветриться, загореть от ветра (о коже лица). 2. Отстояться (о молоке)'. Молоко-то вчерашнее, гляди, какой устой *наветрел*. *Навётрие* 'Воздух; свежий воздух'. Душно в хате, пусти *наветрие*, *наветриться* 'Охладиться, остыть', *наветерье* (наветерь) 1. 'Легкий, попутный ветерок'. 2. 'Наветренная сторо-

на', *наветерь* 'Слегка ветрено' *наветер* (наветер) '1. Ненарочно, без намерения. 2. Легкомысленно. 3. Наобум', *наветерье* (*наветерица, наветерице, наветерница, наветрица*) 'Попутный ветер', *поветрить* '1. Проветрить, подсушить. 2. Проветриться, освежиться. // Отвлечься от чего-либо неприятного, успокоиться', *поветриться* 'Проветриться, освежиться', *поветрь* 'Попутный ветер', *ове́трь* 'Обветрь, просохнуть', *обветриться* 'Почувствовать себя лучше на свежем воздухе'. Угорели нынче, а потом *обветрились* – прошло. *Обветриванье* 'Проветриванье', *позаветриться* 'Исчезнуть, скрыться, пропасть', *позаветрять* 'Зачерстветь слегка, немного (о хлебе)'

Можно обратить внимание на целый ряд специфических черт, характеризующих диалектное словообразование. Это более активная роль префиксации, наличие многочисленных вариантов производных, тождественных по семантике, словообразовательных типов, либо нерегулярных, либо отсутствующих в литературном языке и, самое главное, слов, представляющих значения, не имеющих в литературном языке подобной однословной формы выражения. Ср., например, *наветерье* (*наветерица, наветерице, наветерница, наветрица, поветрь*) 'Попутный ветер', *заветриться* '2. Уйти, скрыться, пропасть'. Бросил жену, детей, *заветрился* не знать куда. *Обветриться* 'Почувствовать себя лучше на свежем воздухе'. Угорели нынче, а потом *обветрились* – прошло.

По своему содержанию, особенностям семантики, диалектные слова в своей основной массе, безусловно, отличаются от слов литературного языка. И человек, хорошо знающий словарный состав современного литературного языка, прекрасно это чувствует. Поэтому заслуживают особого внимания случаи, когда в [101] (лишь на основе фиксации слов в произведениях художественной литературы) без каких бы то ни было помет включены слова, более характерные для языка говора. Ср., например, слово *заветрие* 'Место, защищенное от ветра'. Потом выглянуло солнце, и при северном холодном ветре весь день носились тяжелые облака, то открывая солнце, то опять закрывая и угрожая... В лесу же, в *заветрии*, как ни в чем не бывало, продолжалась весенняя жизнь (М. М. Пришвин) [101, т. 4, с. 292]. Данное слово по этой же причине есть и в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова. Представляя результат действия, оно в литературном языке никак не связано с самим действием, хотя глагол очевиден (*заветрить(ся)*) и имеется в говорах в самых различных значениях, не исключая прямого.

Подобные примеры еще раз убеждают нас в необходимости рассматривать такие синтезированные фрагменты словообразовательных гнезд, в которых объединены производные слова как литературного языка, так и русских народных говоров. В этом случае могут обнаружиться совершенно очевидные «точки», «линии» расширения когнитивного пространства русского языка.

3.6. Словообразование и ДЕТАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА в языке говора

Известно, что язык отражает представления человека о мире, в частности, «детализируя» окружающее нас пространство, причем в той степени, в которой оно нам необходимо [17]. К средствам собственно языковой техники, с помощью которой осуществляется подобная детализация, в первую очередь, относится словообразование.

Словообразовательная категория локативности, безусловно, зависит от числа единиц, образующих систему соответствующих словообразовательных типов. Применительно к диалектному материалу интерес вызывают многочисленные наименования тех или иных участков рельефа местности, названия частей рек, болот, озер и т. д. Причем вне словообразовательной мотивации (последняя, конечно, может присутствовать) заслуживает внимания система значений, представленных в говорах. Отдельное перечисление значений (на основе словарных дефиниций), как ни странно, может в большей степени дать представление о степени языковой дифференциации в говорах, нежели описание конкретных словообразовательных моделей (последние порой «тонут» в обилии синонимичных и вариантных аффиксальных средств). Приведем некоторые показательные, на наш взгляд, фрагменты подобной детализации из состава отмеченных в [99] словарных дефиниций: *Волоха*, и, ж. Занесенное илом или песком устье реки. Север., 1929. *Волочка*, и, ж. Проток в реке; рукав, отделившийся от Волги и вновь соединившийся с нею. Саратов, Хованский. 2. *Волочка*, и, ж. Место наибольшего сближения двух судоходных рек, по которому перетаскивают (волочат) суда и грузы из одной речной системы в другую; волок. Арх., 1885. *Волошка* 1. Проток, рукав реки, огибающий остров и пересыхающий летом. Перм., 1848. Название мертвых рукавов Волги, особенно с луговой стороны, которые вовсе лишены протоков; а также и те рукава, которые, отделившись от нее, впоследствии снова с нею соединяются. В особенности часто встречаются эти волошки после впадения Оки и наконец ниже Саратова превращают долину реки в совершенный лабиринт. Летом многие просыхают; при полноводии некоторые из них употребляются как пристани, для загрузки барок, – немногие служат для зимовья судов. Бурнашев [99, т. 5, с. 74].

Последняя часть в дефиниции позволяет понять всю сложность и степень дифференцированности различных компонентов обозначаемого объекта. Ср. также: *Всполье*, я и вспольё, и, ср. 1. Начало поля, окраина его. Ветл. Костром., 1921. 2. Окраина деревни или города, граничащая с полем, смежная с ним. Кашин. Твер., 1897. Прионеж. Арх. *Всух*, а, м. Мелкое место посреди озера. Холм. Пск., 1904–1918 [99, т. 5, с. 222]. *Вталь*, и, ж. Наст по рыхлому снегу после оттепели и нового мороза; вталь проламывается и режет ноги скоту. Арх. *Вуд*, а, м. Возвышенность,

поднимающаяся выше границы леса, верхняя безлесная часть горы. Кольск. *Вусенка*, и, ж. Место, защищенное тенью. Новоржев., Порх. Пск., 1855. *Вчелок*, лка, м. Сугроб непрямтого снега. Кинеш. Костром. *Выбур*, а, м. Место, где родник бьет из-под земли. Охан. Перм. *Выгрево*, а, ср. 1. Участок земли, лучше нагреваемый солнцем благодаря склону в южную сторону. Кириллов, 1853. *Вымоки*, мн. Пустые места в хлебном поле вследствие вымокания посевов. Сузд. Влад. 1910 [99, т. 5, с. 313].

В формулировке словообразовательного значения обычно присутствуют компоненты, указывающие на связь с производящей основой. Однако и непроизводные слова могут представлять значения, аналогичные по своей семантической структуре словам производным. Единственное – это отсутствие словообразовательно мотивированной связи с другой родственной единицей (ср.: *вусенка* по сравнению с *всполье* и *вталь*). Но сам характер значения ('Место, защищенное тенью') и невозможность его представления деривационно родственным словом (**затень* и т. п.) заслуживают внимания с точки зрения оценки деривационного потенциала русского языка. Хотя известные выражения типа *под сенью лип*, *под сенью клена* и т. п. позволяют, вероятно, проникнуть во внутреннюю форму диалектного слова *вусенка*.

Таким образом, семантическая структура категории локативности предполагает не только выделение соответствующих частных словообразовательных значений, но и большую детализацию последних в группах значений лексико-словообразовательных и даже единичных – лексических значениях, формой представления которых являются отдельные производные (а также непроизводные) слова. Слова непроизводные, но членимые – своеобразная периферия деривационной категории локативности.

Хорошо известно о существовании формальных и семантических корреляций между предлогами и приставками в русском языке, в частности, о семантической соотнесенности префиксов и предлогов пространственного значения. Эта особенность отмечается и в академических грамматиках русского языка. Ср.: «Большинство префиксально-суффиксальных существительных, мотивированных существительными, мотивируются одновременно предложно-падежными формами соответствующих существительных. Ср.: *без дороги* > *бездорожье* и т. п.» [24, с. 156]. В связи с этим заслуживает внимания исследование взаимных корреляций предлогов с пространственным значением и производных локативов в русских народных говорах. При этом не следует исключать того обстоятельства, что в говорах предлоги по семантике могут также отличаться от соответствующих единиц литературного языка. И с этим может быть связано «расширение» круга производящих исходных словосочетаний с пространственной семантикой.

Известная многоплановость пространственной семантики (как смыслового центра производного слова, семантики, обусловленной строением слова) лежит в основе создания самых различных лексических значений [107]. Ср., например, значения диалектных слов *заберег*, *заберега*.

Заберег, а, м. 1. Низкий луговой берег; займище, пойма. Вост.-Сиб., Даль, Иркут., Якут. 2. Прибрежная полоска земли. *Не ходи в воду, обойди по заберегу*. Арх., 1932. 3. Часть берега. *Ерема овин садит, а Фома теплину валит; Ерема-то колотит, а Фома заберег воротит*. Симб., Соболевский. 4. Очистившаяся ото льда часть реки или озера у берега. Тихв., Новг., 1854. *Забереги отошли*. Олон. 5. Выступившая из берегов вода. *Ловили рыбу по забереги* Сиб., 1916. Слов. Акад., 1957 [с пометой «обл.】. 6. Толстая льдина. Кем. Арх., 1911. 7. Лед возле берегов перед ледоставом. Сиб., Даль. Илим. Иркут.

Заберега, и, ж. 1. Низкий луговой берег. Вост.-Сиб., 1858. 2. Прибрежная часть реки или озера. *Забереги-то только замерзли, а река-то еще нет*. Соликам. Перм., 1853. 3. Вода, выступающая из-под льда у берегов реки во время прилива или в половодье. Арх. Арх., 1852. *Когда вода придет, весной, сделаются забереги, ловим на забереге*. Усть-Цилем. Арх. 4. Незамерзшие места по берегам рек в начале зимы. Тобол., 1899. 5. Лед, остающийся на берегу после ледохода. Иркут., Якут., 1846. *Приехал на собаках по забереге*. Колым. Якут. 6. Осенняя ледяная окраина вдоль берега перед замерзанием вод. *Забереги осенью, потом шуга делается, в одну ночь река стават*. Арх., 1953. 7. Часть воды, закрытая узкою полою берега от озера. Олон., Рыбников, 1864.

Для исследования деривационного потенциала русского языка в целом важно, что слово, отсутствующее в литературном языке, может являться компонентом целого объединения родственных слов. Например:

Забережек, жка, л*. Прибрежный лед. Новг. *Сегодня на реке уж забережки были*. *Забережина*, ж. 1. Обычно мн. Прибрежный лед. Перм., Даль. Вят. 2. Льдина, плывущая или стоящая около берега. Соликам. Перм., 1846–1847. Пск., Осташк. Твер. *Заберёжинка*, и, ж. То же, что забережина. Вят., Матер. Срезневского. *Забережинье*, я, ср. Лед, оставшийся на берегах после половодья. Арх., 1858. *Что оно забережинье-то долго не тает*. Арх. *Забережник*, а и заберёжник, а, м. 1. То же, что забережек. *Забережный*, а, я, о е. Прибрежный. Арх., 1913. *Забережь*, и, ж. Прибрежное место. Пск., Осташк. Твер., 1855. Пск., Даль. *Забережье*, я, ср. 1. Низменная часть морского берега, заливаемая водой во время прилива. Арх., 1844. II Заплеск, низменный омываемый берег, под кручей. Даль [без указ. места]. 2. Прибрежная часть моря, реки или озера. *Забережья отпрели* (отошли) – *вот и не перебраться*. Пск., 1912–1914. 3. Лед у берегов. Пск., Осташк. Твер., 1855. 4. Ледяная окраина у берега перед замерзанием или вскрытием вод. Помор. Арх., 1929. Арх. 5. Все пространство берега, от высшей до низшей воды, от высших до низших заполосков. Даль [без указ. места]. 6. Луг по ту сторону реки. Порх. Пск., 1855 [99, т. 9, с. 251–252].

В приводимом же ниже случае поражают не только семантические «вариации» диалектного слова *забока*, но и грамматическое многообразие (распределение по различным частям речи) родственных слов: *забочень, забочистый, забочисто, забочиться, забочина, забочка*. Ср.:

Забока, и, ж. 1. Край, обочина; место, лежащее сбоку по отношению к чему-либо. Сиб., Даль. *Наша деревня в забоке, а радио провели*. Крив. Том., Нерч. Забайк. 2. Склон горы. *Та забока вспахана, а эта нет*. Южн. р-ны Краснояр., 1965. 3. Лесок, роща по берегам реки или озера. Южн.-Сиб., 1847. Сиб. *В той забоке лесину срубили*. Том., Новосиб., Омск. || Лес с значительной примесью кустарника – ягодника, растущий по извилистому берегу реки. *У нас до самого тракта все забока, сразу за селом начинается*. Зап. Саяны, 1968. Лес из ив, черемухи и других кустарников на луговой стороне Иртыша. *Не жалею о хромоте, много костылей в забоке*. Том., 1863. Вост.-Казах., Прииртыш. || Лес на болотистом берегу реки. Бухтарма Том., 1930. *Забока – тальник такой между речку растет*. Маслян. Новосиб. 4. Опушка леса. Енис., 1865. *Пошли к забоке*. Хакас. Краснояр. 5. Лесистая пойма реки. Сузун. Новосиб., 1964. *Забока – это по речке, затопливается*. Южн. р-ны Краснояр. 6. Часть леса, выдающаяся в виде мыса в поле. Алт., 1858. 7. Островок черемушника, смородинника на пашне. *Кружок черемушника, смородинника на пашне – забока или колок*. Южн. р-ны Краснояр. 8. Небольшая долина у реки, окруженная горами. Сиб., 1901. 9. Трава, растущая вдоль берега. Нижне-Тавд. Тюмен., 1964. 10. Небольшой луг, образуемый изгибом горы и рекою. Сиб., 1854. 11. Речной мыс на острове с луговой растительностью. *В забоках косят, выдаетя в речку угол, кочки, редко березник, но косить можно*. Южн. р-ны Краснояр., 1965. 12. Вдавшаяся в берег часть реки, залив. Алт., 1858. *В Очурах то пальник по берегу, летом нет вода, а весной в ту забобку пристаем плотами*. Южн. р-ны Краснояр. 13. Речной рукав, образующий с основным руслом остров. Глухая забока – глушица, ерик, старица. Даль [без указ. места]. 14. Островок, отделенный от большого острова протокой. *Нынче будем косить на забоке*. Краснояр., 1966. 15. Отдельно стоящая горка, если она в стороне от какой-либо большой горы. Амур., 1913–1914. 16. Золотоносное место, оставшееся вне разреза и разрабатываемое крестьянами тайком. Иркут., 1873 [99, т. 9, с. 263–264].

Забочень 1. Боковая пристройка к дому, овину и другим домашним постройкам. Мосал. Калуж., 1850. Калуж. *Забочина*, ы, ж. 1. Бок; сторона. *Один зуб выдернули, а вся забочина болит*. Зауралье, 1962. 2. Боковая гниль бревна (в ели) или паз в сосне, произошедшие оттого, что прежде был затес дерева. Кадн. Волог., 1896. *Забочинский*, а я, о е. Лес, растущий вдоль реки, по забокам. *Забочинский лес в низменных местах, возле реки, там разнолесье*. Сузун. Новосиб., 1965. *Забочисто, нареч.* Широко, с широкими боками (о метании стога). *Забочисто наметали стожья*. Черепов. Новг., 1910. *Забочистый*, ая, ое. С широкими боками (о стоге сена). Черепов. Новг., 1910. *Забочиться*, Наклониться в какую-либо сторону, наклониться. *Тебе кто сказал, стог забочился?* Ряз. Ряз., 1969. *Забочка*, и, ж. Заросли черемухи, тополей, березок на острове. Южн. р-ны Краснояр., 1967 [99, т. 9, с. 272–273].

Для исследования системы словообразования существенно, что в русском литературном языке отсутствует «развертывание» корневой мор-

фемы *бок-* посредством префикса *за-*. Ср., например, в [101, т. 8, с. 348]: *обочье* 'То же, что обочина'.

Словообразовательная модель может охватывать исконно русские слова (*забалка* 'Место за балкой'. Дон., 1929) и совершенно очевидные заимствования. Ср.: *Заанга*, и, ж. Место за протокой. *У нас здесь много ангов по Нети. А местность на той стороне по отношению нас – это запротока или заанга.* Том., 1964. Последние примеры заслуживают особого внимания в тех случаях, когда представляют значения, не имеющие односложного выражения в русском языке. Ср., например: *Атульга*, и, ж. Полоса кустарника, леса по краю тундры. Арх., Даль (под знаком вопроса); Маштаков, 1931. *Бейшлот*, а, м. Канава, прорываемая с боков дороги для ее осушения. Онеж. Бсх., 1885 [99, т. 1, с. 292; т. 2, с. 205].

В [24] приведены слова модели *на-* + *-ик-* *нагрудник*, *наколенник* со значением 'предмет (неодуш.), находящийся или предназначенный находиться на поверхности того, что названо мотивирующей основой'. В русских народных говорах отмечено лишь: *Набережники*, мн. Кромка льда у берега. *Вон набережники появились, скоро река станет.* Ср. Урал, 1971. *Наблюдник*, а, м. 1. Полка для посуды. Шенк. Арх., 1846. *У меня дети пол пахали, посуду в наблюднике перемоют, перечистят. Набровник* Верхний косяк окна, двери. Бурят. АССР, 1970. Иркут., Башк. АССР, *Наверхник*, а, м. 1. Верхняя женская одежда в виде сарафана. Русск. говоры Башк. АССР, 1971. 2. Накидка на платье. *Платья были, навгрхники.* Кемер., 1973. *Навершиник*, а, м. 1. Перекладина над столбами ворот. *Навершиник сверху обвязывает верев.* Ряз., 1955–1958. *Надпыльник* 1. Приспособление в виде полога на обрuche под потолком избы (для улавливания дыма и копоги от горящей лучины – светильника). Перм., 1849. *Надспинник*, а, м. Продольный ремень шлеи, идущий вдоль хребта лошади. Прикам., Серебренников [99, т. 19, с. 248].

Удивительно, но в Грамматике почему-то не отмечена модель *над-* + *-ник-*. Ср. в говорах: *Надлавочник*, а, м. 1. Полка в избе над лавкой, скамейкой. Олон., Рыбников. Мозен. Арх., 1885. Волог., Север. 2. Полка над окнами. *В избы-то бывало два надлавочника, выше окон они были.* Пинеж. Арх., 1969. *Надоконник*, а, м. Надоконный карниз. Даль [без указ. места]. *Подоконник вот есть – доска прибита верху окошка, да и все.* Соликам. Перм., 1973. Ср. *Надоконье*, я, Резное украшение над окнами. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Со значением 'место, пространство, находящееся поверх того, что названо мотивирующей основой' в Грамматике-70 приведены слова *надбровье*, *надкрылье*. В русских народных говорах отмечено: *Наддужье*, я, ср. Передняя часть рыболовного снаряда матки, расположенная между последним обручем и дугой, натянутой над входным отверстием. Ладож. Петерб., Слов. карт. ИРЯЗ. *Надолонье*, я, ср. Заплатка на ладони рукавицы. Осташк. Твер., 1855. *Надплечье*, я, ср. Плечевая часть рукава. Пинеж. Арх., 1877. *Надчерепье*, я, ср. Крыша, кровля избы. Шенк. Арх., 1852. Арх.

Следует обратить внимание на то, что слово *надолонье*, по значению соответствующее данному словообразовательному типу, относится к иной словообразовательной модели (*на-* + *-иј-*). Некоторые же слова могут не соответствовать по значению обозначению пространства. В целом, судя по материалам Словаря, данный словообразовательный тип в диалектах является столь же малопродуктивным, как и в литературном языке. И данное значение может быть представлено аналитически посредством предложно-падежных сочетаний типа *над морем, над озером* и т. п.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о многообразии морфемных структур и мотиваций для наименований одного и того же денотата. К примеру, в русских народных говорах существует достаточно большое количество слов для наименования проруби. Например: *Вытяжка*, и, ж. Четырехугольная прорубь, через которую вынимается из-под льда невод. Пск., 1912, *вытяжное, ср.* Прорубь для вытягивания невода при зимнем рыболовстве. Пск., 1912–1914 [99, т. 6, с. 46]. Есть признаки, те или иные характеристики пространства, объекты, для которых возникает огромное количество слов. Другими словами, невероятная избыточность языковой материи. Именно на этом фоне интересно все, мало-мальски редкое, единичное, то, что где-то может быть вовсе не обозначено отдельным словом и, безусловно, является своеобразным «расширением» когнитивного пространства русского языка.

3.7. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОСТАВЕ ДИАЛЕКТНЫХ ПОДСИСТЕМ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Проблематика нашей конференции связана с исследованием словообразовательных ресурсов в славянских языках. Другими словами, с тем, что может быть выражено на собственно словообразовательном уровне. При сопоставлении близких по родству языков всегда интересны значения, которые представлены словом в одном языке, но отсутствуют в другом. На одной из наших конференций И. Г. Милославский говорил о словах, претендующих на роль когнитивного прорыва, расширяющих деривационное пространство языка [50]. Однако кроме попыток создания новых слов (сравните проект «Дар слова»), небесполезно обратиться к деривационному потенциалу диалектной речи, в которой есть примеры словообразовательной конденсации весьма интересных значений, которые могут не иметь представления в виде слова в системе литературного языка.

Большая (чем в русском) степень близости белорусского литературного языка к собственно диалектной основе приводит к необходимости сопоставления производной диалектной лексики русского и белорусского языков (причем не с позиций лингвогеографии, но в целом, с целью сопоставления деривационных потенциалов двух систем). Следует сразу

сказать, что есть ряд объективных трудностей для полноценного сопоставления диалектной лексики русского и белорусского языков. В частности, отсутствует сводный словарь белорусских говоров, что серьезно затрудняет процесс систематизации диалектного материала. В отличие от Национального корпуса русского языка, Белорусский национальный корпус менее известен специалистам и разработан в меньшей степени. Поэтому неудивительно, что работы, посвященные белорусской безэквивалентной лексике (отсутствующей в русском языке) в ряде случаев неверно определяют даже наличие/отсутствие тех или иных единиц в сопоставляемых близкородственных языковых системах. Так, в [121] приводится ряд однотипных примеров слов белорусского языка, не имеющих соответствующих эквивалентов в русском. Ср.: *Падвоканне* 'Место снаружи дома под окнами'. *Да зборні пачалі збягацца хлапчукі, якія дасюль віліся на падвоканню ў Прыдатных* (Ц. Гартны). *Мы ўспомнілі песню адну, валачобную, і ўстала маленства на міг за акном. Цягнулі калісьці яе на падвоканню...* (М. Лужанін). *Усе, хто хацеў паглядзець і не ўмяціліся, на падвоканню стаялі* (М. Лобан). В русском языке, как известно, слово *подоконник* обозначает совсем иную «точку пространства». В говорах *подоконье* 'Подоконник' [101, т. 10, с. 513]. Аналогично сравним белорусское *падстолле* 'Пространство под потолком'. *Задраўшы ў падстолле твар, Валока як-коледы спрабаваў расхістаць абломак, ля якога цадзіўся промень, штурхнуў яго ўгору і пацягнуў на сябе* (В. Быкаў). В русском: *подстолье* 'Часть стола (ножки и рама), на которую настилается крышка' [101, т. 10, с. 624]. Однако непонятно, почему к безэквивалентным отнесено слово *падмосце* 'Место под мостом'. Ср. в русском языке: *подмостье* 1. 'Разг. Место, пространство, находящееся под мостом. 2. Обл. Место под полом или под крыльцом' [101, т. 10, с. 468].

Как уже становится ясным, необходимость обращения и к говорам связана с тем обстоятельством, что в таких близких по родству языках, как русский и белорусский, весьма своеобразным может оказаться «распределение» «общих» лексем по таким сферам, как литературный язык и говоры, по их «включенности» в разные деривационные объединения (словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка, фрагменты словообразовательных гнезд).

Как известно, в лексикографической практике, в особенности при создании словообразовательных словарей, включение диалектных слов вполне возможно с целью более полного, системного отражения словообразовательных связей. Поэтому, на наш взгляд, при сопоставлении таких близких по степени родства языков, как русский и белорусский, может оказаться весьма продуктивной идея конструирования словообразовательных гнезд (их фрагментов) синтетического типа, в которые, наряду со словами литературного языка, могут включаться и диалектные слова. Тем более, что при достаточно разветвленном словообразовательном гнезде в литературном языке, родственные по корню диалектные слова могут

представлять значения, семантические позиции, отсутствующие в виде производного слова в системе литературного языка.

К слову, очень интересным является вопрос о случайности / закономерности фиксации / нефиксации тех или иных диалектных слов в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова. К примеру, можно предположить, что формально родственные единицы с совершенно иной (можно сказать, порой случайной) семантикой, естественно могут оставаться за пределами словообразовательного гнезда. Ср.: *застреха* ‘б. Конец, угол речной косы’. В [106, т. 1, с. 361]: *застрех(a)* – *подзастреиный* (оба слова отмечены в [101]), однако в говорах имеются также слова *подзастрех*, *подзастрешина*, и формально и семантически «вписывающиеся» в данное словообразовательное гнездо. Данные примеры позволяют задуматься над тем, есть ли какие-то основания, почему в словообразовательном гнезде отсутствуют некоторые диалектные слова, хотя единицы другие (и порой с подобным же статусом) включены в состав словообразовательного гнезда, наряду со словом литературного языка. Связано ли это со степенью семантической «близости», реально существующей между разными родственными словами? И всегда ли реально ее измерить? В любом случае возможно расширение поля исследования до гнезда лексического. Ср.: *застреха* ‘Нижний свисающий край крыши у избы, сарая и т. п. || Жердь или доска, поддерживающая свисающий край соломенной крыши’. С другой стороны, диалектные слова *стрех* ‘Желоб на нижнем краю крыши’, *стрѣх*. *Стрѣх* головы ‘Сотрясение головного мозга’, *стреха* 1. ‘То же, что стрех || Струи воды, текущие с крыши’. 2. ‘Межа в поле || Узкая полоса, идущая вдоль межи’, *стрѣхивать* 1. ‘Встряхивать что-л. 2. Стряхивать что-л. с чего-л.’. Не *стряхивай* мух, я их соберу, *стрѣхнуться* ‘Встряхнуться, взмахнуть крыльями (о птице)’, *стрехнуться* ‘Сойти с ума’, *стреховик* ‘То же, что 2. Стрех’, *стреховый* ‘Относящийся к крыше, кровле || Живущий под кровлей’ [99, т. 41, с. 333–334].

Таким образом, реальностью лексических и словообразовательных связей гнезда слов(а) *стрех(a)* является гораздо большее число единиц, далеко не исчерпывающееся приведенной в Словообразовательном словаре словообразовательной парой *застреха* – *подзастреиный*.

Среди приводимых ниже примеров, не имеющих однословных эквивалентов в русском языке, есть и слова, которые, по данным белорусской лексикографии, диалектными не являются, однако по семантике вполне естественно «вписываются» в систему языка говоров. Сравните:

Паднядзеліцца ‘Одеться (в воскресенье) по-праздничному’. *Насця, што называецца, паднядзелілася, бровы падвяла, падтудрылася і ў завяршэнне ўсяго ўзлажыла капялюшык...* (Я. Колас). *Парукацца*, обл. ‘Поздороваться за руку’. *Высокі і пляшывы, Сідар ступіў на сцежку з альхоўніку, парукаўся і сказаў: – А мы думалі, што па цябе давадзецца ехаць (І. Чыгрынаў).* *Прыганак*, обл. ‘Ступеньки крыльца’. *Да таго ж сіняя галінка пільнуе прыганак, як не гаворыць супрацоўнікам: «Заходзьце, заходзь-*

це!» (М. Лужанін). *Рахавацца** ‘Сводитъ счѣты, вести взаимный учѣт обид, претензий и под.’. *Пасѣрбаў ён [Пархім] крыху локшыны ды пайшоў на вѣску, дзе ўжо збіраўся, рахаваўся баркаўчанскі маладзеж* (Л. Калюга). – *Анішчык пайшоў поцемкам да гэтага Горбача... – Ага... Рахавацца пайшоў... Ну добра* (Р. Мурашка). *Сцюдзѣнка обл. ‘Студѣная вода’. Мой дзед, нябожчык Даніла – хай яму пухам зямля, – бывала, папарыцца, абдасца сцюдзѣнкай – і гатоў* (Л. Левановіч). *Счубіцца* ‘Сцепиться в драке, ссорѣ’. *І сварка ў бойку перайшла – [старцы] счубіліся* (Р. Барадулін). *Счубіліся Алежка з Іванкам не на жарт* (У. Юрэвіч). *Тупкі* ‘Утоптанний ходьбой’. *Туга зашморгваючы торбу, [Платон] першым рушыў тупкаю, у калючых каменьчыках сцѣжкаю за склад* (В. Адамчык). *Угрэў* ‘Прогреваемое солнцем место’. *У лясах на ўгрэвах снег злазіў борзда, і вызвалена з-пад снегу зямля радасна выглядала на свет* (Я. Колас).

Есть несколько групп слов. Во-первых, те, которые родственны русским корням и представляют значение, не получившее в русском языке в рамках данного словообразовательного гнезда однословной единицы. Во-вторых, слова, «развивающие» известное белорусскому языку гнездо и интересные тем, что также представляют значение, отсутствующее в виде слова в русском (ср. *прыганак* < *ганак* ‘крыльцо’).

Одним из возможных направлений исследования является оценка деривационного потенциала близких по родству языков, например белорусского и русского, с учетом сопоставления словообразовательных типов и целого комплекса словообразовательных значений в диалектных словообразовательных подсистемах и литературных языках. В частности, вполне возможен сопоставительный анализ «минимума различий» в семантическом наполнении конкретных диалектных словообразовательных типов, всего комплекса несоответствий в составе тех или иных частных лексико-словообразовательных значений, связываемых с конкретными аффиксами.

Как известно, нередкими являются случаи, когда известный литературному языку словообразовательный тип получает широкое распространение в языке говора. Ср., например: *давясёлкі* ‘Народны звычай запрашаць пасля вяселля (праз тыдзень) блізкіх родных маладога ў дом да маладой’, *дажынкi* ‘Свята ў дзень заканчэння жніва’, *дакопкі* ‘Заканчэнне копкі бульбы’, *дакоскі* ‘Заканчэнне касьбы’, *дамалоткі* ‘Завяршэнне малацьбы’, *дапраткі* ‘Заканчэнне прадзення’; *зажынкi* ‘1) Пачатак жніва. 2) Свята ў дзень пачатку жніва’, *закоскі* ‘Пачатак касьбы’ [102, т. 2, с. 11–19; 219].

Интегрированное описание словообразовательных гнезд литературного белорусского языка и диалектов может оказаться достаточно продуктивным по причине отсутствия очевидных различий между рядом слов, лексикографией разделенных на литературные и областные. Сравните, например: *паваротка* ‘Дорога, отходящая в сторону от основной магистрали’. *Перад... [Шрэдарам] была брукаваная паваротка і надпіс на слупе: «На Сумлічы...»* (К. Чорны). *Пагон* ‘Дорога, по которой гонят скотину на пастбище’. *На поле рашыў ісці па слядах трактароў, пагонам*

(Ц. Гартны). *Узбалоце* обл. 'Край болота'. *Бліжэй да станцыі, на узболатку, стаяў зялёны, засаджаны дзічкамі двор старога Язэпа, местачковага грамацея* (І. Навуменка). *Узрэчча* 'Место, расположенное вдоль реки'. – *Ну, думаю, гэта тут. Паеду-такі я на ўзрэчча, на Самастаяву гару* (Я. Сіпакоў). В данном случае особенности семантики слова сближают слово литературного языка с диалектными словами.

Анализ значительных по объему деривационных фрагментов показывает, что диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка. Это, в частности, может выражаться в «расширении» словообразовательных парадигм и в организации дополнительных словообразовательных цепочек. И, что немаловажно, позволяет более объективно судить о различиях, характеризующих сопоставляемые языки. Приведем один любопытный пример. В русском литературном языке, по данным [101], существует только три производных единицы от слова *клен*: *кленовый, кленок, кленочек* [101, т. 5, с. 1016]. В «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова дополнительно приведены: *кленовик, неклён, паклён, паклёнок, черноклён* [106, т. 1, с. 438]. Слова *паклён, паклёнок* отмечены также в [99, т. 25, с. 157].

В белорусском литературном языке как слова, отсутствующие в русском языке, приводятся: *Клённік* 'Заросли клёна', *кляніна і клёніна* 1. 'Отдельное дерево клёна. 2. Древесина клёна'. *Кляновік* 'Сок кленового дерева; напиток, приготовленный из такого сока', *кляновіна* 'Доска из дерева клёна' [121, с. 135]. Однако в русских народных говорах отмечены: *клённик* и *кленник* 'Кленовый лес, кленовая роща', *кленок* 'Клён', *кленина* 'Кленовое дерево', *кленинка* и *кленинушка* 'уменьшительно-ласкательное к кленина', *кленовик* (а также *кленовица, кленовика*) 'Кленовый сок', *кленовина* 'Кленовое дерево', *клёнистый* 'Подобный клёну; развесистый', *кленовка* 'Зола от сжигаемого клёна', *кленьё* 'Кленовый лес, кленовые деревья' [108, т. 13, с. 277–278].

Сопоставление фрагментов словообразовательных гнезд в литературном языке с привлечением диалектного материала может дать очень интересные результаты. Приведем еще ряд примеров деривационно связанных групп слов в белорусском языке, не имеющих однословного соответствия в русском и представляющих очень интересные значения.

Цалок '*Человек, метко бьющий в цель*'. Ён з любімай рагаткі шчоўкнуў толькі разок, і, як кажучь, нігадкі – выдатны **цалок** (*В. Вітка*). Сцяпан агледзеў ваўка з аднаго боку, перавярнуў на другі, адшукаў, куды трапілі шраціны, і пахваліў сына: – **Цалок** ты ў мяне добры... (*А. Пальчэўскі*). Сяды-тады білі толькі самыя лепшыя цалкі – «варашылаўскія стралкі – каб без промаху (*П. Місько*). Цаляць* '*Понадать в цель*'. Але часцей за ўсё **цалялі** – стралялі ж дужа зблізку, і не пацэліць у шырокі зубрыны лоб было проста немагчыма (*Я. Сіпакоў*). Пацэліць і ўцэліць '*Понасть в цель*'. Які ж гэта спрытны мужык не **пацэліць**, калі захоча?

Раскрыжавацца ‘Раскинуцца, расположыцца, раздзяліцца крестообразна’. *Бярозавыя прысады замяняліся тапалевымі, і тут шаша нечакана раскрыжавалася* (М. Лужанін). *Раскрыжоўваць**, незак. ‘1. Раздзяляць ствол дрэва на часткі ў паперачным напрамку’. *Малады хлапец з вясоным рабаціннем на твары раскрыжоўваў у гэты час тоўстую яліну* (А. Чарнышэвіч). ‘2. Распинаць на крэсце’. *Ён з тых людзей, што, калі б перад ім Хрыста раскрыжоўвалі, ён бы сядзеў і арышад піў з асалодаю, бо Хрысту піць хацелася б* (У. Караткевіч). *Укрыжаваць* ‘Распяць на крэсце’. *Вось цяперака цяжка глядзець, як радзіму маю ўкрыжавалі* (У. Дубоўка).

Белорусскаму *крыж*, як вядома, адпавядае рускае *крест*. Паміма очевидных глаголаў *крестить, покрестить, перекрестить*, в [101, т. 13] прыводзяцца і такія глаголы: *выкрестить* устар. ‘Пераводзіць з іншай веры ў хрысціянства, выконваючы абрад крещення’, *закрестить* ‘1. З суверенных побуджэнняў абрадаваць знакамі креста. 2. Перачэрківаць крестом’; *искрестить* ‘1. Пралягаць у розных напрамках, пакрыць перасякаюцца лініямі. 2. Разг. О многіх разоў паходах, паездках, палятах у розных напрамках’; *скрестить* ‘1. Складваць крестом, распалагаць крест-накрест. 2. Прадзіваць скрещивание’. У рускіх народных гаворках адзначаны наступныя словы: *раскрёстка* ‘Развілка дарогі, перакресток’, *раскресть* ‘Перакресток дарог’, *раскрещивать* ‘Раскрещивать кукушку. Заканчваць абрад вступлення весны (кукушкі)’ [99, т. 34, с. 138].

Агульная гісторыя, этымалогія прыводзяць да таго, што ў цэлай групы лексем могуць выяўляцца розніцы ў размеркаванні семантыкі канкретных адзінак і рэалізацыі дэрывацыйнага патэнцыяла. Так, у беларускай мове адзначаецца наступная глагольная лінія: *палавецць* ‘Желтеть, прымаць паловую афарбаванасць’, *запалавецць* ‘Слегка пожелтеть’ (*Зоры пабялелі і на ўсходзе неба запалавела* (К. Чорны)). У рускай мове падобных глаголаў няма, хоць існуюць адзінкі, якія могуць выступаць у ролі мотывіруючых: *половый* ‘Цвета полове, бледно-желтый’; *полова* Обл. ‘Мякина’ (Праходзіла молотба... Ветер поднімаў цэлыя аблакі золотистой полове... (А. П. Чэхов)). Беларускаму слову *палова* ў значэнні ‘мякина’ ёсць омонім *палова* 1 ў значэнні ‘половина’ (нарады са словам *палавіна* – поўным адпавядае рускаму *половина*). Аднак, у сваю ачэрэд, у рускай мове зафіксаваны глагол *половинить* ‘Устар. і простареч. дзяліць што-л. на дзве часткі’, адсутваючы ў беларускай мове. Ср.: Он прапанаваў воеводу не паловініць стралечыя сілы, не ісці супраць Разіна боем, а сесць у асаду (С. П. Злобын), Сталі мы мець участкі, а тут хто-то і пушці слухок; будзь я ўсе участкі хочу паловініць (Г. Ніколаева) [101, т. 10, с. 1034].

На шляху слова *палова* 1 ‘половина’ як прадзіваючага «воздвигнут» сапраўды бар’ер: *палавіць* ‘1. Злавіць усіх, многіх, або ўсё, многае’. 2. ‘Лавіць некаторы час’. Прычым цікава, што ў адпавядаючым рускай мове глаголе адзначана толькі адно значэнне: *половить* ‘Ловить некоторое время’. Беларускае ж значэнне падтрымлівае двузначнасць бе-

лорусского глагола *палавіць*: *Сабіраліся хлопцы, зрабілі ў лесе аблаву і палавілі... [зладзеяў]* (А. Якімовіч). *Таня глядзіць на матылёў, і ёй хочацца саскочыць з воза і палавіць іх у жменю* (І. М. Пташнікаў) [108, т. 3, с. 624]. Ср. также в бел.: *палавініць* 'Делить пополам'. *Выступаў першы, сек словы з пляча, нібыта палавініў на пляшкі пасохшыя кляновыя чурбакі, барадаты мацак у шараватым, грубай вязкі світэры* (М. Лужанін). *Алесь палавініць з ім [сынам] зарплату і жыве дзеля Яго* (С. Грахоўскі). *Я часта згадваю выдатны французскі фільм «Закон ёсць закон» з Луі дэ Фюнэсам, дзе мяжа праходзіла праз вёску і палавініла хату* (І. Шаблюўская). *Распалавініць* 'Разделить приблизительно на две равные части'. *Не хацела яшчэ раз Мацвеевай добрасцю пакарыстацца ды і Марыны такі ж пабой-валася. А той бы прывалок, распалавініў бы [соль] і прывалок* (М. Лобан). *...Раман распалавініў вайсковую форму, у якой уцёк з дзеючай арміі, і замест гімнасцёркіх надзеў бліскучую сацінавую кашулю...* (І. Чыгрынаў). Таким образом, «минимумы» различий могут по-разному раскрашивать общее с исторической точки зрения участки ткани близкородственных языков.

Известно, что особенностью словообразования некоторых южнославянских языков является, в частности, морфемное усложнение префиксальных производных. Так в [111] приводится много примеров «нанизывания» приставок в сербском, хорватском и бошняцком языках. Ср.: *poisprođavati, poispripovedeti, izbezúmiti, prenasélti, poispreprodavati* [111, с. 286–287]. Данное явление имеет место и в русском (преимущественно в говорах), и в белорусском языках. К примеру могут быть рассмотрены русские диалектные полипрефиксальные существительные, в которых предкорневая часть представлена сочетанием префиксов *под-* и *за-*: *подзавал* 'Глубокое место реки, озеро около берега', *подзагонник* 'Участок поля', *подзагорбок* 'Место между лопатками', *подзагребье* 'Пережат на реке', *подзаков* 'Наваренный стальной бугорок на одной из ручек ножиц', *подзалавок* 1. 'Место (за занавеской) для посуды под лавкой в кухонной части избы'. 2. 'Место под шестком русской печи; подпечек', *подзанавёс* 'Огороженный навес в поле'. Любопытно обратить внимание на то обстоятельство, что в данном случае слова этой модели в буквальном смысле «развивают» деривационные структуры, имеющиеся в литературном языке. Ср.: *горб* и *подзагорбок*, *загон* и *подзагонник*, *лавка* и *подзалавок* и т. п. В литературном языке: *загорбок* 'Простореч. Верхняя часть спины, пониже плеч', *нагорбок*; *подлавочье* 'Место под лавкой в избе' [101, т. 10, с. 420], *подлавок*, *залавок* 'Простореч. Длинный ящик с крышкой, употребляемый вместо лавки' [101, т. 4, с. 598]. Данные слова отмечены в «Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова», порой в составе достаточно разветвленных словообразовательных гнезд, что лишь подчеркивает своеобразие диалектных единиц.

В сопоставительном плане заслуживают внимания и полипрефиксальные структуры в белорусском языке. Ср.: *Запабягаць** (обл.) 'Забегать вперед кому-л.'. *Густа паваліў снег і неўзабаве засыпаў і глыбокія*

ямачкі ад дзявочых боцікаў, і шырокі размахысты след хлапчыны, што *запабягаў* перад ёю... (М. Тычына). *Падупасці* '1. Прийти в упадок, в запустение'. Цяпер мне зразумела, чаму ў іх так *падупала* гаспадарка, чаму яны за апошнія гады так абяднелі (М. Танк). '4. Стать хуже качеством'. Аднак сігі ў цябе ненадзейныя, зусім сігі *падупалі*, хужэй, чым твой былы селядзец астраханскі, копчаны (М. Лынькоў). *Панадворак*, обл. 'Двор возле дома'. І калі запахне кронам, тады, здаецца, устае ў ваччу сонечная-сонечная раніца, калі трапечуцца кропелькі расы на кветках, калі зямля на *панадворку* яшчэ зыбкая ў цяньку, прыемна дакранацца да яе босай нагой (М. Лынькоў). *Папавазіць* 'Возить долго, неоднократно; повозить много кого-либо, что-либо'. Ці мала *папавазілі* з гарадскога рынку гною за гэтыя гады (К. Чорны). *Папаглядець* 'Смотреть долго'. Столькі *папаглязелі* ў яе [карту], як намячалася аперацыя (П. Місько). *Папаездзіць* 'Ездить долго'. Дарогу на Нясвіж Мікола ведаў добра: за тры гады вучобы ў семінары ён тут папахадзіў і *папаездзіў* (С. Александровіч)! *Папаесці* 'Есть часто, продолжительное время'. І здаецца, Паўлік яшчэ ніколі не *папаеў* столькі пірага, як сёння (В. Сташэўскі). *Папазбіраць* 'Собирать продолжительное время'. – Паедзем, татачка, у Парэчча! Ось там грыбоў *папазбіраю* (Я. Колас)! *Папамучыцца* 'Мучиться долгое время'. – Колькі *папамучыўся*, не дай бог ворагугэта (Т. Хадкевіч). *Папахадзіць* 'Ходить длительное время'. Хоць і *папахадзіў* Аляксея па паскоціне, але ўсё ж знайшоў каня за кустамі шыпшыніку (С. Грахоўскі).

Очень любопытно (и не удивительно!), что в белорусских говорах на востоке Могилёвской области, которая граничит с Россией, полипрефиксальных структур довольно много, а на Брестчине, напротив, они встречаются крайне редко. Сравните в [27]: *Недобірка* 'Рэшткі чаго-небудзь'. *Цяля стаяла ў загарадзі і падбірала недобірка*. *Повыхварошвацца* 'Прыгожа апрануцца'. И примеры в [32]: *а-без-а-хоціць* 'адбіць ахвоту, цікавасць да чаго', *а-бяз-дзеціцца/а-бяз-дзеціць* 'зрабіцца бяздзетным, страціць дзяцей', *а-бязь-вініць* 'апраўдаць'.

Таким образом, при сопоставительном исследовании близких по родству славянских языков нам представляется вполне возможным комплексное рассмотрение фрагментов деривационных парадигм в составе лексических гнезд, представляющих собой своеобразный синтез диалектных подсистем и литературного языка.

3.8. МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНЫ И ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Знание иной культуры, языка вольно или невольно заставляет сравнивать те или иные языковые факты, обнаруживать интересные несоответствия и то, что характеризуется как межъязыковая лакунарность.

Непривлечение к анализу диалектных слов по причине их несоответствия целому набору параметров, обеспечивающих функционирование слов в литературном языке, могло бы служить оправданием дериватологу, если бы не одно обстоятельство: среди диалектных слов есть и такие, которые, безусловно, являются примерами расширения когнитивного пространства русского языка [50]. Подобных примеров можно привести немало. Но существенно и другое: лакунарность может обнаруживаться на самых различных ступенях производности [70], касаться самых разных «точек» деривационного пространства лексического гнезда [71]. Причем зачастую при многообразии членов словообразовательного гнезда в литературном языке в русских говорах обнаруживается немало производных, представляющих «позиции», семантически отсутствующие в подобных сложных объединениях родственных единиц, характеризующих современный язык.

Особенно интересным может оказаться сопоставление слов, представляющих в характерном для языка говоров детализированном виде особенности, к примеру, рельефа местности. Приведем некоторые примеры: *скручень* 1. Место на поле со скрученными и перепутанными (от дождя и ветра) колосьями. Бурнашев. *Сечище*, ср. 'Место, где вырублен лес; вырубка'. Арх., Перм., Даль. *Сечище* было да зарастает, черемуха кинулась да рябина, да малина. Перм. На *сечище* всяких змей полнехонько. Свердлов. *Скрещение*, ср. 'Место слияния двух рек'. Уральск., 1972. Две реки вместе сходятся – *скрещение*. Сухолож. Свердлов. *Слань* '1. Место, где расстилают лен'. Лыну-то большую *слань* настелешь. Кадуйск. Волог., 1950. *Слань* – там выкошено уж, на его расстилают [лен]. Кемер. || Лен, разостланный для просушки. Нижнесергин. Свердлов., 1987. '2. Место для спанья на печи; полати'. Духовниц. Саратов., 1937. *Слетище*, ср. 'Место, на которое слетается множество сорок'. Волкам на убежище, сорокам на *слетище*. Смол., 1914. *Сгрыз* 'Обглоданное место на коре дерева'. Петрозав. Олон. К примеру, всегда интересно, есть ли и каким образом выражается в близкородственном языке значение типа русского диалектного слова *наволочник* 'Наносы на берегу реки, особенно хворост и бревна'.

Большая (чем в русском) степень близости белорусского литературного языка к собственно диалектной основе приводит к необходимости сопоставления производной диалектной лексики русского и белорусского языков (причем не с позиций лингвогеографии, но в целом, с целью сопоставления деривационных потенциалов двух систем). Следует сразу сказать, что есть ряд объективных трудностей для полноценного сопоставления диалектной лексики русского и белорусского языков. В частности, отсутствует сводный словарь белорусских говоров, что серьезно затрудняет процесс систематизации диалектного материала. В отличие от Национального корпуса русского языка, Белорусский национальный корпус менее известен специалистам и разработан в меньшей степени. Поэтому неудивительно, что работы, посвященные белорусской безэквива-

лентной лексике (отсутствующей в русском языке), в ряде случаев неверно определяют даже наличие/отсутствие тех или иных единиц в сопоставляемых близкородственных языковых системах. Так, в [121] приводится ряд однотипных примеров слов белорусского языка, не имеющих соответствующих эквивалентов в русском.

Одним из возможных направлений исследования является оценка деривационного потенциала близких по родству языков, например, белорусского и русского, с учетом сопоставления словообразовательных типов и целого комплекса словообразовательных значений в диалектных словообразовательных подсистемах и литературных языках. Рассмотрим белорусское диалектное слово *аблунець* 'зробіцца ненармальным' (І разумны чалавек *аблунеіць*, калі будуць на яго казаць, што ён ніякі) [108, т. 1, с. 36]. В белорусском литературном языке есть глагол *лунаць* '1. Плавно летать, двигаться по воздуху (...у шызаі вышыні *луналі* буслы...). 2. Развеваться в воздухе (...пад ветрам *лунаў* чырвоны сцяг...). 3. Распространяться, раздаваться (про музыку, песни). 4. Перен. Находиться в состоянии возвышенных, либо далеких от действительности чувств'. Видно, что четвертое значение этого слова «пересекается» с семантикой диалектного слова *аблунець*. В каком-то смысле диалектное слово является продолжением в развитии четвертого значения слова литературного языка. Но, самое существенное, что данное направление в развитии языковой формы (*луна* ↓ *лунець* ↓ *аблунець*; *луна* ↓ *лунаць*) и, соответственно, семантики неизвестно русскому языку. Ср. также: *залунець* 'Состариться'. *Залунеў* чалавек, ссеівеў. В Толковом словаре белорусского языка есть глагол *залунаць* 'Пачаць лунаць' [108, т. 2, с. 340], а также отглагольное *лунанне* 'Действие по знач. глагола *лунаць*' [108, т. 3, с. 62].

Возможен также сопоставительный анализ «минимума различий» в семантическом наполнении конкретных диалектных словообразовательных типов, всего комплекса несоответствий в составе тех или иных частных лексико-словообразовательных значений, связываемых с конкретными аффиксами. Ср., например, в белорусских говорах: *лузан* 'вылузаны арэх', *карчавашка* 'выкорчеванный пенёк', *капеж* 'нижний край крыши', *гібэж* 'месца згібу нагі', *узрэі* 'место, где сильно греет солнце', *абедашнік* 'гаршчок, у якім носяць абед', *пруцень* 'рыбалоўная лавушка з прудоў', *пніва* 'яма для пня, дрэва', *аблівака* 'зимний дождь', *імжака* 'мелкий дождь', *залівень* 'ливень', *воблівень* 'гололед, мокрый дождь зимой', *палівень* 'продолжительный дождь', *налівень* 'посуд для вадкасці' [102, т. 1, 2]. В последних примерах заслуживает внимания очень любопытное «префиксальное окружение» слова *ливень*.

Заслуживают особого внимания даже не словообразовательные типы, но большие и малые объединения родственных единиц, словообразовательные и деривационные фрагменты. Именно это должно явиться основой сравнительно-сопоставительной модели (литературный язык – диалект, белорусский – русский). Ср.: 1. *Оказ* 'Внешний вид', *оказанный*

‘Названный, показанный’. Невеста была *оказанная, оказень* ‘Человек, избегающий общества, любящий одиночество’, *оказево* (оказенье) ‘Случай, происшествие, оказия’, *оказистый* ‘Видный, красивый’. Оказистая вещь, *оказисто* ‘Красиво’. Суслоны-то у них *оказисто* столь складены, *оказливый* ‘Удивительный’. Какой случай был *оказливый, оказник* ‘Человек, нанимающийся в рекруты вместо того, которому пришла очередь’, *оказный* 1. ‘Удивительный, странный’ [99, т. 23, с. 106–108]. В данном случае в говорах реализованы две семантические линии (‘случай’ и ‘внешний вид’). Первая известна литературному языку благодаря слову *оказия*, а также термину *оказиональный*, однако в говорах подобная «линия» нашла продолжение в формальном варьировании (*оказево, оказенье*) и интересной номинации лица (*оказник*). Но более любопытной (так как неизвестна литературному языку) является группа слов, представляющих «внешний вид». Здесь возможно выделение даже словообразовательной цепочки *оказ – оказистый – оказисто* с морфологически немотивированным чередованием з/ж.

При сопоставительном исследовании таких близких по родству словообразовательных подсистем как белорусские и русские говоры, исходной основой сопоставления должен стать язык русский. Это связано, безусловно, с несопоставимо большим разнообразием той семантики, которая может быть представлена словообразовательными средствами языка, сферой использования которого является огромная территория. Другой, очень важный момент, – это возможность посмотреть на безэквивалентность с другой стороны. Какова безэквивалентная лексика русского языка, если смотреть на нее с позиций языка белорусского? При этом, для решения подобной задачи, имеет смысл создать изначально заданный перечень значений интересных, когнитивно значимых и посмотреть, есть ли им однословное выражение в белорусских народных говорах (равно как и в белорусском литературном языке). Приведем некоторые примеры: *надсадок* ‘Конец грядки, засеянный другим растением’. Осташк. Твер., Пск., 1855. Твер. *Надомовничать* ‘Остаться дома, чтобы присмотреть за домашним хозяйством’. *Мы надомовничим, пожалуй: на нас надежда плоха*. Иркут., 1970. *Надий* ‘Человек, на которого можно надеяться; чья-либо надежда’. *Ой ты, надий мой*. Олон., 1852. *Надбитик* ‘Кувшин с отбитым горлышком’. *Зачерпни в надбитик водицы*. Смол., 1914. *Наборыши* ‘1. Остатки чего-либо собранного (яблок, груш и т. п.). Пск., 1855. 2. Место, на котором собраны ягоды’. *Мы ведь ходили по ягоды по наборышам*. Ветл. Костром., 1926. *Набродно, нареч.* ‘Людно от пришлых людей’. *Набродно на Дону было*. Урал., Бажов.

Заслуживает внимания исследование целых фрагментов словообразовательных гнезд, появившихся от когнитивно значимых имен. К примеру, в русском литературном языке есть слово *пешня* ‘Тяжелый лом на деревянной рукоятке для пробивания льда’ [101, т. 9, с. 1156]. В «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова приведена лишь словообразовательная пара *пара пешня – пешневой*. Причем имя прилагательное в [101]

почему-то отсутствует. В русских народных говорах это целый фрагмент из родственных слов, среди которых несколько наименований действия; лица, которое производит данное действие; самого орудия действия; название отвлеченного действия и даже отдельного результата действия (*пешенец* 'Большой кусок льда, отколотый пешней'. Тихв. Новг., 1852. Новг.). См. примеры ниже: *Пешать* 'Прорубать прорубь пешней'. Олон., 1846. Медвежьегор. КАССР. *Древняя пешня, лед пешали*. Арх. Беломор. *Пешанье, ср.* 'Действие по знач. глаг. Пешать'. Беломор., 1929. *Пешедь* 'Лом для пробивания проруби; пешня'. Вят., 1858. *Пешальник* '2. В рыболовной артели – работник, прорубающий пешней проруби'. Галич. Костром., 1914. *Пешень* 'То же, что пешедь'. Кем. Арх., 1910. Пск., Чкал. *Пешальщик* 'Человек, который прорубает прорубь пешней'. Сев.-зап., 1974. *Пешить* '1. Прорубать пешней (прорубь)'. Кем. Арх., 1910. *Пешивать* 'Пробивать пешней (прорубь)'. *Прорубки не пешивать* (частушка). Лодейноп. Ленингр. *Пешкать* 'Долбить лед пешней'. *По зимам лед пешкаем да водушку с реки и берем*. Пудож. КАССР, 1970. *Пешник* '1. Лом для пробивания льда; пешня. Порх., Пск. 1855. 2. Работник в рыболовной артели, пробивающий лед пешней'. Урал., 1976. *Пешнить* 'Пробивать лед пешней'. Зырян. Том., 1964. *Кто же я него пешнить будет?* Забайкал. *Пешнять* 'Пробивать пешней проруби при подледном лове'. Арх., 1910 [99, т. 27, с. 15].

Самое любопытное, что само слово *пешня* в общеизвестном значении в Словаре русских народных говоров не приводится, т. е. является общим для русского языка в целом, однако, судя по словарной статье, в русских говорах есть немало иных значений (или даже отдельных слов) у данного слова. Ср., например: 1. *Пешня*. Лом для колки дров. Прионеж. КАССР, 1966. 2. *Пешня*. Вбитый в прибрежный лед; железный лом, за который крепится род гарпуна, используемого при моржовом и белужьем промысле. Арх., 1885. 3. *Пешня*. Вбитый в землю кол, за который крепится канат при причаливании судна, плота. Волж., 1902. 4. *Пешня*. Род долота с длинной рукояткой для долбления ульев, желобов, глубоких пазов и т. д. Клыковский, 1856. Севск. Орл., Преображенский, 1914. 5. *Пешня*. Большая игла. Кабан. Бурят. АССР, 1960. 6. *Пешня*. Хоботок, жало насекомого. *Пешня-то у него не така, как у комара: тот тихонько водит, а паут как вдарит!* Кыштов. Новосибир., 1969. 7. *Пешня*. Ручная трамбовка. *Пешней землю трамбуют*. Моск., 1969. 8. Подставка для лучины – светец. *Пешня – это шестовинка, столбик и железны рогатулины, в которые лучинки втыкаем*. Колыв. Новосибир., 1960.

Существенно, что можно говорить о разных типах синтезированных (литературный язык – говоры) гнезд: 1) диалектные слова лишь дополняют хорошо дифференцированное гнездо литературного языка некоторыми единицами, заполняющими те или иные семантические места в составе деривационных парадигм (в том числе и неизвестные литературному языку), 2) диалектные слова полностью «расширяют» деривационное пространство известного литературному языку слова (ср., например, *пешня*).

Одно и то же семантическое пространство в близких по родству языках может быть представлено с использованием деривационного потенциала общекорневых морфем в различной степени. Сравним: в русском языке *мечта*, *мечтать*, *мечтательность* (добавим деривационно изолированное *парить* (в мыслях)) и в белорусском: *мара*, *марыць*, \cap и *летуцець* 'Аддавацца марам; марыць'. На пагорку сасна, – ці не ўнучка тае, Што калісь *летуцела* аб пальме далёкай? Лойка; *летуценства* 'Схільнасць да адыходу ад рэальнай рэчаіснасці ў свет фантастыкі; фантазёрства'. *Сімвалісцкае летуценства; летуценне* (и еще ряд родственных слов в данном гнезде). Если говорить о внутренней форме слова, значении, обусловленном строением, то это не просто *мечтать*, и не просто *мечтательность*, а *летуцець*, *летуценства*. Все это скорее от *лететь* 'парить'. В данном случае мы имеем дело с более содержательной по языковой форме мотивацией. И еще: прямых доказательств связи слова *летуцець* с *лететь* мы не нашли. Но сам факт ассоциативной связи через современные поисковые системы, которые сразу же «связывают» данные единицы, видимо, не случаен.

Есть много деталей окружающего мира, которые хорошо известны родовому носителю языка. И для большинства из них в языке отсутствуют отдельные названия. Они нам не нужны... (или нужны?!), не понадобились и т. д. Но в языке того или иного говора (пусть по внутреннему, ограниченному небольшой территорией, соглашению) обнаруживается «означивание» вполне конкретных деталей, например, пространства, предметов, их составных частей... И мы вдруг обнаруживаем, что эта «маркировка» средствами языка в определенных ситуациях чрезвычайно важна и просто необходима с учетом познания деривационного потенциала русского языка, его возможностей. Ср.: *Скусок* 'З. След от зубов (зайца, лося) на ветвях деревьев'. *Скуски* у зайца и лося различны: у зайца косой, у лося: или прямой, или есть заломок. Никол. Волог., 1860. Данное слово «вписывается» по словообразовательной семантике в схему известного литературному языку словообразовательного типа (ср.: *слепок* как «результат действия»). По данным «Словообразовательного словаря» А. Н. Тихонова есть глагол *скусить*. Но слово *скусок* отсутствует в литературном языке и специфично (когнитивно значимо!) по своей лексической семантике.

Диалектные слова могут образовывать свои подсистемы, объединяться в группы производных, формировать целые фрагменты словообразовательных гнезд. Ср.: *Слоп* '4. Ловушка на мелких зверей с наживкой и насторожкой' Север., Вост., Даль. *Слопец* 'З. Капкан, западня, ловушка на зверя, птицу'. Енис., 1865. *Ты застрелил одного зайца, а я слопцом поймал двух глухарей.* Иркут. Сиб., Волог. Слов. Акад. 1822. *Слопечный* 'Слопечная справка. Приманка, помещенная в ловушку'. *Пленочка и слопец. Еще оправка слопёчная.* Том., 1964. *Слопешка* 'Высокая гора, на которой устанавливают западню, слопец'. Енис. Енис., 1906–1907. *Слопешник* 'Место, где устанавливают западню, слопец'. Волог., 1902 [99, т. 37,

с. 304]. Правда, можно лишь предположить, что исходным словом в данном случае послужил глагол *слопать* в переносном значении. Интересно, что в [101, т. 13, с. 1267] областное *слопец* приводится, однако оно отсутствует в *Словаре А. Н. Тихонова*, вероятно, по причине отсутствия очевидных словообразовательных связей с глаголом *слопать*.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что, в отличие от словообразовательной недостаточности (явления хорошо известного и компенсируемого с помощью средств различных уровней), в ряде случаев диалектное словообразование «продуцирует» единицы, отсутствующие в литературном языке при наличии достаточно богатых с точки зрения количества единиц гнезд. Так, в словообразовательном гнезде глагола *порхать* 'Перелетать с места на место легко, не задерживаясь. О мелких птицах, бабочках и т. п.' помимо слова *порхунья*, хорошо дифференцирована глагольная «составляющая»; *порхнуть*, *впорхнуть*, *вспорхнуть*, *выпорхнуть*, *запорхнуть*, *отпорхнуть*, *перепорхнуть*, *попархивать*, *припорхнуть*, *пропорхнуть*, *спорхнуть*, *упорхнуть*, *запорхать*, *попорхать*, *пропорхать* (15 глаголов). Однако сравните в диалектах *порханище* 'Место слета тетеревов'; *порховище* и дополнительно *порхова* [99, т. 30, с. 11].

При сопоставлении близкородственных языков большой интерес могут представлять диалектные слова, появившиеся на основе заимствований из неродственных языков. Они интересны тем, что могут «синтезировать» значения, не представленные в славянских языках одним словом. Тот или иной фрагмент реальности при их помощи может быть представлен более мотивированно. Кроме этого, они могут быть интересны тем, что получают дальнейшее деривационное развитие. Ср. в белорусских говорах: *жлукта* ↓ *жлуктаць*. *Жлукта* 1. 'Посудина для запаривания белья, кадушка'. *Жлукта* зберыцца адзежы, многа мыць. 2. 'Замочаная бялізна'. 3. 'Мыццё'. Ср. лит. *žlūgtas* 'замоченное бельё', *žlugti* 'мачыць у лузе бялізну'. *Жлуктаць* 'Запарваць бялізну ў жлукце'. Бяльё *жлукталі* [108, т. 2, с. 148].

Некоторые факты приводят к необходимости и сопоставлений в более широкой плоскости: диалектное слово – литературный язык – интернет-пространство языка. К примеру, в белорусских говорах зафиксирован глагол *ажалезіцца* 'Зрабіцца цвёрдым ад доўгага ляжання ў вадзе'. *Ажалезіцца* дзерава і можа сто лет ляжаць у вадзе (Вецярэвічы. Пух.) [102, т. 1, с. 67]. В родственном белорусскому русском языке (по данным лексикографии) слова с данным значением нет: **ожелезиться* – ∅. Однако если обратиться к простейшей поисковой системе интернета google, то можно найти немало употреблений данного глагола, причем с различной и достаточно очевидной мотивацией. Остановимся на следующих примерах: «Лето, есть возможность подшабашить – денег поднять и *ожелезиться* (приобрести машину)». «Следует только духом *ожелезиться*...». «Можно *ожелезиться* сиропом алоэ...». «Хотя по нашим трубам пока водичка пробежит, она должна настолько *ожелезиться*, что магнитом притягиваться будет...».

Еще один подобный пример диалектного слова: *жжаниць* ‘Надеть одно на другое’. Кажух і армяк трэба *жжаниць* уместа (в знач. ‘поженить’, ‘соединить’) [102, т. 2, с. 147]. Любопытно, что на одном из Интернет-форумов нам встретилось аналогичное употребление данного слова. Ср.: С разборки блок не советую покупать, так как, чтобы поставить блок с одной машины на другую, его надо *разжениць*, а только потом *сжениць* с другим иммобилайзером.

В этой связи хотелось бы высказать следующую мысль: то или иное слово (значение) порой может фиксироваться, как диалектное, но... в синхронии языка по реальности употребления, функционирования, семантическому обогащению оно давно вышло за пределы ограниченного территории пространства. Более того. Может быть, его фиксация в том или ином, ограниченном лексикографами, пространстве – случайность, поскольку оно давно и закономерно присутствовало во внетерриториальном пространстве языка и, не исключено, пространстве восточнославянском.

При сопоставлении близких по родству языков следует учитывать, что всегда есть производные, в той или иной мере (по тому или иному параметру) отличающиеся от внешне аналогичных единиц литературного языка. К примеру, в русском языке глагол *пережать* в знач. ‘2. Разг. Опередить, обогнать кого-н. в жатве’. *Всех пережать* [99, т. 9, с. 609], в отличие от белорусского (ср.: *абажыць* ‘Апярэдзіць у жніве’. Кап хто яе *абажыў* – ніколі. Стральцы Гродз.), находится в пределах литературного языка. Кроме этого, поражает многообразие производных в составе словообразовательного гнезда русского глагола *жать* II ‘Срезать стебли хлебных злаков’, в частности, только глаголов 14! Есть и примеры достаточно любопытных значений. Ср.: *зажаться* III ‘Увлечься жатвой’. Белорусское диалектное слово *зажаць*, помимо совпадающих с литературным языком значений 1. ‘Сжать первый сноп при жатве’. 2. ‘Начать жать’, имеет и третье значение: 3. ‘Повредить, натрудить’ *Зажала* руку, натта велькія жмені брала, аш спохла.

В этой связи заслуживает внимания глагол *зажмениць, зажмяніць* ‘То же, что и *зажать* 3’. Руку *зажменила*, брала велькімі жменямі. Першы дзень жала і руку *зажмяніла*, рука баліць. Данный глагол является производным от не имеющего аналога в русском литературном языке слова *жменя* 1. ‘Ладонь и пальцы руки, сложенные таким образом, что ими можно зачерпнуть или удержать что-н.’ ...зачэрпнуў у *жменю* вады..., расцёрла ў *жмені* колас... (сравни в рус.: *в ладонях растереть*). 2. ‘Количество чего-л., что помещается в ладони со сжатыми пальцами’. ...зачэрпнула *жменю* зерня. 3. Перен. ‘Небольшое количество кого-л., чего-л.’. ...*жменя* худых цялят... (сравни в рус.: взял *горсть* зерна, зачерпнул в ладонь воды). В данном случае различия затрагивают как словообразование, так и семантическую деривацию. В [108, т. 2, с. 313] *зажаць* – это лишь ‘Пачаць жаць; зрабіць зажынкі’; глагол *зажмениць* в данном словаре не приводится. Таким образом, у глагола *зажаць* в белорусских гово-

рах есть семантическое «продолжение». Кроме этого, благодаря наличию слова *жменя* в белорусском языке, его семантике в белорусских говорах также получает деривационное развитие своеобразный аналог русского глагола *натрудить* (руки) – глагол *зажменіць*. Правда, в русском языке семантика глагола *натрудить* (*натруживать*) шире. Ср.: ‘Разг. Утомлять, приводить в болезненное состояние (продолжительной или тяжелой работой, ходьбой и т. п.)’. *Натруживать* (*натрудить*) ногу, руку и т. п. ... я очень бы *натрудил* больную ногу; ...*натрудил* себе ладони...; ...вытянув и свободно разбросав *натруженные* руки и ноги... растереть ладонью *натруженную* поясницу; *натруженные* пальцы... [101, т. 7, с. 589]. В белорусском языке, по данным [108], слово *натрудзіць* семантически идентично русскому *натрудить*.

Исследование деривационного пространства близких по степени родства языков с привлечением диалектного материала, с анализом целых фрагментов лексико-словообразовательных гнезд, безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

3.9. НАИМЕНОВАНИЯ ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ (ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Язык отражает наши представления об окружающем мире, помогает нам осваивать его, означивая те или иные фрагменты опыта. Известна детализация пространства в языке говоров. Но не менее интересна и дифференциация глагольной семантики.

Специфика диалектного слова такова, что далеко не всегда можно определить характер и направление мотивационных связей, поэтому существенны все родственные единицы, включая слова литературного языка и даже слова из близких по родству языков [75]. Ведь морфемный состав и внутренняя форма того или иного глагола становятся хотя бы в какой-то степени очевидными только после установления реально существующих родственных единиц. К примеру, морфемный состав имени и глагола в диалектной паре *бухвостень* ‘Сплетник, ябедник’ – *бухвостить* ‘Сплетничать, ябедничать’ становится понятнее, если мы вспомним известное выражение *Сорока принесла на хвосте*. При этом очевиден уникальный статус префиксальной морфемы *бу-*. Аналогично: *бухмарить(ся)* ‘Покрываться облаками, тучами, пасмурнеть’ и бел. *хмара*.

Среди диалектных глаголов в ономазиологическом плане можно выделить несколько групп. Одну из них представляют просто «вариации формы», т. е. глаголы, отличающиеся от соответствующих глаголов литературного языка либо какими-то особенностями фонетического характера, либо наличием иной морфемы. Например: *обзеленеть* (зазеленеть), *обдумливать* (обдумывать), *обдичать* (одичать), *ночлеговать* (ночлеж-

ничать), *недослыхать* (недослышать), *начертенеть* (осточертеть) и др. Другую группу составляют многочисленные (и в большинстве своем совершенно немотивированные) наименования хорошо известных наименований действия. К примеру, очень много глаголов, обозначающих различные отрицательно характеризующие действия, в частности, связанные с плохо выполненной работой, применением физического воздействия, обманом и т. п. Ср.: *обалабошить*, *начерябать*, *началушить*, *наузнуть*, *нафуреть*, *настебать*, *настебунякать*, *насадокать*, *наплетюхать*, *намухлачить*, *накулемать*, *накарбашать* и др. Строго говоря, это не очень интересная с точки зрения словообразования группа слов.

Целый ряд глаголов совершенно непонятен без знания родственных им в языке диалекта слов. Ср.: *латышать* 'Картавить, шамкать, говорить неразборчиво, невнятно' (*латышала* 'Человек, который *латышает* (картавит, неразборчиво произносит слова (обычно о детях)'), *варлыжать* (*варлыга* 'Лентяй'), *гадить* 'Извергать рвоту' (*гад*), *гарезать* 'Шалить, проказничать' (*гареза* 'Шалун, проказник'), *завершиать* 'Заканчивать, доводить до верху (стог, скирду)', *закуржевать* 'Покрываться инеем (*куржой*)', *измигуливать* 'Уклоняться, отлынивать от работы' (*измигул* 'Бездельник, лодырь'), *керегодить* 'Ловить рыбу *керегодом* (род рыболовной сети)' и др. Ср. также: *завичбть* 'Заплетать, связывать что-л. *вицами* (вичами) (прутьями)'. *Завичать* – это вырубят пруттик жиденький (тоненький) и завичают, не завязывают, а закручивают. Чтобы сноп на вершине стога не снесло ветром, его *завичивают* вицами ивовыми [99, т. 9, с. 320].

Словообразование интересно тем, как семантика может быть связана со строением слова. Именно с этой точки зрения заслуживают внимания не только различные новообразования языка последнего времени, но и слова диалектные, в которых, безусловно, также реализован деривационный потенциал русского языка. Причем иногда важен может быть не глагол, а приписываемое ему носителями языка значение, поскольку последнее может оказаться когнитивно значимым для русского языка в целом и не иметь в нем однословного соответствия. Сравните, к примеру, значение не вполне благозвучного глагола *обзырить* 'Зорко и с жадностью всё осмотреть' *Ишь какая, все доброе (приданое) обзырила*. Приведем некоторое количество примеров глаголов и значений, заслуживающих с указанной точки зрения самого пристального внимания. Примеры: *обзиметь* 'Настать зиме', *обжадиться* 'Стать жадным', *обеременить* 'Сделать беременной', *неряшиться* 'Быть, ходить небрежно одетым, неряхой', *наспасибать* 'Сказать много раз «спасибо»', *лясать* 'Точить лясы', *оглазовать* 'Определить на взгляд', *оглазеть* (всего 5 значений, первое из них: 'Потерять зрение, ослепнуть'), *одеветь* 'Засидеться в девушках', *одевиться* 'Засидеться в девушках', *обвеснеть* 'Победствовать весной, не имея запаса продовольствия', *обдетиниться* (*обдетиться*) 'Обзавестись детьми (обычно в большом количестве)'.

Язык говора «требует» комплексного рассмотрения деривационно родственных фактов. Изолированному рассмотрению, например, глагола *надвечерить* 'Есть что-либо, закусывать перед ужином' следует предпочесть анализ и его связей с такими словами, как *надвечер* 'Под вечер, в сумерки', *надвечерок* 'Предвечернее время; время сразу после захода солнца, сумерки', *надвечерью* 'В предвечернее время' [99, т. 19, с. 224]. В этом фрагменте словообразовательного гнезда семантика глагольного слова предстает более мотивированной и понятной с точки зрения детализации временного пространства. Помимо специфики самих значений, следует говорить о том, что самые простые, очевидные с точки зрения присутствия в языке, корневые морфемы максимально «раскрепощены» в языке диалекта. Ср. в литературном языке: *глазеть, наглазеться, поглазеть, проглазеть, сглазить* [106, т. 1, с. 222] и в диалекте: *оглазовать, оглазеть*.

Есть группы слов, которые различаются степенью своей мотивированности, не вполне очевидны с точки зрения характера внутренней формы. И есть какой-то один непроясненный компонент, который не позволяет в полной мере проникнуть во внутреннюю форму слова или даже целой группы родственных слов. Ср.: *огломожжасть* 'Лишать рассудка'. *Огломожжаешь* ты меня, ты мою головушку своим криком. Смол., 1914. *Огломожжасться*. Голова *огломожжасться*. 'Перестает соображать (голова)'. *Огломожжение* 'Беспамятство'. *Оглоумнеть* 'Поглупеть'. Совсем к старости люди *оглоумнеют*. Маслян. Новосиб., 1976. Для понимания данных диалектных глаголов небесполезным может оказаться диалектное наречие *оглом* и *оглóm*, нареч. 1. 'Разом (не по частям); оптом'. Ты *оглом* мне всё продаёшь. Волог. Влад. 2. 'Сообща, вместе'. Возможно, помогут и слова, приводимые в [101, т. 8, с. 610]: *оглоушить* 'Сильно ударить по голове, по затылку', *оглоушина* 'Сильный удар по голове, затылка'. Хотя небесполезны могут оказаться и собственно диалектные образования. *Огломоздить* 'Сильным ударом по голове лишить рассудка, памяти, оглоушить'. *Я его сусим огломоздил*. Смол., 1914. 1. *Огломызда* Капустная кочерыжка. Кадн. Волог., 1883–1889. 2. *Огломызда*, *ы*, *м*. и *ж*. 1. Человек, которого плохо обстригли, обкорнали. *Эдакий огломызда стал, как его обстригли!* Кадн. Волог., 1855. 2. Осунувшийся, подурневший человек. Кадн. Волог., 1855. 3. Нескладный, несуразный, слишком громоздкий человек. *Ой, какой ты огломызда, без ладу огломызда!* Ветл. Костром., 1946. || Дородная, дебелая, неуклюжая женщина. *Овдотья-то здорвая огломызда!* Ветл. Костром., 1908. Слишком высокая женщина. Ветл. Костром., 1923. 4. Жадный, завистливый человек. Волог., Даль, Волог., 1839–1842 [99, т. 22, с. 319]. Какова семантическая нагрузка на компонент *огло-*? Можно предположить, что *огл-* – это фонетическая вариация компонента *огул-* (ср., например, известное слово *огульный*). Для морфологии любопытна и представляющая антонимичную глаголу *огломож-*

жать линию номинация *мозголовить* ‘Ломать голову над решением вопроса, обдумывать, взвешивать обстоятельства дела’. Тут вовсе нечего *мозголовить* – расчет виден. Совершенно очевидно наложение на границе двух корней *мозг-* и *голов-*! Еще один подобный пример: *прозеворонить* ‘Прозевать, упустить’, являющийся, вероятно, своеобразной контаминацией глаголов *прозевать* и *проворонить*.

Заслуживает внимания также группа аналогичных родственных слов с просматриваемым корнем *ум-*: *оглумелый* ‘Утративший способность соображать; одурелый’. *Вылупил глаза, как оглумелый!* Обоян. Курск., 1858. Курск. *Оглуметь* ‘1. Перестать соображать, одуреть’. *Что, оглумел что ли ча?* Обоян. Курск., 1858. Курск., Орл., Пск. 2. ‘Стать в тупик; остолбенеть’. Пск., Твер., Даль. *Оглуमितь* 1. ‘Сильным ударом по голове лишить сознания, рассудка; оглушить’. Даль [без указ. места]. Зап.-Брян., 1957. 2. ‘Лишить способности соображать (шумом, криком, слишком длительным разговором и т. п.)’. *Оглумили меня, что ничего не пойму!* Пск., Смол., Копаневич. || ‘Ошеломить, поставить в тупик’. Даль [без указ. места]. 3. ‘Лишить кого-либо способности слышать; оглушить’. *Буши все оглумил своим криком!* Зап.-Брян., 1957. 4. ‘Осмеять, одурачить для потехи окружающих’. Даль [без указ. места]. *Оглумиться*, ‘1. Перестать соображать, зайти в тупик’. Холм. Пск., 1852. Пск., Твер. ‘2. Лишиться разума, стать глупым; одуреть, ошалеть’. Пск., Твер., Даль. *Совсем о глумилась, старая!* [99, т. 22, с. 320].

Тема «валентности» корневых морфем в русских народных говорах может быть продолжена на примерах как глаголов с известными литературному языку значениями, так и семантикой необычной с точки зрения ее представления соответствующей морфемной структурой, комбинацией известных для русского языка морфем. Примеры: *отлесеть* ‘Кончить сезонный охотничий промысел’. *Отлесел* в этом году рано, снега таять стали. *Обосеть* ‘Лишиться обуви, остаться босым’. *Одвоить* ‘Родить двойню’. *Востучить* ‘Собраться, надвинуться (о тучах)’. Что не темная туча *востучила* (*востучилась*). *Обеременить* ‘Сделать беременной’ – *обеременить* ‘стать беременной’. В последнем случае заслуживает внимания первый глагол (диалектное *обеременить* от литературного *забеременеть* отличается только приставкой), так как в рамках известной корневой морфемы реализует значение, не имеющее подобного однословного эквивалента в литературном языке. Ср. также: *обжадиться* ‘Стать жадным’ по сравнению с хорошо известным *пожадничать* ‘проявить жадность’. *Обнародеть* ‘Стать многолюдным’ и *обнародовать* ‘Огласить, буквально: сделать известным народу’.

Благодаря большей «мобильности» диалектного словообразования можно отметить немало неизвестных литературному языку глаголов, соответствующих достаточно регулярным для словообразовательной системы русского языка значениям. Ср.: *пересердиться* ‘Перестать сердить-

ся', *перехилить* 'Перестать быть хилым' (ср.: *хилеть* 'становиться хилым'), *набедить* 'Наделать беды', *перетомиться* 'Сильно утомиться', *перехолоднуть* 'Сильно продрогнуть, замерзнуть (обо всех, многих)', *покунуть* 'Окунуть несколько раз'.

Некоторое количество глаголов с общим, не вполне понятным с позиций литературного языка компонентом, могут «взаимно подсказать» путь к пониманию своей внутренней формы. Ср., например: *кулепешить* 'Ходить косолапо' ↑ *кулепеша* 'Косолапый человек'; *кулемесник* '1. Тот, кто делает все небрежно, кое-как'. Нижегород., 1840. '2. Вбалмошный человек; проказник, любящий бедокурить'. Нижегород., 1840, *кулемесица* '1. Суматоха'. Ряз., 1847. Смол., Твер. '2. Беспорядок в делах, путаница'. *Кулемесить* 'Неумело или небрежно делать что-л.' ↑ *кулемес* '1. Деятельный, но бестолковый человек. 3. Неловкий, глуповатый человек, растяпа'. Наличие первых, прямых значений в многозначном глаголе *кулемесить* совершенно очевидно указывают на связь с глаголом *месить*. Причем совершенно очевидно то семантическое содержание, та семантическая «разница», которая приходится на компонент *кул(е)*-. В подавляющем большинстве значений – это отрицательно характеризующее действие с компонентами «небрежно», «неумело», «медлительно» и под. Ср.: *Кулемесить* '1. *Перех.* Мять, давить, комкать'. Барнаул. Том., 1851. Забайкал., Вят., Твер., Пск. '2. *Перех.* Заниматься стряпней (обычно печь что-либо)'. Холмог. Арх., 1907. '4. *Перех.* Неумело или небрежно делать что-либо'. Кирил. Новг., 1857. Арх., Олон., Перм., Курган., Том. // Неумело шить, стягивая материю в складки. Сиб., 1968. '5. Приводить что-либо в беспорядок, смешивать'. Переясл. Влад., 1848. Влад., Тамб. *Ой, нитки-та дай-ко сюда, а то ты опять у меня начнешь кулемесить. Ты, че опять тут кулемесишь в ящичке-то у меня?* Иркут. '6. *Неперех.* Делать что-либо нелепое, несуразное'. Сев.-Кавк., 1908. *Ну, почал наш кулемес кулемесить, никому покою не дает, а толку ни на грош.* Петров. Саратов. || Делать ошибки, нарушая в чем-либо порядок. Чистоп. Казан., 1852. 10. *Неперех.* 'Говорить вздор, болтать'. Тамб., 1852. Сев.-Кавк. *Кулемесишь и кулемесишь! Как язык-от не перестает болтать?* Братск. Иркут. 12. 'Производить суматоху, будоражить'. Даль [СРНГ 2, т. 16, с. 57–58]. Аналогично: если *пешиться* 'Идти, ходить пешком', то *кулепешить* 'Ходить косолапо'. Сравним также *кулепет* '2. Тот, кто говорит невнятно и быстро' и *лепетать*; *кулепета* 'Неповоротливый, медлительный человек', *кулепетать* (кулепетить) 'Говорить быстро, сбивчиво'.

Комплексное исследование фрагментов словообразовательных гнезд, представляющих собой своеобразный синтез диалектных слов и производных единиц литературного языка, позволит более точно оценить деривационный потенциал словообразовательной системы русского языка в целом.

3.10. ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО СЛОВА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Словообразовательная структура и семантика производных слов, зафиксированных в русских народных говорах представляет несомненный интерес с ономаσιологической точки зрения. Каков процесс создания номинации, какие компоненты и в какой конфигурации должны быть синтезированы, чтобы было представлено данное, вполне конкретное значение? Вот основное направление лингвистической мысли, когда мы смотрим на словообразование не как на готовый результат деятельности человека, а как на процесс порождения нового, в чем-то совершенно необычного для рядового носителя языка знака. Диалектные слова, как известно, могут быть интересны как по своеобразной комбинаторике морфем, так и по возможности представлять значения, не имеющие однословного выражения в литературном языке. Приведем некоторые примеры: *доброумие* 'Хорошее расположение духа'. Я дарю тебе, сестрица свет родимая, на *доброумие* опояску новгородскую. Север., Барсов. Олон. *Доброумиться* '1. Принимать разумные, дельные советы и следовать им'. 2. 'Быть в добром, хорошем расположении духа, быть веселым, не хандрить и не брюзжать'. Арх., 1847. 3. 'Прислушиваться'. *Доброумились* победы мы головушки, Как орел да будто в саде воспевае. Север., Барсов. *Завременить* 'Изменить свой вид или показаться менее удаленным под влиянием преломления лучей (о предметах на море, у моря)'. Арх. На море *завременило*, играет марево, вид предметов искажается пламенением воздуха. *Завремениться*. Берег *завременился*. Острова *завременились*. *Задмуть* 'Стать важным, надменным, загордиться'. *Заездить* 1. 'Заработать перевозкой на лошади'. Пятьдесят рублей не скоро *заездишь*. 2. 'Возвратить денежный долг выловленной в озере рыбой'. Давал деньги один рыбак или двое, как *заездят* [99, т. 10, с. 77].

Анализ целого ряда единиц, по нашему мнению, вполне разумно осуществлять в границах фрагментов словообразовательных гнезд синтезированного типа, в которых совмещены слова литературного языка и диалектные, что, безусловно, позволит более точно оценить деривационный потенциал системы словообразования в целом [75]. К примеру, в языке русских народных говоров зафиксирован глагол *утакасть* 'Условиться, уговориться с кем-либо о чем-либо'. Мы *утакались* в город идти. Это очень интересный пример «расширения» деривационной экспансии глагольного слова и на те части речи, которые в литературном языке не дают обилия глагольных производных. В словаре [106, т. 2, с. 207] приведены: *так* I ↓ *такать* (*такнуть*) '1. Говорить слово *так* для выражения своего согласия с собеседником (обычно из угодливости, лести); поддакивать. – А в чем там ремесло главнейшее твое? – Где *такнуть*, где польстить... (И. И. Дмитриев). 2. Употреблять в речи слово *так*' – Что

такать-то, а ты говори дело... (М. Е. Салтыков-Щедрин), *перетакнуть* (*перетакивать*) 'Принимать другое решение, делать что-либо иначе'. Григорий Яковлевич трудился над картой. – Что, не нравится, старик? – Да чего там? Так или не так – *перетакивать* не будем, – вздохнул Базыма и стал готовить приказ. (П. П. Вершигора). Люди с чистой совестью, *потакнуть* (*потакать*) 'Разг. Содействовать, не препятствовать чему-л. недозволенному, предосудительному; потворствовать', *притакнуть* (*притакивать*) 'Простореч. Соглашаться с кем-либо, поддакивать'. Хозяин дома, выпучив глаза, слушал меня со всевозможным вниманием и *притакивал* (В. Ф. Одоевский), *протакать* 'Простореч. Потерять, утратить что-л., соглашаясь со всем, поддакивая'. – Новгородцы *такали-такали*, да и *протакали* (М. Е. Салтыков-Щедрин)! *Так II такать* (*такнуть*) 'Издавать мерные, отрывистые звуки'. Чмокали, такали, чвакали маятники; по круглым рожицам часов незаметно передвигались черные усы стрелок (М. Горький).

Для интерпретации семантики диалектного слова бесценными являются контексты их употребления, для понимания внутренней формы порой необходима некоторая исследовательская смелость, поскольку, как известно, морфемного словаря диалектных слов нет. И здесь лингвист имеет право пойти путем, чем-то напоминающим «народную этимологию», главное, чтобы аргументы были подкреплены достаточно убедительными фактами. Рассмотрим следующий пример: *уповодень* (*уповодок*) 'Часть рабочего дня: период времени (от отдыха до отдыха), в течение которого выполняется определённая работа'. Один *уповодень* отработала на сушке сена. Один *уповодок* работал здесь, а другой – там. В структуре производного, вероятно, своеобразно соединились *повод* и *день*. Ср.: У меня был повод не отдыхать, так как я был занят выполнением вполне конкретной работы. К слову говоря, по мнению некоторых исследователей, термин «народная этимология» неудачен, поскольку «...суть анализируемого процесса заключается не в поисках носителями языка этимологии слов, а в стремлении мотивировать слова, закрепить их ассоциативной цепочкой в памяти, что и отражает термин «лексическая ремотивация». Ср.: *морвей* и *муравей* ↑ *мурава*. Процесс лексической ремотивации базируется на установлении словом, обычно немотивированным, отношений лексической мотивации с другим словом, не состоящим с ним в словопроизводственной связи: *рукотерник* ↓ *рукотельник* (тело). Полотенце звали «*рукотельник*»: руки вытирают и тело» [11, с. 65].

Известно, что стихия диалектной речи (и просто разговорной речи) может дать немало примеров «в обход» канонизированной грамматиками системы «узаконенных» способов словообразования. Ср.: *выбелобородить* 'Презойти всех белизной бороды'. Этот мужик всех *выбелобородит*. Арх., 1954. Надобно вынести кринку свежего молока перед белобородого мужика, всех *перебелобородит* и *выбелобородит*. Арх. [99, т. 5, с. 245]. А глагола *белобородить* в словаре говоров нет! Перед нами пример черес-

ступенчатого словообразования и очень интересный способ словообразования: сложение основ в сочетании с префиксацией и суффиксацией.

При исследовании процессов номинации в говорах, создании различных типов сводных словарей особое внимание уделяется семантике слов и приемам ее лексикографирования. Так, всегда актуален вопрос, можно ли увидеть какие-либо закономерности в «конфигурации» семантических линий однокоренных омонимов в говорах и литературном языке? К примеру, если внимательно присмотреться к толкованиям глагольных омонимов 1. *Корениться* '1. Начинать расти (пускать корни и ростки). 2. Зарастать мхом'. 2. *Корениться* 'Утверждать свой авторитет, начинать пользоваться влиянием' в [3] с учетом замечания составителей словаря о том, что значение омонима толкуется «...путем краткого объяснения, если диалектный глагол не имеет эквивалента в литературном языке» [3, с. 9], то не могут не заинтересовать значения типа 'начинать расти', 'утверждать свой авторитет', 'начинать пользоваться влиянием' в отношении к «готовым» результатам словообразовательной конденсации (*расти, зарастать...*; ∩; ∩, *влиять*), к «другим» производным, с иной комбинаторикой морфем (ср.: *корениться – пускать корни и укорениться*). Ср. в литературном языке: *Корениться* '1. Пускать корни в землю. 2. Иметь корень (в 4-м значении), своё основание в чем-л.'. 3. 'Находиться, глубоко таиться в чем-л. (в сознании, в душе и т. п.)' [101, т. 5, с. 1417]. Очевидно, что диалектное *корениться* (2) отличается по семантике от соответствующего слова в литературном языке.

Хорошо известно данное Ю. Д. Апресяном широкое определение прагматики, как закреплённое в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [4]. И как много порой «отношения носителя» к окружающему его миру, человеку отражено в семантике диалектного слова. Ср.: *дивить* 'Поздно вечером и долго разговаривать с молодым человеком, считающимся женихом, у ворот своего дома (о девушке)'. «Это отнюдь не предполагает ничего предосудительного; если девушка дивит, то она уже, по мнению всех, на степени невесты, и мать, не краснея, рассказывает своим знакомым, когда и с кем ее дочь стала дивить». Тороп. Пск., Буслаев, 1852. Пск. [99, т. 8, с. 48]. В литературном языке есть только *дивить* 'Удивлять'. Семантика диалектного слова представляет целую ситуацию, в которой отражены в том числе и морально-этические нормы простого (и далеко уже не современного!) носителя языкового сознания. Ср.: можно «поздно вечером и долго разговаривать с молодым человеком», но при условии, что «молодой человек считается женихом», и вместе с тем только «у ворот своего дома».

Диалектное словообразование заслуживает более пристального внимания при исследовании объединений деривационно связанных слов – словообразовательных парадигм, цепочек, различных комбинаций данных единиц.

3.11. О СЕМАНТИКЕ ДИАЛЕКТНОГО ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Представляющие очень интересный с ономаσιологической точки зрения пласт лексики, диалектные слова в сопоставлении со словами литературного языка могут быть интересны как по своеобразной комбинаторике морфем, так и по особенностям семантики, мотивированной их строением. В диалектном словообразовании просматриваются два своеобразных «семантических полюса». С одной стороны, это невероятная детализация, дифференциация известных реалий окружающего мира. Ср., например, в наименованиях особенностей рельефа местности (болот, низин, возвышенностей и пр.). С другой стороны, это примеры, мы бы сказали, удивительных обобщений, когда производное слово может обозначать все, что угодно, естественно как-то связанное с мотивирующим ономаσιологическим признаком. К примеру, рассмотрим диалектное слово *бель*. Специфика этого существительного, как видно из дефиниций, заключается в том, что оно способно маркировать самые различные предметы или явления, имеющие отношение к белому цвету. Так, уже в Большом академическом словаре русского языка отмечено: *Бель* 1. 'В простореч. и обл. Белая вещь или вещь, подвергаемая белиeniu'. 2. 'В простореч. и обл. Белизна'. 3. Обл. 'Всякая, рыба, кроме осетровой'. 4. 'Сел.-хоз. Сорт северных летних яблок, иначе – белый налив' [101, т. 1, с. 387].

По данным Словаря русских народных говоров, у слова *бель* может быть 14 значений, причем в 3, 4, 5, 13, 14-м из них совершенно очевидна связь с ономаσιологическим признаком *белый*. Ср.: 1. *Бель* 3. 'Белая поверхность льда, покрытого осевшими кристаллами инея'. Пск., 1912–1914. 4. 'Пена на волнах; белые гребни волн'. *Пересажать в маленькой лодке через реку теперь боязно; вишь, валы-те ходят с белью; и в худом шитике теперь не суйся*. Перм., 1856. || *Пена*, плывущая по реке длинной полосой в местах стыка течения основного русла реки и притока. Волж., 1914. 5. 'Состояние моря, когда горизонт бывает покрыт дымкой стелющегося тумана'. Беломор., 1929. 13. В названиях места. 'Часть поля, покрытая белыми цветами'. *Бель белеет*. Шенк. Бсх., 1898. 'Место, где расстилается полотно для белиenia, стлище'. Бсх., 1885. 14. Березник, выросший на выжженном месте. *Гарью зовут и белью. Марьяна гарь, Васькина бель. Вот сгорит есе, если березник родится на этом месте, то бель, если осинник, то гарь*. Колпаш. Том., 1948. Березник. Кирил. Новг., 1897 [99, т. 2, с. 234–235].

Другие примеры подобных обобщений: *облётков (облетьши)* 'Что-л. слетевшее, опавшее от чего-л. (лист дерева, цветок, лепесток и т. д.)'. На земле много *облётков* цветочных. *Перепродок* 'Перепроданная вещь'. *Парник* 'Что-л. подобное другому; предмет, составляющий с другим предметом пару'.

Специфика процессов номинации такова, что обобщающая сила семантики словообразовательной постоянно соприкасается с конкретиза-

цией семантики лексической. Не случайно ряд специалистов по теории словообразования являются сторонниками выделения не только общих, собственно словообразовательных значений, но и значений лексико-словообразовательных [124]. Так, диалектное слово *копань* [101, т. 5, с. 1380–1381] по *словообразовательной* семантике в самом общем виде обозначает ‘то, что выкопано’, на лексическом уровне реализуя следующие значения: 1. ‘*Яма, ров, колодец*, выкапываемые для собирания дождевой или почвенной воды’. 2. ‘*Место*, расчищаемое под пашню; полевая раскорчевка’. 3. ‘*Дерево*, выкорчеванное, вывороченное с корнем // Нижняя часть ствола хвойного дерева, выкопанная вместе с частью главного корня, перпендикулярного к стволу; употребляется при постройке плоскодонных судов, на застрехи кровель крестьянских домов’. Ср., также: 1 *Наборьши*, а, м. 1. Остатки чего-либо собранного (яблок, груш и т. п.). Пск., 1855. 2. Место, на котором собраны ягоды. *Мы ведь ходили по ягоды по наборьшам*. Ветл. Костром., 1926 [99, т. 19, с. 130]; *мокрыдь* Простореч. ‘1. Дождливая погода, сырость’, ‘2. Мокрота, влага’. ‘3. О чем-либо мокром, влажном’ [101, т. 6, с. 1163].

Помимо «местного колорита», диалектное слово (в лице своих ярчайших представителей) имеет и такие *признаки внутренней формы*, которые отличают его от *обычного* слова литературного языка. В частности, значительная часть диалектных слов как наименований могут быть лишены тех «обобщающих» свойств, которые характерны для номинаций литературного языка. Ср.: *пригревочек* ‘Место, где пригревает солнце’, *приколина* ‘Кол, поставленный под углом к парным вертикальным кольям в изгороди для их укрепления’, *отмой* ‘Место, размытое водой, обрыв, вал’. Белорусский литературный язык, по-видимому, не мог (!) в своем развитии, становлении, процессе «отталкивания» от близкого по родству русского языка, «отстраниться» от той диалектной основы, которую составляют белорусские народные говоры. Так, можно указать на значительное число весьма специфических по своему содержанию лексем, более напоминающих слова, которым в [101] дается помета «областное».

Например: *зломак* ‘Сломанная вещь’ (ср. в рус. *обломок*), *канчар* ‘Отделенный конец чего-н.’, *каржак* ‘Кряжистое дерево’, *камяніца* ‘Каменное или кирпичное строение’. Еще раз подчеркнем то обстоятельство, что мы обращаем внимание на лексемы, отсутствующие в русском литературном языке, но обладающие родственной ему «корневой» основой в белорусском, которые, на наш взгляд, заслуживают самого пристального внимания [70].

Возвращаясь к вопросу о различиях в «обобщающей силе» языкового знака в языке литературном и диалекте, следует отметить, что есть прямо противоположные случаи. Ср.: *кветка* ‘цветок’ и *наквець* ‘Обл. Цветы на деревьях, только начинающиеся распускаться’. *Русь моя, белая ад вясновай наквеці і касцей няпрошанай набрыдзі з-над чарапастых свастык, вольнай воляй сваей даражыла* (Р. Барадулін); *надоба* ‘Обл. Необходи-

мые в быту предметы домашней утвари' *І цяжкай працай хлебароба набыта розная надоба* (Я. Колас); *надобіна* 'Необходимая в быту вещь' – *Ты шкадуеш свайго плуга? Які ён твой? Ён калгасны, і калгасу гэтакая надобіна не патрэбна* (К. Чорны). Ср. также: *наедак* 'То, чем можно утолить голод'. *У засені зараснікаў нерухома стаяць вялізныя, як плашкі, шчупакі, пільнуючы сабе наедку* (М. Лужанін). *Валадымавы грушы былі важкія і вельмі ж сопкія, і калі яны ўжо самі падалі з дрэва, то карысці і наедку з іх было мала* (В. Витка). *Які з той бульбы наедак, а ім можа бог ведае калі дзядзеца есці* (А. Асіпенка). Любопытно было бы увидеть перевод на русский язык последних предложений!

Естественно, что законы создания номинаций в литературном языке и говорах одни и те же: все-таки речь идет о едином с точки зрения деривационных возможностей языке, о равном проявлении языкотворческих способностей у его носителей. И в этой связи особого внимания заслуживают слова, получившие свою лексикографическую оценку и в Словаре современного русского литературного языка и в Словаре русских народных говоров. Рассмотрим такое слово, как *межеумок*. 1. *Межеумок* 1. 'О чем-либо средней величины; размера': а) О гвозде. Черепов. Новг., 1910, б) О головном платке. *Наткала девка платков межеумков*. Арх., 1952, в) О деревянной ложке. Семен. Нижегород., 1852. Сорт круглой большой деревянной ложки с толстым точеным черенком и широкой лопастью. «Межеумок делался трех размеров: крупный – вмещает 5–6 обыкновенных столовых ложек; средний – до 4 столовых ложек; мелкий – около 3 столовых ложек». Семен. Горьк., Ухмылина [с пометой «устар.»], г) О сетной ткани или сети с ячеями, размером в 3–5 см. Сиб., 1842. *Межеумок – средняя рыба добывается*. Том. Иркут., Беломор. Кусок сети длиной 14 м и шириной 30 ячей размером по 3–5 см каждая. Касп. море, Нижняя Волга, 1968. Мережа из сети с ячеями средней величины. Тобол., 1911. Невод с небольшими ячеями. Камч., 1971, д) О сетке из тонкого волоса с отверстиями средней величины, идущей на изготовление сит. Шуйск. Влад., 1883, е) О тесе или другом строительном материале средней толщины. Перм., 1852. Углич. Яросл., ж) О топоре с лезвием средней ширины. Перм., 1848. Сиб. О топоре с узким лезвием. Иркут., 1817. Сиб., Камч., з) О сапоге для подростка. Сарап. Вят., 1927, и) О рыбе. Арх., 1852. *Межеумок побольше нюра* [мелкой шуки]. Гарин., Свердл., к) О полупалубном речном судне, разновидности ладьи, барки. На Каме, 1843. Волж., Яросл., Байкал. Слов. Акад. 1957 [с пометой «обл.»], л) О капкане на рысь. *Нельзя межеумок на медведя-то ставить, легок он, медведь-то его разломает*. Кувшин. Свердл., 1971. 2. Ветер межеумок. 'Ветер, дующий со стороны одного из промежуточных румбов'. Колым. Якут., 1901. 3. 'Икра или рыба среднего посола'. Нижегород., 1860. 4. 'О чем-либо среднего качества'. Обоян. Курск., 1858. – *Какovy дрова-то сплавил он? – Да межеумок же*' Соликам. Перм. 5. 'Разновидность сохи'. «Целину орали межеумком; различались соха мякотна и соха межеумок». Иван., Левин, 1948. 6. 'Дорож-

ка между грядками в огороде'. *Пройди в огороде по межеумку, не затопчи гряды*, Моск., 1968. 7. 'О простоватом человеке, простаке'. Пск., Осташк. Твер., 1855. Екатеринбург. Перм., Курган. 8. 'О непостоянном в словах, выказываниях человеке'. *Межеумка этого не слушайте*. Вытегор. Олон., 1896. 9. 'Нечистокровное животное, помесь'. *Это не соболь и не куница, а какой-то межеумок*. Устюж. Волог., 1847 [99, т. 18, с. 85–86].

Почему поражают слова подобного типа? Не столько «разбросом» значений, сколько своеобразием «степени обобщенности семантики» (о чем-либо средней величины, размера) и применимостью данной номинации к разным денотатам (о гвозде, о головном платке, о деревянной ложке, о сетной ткани, о строительном материале и мн. др.). Совершенно очевидно, что производные слова в диалектах могут очень сильно различаться по степени идиоматичности своей семантики. Более точно: есть обусловленная строением внутренняя форма диалектного слова (грубо препарируя: -умок- – результат деятельности человеческого ума + меж(е)- – средний (размер, величина). И есть денотаты (объекты, реалии), к которым «приклеен» данный «ярлык». Это в большей степени напоминает этикетку, уже упомянутый ярлык, поскольку «дистанция» между словом производным (его лексическим значением) и словом производящим значительна и «отношения» изначально вряд ли предсказуемы (сравним: *подоконник* – *окно*).

Немотивированность связи между означаемым и денотатом объяснима особенностями языка как системы, но возникает вопрос, сколь частотны подобные факты в литературном языке? Или большая степень конвенциональности литературного языка по сравнению с языком говор делает менее заметными подобные примеры деятельности человеческой мысли?! В любом случае неплохо было бы проанализировать, часто ли в литературном языке встречаются столь *дистанцированные по отношению к обозначаемым объектам* словообразовательно мотивированные слова!

Любопытно, что слово приводится и в [101, т. 6, с. 788–789]: *Межеумок* '1. Разг. То, что не может быть отнесено к какому-либо разряду, сорту'. Интересны иллюстрации из художественной литературы: В то время еще почти никто не ходил там во фраке, а потому Евстафий и придумал себе какой-то наряд средний, также *межеумок*: ни сюртук, ни чекмень, ни венгерку (В. И. Даль). – Самым отталкивающим в этом насекомом [сверчке] мне показалось то, что оно – не таракан и не саранча, а какой-то *межеумок* (К. А. Федин). О человеке. Старый боярин отпустил сына своего в Венский университет., Евстафий воротился каким-то *межеумком*, – от своих отстал, к чужим не пристал, путному не научился, а с пути сбился (В. И. Даль). // Спец. 'О животных и растениях, совмещающих черты двух пород, сортов'. Лен-*межеумок*, или промежуточный лен... 2. Перен. простореч. 'О посредственном, недалеком человеке, обычно не имеющем каких-либо определенных положительных свойств, качеств'. Чтобы най-

ти какую-нибудь одну определенную черту Лунина, можно сказать, что по жизни это был поломанный человек, а по характеру – *межеумок*. (Н. Е. Каронин-Петропавловский). 3. Обл. ‘Полупалубное речное грузовое судно прочной конструкции’.

Вполне логично, в связи с этим, что и в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова есть слово *межеумок* с производными (*межеумочный* ‘Являющийся межеумком; лишенный четкости, определенности; промежуточный’ и *межеумье* ‘Простореч. Свойство межеумка (во 2-м знач.)’) [106, т. 1, с. 585]. Любопытно, что слово *межеумье* в [99] не отмечается, хотя (судя по данным [101]) было зафиксировано еще в дополнении к «Опыту областного словаря Академии Российской» 1858 г. С другой стороны, в говорах отмечается слово *межеумочек* ‘Средней величины налим’. *Попал налим, небольшой и немалый, такой межеумочек*. Арх., 1852.

Естественно желание дериватолога более точно оценить деривационный потенциал системы русского словообразования в целом. Учитывая то обстоятельство, что производные (и непроизводные) диалектные слова могут представлять значения, не имеющие однословного выражения в литературном языке, целесообразно их рассматривать в границах таких фрагментов словообразовательных гнезд синтезированного типа, в которых они (диалектные слова) совмещены с общеизвестными словами литературного языка. Это своеобразное продолжение *моделирования* словообразовательного гнезда, именно моделирования, так как это не только установление существующих словообразовательных связей, «заполнение» соответствующих типовым словообразовательным значениям мест, но и (вольное или невольное) «обнаружение» таких единиц, которые не зафиксированы в традиционной лексикографии, но реально существуют в народной речи и (в соответствии с духом времени) интернет-пространстве языка [75]. К примеру, всем известное выражение *быть навеселе* ‘находиться в состоянии легкого похмелья’ нам хорошо известно, а тот факт, что данную «тему» успешно развивает целый ряд родственных слов в говорах – для некоторых исследователей может оказаться неожиданным. Ср.: *Навеселивать (навеселить)* 1. ‘Усиливать брожение пива путем добавления дрожжей, хмеля’. Верховаж. Волог., 1849. *Пиво навеселил*. Вельск. Арх., Сев.-Двин. *Пиво повеселила да на назем вынесла*. Арх. *Навеселки* ‘Легкое, сопровождаемое веселостью, опьянение’. Пск., Осташк. Твер., 1855. *Навеселье, нареч.* ‘В состоянии легкого опьянения, навеселе’. *Восейка приходит ко мне, я был, к беде-то, навеселье, он – яка краснойбай – такие ^распустил балясы, что я и уши развесил*. Енот. Астрах., 1905–1921.

В составе фрагментов некоторых диалектных словообразовательных гнезд обязательно находятся единицы, которые восполняют семантическую и словообразовательную «недостаточность» словаря литературного языка. К примеру, в говорах есть ряд производных от слова *дождь*, которые, безусловно, востребованы семантической системой любого языка. Сравните: *Дождина* ‘Дождевая капля’. *Дождина на руку упала*. Покр.

Влад., 1910. *Дождинья, мн.* 'Капли дождя'. Петрозав. Олон., 1885–1898. *Дожджовье, ср.* 'Затяжной дождь, на несколько дней'. *Дожа така была, страсть! Дожджовье все.* Верхне-Тоем. Арх., 1963–1965. Небезынтересны и другие производные: *дождевик* 1. 'Ироническое название маленького толстого человека, в особенности толстого мальчика'. Самара, 1854. 2. 'Булыжный камень с мостовой'. Кандышева [без указ. места]. *Дождевики, мн.* 'Род слепней'. Дон., 1884. *Дождёвины, мн.* 'Обряд, состоящий в том, что во время засухи «собирается компания и обливает водою всех встречных людей»'. Дмитров. Орл., Добровольский, 1905. *Дождевиться, 'Идет дождь'*. Слобод. Вят., 1897. *Дождяник, а, м.* 'Земляной дождевой червь'. «Он в ломотных болезнях употребляется целительно в виде масла, принимаемого внутрь». Бурнашев [без указ. места]. Даль [99, т. 8, с. 92].

Другой пример. В *Словаре А. Н. Тихонова* отмечен целый ряд производных, мотивационно связанных с глаголом *славить* или существительным *слава*: *славить(ся)*, *бесславить*, *обесславить(ся)*, *восславить*, *ославить(ся)*, *прославить(ся)*, *расславить(ся)* [106, т. 2, с. 118]. Однако ни одна из приведенных единиц не соответствует по значению диалектному *выславиться* 'Рассказать или пропеть о своих подвигах'. «Выславляться было в обычае перед боем». *Приехало девять братцев, в поле поединчиков; аще ездят /тот наперед да другой наперед; тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться.* Олон., Рыбников, 1861 [99, т. 6, с. 23].

Анализ различных объединений родственных слов с учетом как фактов литературного языка, так и диалектов, вне всякого сомнения, заслуживает самого пристального внимания.

3.1.2. Типология корневых гнезд и диалектное словообразование в близкородственных языках

В теории словообразования одним из самых действенных признаков гнездовой метод изучения структурной организации слов. При этом понятно, что выход за пределы словообразовательной пары приводит исследователя к описанию достаточно сложных семантических связей и отношений между производными единицами, которые находятся в составе значительных по структуре объединений родственных слов. Словообразовательное гнездо, в отличие от таких очевидных и «бросающихся в глаза» реальностей языка, как слово и предложение, – это не только «объект» исследования, но и «модель», с помощью которой мы познаем отдельные стороны в организации словообразования, основываясь на реально обнаруживаемых свойствах зафиксированных единиц, что находит отражение в современной словообразовательной лексикографии.

Необходимость представления наиболее важных и, самое главное, недостающих словообразовательных звеньев порой приводит к тому, что

в составе словообразовательных гнезд можно обнаружить и некоторые диалектные слова. Таким образом, фактически расширяется поле деятельности дериватолога, для чего, безусловно, имеются все основания: ведь речь идет об одном языке. Другое дело, что анализ всего массива диалектных слов позволяет увидеть, что ряд из них могли бы существенно дополнить уже «выстроенное» исследователем (как модель) и представленное в лексикографии словообразовательное гнездо, заполнив когнитивно значимые семантические позиции [76]. Другие же родственные диалектные слова могут обнаруживать не формальные отношения производности, но семантические связи, относящиеся к области лексической мотивации, что, в конечном итоге, не позволяет рассматривать их в пределах определенного системой языка словообразовательного гнезда.

Все вышесказанное объясняет, почему одним из актуальных понятий теории словообразования является понятие *корневого гнезда*. Термин «корневое гнездо» неоднозначен в современной лингвистике и используется для характеристики различных групп однокоренных слов. Наиболее рациональным, по нашему мнению, является такое понимание, при котором под *корневым гнездом* понимается совокупность слов, в структуре которых при современном морфемном анализе выявляется общий корень (А. Н. Тихонов). В соответствии с таким пониманием в составе корневого гнезда возможно выявление как деривационных, так и недеривационных отношений и, соответственно, блоков единиц, связанных подобными отношениями. При этом принято разграничивать *словообразовательную* и *лексическую* мотивацию. Отношения лексической мотивации могут устанавливаться между различными словами гнезда, которые, в свою очередь, относятся к разным его парадигмам, цепочкам, ступеням словообразования. В свое время, говоря о необходимости разграничения словообразовательной и лексической мотивации, А. Н. Тихонов писал: «Для лексической мотивации непосредственный контакт мотивирующего и мотивируемого не требуется, в то время как словообразовательная мотивация без такого контакта вообще невозможна... В каждом гнезде [лексическая мотивация] обладает обширной мотивационной базой, которая характеризуется многолексемностью, охватывает все виды внутригнездовых лексических связей однокоренных слов, распространяется на все его участки. В этой системе значительное место занимают разнонаправленные, а также взаимонаправленные смысловые отношения» [107, с. 246–247].

Учитывая то обстоятельство, что лексический состав и структура корневых гнезд отражают особенности взаимодействия однокоренных слов в различных сферах функционирования языковой системы, несложно признать, что при исследовании деривационного потенциала русского языка особое место могут занимать слова, представляющие русские народные говоры. При сопоставлении собственно диалектных слов со словами литературного языка особый интерес представляет анализ особенностей диалектной сочетаемости общеязыковых корней. Диалектное кор-

невое гнездо может включать в свой состав на равных основаниях общеупотребительную и диалектную лексику или состоять только из диалектных слов. При этом оно может быть структурировано и описано на различных уровнях существования диалектной системы: на уровне сводной системы говоров, совокупности говоров отдельной группы, в рамках отдельного говора или его индивидуально-речевого употребления [118, с. 12]. Достаточно привлекательным и современным выглядит направление исследований, при котором анализируют отдельные исторические гнезда, на равных основаниях рассматривая лексику литературного языка и территориальных диалектов.

При описании в сопоставительном плане гнезда лексического (корневого), в первую очередь, бросаются в глаза различные несоответствия семантического плана между внешне однотипными производными, пусть и представляющими различные подсистемы в близких по родству языках (литературный язык/говоры). Рассмотрим, к примеру, многообразие значений в русской глагольной паре *хороводить* – *хороводиться*. Ср.: *хороводить* (простореч.) 1. ‘Завлекать, привлекать к себе’. ... Пей, гуляй, писанных красавиц *хороводи*! *Хороводи* около себя. ‘Заставлять ухаживать, увиваться’. [Фроська] *хороводила* около себя парней. 2. Неперех. То же, что *хороводиться* (во 2-м и 3-м значении). *Хороводиться* (простореч.). 1. ‘Водить хоровод’. Парни с девками *хороводились* вдаль. 2. ‘Тратить время попусту, канителиться’. 3. ‘Возиться с чем-нибудь, хлопотать’. Две недели с сеном *хороводился*. // ‘Знаться, водиться’ *Хороводиться* с кем-л. // ‘Состоять в любовной связи, крутить’. Ванька Зубарев *хороводился* с ней полтора года [101, т. 17, с. 388].

В РБС находим следующие соответствия: хоровод – *карагод* – ∅ (глагол не приводится. – А. Н.), *вадзіць карагод*; *хороводиться* несов. разг. (возиться) *важдацца*; (водиться) *вадзіцца* [96, т. 3, с. 693]. В [108]: *карагод* ‘Масавая народная гульня, якая суправаджаецца танцамі, песнямі і драматычнымі дзеяннямі’. *Вадзіць карагод, а Дзе ні паявіцца Алеся, то там будзе і весела, і жыва – могуць песні пайсці, могуць танцы, ад яе могуць пачаць карагод*. Скрыган. *Карагодзіць* ‘Вадзіць карагод’. *Скакалі, карагодзілі [маскі] і пляскалі. А я маўчаў, замкнуўшы ў сэрцы крык*. Макаль [108, т. 3, с. 636]. В [102]: *карагодзіцца* ‘Тое ж, што і караводзіць’. *Два гады да арміі карагодзіўся із ёй. Мярэцкія Глыб*. [102, т. 2, с. 413]. Таким образом, совершенно очевидны некоторые различия в количестве и качестве глагольных значений, затрагивающие область семантической деривации в рамках фрагмента данного лексического гнезда.

Заслуживают внимания обусловленные различием в деривационном потенциале «тождественных» корневым морфем несоответствия между объемом и составом словообразовательных парадигм, а также различия между степенью синтетизма и аналитизма в выражении определенной семантики. К примеру, в [102] приводится очень интересный глагол *дубасаваць* ‘Станавіцца дыбам’. Конь *дубасуе*. А также целый ряд наречий соот-

ветствующей семантики: *дубаса, дубасою, дубарам, дубаўя*) [102, т. 2, с. 98–99]. Ср. в [96, т. 1, с. 415]: *дыбиться – дыбіцца, дубом* (нареч.) – *дуба, дубка; волосы стали дыбом – валасы дуба сталі; дыбы – на* д. *прям., на дыбі, дубка*. В русских народных говорах: *дубы*. В дубы, в знач. нареч. 'На дыбы'. *Я взял лошадь закладать, а ена в дубы!* Луж. Петерб., Матер. Срезневского. *Дубью*, нареч. 'Дыбом, стоя'. Пск., 1855 [99, т. 8, с. 242]. *Дубом и дубом, нареч.* 1. 'Стоймя, стоя'. Пск. *Поставь мешок-то дубом*. Новг. Новг., 1904. 2. 'Дыбом, торчком'. *После байни у его вси да волосы дубом стоят*. Йонав. Лит. ССР [99, т. 8, с. 239]. Анализ всего комплекса русско-белорусских соответствий, затрагивающих как литературный язык, так и говоры, позволяет обратить внимание на отсутствующую в русском языке деривацию в глагол, в отличие от белорусских говоров (*дубасаваць*).

Приведем еще один пример своеобразного представления глагольной семантики: *Яблыні і грушы ужо дупляваліся, але яшчэ садавіна адцягвала ўніз іх голле* (К. Чорны). Ср. в русском языке: *дуплеть* Обл. 'Становиться пустым от гниения'. Старые деревья сперва выгнивают, а потом *дуплеют*. А также *дуплить* Обл. 'Выдалбливать дупло в дереве'. В этой связи хотелось бы обратить внимание на не совсем верную трактовку белорусского глагола *дуплявацца* как безэквивалентного по отношению к русскому языку [121, с. 81]. В этом значении имеется глагол иной словообразовательной модели (*дуплеть*). С другой стороны, в белорусском языке отсутствует однословное соответствие русскому глаголу *дуплить* [101, т. 3, с. 1161].

Любопытны и многочисленные примеры слов с вполне очевидной внутренней формой: *надворяніцца* 'Пожить, как дворянин – в роскоши и почете', *засклепіць* 'Запячатаць, зацэраваць поўныя соты з мёдам' – *засклеп* 'Запоўненыя мёдам соты, якія запячатаны воскам', *разгуліць* 'Не дать вовремя заснуть' (*Разгуліл дэвчонку, теперь ее не уложішь*), *разгрудить* 'Определить, пристроить на время, отправив в разные места' (*Детвору-то разгрудили, кого в лагерь отправили, кого в деревню*) и т. п.

Диалектное словообразование заслуживает самого пристального внимания единичными «вкраплениями» в состав корневых гнезд производных, представляющих значения, своеобразно расширяющие когнитивное пространство того или иного славянского языка.

3.13. МОТИВАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И «ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА» ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА

Известно, что при исследовании формально-смысловых отношений между родственными словами очень важно разграничивать лексические и словообразовательные мотивационные отношения. Этой проблеме посвящено уже немало работ, в том числе и таких исследователей, как

М. Н. Янценецкая, О. И. Блинова, А. Н. Тихонов и др. [123, 11, 107]. Однокоренные слова, связанные отношениями словообразовательной мотивации, образуют словообразовательное гнездо. Однако в семантике достаточно большого количества родственных слов всегда есть значения, «деривация» которых может не совпадать с направлением словообразовательной мотивации и не связана с прибавлением того или иного словообразовательного форманта. Она основана на отношениях лексической мотивированности и опирается на семантическую общность однокоренных слов, которую выражает общий для них структурный элемент – корень. Поэтому принято говорить и о таких объединениях родственных слов, как корневые (или лексические) гнезда, в которых разграничиваются собственно деривационная и недеривационная части [118]. Подобные объединения родственных слов могут включать в свой состав не только хорошо известные слова литературного языка, но и диалектные слова, своеобразно «продолжающие» те или иные словообразовательные линии, представляя порой достаточно интересные значения. Ср., например: *выстрожить* ‘Строгостью и надзором сделать кого-либо расторопным, внимательным’ Пск., Осташк. Твер., 1855. *Собака хорошо выстрожена под ружьем*. Твер. [99, т. 6, с. 34]. *Акосить* ‘Чудесно охраняться, избегать раны, смерти’. Арх.; *акоситься* ‘То же, что акосить’. *Акосной* ‘Такой, которого нельзя ранить, уязвить’. Арх.; *акось* ‘Свойство неуязвимого’ [99, т. 1, с. 227]. Ср. в литературном языке: *неуязвимый, неуязвимость*; ♂, *быть неуязвимым*. Ср. также значение вполне современного слова *откосить* (от армии) ‘избегать’.

Для теории и практики словообразования определенный интерес могут представлять и хорошо известные слова и значения, связь семантики с морфемным составом которых нам неизвестна. Ср.: *Корпеть* над каким-то делом; *елозить*. Подобные слова есть и в говорах. Однако всегда любопытно найти такое диалектное слово, которое, соответствуя подобной, совершенно немотивированной единице в литературном языке, предстает более мотивированным и понятным. Например: *Гибеть* 1. Усидчиво заниматься чем-либо, корпеть. Осташк., Ржев. Твер., 1855. Ярослав., Калуж., Моск. *Встань, будет тебе гибеть. Он день и ночь гибит над работою*. Курск. Саратов., Тамб. *Не смотри на рожу, а спроси здоровья, так и гибеют на работе* (работают до изнеможения). Иркут. [99, т. 6, с. 168]. Данное слово родственно диалектному *гибаться* ‘Гнущься, сгибаться’. Ср., к примеру, в оттенке значения: || Перегибаться, изгибаться, принимать различные положения, *делая тяжелую работу*. Пск., Осташк. Твер., 1855 [99, т. 6, с. 167]. В любом случае, *гибеть* (если связывать с *гнутьяся, сгибаться*) для русского сознания более понятно, нежели *корпеть*. Важно понимать, что «языковое сознание» диалектной (не обремененной нормами кодификации) среды всегда «работало» над приданием единицам языка большей степени мотивированности, что вполне укладывается в естественный ход развития языковых структур и в процесс их осмысления носителями языка.

Диалектное словообразование привлекательно тем, что его возможности значительно шире, нежели корпус во многом уже сложившихся словообразовательных моделей системы литературного языка. Причем очень интересно сопоставление малых и больших групп родственных слов – словообразовательных парадигм, цепочек, различных фрагментов словообразовательных гнезд [75]. Рассмотрим, к примеру, группу производных единиц, в той или иной степени представляющих словообразовательное гнездо существительного *бок*. Среди диалектных слов – «родственников» рассматриваемой вершине гнезда, слову *бок*, сразу можно отметить глагол *забочиться* ‘Наклониться в какую-либо сторону, наклониться. Тебе кто сказал, стог забочился? Ряз. Ряз., 1969’ [99, т. 9, с. 272], который предстает хорошо мотивированным благодаря большому числу родственных слов (в том числе и по префиксу). Сравните хорошо нам известное *накрениться*, *дать крен* и диалектные *забочиться*, *забока*, *забочень*, *забочина*, *забочинский*, *забочистый*, *забочисто*. Безусловно, все приведенные слова являются родственными между собой «в разной степени». Однако для собственно деривационной части корневого гнезда могут быть установлены мотивационные связи между *забочистый* ‘С широкими боками (о стоге сена). Черепов. Новг., 1910’ и *забочисто* ‘Нареч. Широко, с широкими боками (о метании стога). *Забочисто наметали стожья*. Черепов. Новг., 1910’, *забока* ‘1. Край, обочина; место, лежащее сбоку по отношению к чему-либо’. Сиб., Даль. *Наша деревня в забоке, а радио провели. Забока на елани, в стороне что-нибудь*. Крив. Том., Нерч. Забайк. 3. ‘Лесок, роща по берегам реки или озера’. Южн.-Сиб., 1847. Сиб. *В той забоке лесину срубили. В таких забоках сыро и черемуха рясная*. Том., Новосиб., Омск., *забочина* 1. ‘Бок; сторона’. *Один зуб выдернули, а вся забочина болит*. Зауралье, 1962. 2. ‘Боковая гниль бревна (в ели) или паз в сосне, произошедшие оттого, что прежде был затес дерева’. Кадн. Волог., 1896’ и *забочинский* ‘Лес, растущий вдоль реки, по забокам’. *Забочинский лес в низменных местах, возле реки, там разное сье*. Сузун. Новосиб., 1965. Есть, безусловно, и слово *забочень* 1. ‘Боковая пристройка к дому, овину и другим домашним постройкам’. Мосал. Калуж., 1850. Калуж., и многообразии значений слова *забока*, большинство из которых относятся уже к недеривационной части корневого гнезда, области, где «властвует» мотивация лексическая. Ср.: *Забока*, 2. ‘Склон горы’. *Та забока вспахана, а эта нет*. Южн. р-ны Краснояр., 1965. 3. || Лес со значительной примесью кустарника – ягоdnика, растущий по извилистому берегу реки. *У нас до самого тракта все забока, сразу за селом начинается*. Зап. Саяны, 1968. ‘Небольшой лес, состоящий из кустарников’. Кузнец. Том., 1895–1896. Краснояр. ‘Лес из ив, черемухи и других кустарников на луговой стороне Иртыша’. *Не жалей о хромоте, много костылей в забоке*. Том., 1863. Вост.-Казах., Прииртыш. || Лес на болотистом берегу реки. Бухтарма Том., 1930. *Забока – тальник такой*

между речку растет. Маслян. Новосиб. *Забока, там черемошник, топольник, березки островные, чаща*. Южн. р-ны Краснояр. 4. 'Опушка леса'. Енис., 1865. *Пошли к забоке*. Хакас. Краснояр. 5. 'Лесистая пойма реки'. Сузун. Новосиб., 1964. *Забока – это по речке, затопливается*. Южн. р-ны Краснояр. 6. 'Часть леса, выдающаяся в виде мыса в поле'. Алт., 1858. 7. 'Островок черемушника, смородинника на пашне'. *Кружок черемушника, смородинника на пашне – забока или колок*. Южн. р-ны Краснояр. 8. 'Небольшая долина у реки, окруженная горами'. Сиб., 1901. 9. 'Трава, растущая вдоль берега'. Нижне-Тавд. Тюмен., 1964. 10. 'Небольшой луг, образуемый изгибом горы и рекою'. Сиб., 1854. 11. 'Речной мыс на острове с луговой растительностью'. *В забоках косят, выдается в речку угол, кочки, редко березник, но косить можно. Покосы на острове, забоки, на кулижки разбиваются*. Южн. р-ны Краснояр., 1965. 12. 'Вдавшаяся в берег часть реки, залив'. Алт., 1858. *В Очурах топальник по берегу, летом нет вода, а весной в ту забоку пристаем плотами*. Южн. р-ны Краснояр. 13. 'Речной рукав, образующий с основным руслом остров'. Глухая забока – глушица, ерик, старица. Даль [без указ. места]. 14. 'Островок, отделенный от большого острова протокой'. *Нынче будем косить на забоке*. Краснояр., 1966. 15. 'Отдельно стоящая горка, если она в стороне от какой-либо большой горы'. Амур., 1913–1914. 16. 'Золотоносное место, оставшееся вне разреза и разрабатываемое крестьянами тайком'. Иркут., 1873. *Заболотный 'Лежащий за болотом, по ту сторону болота'*. Даль [без указ. места]. *Заболотные татары*. «Татары, живущие на островах суши среди болот в Тобольском округе. Таковы татары Чебургинского сельского общества Городовой волости (прежняя Карагайская вол.) и татары большей части Эскалбинской волости, главн. обр. ее северной части (Ачирские татары)». Тобол., Патканов и Зобпин, 1899 [99, т. 9, с. 263–264].

Большинство из приведенных значений слова *забока* заслуживают внимания с точки зрения семантической деривации, того, каким образом «расширяется» семантический объем производной единицы как результата вполне конкретного деривационного шага. И не столь существенно, что, по данным лингвогеографии, комбинаторика морфем в лексеме *забока* на весьма отдаленных друг от друга территориях может привести и к различным с точки зрения смысла, и к вполне сходным результатам.

Для сравнения с системой словообразования литературного языка следует отметить, что в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова приведены следующие единицы: *бочить(ся)* '1. Наклонять на бок, поворачивать в сторону. 2. Наклоняться, сбиваться на бок, поворачиваться в сторону', *Конь бочит* голову. *Лошадь бочилась*, не шла. *Избочиться (избочениться)* '1. Выставив бок вперед и упирая в него руку, принимать лихую, молодевавшую позу. 2. Выставлять, искривлять бок; искривляться'. *Красиво, избоченясь*, ехал ротный командир. *Стояла избушка, одним углом избоченясь. Подбочениться (подбочиться)* 'Выпрямившись, упи-

раться руками в бока', *сбочить(ся)* 'Простореч. Наклонить(ся) набок'. Дайна голову маленько *сбочит*, будто слушает. *Кособочить* '1. Простореч. Коситься, склоняться набок; быть кособоком. 2. Искривлять, делать кособоком', *косбочиться* 'Простореч. Кривиться, становиться кособоком'. Начали *косбочиться* и другие дома. *Скосбочить(ся)* 'Простореч. 1. Сделать(ся) кособоком. 2. Наклонить(ся) набок, накренить(ся)', *искосбочиться* 'Простореч. Скривиться набок; сделаться кособоком'; *прибочениться, лежебочничать* [106, т. 1, с. 107–108]. Последние две единицы не приводятся в [101].

Совершенно ясно, что для полноты картины необходимо привлечь диалектный материал с иным «префиксальным окружением», а также словосложения. Только в этом случае можно сопоставить деривационный потенциал корневой морфемы *бок-* в полном объеме, а также за вариантно-стью форм и тождеством значений увидеть когнитивно значимые семы и их конфигурации.

Анализ соотношения различных типов словообразовательной и лексической мотивации, связывающих родственные слова в составе различных фрагментов лексических гнезд с учетом как фактов литературного языка, так и диалектов, вне всякого сомнения, имеет большие перспективы исследования.

ГЛАВА 4 МОРФЕМИКА. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

4.1. Русистика в научной парадигме современной филологии*

Сколь прагматичным не является наше время, с его «сетью» информационных технологий, всегда будут востребованными знания гуманитарные и, безусловно, основа их представления – язык. Язык – это зеркало материальной и духовной культуры любого народа, поэтому он является очень интересным и во многом поучительным объектом исследования.

В последнее время одним из актуальных приоритетов европейской языковой политики является стремление европейских стран к развитию у своих граждан билингвизма или полилингвизма. Перед людьми, которые могут выражать свои мысли на нескольких языках, открываются реальные перспективы быстрого профессионального и карьерного роста. В мире насчитывается 6800 языков. Русский язык на данный момент является одним из самых распространенных языков на планете. На нем говорят 170 миллионов человек и 350 миллионов его понимают. Кроме того, 180 миллионов человек изучают русский язык, что делает его языком глобального общения и свидетельствует о том, что в настоящее время в мире наблюдается повышенный интерес к русскому языку, как к одному из самых востребованных.

Есть немало интересных примеров исторического и современного отношения к русскому языку, русистике как части славистики в различных странах. Так, еще с 19 века традиционно славились Центры славистики в Германии, в которых далеко не последнее место занимала русистика. И сейчас русский язык и русистика как таковая занимают одно из ведущих мест, к примеру, в Институте славистики Берлинского университета. В Институте славистики г. Инсбрук (Австрия) в 2009/2010 учебном году на русский язык записалось 189 человек!

Рецензируя по просьбе коллег из Варшавы сборник статей одной из научных конференций, мы обратили внимание на материалы доклада, в котором детально анализируется сегодняшняя ситуация с изучением и преподаванием русского языка в Польше. Сравнивая ситуацию с той, которая наблюдалась в 90-е годы, когда в качестве одной из целей ставилась задача поднятия престижа русского языка и выравнивание его с другими иностранными языками, автор статьи пишет о резко возросшем интересе к русскому языку.

* Опубликовано в: Вестник ГрГУ. Сер. 3, Филология. Педагогика. Психология. – 2010. – № 3. – С. 25–28.

В польских вузах отмечается изменение *качественного* состава студентов, изучающих русский язык. Если раньше в основном это были студенты-филологи, изучающие русскую филологию в Варшаве, Кракове, Познани, Гданьске, Люблине и в других крупных центрах русистики Польши, то теперь русский язык стремятся изучать будущие экономисты, юристы, бизнесмены и т. д. Растёт и число абитуриентов на русские отделения филологических факультетов вузов Польши. Например, в 2007 году в Университете им. А. Мицкевича в Познани на русистику претендовало 5 человек на место [104]. А из недавнего информационного сообщения канала НТВ с удивлением узнаем, что если всего несколько лет назад русский язык в Польше по степени интереса к нему и востребованности занимал 16-е место, то теперь уверенно занимает 2-е место после английского!

В настоящее время мы являемся свидетелями расширения профессиональной ориентации в работе по подготовке русистов. Не отрицая полезности многих проверенных временем аспектов классического университетского филологического образования, необходимо признать, что для молодых людей, приходящих на отделение русистики, могут потребоваться и иные более конкретные и практические профессиональные перспективы. Большинству наших выпускников предстоит работа, связанная с деятельностью в таком информационном пространстве, в котором русский язык будет выполнять существенные коммуникативные функции. Поэтому среди различных аспектов подготовки будущих русистов можно назвать не только а) собственно язык в преобладании функционального (ономазиологического) подхода, но и б) изучение дискурса средств массовой информации, а также формирующийся в этом коммуникативном пространстве вариант компьютерной информационной культуры. Именно этим обстоятельством объясняется введение таких направлений в специальности «Русская филология», как «Литературно-редакционная деятельность» и «Компьютерная лингвистика».

Активизация деловых контактов в открытых экономических системах, новые реалии не могут не привести к изменениям в своеобразном тезаурусе специалиста по русскому языку. Мотивы изучения и знания русского языка приобрели ярко выраженную прагматическую окраску не только у студентов-иностранцев. В настоящее время одними из приоритетов считаются умение грамотно строить (выстраивать) устную речь в профессиональном круге ситуаций и тем общения, а также формирование умений письменного профессионального общения в сфере коммерческой корреспонденции и документации. Этим объясняется повышенное внимание, с одной стороны, к риторике, как одному из важнейших направлений в подготовке русистов, а с другой – введение в ближайшие год-два и такого направления, как русская филология, деловая коммуникация.

Однако следует особо подчеркнуть, что все указанные направления и даже те, которые имеют очевидную для специалистов-филологов прикладную направленность, не могут быть реализованы без фундаментальных знаний и элементарной грамотности.

На эту тему можно долго говорить, но я хочу привести пример с «экономическим» эффектом. Казалось бы, какая разница *поддон* или *паддон*, когда это не урок по орфографии, не тестирование, а производственный процесс по отгрузке, допустим, стройматериалов? Однако всеобщая технологизация и информатизация учета и контроля на производстве иногда сталкивается с парадоксальными ситуациями, когда для компьютерной программы, считывающей по электронным накладным виды отгружаемого товара далеко не все равно, как кладовщик или в бухгалтерии запишут это слово! Компьютер был слишком умным и посчитал *поддоны* и *паддоны* как два разных вида товара! И сколько тех же финансовых средств пришлось потратить для пересчета или устранения последствий такой незначительной орфографической ошибки?

Если мы обратимся к специальности «Русский как иностранный» (наиболее востребованной форме русистики в Европе), то следует признать, что и здесь, помимо частных методик преподавания, задействовано именно **фундаментальное** знание. Об этом свидетельствуют различные «векторы» попыток сделать более эффективным весь «пакет» самой методики русского языка как иностранного, в частности, и такого подхода, при котором явления русского языка предварительно сопоставляются с явлениями исходных языков. Иными словами: «один язык в зеркале другого с интерференцией второго в первом».

Любой образованный человек представляет себе, что такое грамматика. Грамматика – это основа языка, необходимая для его функционирования, а при изучении иностранного языка – база для возможности общения. Именно фундаментальные знания в области русистики позволили известному лингвисту И. Г. Милославскому говорить о возможности создания целой типологии «потенциальных грамматик» для обеспечения речевого общения на русском языке как на неродном. В подобных «грамматиках активных действий» возможно как описание от заданного минимума значений, выражаемых грамматическими средствами русского языка, так и от списка, расширенного за счет тех значений, которые имеют грамматическое оформление в родном языке учащихся, но не выражаются грамматически по-русски [48]. По мнению ученого, такие грамматики (русско-английская, англо-русская, русско-немецкая, немецко-русская и т. п.) будут выглядеть очень компактно, выступая в качестве приложения к русско-иноязычным словарям, ориентированным на изучающего русский язык как неродной. Причем для русско-иноязычных грамматик русская часть может быть легко минимизирована, а иноязычная часть расширена за счет увеличения соответствующих синонимических средств родного или первого иностранного языка учащихся. Для иноязычно-русских грамматик русская часть может быть либо ограничена только русскими материалом, либо расширена за счет тех значений, которые получают грамматическое выражение в каждом языке.

Русское слово обладает громадным запасом национально-культурной семантики. Как эквивалентные, так и безэквивалентные слова отра-

жают специфику национальной культуры русского народа и порой представляют огромные трудности при овладении языком. Так, известно, что в русской разговорной речи есть немало стандартных этикетных формулировок, состоящих из словосочетаний или даже их последовательностей (сравните, с одной стороны: «Здравствуйтесь», «Привет» и пр., а с другой: «Здорово, кого я вижу! Как твое ничего?»). Многие из таких формулировок до сих пор не фиксировались ни в двуязычных, ни в толковых словарях русского языка. Сравните также: русскому «С легким паром!» вряд ли соответствует по смыслу «Привет из сауны!» (фин.). А другого эквивалента в финском языке просто нет!

Широта интереса к русскому языку, русистике давно уже не ограничивается чисто утилитарными, прикладными аспектами. Об этом было подчеркнuto в резолюции Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в Братиславе [94], о чем красноречиво свидетельствуют сами материалы конгресса и последовавших за ним съездов МАПРЯЛ в Петербурге (2003) и Варне (2007), а также программы, к примеру, II международного конгресса в Гранаде, посвященного 55-летию преподавания русского языка в Испании и следующего Конгресса МАПРЯЛ, который состоится в 2011 году в Шанхае (Китай). Следует особо подчеркнуть, что не остается в стороне от этой деятельности и Беларусь, в которой за последние три года в Минске проведено три Международных форума русистов, причем последний (декабрь 2009) расширил свое представительство за счет ученых стран СНГ и Балтии.

Говоря о русистике, естественно, нельзя не говорить и о славистике, составной частью которой русистика является. Русский язык и русистика оказываются тем центром притяжения, благодаря которому серьезное развитие получили и сопоставительные исследования. Опыт последних съездов славистов (Любляна, 2003 и Охрид, 2008) показывает, что русистика как отправная точка многих сопоставительных исследований и русский язык как исходный пункт сопоставления занимают одно из центральных мест в славистике [97]. И это не удивительно. Неоспорим вклад русистики в развитие лингвистики, общей теории языка. Русский язык для многих ученых-славистов являлся и является опытным полем для фундаментальных исследований. Достаточно посмотреть историю русского и советского языкознания, материалы съездов славистов.

Сколько неожиданных открытий, имеющих прямое отношение к русистике, славистике сделано в последние годы! Приведем лишь некоторые примеры. В частности, новая информация о самом обширном описании русского языка начала XVIII века (1705–1729), славяно-русской грамматике Й. В. Пауса – одном из важнейших источников «доломоносовского» периода в русистике, который мы связываем с именами Адодурова и В. К. Тредиаковского. Это совершенно удивительные факты об объеме созданного в XVII веке Греко-Славяно-Латинского Лексикона Епифания Славинецкого, известного в 3-х копиях, и в особенности о тре-

твѣй копии, которая, к слову, включая 75 000 словарных статей, а это с учетом 2–3 славянских эквивалентов – 200 000 единиц, по многим параметрам превосходит результаты существующих лексикографических описаний. Сравните, к примеру, что монументальное предприятие АН СССР, продолженное РАН, – «Словарь русского языка XI–XVII веков» – содержит приблизительно 3 300 словарных статей в томе, что составит после завершения издания около 110 000 статей для всего словаря. Это идея создания «Словаря русской традиционной духовности» (В. В. Морковкин). Новизна идеи состоит во всестороннем филолого-энциклопедическом описании лексических единиц (нарицательных и собственных), относящихся к области русской традиционной духовности (православное вероучение; православный культ; история русского православия; явления, относящиеся к сохранившимся с дохристианских времен верованиям и обрядам и нек. др.). Сравните также очень интересный топонимический материал, представленный в дозорных книгах Новгородского оккупационного архива г. Стокгольма (1611–1617 гг.).

Тесно переплетены русистика, славистика, история и современность. Поражает многообразие интересов ученых, «разброс», если так можно выразиться, идей, новых интерпретаций и открытий. От «Старославянского воскового кодекса» первой четверти XI века – одного из древнейших памятников славянской письменности на Руси (об истории открытия этого удивительного памятника на XIII съезде славистов докладывал А. А. Зализняк) до интереснейших фактов, касающихся «Языка русской диаспоры и метрополии», приведенных в докладе Е. А. Земской [129]. Это богатейший диалектный материал, представленный в 4-х томах лексико-словообразовательной серии Общеславянского лингвистического атласа. Порой сами названия докладов говорят о широте и глубине интересов современных исследователей: «Диалектные архаизмы в языке старообрядцев штата Орегон (США)», «Русский язык на Кольском полуострове», «Славянские партикулы» (Т. М. Николаева), «Фонетическая программа слова» (речь идет о своеобразной реализации «глубинной» программы в историческом развитии фонетической структуры слова), «Транскрипция русской интонации».

Существуют и такие работы ученых, в которых исследуется, образно выражаясь, не только языковая жизнь, но и «языковая смерть», когда последствия контактирования двух языков приводят к такой перестройке грамматической структуры в одном из них (под влиянием заимствования из другого языка), которая фактически означает «смерть» этого языка, утрату им своей неповторимости.

Не говоря о многочисленных сообщениях на тему «Русский язык в той или иной стране» (Украине, Англии, Литве, Польше, Казахстане, Румынии, Болгарии, Чехии, Германии, Австрии, Китае, Венгрии), которые порой удивляют новизной и неожиданностью самой информации [128]. В частности, кто из нас мог предположить, что русский язык в школах и вузах Румынии преподавался с... начала XIX века!

Событием в русистике является создание Национального корпуса русского языка – справочно-информационной системы, созданной в рамках программы РАН «Филология и информатика». Объем его на начало 2007 г. – более 140 млн словоупотреблений (сейчас, безусловно, еще больше). Он размещен для свободного доступа в интернете (www.ruscorgo.ru) и является мощным современным средством получения больших массивов текстовых примеров с заданными свойствами. К слову сказать, появление корпусной лингвистики, разработка компьютерных средств обработки большого текстового материала, создание собраний электронных текстов на одном языке и их переводов на другой явились новым стимулом для развития сопоставительных исследований. В этой связи нельзя не отметить планируемый Международный проект «Корпусное исследование расстояния между славянскими языками» (2009–2012 гг.) под руководством профессора Б. Тошовича (Институт славистики, г. Грац, Австрия) [125].

Слово! Его внутренняя форма! Иногда это открытие для любого из нас, пользующихся языком каждый день. Дело не в расстановке ударения, не в «правильности речи» (хотя это тоже важно), а внимании к языку как сокровищнице нашей культуры, которая не имеет права быть утраченной.

Значение слова может объясняться особенностями его строения (сравните диалектное слово *легкоум*), и существуют специальные словари (словообразовательный, морфемный), которые могут дать информацию об «атомах» или «элементах», из которых состоит слово. Но есть слова, отсутствующие в подобных словарях, отсутствующие по очень простой причине – мы до сих пор не смогли проникнуть в их строение, раскрыть их внутреннюю форму! И очень может быть, что они, подобно древним письменам, никогда не поддадутся этой своеобразной дешифровке. В этом смысле в языке есть что открывать, есть что исследовать, и во многих отношениях язык – фундаментальный объект исследования и фундаментальность этой науки во все времена (!) не измерялась с позиций экономического эффекта, и, мы думаем, все прекрасно понимают, что от этого данные научные области никогда не утрачивали своей ценности в общекультурном фонде научного знания!

4.2. Незначимые элементы морфемной структуры слова в лексикографическом отображении

Одним из непростых вопросов для теории современной словообразовательной лексикографии является вопрос о представлении в составе мотивированных слов различных незначимых элементов – субморфов, интерфиксов. Необходимость упорядочивания лексикографической интерпретации подобных явлений при отображении морфемной структуры слова не вызывает сомнений, так как существующее многообразие уже приня-

тых (и порой противоречащих друг другу) в теории и воплощенных на практике (в ряде словарей) решений не способствует ясному представлению о составе тех или иных морфем, их вариантов, морфемном составе ряда слов. Как известно, идея выделения интерфиксов принадлежит Н. С. Трубецкому. Как формативы их рассматривал Г. О. Винокур, разграничивая формативы соединительные и тематические. Достаточно полно концепция выделения интерфиксальных элементов представлена в работе [28]. Далеко не секрет, что многие слова по вполне понятным причинам просто отсутствуют в морфемных и словообразовательных словарях. Не менее значим методический аспект проблемы. Если отбросить в сторону известные «упрощения», касающиеся как самого материала, так и принимаемых решений, то, зная «разброс мнений» по ряду лексикографических источников, совершенно непонятно, как в вузе и школе интерпретируются достаточно обычные слова. Так, в частности, в школьных учебниках до сих пор расходятся во мнении на количество и «качество» соединительных элементов – интерфиксов. Не случайно в методике преподавания основ морфемики в вузе и школе очень осторожно рассматривается вопрос о наличии соединительных согласных и сочетаний. Ср.: *певец, кормилец, двухсотый, четырехсотый*. Любопытна «логика» хорошего школьника, которому в школе говорят лишь о соединительных гласных. Естественен и вполне разумен вопрос: а могут ли в роли соединительных морфем выступить согласные? И каково вообще количество подобных элементов? Целый ряд подобных вопросов актуален и для методики преподавания словообразования в школе [54]. Получение же ответов на подобные вопросы в немалой степени зависит от последовательности их лексикографической интерпретации.

В этой связи следует отметить, что «Словообразовательный словарь» А. Н. Тихонова всегда считался и считается одним из самых авторитетных источников. *Словарь А. Н. Тихонова* выгодно отличается от многих словарей, поскольку отражает достижения современной словообразовательной науки. Анализ целого ряда собственно лексикографических решений, принятых в данном словаре, позволяет говорить о существовании элементов динамического подхода к описанию морфем. В отличие от сторонников пренебрежительного отношения к семантике морфем [37, с. 4], в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова целый ряд решений свидетельствует о продуманной системе описания словообразовательной семантики. Это в равной мере касается и интерпретации таких явлений, как множественность словообразовательной структуры слова, расхождение отношений формальной и смысловой производности, чересступенчатое словообразование. Необходимость описания и лексикографического представления сложных морфемных последовательностей, существенных для понимания процесса словообразования, послужила «толчком» к регистрации и систематизации таких словообразовательных объединений, как комплексные словообразовательные форманты. В состав

подобных формантов, как известно, могут включаться: 1) два суффикса (*мод-ист/к-а*), 2) интерфикс и два суффикса (*секции-он/ирова-ний-э*), 3) префиксально-суффиксальная часть и суффикс (*вахта - по-вахт-енн/о*), 4) интерфикс, префиксально-суффиксальная часть и суффикс (*о-торф-ен/л-ый*) [106, т. 1, с. 14 – 15]. При описании приведенных здесь примеров череступенчатого словообразования особо подчеркивается то обстоятельство, что те или иные средства указывают на «пропущенную ступень словообразования». Причем мы бы разграничили случаи с отсутствием единицы на предшествующей ступени словообразования (*мод-ист/к-а*) и случаи, когда тот или иной аффикс семантически не участвует в создании данного производного слова (*сад-ов/ник*). Последний пример характерен для всех случаев расхождения отношений формальной и смысловой производности, однако это далеко не всегда последовательно отражается в лексикографии с помощью фиксации комплексного словообразовательного форманта (ср., например, в словах *двойка*, *пограничник*).

Как справедливо заметил А. Н. Тихонов, термин «интерфикс», едва появившись, сразу же оказался не вполне отвечающим тем явлениям, которые с его помощью пытаются описывать. Соединительные морфемы изначально выделялись в составе сложений типа *пароход*, *кофемолка* и т. п., однако, вероятно, не предполагалось, что таковые могут оказаться и в составе слов простых, и в роли отнюдь не соединительной (ср.: *прозаик*). Поэтому более точным термином, по его мнению, явился бы термин «структема».

Одной из наиболее распространенных точек зрения на местоположение данных элементов в морфемной структуре слова является следующая: при словообразовании интерфиксы обычно включаются в состав следующих за ними морфем (*американский*, *орловский*, *беготня*), при формообразовании – в состав предшествующих им корневых (?) или суффиксальных морфем (*читать – читай-ут*, *проза-ик*, *два-жды*, *три-жды*) [52, с. 41].

Самым логичным следовало предположить, что интерфиксы как незначимые элементы являются своеобразным «переосмыслением» соответствующих морфем. В ряде случаев подобное «прочтение» данных фрагментов морфемной структуры слова достаточно очевидно. Ср.: в слове *отсебятина* -я- из окончания местоимения *себя*, а -т- как вставка между гласными. Богатый материал для размышлений дают различные словари. Так, к примеру, в [106, т. 1, с. 633] слово *мохнатый* считается образованным от диалектного *мохны* (?), чем нарушается известный принцип рассмотрения слов общелитературного языка без привлечения единиц иных языковых подсистем. Сделано это, вероятно, с целью избежать выделения словообразовательного форманта -нат-, который явно противоречит известному аффиксу -ат-. Однако не проще ли (и логичнее) рассуждать следующим образом: в последовательности -нат- -н- является лишь исторически наследием суффикса -н- в слове *мохна*; реально его функция в

слове *мохнатый* – структурная, не семантическая. Это структема, а средством представления словообразовательного значения является хорошо известный суффикс *-ат-* (ср.: *усатый, бородатый*).

Актуальной, в связи с этим, представляется и проблема исчисления морфем и их вариантов. Так, по традиции последовательности *-ыва, -ива-* считаются вариантами одной морфемы. Суффикс *-ва-* рассматривается как вполне самостоятельное образование, в отличие, скажем, от *-а-*. В ряде глаголов (*дакать, окать, акать, мяукать* и т. п.) как самостоятельный аффикс выделяется суффикс *-ка-* (Ср.: *мяу-ка-ть* [106, т. 1, с. 649]). Однако совершенно очевидна морфонологическая природа элемента *-к-* в данной «новой» морфеме. В подавляющем большинстве аналогичных по структуре слов этот интерфикс выполняет исключительно соединительную роль: к основе на гласный необходимо присоединить суффикс *-а-*, состоящий из гласного. Ср.: *выкать, тыкать* (говорить *ты*), *ойкать, баюкать*. Даже примеры слов типа *гавкать* и *каркать* вполне объяснимы с этих позиций. Здесь интерфикс присоединяется не просто к основам на согласный, но на сонорный и *в*.

Если же подобные и более сложные факты рассматривать с других позиций, то как объяснить состав морфем в таких, например, глаголах, как *отнекиваться* и *убаюкивать*. Вряд ли целесообразно такой вариант суффикса *-ива-*, как *-кива-* (?). Морфонологическая роль элемента *-к-* в позиции между гласных, на наш взгляд, очевидна и не вызывает сомнений.

Как известно, появлению в языке многочисленных «распространителей» морфем способствуют различные причины. В этом явлении «получила отражение свойственная языку тенденция к большей формальной выразительности значащих единиц. Более длинный морф как носитель определенного значения формально выразительнее, чем более короткий, особенно одно- или двуфонемный» [42, с. 51]. Наиболее распространенное проявление этой тенденции – возникновение «вторичных (или производных) суффиксов», факт, отмеченный впервые в работах Н. В. Крушевского под названием «передней вариации суффиксов» [33, с. 82].

Анализ сходных морфемных структур зачастую «подсказывает» близкий к истине путь интерпретации. Так в словах *аспирантура, квадратура* (круга), *кубатура* можно выделить один и тот же суффикс *-ур-*. В первом слове данный формант присоединен к «чистой» производящей основе (*аспирант – аспирантура*). В слове *квадратура* суффикс *-ур-* соседствует с частью корня (*-ат-*). И самый интересный (на фоне приведенных) пример – слово *кубатура*, в котором последовательность *-атур-* вряд ли целесообразно интерпретировать как новый суффикс (*-ат/ур-* – [106, т. 1, с. 1137]; в [37] отсутствует). Однако мы бы не согласились с выделением одного интерфикса *-ат-*, как это отмечается в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова. По нашему мнению, в данном случае мы имеем дело с двумя разными по происхождению (!) интерфиксами:

1) *-а-* из окончания формы родительного падежа слова *куб*; 2) *-т-* – соединительный согласный. Другими словами, структура данного слова имеет следующий вид: *куб-а/т-ур-а*. Сравните интерфикс *-ат-* в слове *кипяток*, связанный по происхождению с окончанием *-ат-* (*-ят*) формы 3-го лица множественного числа глагола *кипеть* (у Тихонова *кипят-ок* – наращение основы; в словаре морфем: *кип-ят-ок*). Нас также не должно смущать, что фонетически в форме *кипяток -ят-* представляется как *-ит-*, а у глагола в форме *кипят* окончание под ударением. Орфография очевидным образом указывает на родство компонента *-ят-* в форме *кипят* и слове *кипяток*.

Таким образом, следует различать случаи двуфонемного интерфикса, связанного по происхождению с одной морфемой, и двух однофонемных интерфиксов, различных с точки зрения выполняемых ими функций (структура и соединительный согласный). Ср. также: *драм-а/т-ург*, *отсеб-я/т-ин-а*, *дубл-и/к-ат*; *легенд-ар/н-ый* (ср.: *букварь*, *токарь*, *лекарь*).

Динамический подход к явлениям словообразования, по нашему мнению, предполагает учет такого феномена, как «нейтрализация значений аффиксов» (В. В. Виноградов). Совершенно очевидно, что ситуации, в которых аффикс утрачивает свое первоначальное значение (или значительно ослабляет его), в определенном смысле «сближают» его с разного рода незначимыми элементами морфемной структуры слова, в том числе и интерфиксами. Ведь известно, что многие из них по своему происхождению являются морфемами. Ср.: *себялюбивый*.

Известно также, что целый ряд «проблемных» для интерпретации единиц содержат в своем составе форманты, состоящие из двух элементов, и совершенно естественно выглядят следующие замечания И. С. Улуханова: «Возникает вопрос, возможно ли одновременное использование в словообразовательном акте нескольких префиксов или суффиксов (различных или даже тождественных) и в каких случаях эти соединения следует рассматривать как совокупность однородных морфем или как единую, более сложную морфему (речь идет о фактах типа *невзлюбить*, *неподалеку*, *невозмогу*, *невтерпеж*. – А. Н.). И в связи с этим возникает <...другой...> вопрос: как с точки зрения способов словообразования трактовать слова, формант которых имеет несколько словообразовательных средств одного вида: считать ли их словами чистых способов (суффиксальными, префиксальными) или словами смешанных способов (т. е. выделять способы, ранее не выделявшиеся – суффиксально-суффиксальный, префиксально-префиксальный)?» [114, с. 36 – 37]. Таким образом, проблема единства в описании и лексикографическом представлении сложных формантных последовательностей зависит и от принятия некоторых чисто теоретических решений.

4.3. Замечания к теоретической и практической методике преподавания словообразования в школе*

Может быть, кому-то данные «Замечания...» покажутся слишком тенденциозными, **противоречащими** в известной степени канонам традиционной методики, чрезмерно акцентирующими внимание на негативных **моментах** практики школьного преподавания (последние всегда были, есть и будут)... На это следует заметить, что на суд читателя представлены лишь «**замечания по поводу**», а не **всеобъемлющая** критика существующей теории и практики преподавания словообразования в школе. И некоторая тенденциозность, резкость суждений объясняются лишь тем, что автор действительно заинтересован в разрешении всего комплекса проблем, затронутых в статье.

Совершенно очевидно, что важнейшим элементом методики преподавания предмета является ориентация на развитие умственных способностей ученика. «Многопредметность» общеобразовательной школы в известном смысле неэффективна, если посредством каждого предмета не развиваются те или иные умения и навыки учащихся. И прежде всего – умение думать, анализировать, сопоставлять, делать выводы и т. д. С этой точки зрения каждому учебному предмету предъявляются особые требования непротиворечивости, последовательности изложения основ научных знаний. Язык как учебный предмет, подобно математике, обладает целым комплексом собственных «аксиом», «теорем» – элементов техники лингвистического анализа. А без знания техники лингвистического анализа, без правильного преподавания элементов этой техники нельзя воспитать у ученика (гимназиста) умения мыслить лингвистически, т. е. умения верно интерпретировать языковые факты. Самым же благодатным, по нашему мнению, материалом в школе в связи с этим являются упражнения, связанные с выполнением морфемного разбора и словообразовательного анализа.

Предметом анализа в данной статье является состояние теоретической и практической методики преподавания словообразования в школе как системы, технологии введения в лингвистический анализ. При этом объектом рассмотрения явились и те практические результаты, которые, по нашему мнению, «спровоцированы» существующей методикой и относятся к элементам отрицательного методического опыта.

Автору этих строк по роду своей деятельности приходилось постоянно сталкиваться с различными аспектами методики и практики преподавания словообразования. И прежде всего с конкретными результатами практической подготовки школьников, абитуриентов, студентов, учителей. Прекрасно понимая, что существуют различные субъективные причины хорошей (плохой) подготовки по предмету, допустим, абитуриента, и делая на это скидку, вместе с тем приходится констатировать, что

* Опубликовано в: Русский язык и литература в школе. – Минск, 1996. – №2.

словообразование – едва ли не самое слабое звено в лингвистической подготовке выпускника общеобразовательной школы. Причем во многих случаях поражает как типичность ошибок, допускаемых вчерашними выпускниками школ, так и типичность формулировок, с помощью которых они «объясняют» и «аргументируют» логику своих действий. И создается впечатление, что мы имеем дело с уже сформированной (и во многом неадекватной действительному положению дел!) психологией восприятия языковых фактов – продуктом, несомненно, школьной «технологии» введения в язык, а также в некоторых случаях с искаженным школьной практикой представлением об элементах лингвистического анализа. И это первое впечатление усиливается после того, как обнаруживаешь, что подобные «объяснения», «аргументы» содержатся в качестве... законченных и хорошо сформулированных правил (!) в школьном учебнике.

Окончание как изменяемая часть слова...

Даже беглое знакомство с методической литературой порой может привести к неожиданным выводам. Так, оказывается, «трудность усвоения окончания младшими школьниками обусловлена тем, что, **не зная грамматических значений слова**, учащиеся, **естественно, не могут осознать и функции окончания** (здесь и далее выделено нами. – А. Н.)» [43, с. 237]. И далее: «С учетом ... возрастных возможностей младших школьников стало традиционным начинать изучение окончания с раскрытия двух его признаков: окончание – изменяемая часть слова и служит для связи слов в предложении. По мере знакомства учащихся с категориями числа и рода существительных и имен прилагательных, а также категорией падежа имен существительных происходит постепенное углубление знаний об окончании» [43, с. 237–238]. Другими словами, учащиеся знакомятся с окончанием, не зная его функциональной значимости, так как еще «не прошли» темы, связанные с грамматическими категориями рода, числа, падежа. Вот что фактически стоит за всем известным школьным определением окончания. Совершенно очевиден «разрыв» между важнейшими, определяющими признаками данной морфемы в процессе изучения ее в школе. И хотя принцип поэтапного введения понятия «окончание» считается разумным и во многом оправдывающим себя с точки зрения теоретической методики, на практике возникают ситуации, никак не предполагавшиеся теорией. А именно: для некоторых учащихся старших классов окончание так и остается просто «изменяемой частью слова» в отрыве от тех значений, за которые оно «отвечает». Вводимая же позднее формулировка «значимая часть слова» для многих, как это ни парадоксально, остается лишь «пустым звуком». Иначе как объяснить такие факты, что у отдельных учащихся мы можем наблюдать доведенное до автоматизма оперирование терминами 'окончание', 'корень', 'суффикс' при совершенно не сформированном навыке выделения данных элементов в

структуре слова. Как объяснить, с другой стороны, такой факт: слабые и плохо подготовленные ученики, абитуриенты на вопрос, как выделить в слове суффикс (или корень), часто отвечают «нужно **изменить** слово».

Совершенно очевидно, что явно недостаточная характеристика окончания как изменяемой части слова, с одной стороны, и постоянные наблюдения учащихся за тем, что слова языка различаются между собой изменением других значимых частей (ср.: *побежать, забежать, топтать, топнуть*, и т. п.), с другой – приводят к формированию во многом верных, но слишком общих представлений о элементах языковой структуры. Таковы закономерности психологии восприятия языка! Последствия же подобных представлений о таком недифференцированном понятии, как «изменяемая часть слова», на практике известны любому учителю: ученики, не знающие частей речи, выделяющие окончания у наречий и депричастий; делающие такие грубые ошибки, как выделение окончания **-ие** у слов типа **размышление** и т. п.

Многочисленные ошибки подобного рода, помимо других причин, объясняются тем, что в сознании учащегося окончание не ассоциируется с типом передаваемого значения. Во всяком случае (так уж сложилось на практике!), среди признаков окончания как морфемы важнейший – значимость, функциональная нагрузка – оказывается зачастую второстепенным, в лучшем случае – само собой разумеющимся. И это связано не только с не совсем, на наш взгляд, «работающим» определением окончания. Дело в другой и, к сожалению, более прозаической причине. У школы на это просто не хватает времени. Сравните следующее высказывание: «В I–III классах учащиеся усваивали следующие понятия: окончание, приставка, корень, суффикс, однокоренные слова. Эти понятия были им необходимы **в первую очередь для овладения навыком правописания безударных гласных в корне слова**» [84, с. 148]. И хотя считается общепринятым, что «в соответствии с действующей программой по русскому языку орфография не рассматривается как самостоятельный раздел, а изучается как составная часть «Фонетики», «Словообразования», «Морфологии» [2, с. 11], любой учитель **подтвердит**, что количество часов, затрачиваемое им (кстати, в соответствии с той же программой) на правописание тех же значимых частей (приставок, суффиксов, корней), несоизмеримо больше, нежели на прохождение соответствующих тем по словообразованию и грамматике. Фактически не орфография является составной частью грамматики, но грамматика буквально «растворена» в орфографии, подчинена решению многих сугубо орфографических вопросов [53, с. 67–70]. До работы ли над значением и функцией морфем в этой ситуации! Вернемся к окончанию. Косвенным подтверждением неэффективности, нефункциональности поэтапного введения термина ‘окончание’ в начальной школе служит стремление авторов последнего учебника по русскому языку [95, с. 128] напомнить ученикам V класса порядок действий при выделении окончания.

Порядок действий при выделении суффикса, или Что отсутствует в школьной методике

Продолжим анализ отдельных элементов методики введения в морфемнику. Именно так, по-научному, звучит целый раздел в последнем, фактически новом учебнике по русскому языку для учащихся V класса [95, с. 124]. Авторы этой книги, несколько расширив собственно теоретическую часть школьного курса «Словообразование», придали более строгий и упорядоченный вид многим элементам, традиционно рассматривавшимся в учебнике. Вместе с тем стремление избавиться от некоторых противоречий и непоследовательностей школьной теории позволяет обнаружить действительно уязвимые места практической методики введения в морфемнику. Так, последовательно сопоставляя характер практических рекомендаций, содержащихся в § 44 (Порядок действий при выделении окончания) и § 45 (Порядок действий при выделении корня) [95, с. 128, 132], логично было бы предположить наличие подобных инструкций для суффикса и приставки. Однако этого нет! Их отсутствие, по нашему мнению, является глубоко знаменательным, значимым для оценки состояния школьной системы введения в морфемнику. Поскольку самым трудным для ученика (и это подтвердит любой учитель) является как раз выделение суффикса, особенно в тех случаях, если он в слове не один. Кроме того, суффикс, пожалуй, единственный элемент морфемной структуры, для которого сложнее всего разработать простую схему типа «Порядок действий при выделении...». Однако это возможно и просто необходимо, но **почему-то** в развернутом виде, с иллюстрацией на различных по сложности примерах, отсутствует.

Для понимания действительного положения дел, того, как на самом деле учащиеся знакомятся с суффиксом как значимой частью слова и на каком уровне сложности работают на протяжении всех лет обучения в школе, обратимся к конкретным примерам. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что вчерашние выпускники школ испытывают большие трудности, работая над морфемной структурой, включающей несколько суффиксов. Причем допускают большое количество ошибок и, что самое главное, демонстрируют порой абсолютное невладение элементарными приемами словообразовательной техники, незнание хотя бы приблизительной инструкции. Впрочем, «приблизительные» инструкции есть. «Инструкция» первая: «чтобы найти в слове суффикс, необходимо данное слово сравнить с родственным (выделено нами. – А. Н.)». – Да, *но* ведь у анализируемого слова может быть несколько родственных слов! Ср.: для слова *ниточка* – это *нить* и *нитка*, для слова *снабженческий* – *снабжать*, *снабженец*, *снабжение*. Нет ничего удивительного в том, что именно данная ситуация ставит в тупик не только ученика, но зачастую и учителя.

Самое же интересное заключается в том, что многие из подобных «инструкций» на тему «как выделить в слове суффикс» в буквальном смысле

ле «рождены» практикой современной школы. Ведь приведенная формулировка («сравнить с родственным словом») – это не просто отсутствие представления об элементах словообразовательной техники (допустим, в сознании слабого, плохо подготовленного ученика), но ясно сформулированное правило (!), используемое традиционной методикой ... в начальной школе. Но специфика словообразовательных упражнений в начальных классах заключается в том, что все они построены на словах, имеющих **не больше одной приставки или одного суффикса!** Ср.: «В начальных классах **только в случае необходимости** (например, затрудняет написание слова, его лексическое значение) учитель предлагает для разбора слова с двумя суффиксами» [43, с. 223]. И парадокс ее временной школьной практики состоит в том, что именно данная «рекомендация» для многих учащихся фактически становится «руководством к действию» на все годы обучения. Дело в том, что методика отчасти не учитывает закономерностей психологии восприятия языкового материала. Ученик младших классов, воспринимая данную «рекомендацию» как целостное знание, вольно или невольно абсолютизирует правило о выделении суффикса и в дальнейшем стремится его применять во всех случаях. С другой стороны, методика, благодаря своей традиционной «слабости» – стремлению создавать «правила на всю жизнь», сталкивается с действительно непростой ситуацией. Ведь для того чтобы ввести ученика в технику подлинного лингвистического анализа, необходимо познакомить его с несравненно большим количеством информации, в частности, по словообразованию, нежели это предусмотрено школьной программой. Однако с чем мы сталкиваемся на практике? Уже в начальной школе осознана необходимость введения учащихся не только в морфемный анализ, но и в элементарный словообразовательный разбор. При этом отмечается, что «основная трудность для учащихся не только начальных, но и старших классов **заключается в том, чтобы правильно определить производящее слово**» [84, с. 239]. К этим, безусловно, справедливым словам следует добавить, что техника анализа многоморфемных слов в большинстве случаев базируется на умении находить производящее слово. Какой же «технологический арсенал» предоставляет школьная методика в распоряжение ученика для работы над этим важным умением? Приведем несколько показательных, с нашей точки зрения, примеров. Как уже отмечалось, система работы по словообразованию в начальной школе имеет свою специфику. Так, учитывая тот факт, что «младшим школьникам, еще не знакомым с закономерностями словообразования, трудно определить производящее слово», предполагается, что «производящее слово называет учитель, либо оно дано в упражнении» [43, с. 239]. Кроме того, «учитель может указать и значение производного слова, а ученик должен выбрать необходимую морфему, которая позволит образовать слово с заданным значением» [43, с. 239]. И здесь же, в книге, приводится образец такой работы. Учитель, стремясь организовать на уроке работу со словом *за-*

щитник, предлагает учащимся в качестве производящей единицы слово *защита*, интерпретируя семантику производного (в соответствии с выбранным в роли производящего) как «человек, который выступает в защиту кого-либо или чего-либо» [43, с. 239]. Однако предположим, что учитель предложит ученикам самостоятельно интерпретировать значение производного слова. Большинство из них (и это совершенно точно!) сообщат своему наставнику, что *защитник* – это тот, кто **защищает** (кого-либо). И будут абсолютно правы, так как в данном случае направление отношений производности именно такое: *защитить* > *защитник*. И даже более того: слово *защита* также является производным по отношению к слову *защитить* [106, т. 1, с. 362]. Уже этот пример показывает, насколько непросто порой найти материал по словообразованию, удовлетворяющий требованиям дидактического отбора. Но это лишь одна сторона проблемы. С большим сожалением приходится констатировать, что наряду с все более усложняющимся материалом в старших классах теоретические основы техники словообразовательного анализа фактически остаются на прежнем уровне. Иначе как объяснить тот факт, что среди элементов, включаемых в порядок словообразовательного разбора в учебниках для старших классов, мы по-прежнему встречаем формулировки типа «сравнить состав данного слова с однокоренным», «найти родственное слово», «найти **исходное слово** (или его основу)» [95, с. 171]. Последняя формулировка, с точки зрения ученика, замечательна во всех отношениях! За исключением одного «малозначительного» момента – учебник (и методика), как правило, не утруждает себя объяснить школьникам, как находить это самое исходное слово, предполагая, вероятно, что это всегда просто и легко.

Однако это далеко не всегда просто и порой совсем не легко! Об этом свидетельствуют многочисленные примеры (мы их относим к отрицательному методическому опыту) противоречивого, часто совершенно немотивированного, а порой и просто ошибочного выделения тех же морфем в учебниках, отдельных пособиях для учителей и в пока единственном «Школьном словаре строения слов русского языка» [88].

Типичные ошибки школьной практики

Среди множества ошибок, с которыми мы сталкиваемся на практике, существуют такие, которые, строго говоря, объективно вызваны особенностями именно школьной методики введения в морфемистику. Так, под влиянием школьных определений элементов морфемной структуры слова **только как значимых частей** у ученика (да и у учителя) вольно или невольно формируется представление о том, что в языке вообще отсутствуют незначимые (т. е. не обладающие значением) элементы морфемной структуры. С другой стороны, не всегда корректно используемые на практике формулировки типа «суффикс – часть слова, **стоящая после корня**» и «корень – общая часть родственных слов» приводят в совокупности к неправильным интерпретациям морфемной структуры. Так, в ука-

занном словаре для школы слово *лягушка* представлено в следующем виде: *лягуш/к/а* (на фоне родственных: *лягуш/ат/а*, *лягуш/ин/ый*) [88, с. 122], т. е. корень действительно выделен как «общая часть родственных слов», а элемент **-к** как морфема, находящаяся после корня, т. е. как суффикс. Однако, помимо приведенных определений, ученик с младших классов твердо усваивает и следующую аксиому: «с помощью суффиксов обычно образуются новые слова», т. е. чисто словообразующую функцию многих суффиксов. Если ученик (или учитель) при членении на морфемы слова *лягушка* будет учитывать словообразовательный анализ (а это просто необходимо), то он легко обнаружит, что нет в языке слова с основой *лягуш*, к которой можно прибавить элемент **-к**. Другими словами, морфемная структура данного слова в словаре интерпретирована неверно. Анализ словообразовательных отношений между указанными словами показывает, что слово *лягушка* является производящим для слов *лягушиный*, *лягушонок*. Последние образованы от усеченной основы (совпадающей в данном случае с корневой морфемой) слова *лягушка*: *лягуш/к/ /а/ + ин(ый)*; *лягуш/к/ /а/ + онок* (□). И, следовательно, элемент **-к** является лишь частью корня – неморфемой. Почему же далее в словаре для учащихся можно встретить такие ошибки? Чтобы более обстоятельно ответить на этот вопрос, рассмотрим еще несколько примеров ошибочных решений, по нашему мнению, достаточно типичных для общеобразовательной школы. Так, в том же словаре приведены взаимоисключающие членения такой группы родственных слов: *кровл/я (кров)*; черед, (*вл-в*), *кров/ель-щик*; *кров/ель/н/ый (кровл/я)*; черед, (*в-вл*); историч. от *кров* [88, с. 114]. Если учащиеся (судя по примечаниям в словаре) знакомы с чередованием типа *в/вл*, то как объяснить отнесенность отрезка *-ель-* в одном случае к суффиксу, а в другом – выделение его в качестве самостоятельного морфемного отрезка? Ведь совершенно ясно, что в приведенных примерах имеет место трансформация корня (основы) производящего слова за счет чередования *ч/е* (ср. *кровля – кровель* □), и, следовательно, правильным вариантом разбора будет следующий: *кровель-н-ый*, *кровель-щик*. Неудивительно, что одной из наиболее распространенных ошибок в школе является выделение **-л-** как суффиксального элемента в известных сочетаниях *вл*, *бл*, *мл* и т. п. (ср.: *возлюбленный* – вероятно, исходя из корня *любить*). Обратим внимание еще на такой пример. В пособии для учителя «Уроки русского языка в 5 классе» рекомендуется выполнить с учащимися упражнение на подбор слова по заданной схеме «корень-суффикс-окончание» (*маленький*, *грустное*, *серьезное* [21, с. 9]). Приводя последнее слово в качестве примера, авторы руководствуются опять же указанным словарем [88, с. 250]. Однако выделение корня *серьез-* и суффикса *-н-* в последнем слове, базирующееся на сопоставлении с однокоренным словом (*всерьез*), как это делается в словаре, не выдерживает никакой критики, потому что слово *всерьез* является производным по отношению к *серьезный*, а не наоборот!

О причинах, вызывающих подобные ошибки

Если попытаться систематизировать, «фактографировать» наиболее типичные ошибки школьной практики, то можно с уверенностью сказать, что многие из них есть результат недостаточно продуманной методики введения в морфемику. И, пожалуй, самое главное, основная масса таких (объективно спровоцированных, по нашему мнению, школьной системой) ошибок объясняется двумя важнейшими причинами. Во-первых, в школьном учебнике фактически отсутствует продуманная система введения в словообразовательный анализ, без которого во многих случаях невозможна правильная интерпретация морфемной структуры слова. Как могут ученики находить «исходное слово», если они не знают основных формально-смысловых отношений, возможных между производной и производящей единицами? Ведь даже, казалось бы, строгая система отбора дидактического материала в учебнике не может исключить из анализа очевидных, на первый взгляд, слов типа *двойка*, *тройка* с расхождением отношений формальной и смысловой производности (ср.: *два* ↓ *дво-й* ↓ *дв-ой-к-а* при семантической связи с **исходным** (выделено нами. – А. Н.) словом цепочки *двойка* 'оценка два', и формальной зависимости от слова *двое*). Любопытно, что многие учащиеся именно так понимают смысл школьного термина «исходное слово», подразумевая под ним самое наименьшее непродутое родственное слово. Даже та информация, которая приводится в школьном учебнике, справочных материалах по русскому языку для учащихся, представляет в некоторых случаях **упрощенный, искаженный** вариант лингвистического знания. Так, всем известен один из непеременимых атрибутов школьной методики – **принцип наглядности обучения**. Для того чтобы оценить эффективность данного принципа при введении в технику словообразовательного анализа, рассмотрим типовую схему словообразовательного разбора:

- 1) **учительство** – учитель;
- 2) **водянистый** – водяной;
- 3) **просматриваться** – просматривать;
- 4) **по-весеннему** – весеннему;
- 5) **что-нибудь** – что;
- 6) **пренеприятный** – неприятный [7, с. 46].

Мы намеренно привели все примеры из книги, чтобы показать, насколько порой безразличным, формальным может быть отношение к лингвистическим фактам, если это касается школьного учебника. Ведь 5 (!) из 6 примеров требуют уточнения.

Совершенно очевидно, например, что глагол *просматриваться* и прилагательное *пренеприятный* образуются не от основ, а от целых слов. Следовательно, если и указывать в подобных примерах нечто вроде производящей базы, то выделения требуют (и не символом основы!) производящие слова целиком. Указание же на основу в данных конкретных случаях лишено всякого смысла. Далее. Если допустить, что по недосмотру,

чисто механически, в слове *учительство* показатель суффикса (-ств-) «захал» на окончание, то уж никак нельзя согласиться с таким выделением основы в слове *что*. Да, школьная теория и практика намеренно «закрывают глаза» на морфемную структуру целых разрядов слов (в частности, местоимений) в силу пресловутого принципа дидактического отбора. Но из этого совсем не следует, что у слов типа *что* (речь идет о местоимении, а не союзе) отсутствует морфемная структура, тем более, что учащимся известно: у склоняемых слов (*что, чего, чему...*) должно быть окончание, а следовательно, и основа. Также не совсем понятно, насколько приводимая в качестве производящей форма *весеннему* соответствует известному учащимся по школьным учебникам правилу, что наречия типа *по-весеннему* образуются от исходной формы имен прилагательных, т. е. в данном случае от *весенний*. Однако если бы проблема исчерпывалась подобными мелкими неточностями, на эти факты можно было бы не обращать внимания. Но дело в том, что сама схема школьной наглядности – иллюстрации словообразовательного механизма – принципиально неудачный момент школьной практики. И вот почему. Как правило (так уж сложилось в школе), в качестве иллюстраций приводятся примеры простые, доступные для визуального восприятия. Однако, допустим, ученику необходимо выполнить словообразовательный анализ слова *сердечный*. Вот схема правильного (принятого в школе) анализа, которую он может привести: *сердечный* – *сердце*.

Как это ни парадоксально, но в данном случае (а подобных случаев в практике преподавания немало) школьная схема не позволяет (!) увидеть сам механизм появления нового слова. В этом легко убедиться, если привести школьную схему в соответствии с естественным порядком операций, осуществляемых при проведении словообразовательного разбора, а именно: *сердце(e) + н = сердечный?* Знак вопроса поставлен в связи с несоответствием между слагаемыми (основа *сердц* + суффикс *-н-*) и конечным результатом сложения: *сердечн-* (фактически получается *сердцн-*!). Другими словами, то, чего не могут себе позволить, например, математики (согласиться, допустим, с результатом $2 + 2 = 5$), оказывается, сплошь и рядом является приемлемым для методики введения в лингвистический анализ. А результат между тем плачевный! Многие учащиеся зачастую «не видят» структуры слова, самого механизма осуществления словообразовательного процесса. И это прежде всего касается слов (а их немало, если не большинство) с различными трансформациями основы морфологического характера, ведь для правильного, зримого (а не «вслепую»!) разбора слова *сердечный* учащийся, во-первых, должен знать, **что не все слова (!)** образуются от исходной формы (т. е. именит. падежа имен, например) другого слова (ср. в нашем случае: *сердц-е* – *сердце* □), и, во-вторых, ученику необходимо видеть два различных чередования в основе: 1) *сердце* – *сердц* (р / е) до процесса словообразования, т. е. в системе грамматических форм слова *сердце*; 2) *сердц* □ + н (ц/ч) при процессе словообразования. Только в этом случае ученик увидит, ясно представит себе процесс создания нового слова.

Морфонология в школьном учебнике

Отсутствие продуманной системы введения в словообразовательный анализ является, как мы уже указали, одной из причин, вызывающей многочисленные ошибки в интерпретации морфемной структуры, встречающиеся в школьной практике. Другой, не менее значимой причиной является фактическое отсутствие в школьном учебнике последовательного, непротиворечивого изложения основ словообразовательной морфонологии **как системы**. Данное утверждение может показаться «странным», не соответствующим действительности, однако это не так. Всем хорошо известно, что школьной программой предусмотрено изучение различных типов чередований, соединительных гласных **о, е**, в некоторых случаях говорится в школьном учебнике и об усечении. Однако также хорошо известно, что основная масса ошибок учащихся приходится на такие отрезки морфемной структуры слова, для которых характерны различные морфонологические явления. Кроме уже рассматривавшихся ранее примеров ошибочного членения (*лягушка*, *кровельный* (?), можно привести и такие: *сем'[jа]*, *скрипка*, *арми[jа]* (?). В данных конкретных случаях ошибочные решения, вероятно, приняты по аналогии (*ср. друг – друз'[jа]*, *друзей* (*семей*); *скрипка – скрипач*, *арми[jа] – армейский*). Как соотносить элементы достаточной (по мнению методистов) информация о тех же чередованиях с ошибками подобного рода? Для ответа на поставленный вопрос необходимо выяснить, какую лингвистическую ценность в школьном учебнике несет информация о чередованиях, соединительных гласных – всех элементах морфонологии.

Чередования

Обратимся к конкретным правилам из учебника по русскому языку и рассмотрим их содержание в отношении к структуре лингвистического знания. Как известно, «правописание корней с чередующимися гласными в начальных классах не изучается» [43, с. 231], так как «изучение однокоренных слов включает **наблюдения над единообразным написанием в них корня**» [43, с. 231]. Однако выделенное нами утверждение, мягко говоря, не соответствует действительной практике школы. Дело в том, что фактически речь идет о наблюдении за единообразным написанием гласных (!) в корне слов, «предусмотренных программой» (большое количество слов, естественно, остается вне наблюдения как исключенные программой). Уже в начальной школе сама система введения в язык и многие формулировки, ее отражающие, подчинены решению сугубо орфографических проблем и ограничивают учебный материал с точки зрения данной, мы бы сказали – исключительно утилитарной, цели преподавания предмета. Так, исключаются из рассмотрения слова с чередующимися гласными в корне как трудные **с орфографической точки зрения**. Однако ни одному из методистов начальной школы не придет в

голову исключить из реальной школьной практики рассмотрение слов типа *друг – дружок* (с чередующимися в корне согласными), хотя данные примеры наглядно противоречат декларированному ранее тезису о «единообразном написании корня»*. Но этому есть объяснение: чередования согласных, как правило, не представляют трудности... **для усвоения орфографии!** Здесь уже «забывают» о единообразном написании корня методисты! Но, к сожалению, реальная практика, учащиеся, прилежно выученные по данному «правилу», вскоре неожиданно напоминают об этом. Сравните замечательное в этом отношении «откровение» современной методики: «Ошибки (в правописании корней *кос-/кас-*) обычно являются результатом того, что учащиеся стремятся единообразно обозначать корни в родственных словах» [2, с. 44]. Остается лишь спросить: «А кто повинен в формировании подобной целеустремленности?».

Рассмотренные особенности изучения чередований в школе имеют последствия. Концентрация внимания учащихся на единообразном виде морфем в одном случае и **намеренное** замалчивание данного тезиса в других случаях (*кос-/кас-, друг-/друж-* и т. п.) приводят к тому, что фактически в школьной практике информация о чередованиях дистанцируется от той роли, какую они играют в грамматике и словообразовании. Реальность школьной практики такова, что чередования зачастую рассматриваются **изолированно**, вне связи с их функциональной ролью по созданию вариантов морфем и их участием в выражении грамматической семантики.

Ярким примером на эту тему может служить правило о правописании корней с чередующимися гласными (*бер-/бир-, дер-/дир-, тер-/тир, кос-/кас-, лаг-/лож-* и др.). Во-первых, ни в одном из школьных учебников (!) не указывается на связь данных чередований с грамматикой, а именно: на связь с категорией вида. Поэтому у ученика создается впечатление о чисто орфографическом характере данного правила. Во-вторых, соответственно именно такому (т. е. чисто орфографическому) характеру правила выстраивается целая система «опознавательных признаков»**, ориентируясь на которые, ученик должен (по методике) правило запомнить. Более того, всерьез утверждается, что успех обучения зависит от того, насколько ученик сумеет **«осознать структуру правила»** (выделено нами. – *А. Н.*) [43, с. 291]. Обратим внимание: не структуру явления, а структуру правила! Но это приведет к общему успеху в том случае, **если структура**

* То, что начальная школа не в состоянии ограничить анализируемый материал родственными словами без чередующихся согласных, факт бесспорный. Ср. в этом отношении приводимый ниже образец выделения корня в слове *поездка*: «...подбираю однокоренные слова с приставками и без приставок: *поезд, переезд, выезд, заезд, ездить*. Общая часть *-езд-*. Это корень» [43, с. 223]. А если ученик приведет в качестве родственного слово *еду?* И таких примеров масса!

** «Опознавательный признак» – едва ли не важнейший элемент школьного правила, выделяемый методикой. Ср. следующее замечание: «...опознавательные признаки орфограммы, к сожалению, наличествуют не в каждой формулировке орфографического правила...» [2, с. 27].

правила соответствует структуре языкового явления, что в школьном учебнике из-за разных причин наблюдается не всегда. В случае с правописанием чередующихся гласных в корне установка на «орфографизм» приводит к тому, что единое с грамматической точки зрения правило «разрывается» на ряд частных и, судя по школьным формулировкам, никак друг с другом не связанных правил. Сравните, к примеру, проходящую через многие учебники и пособия интерпретацию правил на правописание корней *кос-/кас-*, *лаг-/лож-*: «В корне *кос-/кас-* в безударном положении пишется буква *а*, если после корня стоит суффикс *-а-* и буква *о*, если этого суффикса нет. *Прикас-а-ться*; *прикоснуться* (нет *а*)» [7, с. 217]. И здесь же: «В корне *-лаг-/лож-* безударная *а* пишется перед *г*, а безударная *о* – перед *ж*. *Положить*; *располагать*» [7, с. 216]. Насколько разнятся «опознавательные признаки» данных, единых с точки зрения структуры лингвистического знания, правил! В одном случае выбор гласного зависит от наличия после корня суффикса *-а-*, в другом – от конечного согласного корня! Критических замечаний заслуживают обе формулировки не только с учетом того, что они представляют собой в совокупности, но и с учетом того, насколько они последовательны и логичны в отдельности. Так, указание на отсутствие (наличие) суффикса *-а-*, делает, казалось бы, вполне грамматичным по звучанию первое, правило. Но это далеко не так. Ученику, обладающему элементарными навыками логического мышления, не привыкшему механически зазубривать правило, вряд ли будет понятно, исходя из данной формулировки, какая все-таки связь существует между выбором гласной **в корне** (!) и наличием (отсутствием) **суффикса** (!). И главное, почему такая закономерность существует! Тем более, что рядом, в случае с правописанием корня *лаг-/лож-*, вроде бы та же закономерность, но интерпретируется по-другому. Разумные вопросы, и вполне естественен их характер. А дело, в том, что школьная грамматика «скрывает» от учащихся тот факт, что в действительности в правиле о корне *кос-/кас-*, подобно противопоставлению гласных *о/а* в корне, существует и противопоставление глагольных суффиксов *-ну-/а-*, выражающих соответственно значение совершенного и несовершенного видов. Ср.: *прикас-а-ться* – *прикос-ну-ться*, *прикос-нов-ение* (*-нов-* – вариант суффикса *-ну-*, чередование *у/ов*). Та же картина наблюдается и в случае с корнем *лаг-/лож-*, с той лишь разницей, что здесь обнаруживается противопоставление суффиксов *а/и*: *располаг-а-ть* – *располож-и-ть*, а в отглагольных существительных суффикс *-и-* действительно может отсутствовать (он усекается при процессе словообразования): *располож(и)ть* – *расположение*. Совершенно неубедительными в этой связи могут показаться возражения методистов о том, что правило касается не только глаголов, но и существительных (ср.: *прикосновение*, *положение*). Ведь совершенно очевидно, от каких глагольных форм данные существительные образованы!

Таким образом, перед нами фактически единое правило, и лишь «издержки» современной методики не позволяют придать ему вполне законченный вид. Точно так же не связана с грамматической категорией

вида в школьном учебнике информация о чередовании гласных в корнях *бер-/бир-, дер-/дир-, тер-/тир-* и т. п. Это объясняется, с одной стороны, тем, что учащиеся приступают к изучению данной темы **до знакомства** с категорией вида. С другой же стороны, с точки зрения «орфографизма» как школьной технологии введения в язык грамматика необходима прежде всего тогда, когда она способствует усвоению орфографии. И этот последний тезис – **действительная практика современной школы!** Грамматические сведения во многих случаях имеют подчиненный, зависимый характер. Если бы это было не так, то сама организация материала в учебнике была бы совершенно иной. А именно: к чередующимся гласным в корнях пришли бы со стороны не орфографии, а грамматики, т. е. как к одному из средств, сопровождающих выражение глагольной категории вида (ср., например, такой факт: *собрать – собирать*, где именно чередование *о/и* в корне является единственным средством противопоставления по виду!). С другой стороны, обращение к чередованиям лишь с точки зрения того, как они способствуют (не способствуют) усвоению тех или иных орфографических написаний, не приводило бы к тому, что отдельные виды чередований школьной практикой вообще не рассматриваются. Это, в первую очередь, касается чередований *ов/у, у/ов*, достаточно сложных для восприятия и запоминания, но совершенно необходимых, так как из практики школьного анализа не устранить фактов типа: **прикосновение** (*-ну/-нов-*), *ночевать – ночую*. Анализ подобных форм привел школьную методику к «открытию», что последовательность *-уј-* как вариация показателя основы на *-ј-* – единственно возможный вариант глагольной основы [51, с. 36]. Однако ср.: *ковать – ку [ју]*; *ночевить – ночу [ју]*. Таким образом, следует признать, что даже информация о чередованиях (самая большая по объему в сравнении со сведениями о соединительных элементах, усечении) в том виде, в каком она изложена в школьном учебнике, является явно недостаточной для введения в элементарный лингвистический анализ.

Соединительные гласные и принцип ограничения учебного материала

Одной из наиболее ярких иллюстраций на тему непоследовательности и «недосказанности» школьной теории является рассмотрение таких морфонологических элементов, как соединительные гласные. Как известно, школьная теория ограничивает школьный материал примерами сложений с соединительными гласными *о, е* (в некоторых (!) пособиях и *и*). Уже сам факт расхождения учебников и учебных пособий в указании числа соединительных гласных свидетельствует о степени искусственности границ, в пределах которых учащиеся знакомятся с данным явлением. Однако многие слова не могут быть верно интерпретированы без знания специфики этого важного механизма сцепления морфем в слове. Обратимся к конкретным примерам. Допустим, учащиеся проходят на уроке тему «Числительное», и учитель приложил им сделать морфемный анализ слов типа *тр-и-ст-а, шест-и-десят-и*, а также слов *тринадцать, шестидесятый*.

Сложность последней пары примеров для восприятия учащихся заключается, кроме всего прочего, и в том, что школьная теория словообразования совершенно не отражает динамики словообразовательных процессов. Хотя, с другой стороны, здесь все элементарно. Простая логика анализа должна привести ученика к выводу, что так как *и* в (обоих случаях не может быть отнесена ни к корню (*трех, шесть?*)), ни к суффиксу, с одной стороны, а с другой – *и* является элементом неизменяемым, т. е. не может быть признано окончанием, то роль данного элемента морфемной структуры одна – *соединение*. Для слов типа *тринадцать, двенадцать* подобная интерпретация гласных *и, е* легко вписывается в школьную трактовку («наличие соединительных гласных, как правило, в сложных словах»), так как исторически данные формы представляют сложения *три на десять*. Тем более удивительными в связи с этим выглядят «объяснения» традиционной методики, что «первая часть сложных порядковых числительных имеет форму родительного падежа, а *один, сто, девяносто* вводятся с помощью соединительной гласной; *шестидесятый, трехсотый, ...одномиллионный, стодевяностодвухтысячный*» [51, с. 76]. Ведь если следовать букве того же школьного правила о том, что у сложных порядковых (в отличие от количественных числительных) изменяемой частью является лишь последний компонент морфемной структуры, то становится совершенно очевидным соединительный статус отрезков *-и, -ёх, -о* в приведенных примерах. Другое дело, что эта важная часть морфонологии в школе ограничена указанием лишь на соединительные гласные. Однако логикой внутренней организации самого объекта – языка подсказывается наличие не просто соединительных гласных *о, е*, но **соединительных элементов вообще**.

Любой последовательно рассуждающий ученик вполне может спросить у учителя: «А есть ли в языке соединительные согласные? А могут ли в роли соединительных элементов выступать сочетания звуков?» И здесь наиболее рельефно ощущается искусственность того барьера, который воздвигает современная школьная теория на пути к непротиворечивому анализу подобных фактов. Так, совершенно очевиден структурный (чисто строевой) статус отрезков *ёх, ух* в словах типа *трёхдверный, двухвёсельный* и т. п. И «закрывать глаза» учащимся на этот факт только потому, что они знают лишь о соединительных гласных *о, е* – нонсенс.

А сколько вполне обоснованных вопросов возникает в школе **по поводу количества морфем и их вариантов?** Как практически решается в школе проблема тождества морфемы? Без учета такого явления, как **интерфиксация** (хотя бы в разумных пределах), это практически невозможно. Иначе ученик просто запутается в многообразии морфем, которое зачастую оказывается мнимым (ср.: *-ец-, -лец-, -вец-* в *чтец, пошлец, певец; -н-, -ин-, -тн-* в *ранний, вчерашний, кабаретный*). Но самое главное, у него даже не будет сколько-нибудь приблизительной схемы для интерпретации подобных фактов. А это просто необходимо. Ведь даже стремление резко ограничить материал для морфемного и словообразо-

вательного анализ не позволит на практике «уклониться» от рассмотрения таких явлений, как **интерфиксация и наложение**. Все изложенное убеждает нас в необходимости существенной корректировки школьного варианта словообразовательной теории. В этой связи нам представляется совершенно непонятным решение авторов последнего учебника **о сокращении теоретического материала по словообразованию** и тем более непонятно, как это «...не должно вести к его недооценке» [46, с. 72].

4.4. Работа с одаренными учащимися в контексте современной образовательной парадигмы*

Одаренные учащиеся... нужны ли нам одаренные учащиеся? Вопрос в такой форме, естественно, стоять не может. Они есть, они будут, и это, безусловно, усложняет процесс преподавания в школе, предъявляя повышенные требования и к учителю, и вступая в некоторое противоречие с тем, как организовано преподавание в классической школе. Ведь наша школа, чтобы мы не говорили, всегда ориентирована на определенный стандарт: учебник ограничен программой, типы заданий, принцип дидактического ограничения материала диктует свои «правила игры» на «школьном поле».

У Бодуэна де Куртенэ приводятся любопытные слова И. Гёте о школьной грамматике: «Грамматика не понравилась мне, так как я увидел в ней только произвол; правила показались мне смехотворными, ибо они нейтрализовались массой исключений, которые приходилось учить опять-таки заново» [12, т. 1, с. 50]. И своеобразное «развитие темы» устами известного лингвиста XIX века Я. Гримма: «Все грамматические исключения представлялись мне наследниками старых правил, проявляющихся еще кое-где, или вестниками новых, которые рано или поздно займут свое место» [12, т. 1, с. 51]. Нормативный аспект всегда отличал школьное преподавание, учебник, программу. Это нормальное состояние учебного процесса, но если говорить о взаимосвязи или об отношениях с процессом научного познания, то здесь возникают неизбежные противоречия. Процесс научного познания всегда открыт и базируется на основе усвоения методологии и методов научных исследований. И в этой связи всегда возникает вопрос, как мы определяем границу того, что можно рассматривать в школе, а что нет?

Я думаю, что все согласятся с тем, что работать следует так, чтобы было интересно и тебе и учащимся! Однако учитель в школе все время связан какими-то стандартами, программами, ограничениями материала в учебнике, часами и т. д. Он все время работает в системе вопрос – ответ! А творчество? А всегда ли есть ответы на поставленные вопросы? Ведь в науке, в научном познании так не бывает! Всегда должно быть время для размышлений, для анализа интересных и сложных явлений.

* Опубликовано в: Современное языковое и литературное образование в СНГ: диалог между теорией и практикой. – Минск: БГУ, 2009. – С. 241–246.

Ведь главная задача сдать тест на умение думать, а не заполнять соответствующие клетки. Ведь интересны и вопросы, на которые нет однозначного ответа! Но нужны ли нашей школе такие вопросы и подобные факты? Я занимаюсь словообразованием и знаю, как много есть хорошо нам известных, «школьных» слов, морфемный анализ которых по-разному интерпретируется в лексикографических источниках, учебниках, в вузах, не говоря об учителях. Есть слова, отсутствующие в словарях по неизвестным (или по известным!) причинам. Всегда интересно заниматься творчеством, а есть ли теперь у детей эта возможность? Ведь творчество возможно лишь там, где налицо умение самостоятельно мыслить!

В настоящий момент невольно возникает вопрос, каковы перспективы работы с одаренными детьми, нашим будущим, будущим нашей науки, и не только филологии, ведь известно, что грамотное воспитание любым предметом, воспитание навыков последовательного, непротиворечивого, критического мышления является залогом гармоничного развития личности вообще, вне зависимости от профессии. Каковы перспективы работы с одаренными детьми в связи с принятием последних решений в сфере образования? Не получится ли так, что мы постепенно утратим те несомненные достижения, которые в последнее время демонстрировали наши дети на международных олимпиадах по русскому языку и не сможем сохранить все формы работы, которые были апробированы в последние годы и доказали свою жизнеспособность?

Важно понимать, что неудовлетворенность уровнем лингвистического знания в школе может быть связана не только с содержанием школьных программ, объемом получаемой школьниками информации, но и с такими элементами учебного процесса, которые скорее относятся к технологии лингвистического образования. В большинстве из известных нам случаев изменения или корректировки школьных программ по языку приводили фактически к сокращению или увеличению информативной части учебника. Однако, на наш взгляд, эффективность учебного процесса зависит не только от того, что мы вкладываем в понятие «содержание образования», но прежде всего от того, как учебный материал структурирован, какие цели выбраны в качестве приоритетных, что должно стать важнейшим для ученика в системе лингвистических знаний. Преподаватель-филолог вуза подтвердит, что существующая преемственность между основами лингвистических знаний, даваемых в средней школе, и системой подготовки лингвиста-филолога в вузе на практике далеко не всегда соответствует действительности. По целому ряду не только субъективных, но и объективных причин существует некоторый разрыв между системами школьной и вузовской подготовки по языку. И разрыв этот связан, по нашему мнению, не только с разницей в объеме и качестве знаний, даваемых вузом и школой, но прежде всего с техникой введения в лингвистическое знание, в суть языковых явлений. Проблема заключается в том, что среди множества факторов, которые должны приниматься во внимание при работе с одаренными учащимися, есть факторы объектив-

ные, являющиеся неизбежным следствием применения сложившейся методики (методик), «навязанные» всей системой преподавания, а именно: структурой и содержанием школьного учебника, системой отбора и последовательностью рассмотрения дидактического материала, системой правил и исключений, – всем тем, что не изменяется со сменой частных методик, т. е. таких элементов, которые могут быть отнесены к технологии введения в язык.

Методику преподавания любого предмета должно отличать прежде всего непротиворечивое изложение основ науки. Непротиворечивость изложения, строгое следование принципу преемственности, в свою очередь, зависят от ясного осознания той цели преподавания, которую мы преследуем, а также от практического (через учебник, всю систему организации учебного материала) решения тех конкретных задач, которые данной целью определены. Как известно, при обучении русскому языку в школе современная методика решает одновременно несколько задач. Отвлекаясь от несущественных, на наш взгляд, деталей, мы бы хотели обратить внимание на соотношение в теоретическом и практическом планах двух важнейших целей обучения языку: преподаванию основ лингвистических знаний и формированию у школьников орфографических и пунктуационных умений и навыков. Причем следует особо подчеркнуть, что объектом нашего внимания является не методика преподавания языка в общепринятом понимании, но прежде всего практические результаты, которые, по нашему мнению, неизбежны в результате применения традиционной методики. В данном случае речь пойдет о соответствии декларированных в школьной программе целей обучения языку тем практическим результатам, с которыми мы сталкиваемся на практике.

Когда теоретическая методика предполагает решить несколько задач при введении в одну научную область, то, естественно, возникает вопрос: насколько избранные для решения задачи «гармонируют» друг с другом, другими словами: возможно ли достижение результата без того, чтобы, в конечном счете, одна задача не решалась в ущерб другой. Осмелюсь утверждать, что школьная система преподавания языка (что бы не декларировалось в школьных программах!) формирует своеобразное представление у учащихся о языке как объекте познания. И это представление о языке – достаточно одностороннее, наивно-субъективное, и является результатом доминирования на практике лишь одной задачи – формирования орфографических и пунктуационных навыков. Не случайно многие ученые-лингвисты в полемике с методистами говорят о своеобразном «орфографизме» школьного учебника. Причем следует особо задуматься над тем, в какой мере различные элементы технологии лингвистического образования в школе (учебник, учитель, структура параграфа, правила, урока) – звенья одной цепи, элементы одной системы, подчиненные реализации этой, по сути важнейшей для школы цели.

«Орфографизм», его конкретные проявления и многообразные последствия не следует недооценивать, поскольку реальность такова, что

под его влиянием фактически трансформирована если не вся, то определенная часть лингвистического знания в учебнике, подвергнуты своеобразной коррекции под орфографию многие правила. Система отбора дидактического материала во многом поставлена в зависимость от необходимости рассмотреть те или иные орфограммы. Большое количество элементов, которые мы относим к области технологии введения в язык, несут на себе «печать орфографизма». На наш взгляд, проблема заключается в том, что подобная ориентация на правописание на практике приводит к таким последствиям, которые никак не предполагаются методикой. А именно: искусственно деформируются естественные связи между элементами собственно лингвистического знания и элементами владения языком. В итоге у учащихся в ряде случаев нарушается процесс восприятия специфики языка, его внутренней структуры. Ведь ограничения и неполнота информации всегда приводят к деформации представлений о научном знании, как таковом.

Поэтому, на наш взгляд, следовало бы рекомендовать изучение некоторых грамматических тем (в особенности при работе с одаренными учащимися) таким образом, чтобы в них собственно лингвистический компонент знания рассматривался бы независимо от орфографии, не был бы связан с решением такой чисто прикладной и во многом утилитарной задачи, как освоение правильной орфографии и пунктуации. И, естественно, сама работа с одаренными учащимися должна быть построена таким образом, чтобы объем собственно грамматического материала не был бы поставлен в зависимость от простоты/сложности его с точки зрения орфографии.

На практике нередки случаи, когда мы не готовы мгновенно ответить на вопрос, возникший у способного, пытливого ученика. Но задача учителя, работающего с такими детьми, организовать работу так, чтобы ученик мог проявить самостоятельность, попытался подумать в «заданном» направлении, встал на путь решения поставленной задачи. Ведь правильный путь для пытливого ума во сто крат ценнее готовых ответов!

4.5. Словообразование в лексикографическом освещении: ШКОЛА И ВУЗ*

Как известно, одним из самых сложных разделов науки о языке в школе является словообразование. Об этом свидетельствуют и многочисленные ошибки учащихся во время выполнения практических заданий. Сложность эта отчасти объясняется и тем, что известные лексикографические источники зачастую противоречат друг другу, по-разному пред-

* Опубликовано в: Актуальные направления методики преподавания русского языка. – Минск: БГУ, 2008. – С. 104–108.

ставляя морфемную и словообразовательную структуру слова. К примеру, известный «Школьный словарь строения слов» [88] грешит большим количеством противоречивой информации. Так, при подаче морфемного состава слова *кровля* автор справедливо обращает внимание учащихся на существование чередования *в/вл*, однако в следующих же родственных словах *кровельный*, *кровельщик* выделение несуществующего суффикса *-ель* обосновывает ссылкой: ист. от *кровь*? Совершенно очевидно, что одно решение противоречит другому и правильный вид морфемной структуры двух последних слов – следующий: *кровельный*, *кровельщик*.

Без учета необходимых в подобных случаях словообразовательных отношений и, в конечном счете, неверно представлены морфемные структуры слов *скрипка*, *глубокий*, *мелкий*, а именно: не учитывается то обстоятельство, что все приведенные слова являются непроезными, и, следовательно, нельзя доказать в них наличие суффиксов *-к-*, *-ок-*, *-к-*, соответственно. Правильно: *скрипка*, *глубокий*, *мелкий*.

Более серьезными с точки зрения методики преподавания словообразования в школе (да и в вузе) являются случаи, когда примеры противоречивой интерпретации некоторых слов связаны с рассмотрением таких явлений в словообразовательной системе, которые теоретически отсутствуют в школьной программе, но «присутствуют» в школьном учебнике (или вполне могут оказаться). Например, как «вписать» в школьную схему словообразовательного и морфемного анализа простое, на первый взгляд, и совершенно «школьное» слово *двойка*? Анализ значения этого слова укажет в качестве производящей единицы числительное *два* (сравните: *двойка* «оценка два»), однако вряд ли ученик и учитель согласятся с выделением суффикса *-ойк-*. Да и «Словообразовательный словарь» А. Н. Тихонова «игнорирует» семантику и выстраивает цепочку *два – двое – двойка*, признав таким образом в структуре данного слова два суффикса: *-ой-* и *-к-*. Для академического «Словаря морфем русского языка» [37], как об этом говорят в предисловии составители, семантика вообще не указ. При морфемном анализе слова учитываются все родственные единицы и морфемный состав данного слова представлен следующим образом: *дв-ой-к-а*. Специфика данного примера заключается в том, что перед нами случай расхождения отношений смысловой и формальной производности, т. е. когда производное слово (*двойка*) по смыслу связано с одним производящим (*два*), а по форме – с другим (*двое*). В этих случаях результаты словообразовательного и морфемного анализов совпадают *не могут!* Вот парадокс морфемики, о котором не подозревает учитель. Таких примеров немало, однако лишь в некоторых случаях данное явление не приводит к противоречиям в представлении морфемной и словообразовательной структур. Сравните: *премил* ↑ *премилый* (1), *премил* ↑ *мил* (2). Несмотря на две различные мотивации, морфемная структура слова одна и та же: *пре-мил-о*.

Самая точная лексикографическая интерпретация подобного явления, например, представлена словом *садовник*, структура которого в [106] имеет следующий вид: *сад-ов/ник*. Данная запись означает, что слово *са-*

довник образовано с помощью комплексного словообразовательного форманта *-ов/ник-*, состоящего из двух суффиксов, первый из которых указывает на ступень, семантически не участвующую в процессе словообразования, а второй выражает словообразовательное значение лица. Аналогично рассматривается слово *модистка* (мод-ист/к-а), являющееся яркой иллюстрацией такого явления, как чересступенчатое словообразование (также неизвестного школе).

К сожалению, даже в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова они отражены непоследовательно. Так, к примеру, при рассмотрении уже упоминавшегося слова *двойка* значение нового слова не принимается во внимание и *Словообразовательным словарем* (что противоречит задачам этого источника), и *Словарем морфем*. Однако эта вынужденная мера (не выделять же словообразовательный формант *-ойк-*) позволяет достигнуть взаимной согласованности результатов морфемного и словообразовательного анализов (*дв-ой-к-а*). Но при интерпретации аналогичного по явлению слова *по-гранич-ник* ('тот, кто служит на *границе*') в [106] учитывается семантика (что, безусловно, верно), а в [37], напротив, значение игнорируется, и морфемная структура этого слова дается с учетом существования всех (!) родственных слов, в частности, слова *пограничный* и даже слова *грань* (последнее вряд следует учитывать), и имеет следующий вид: *по-гран-ич-н-ик*. Таким образом, не только для школы, но и для вуза (в особенности для теории лексикографии) подобные слова оказываются непростыми.

Следует знать и понимать, что *научная лексикография ограничена «полем» принятых решений в теории словообразования*. Яркая иллюстрация на эту тему – вопрос о количестве способов словообразования. Не секрет, что далеко не все слова методика, например, школы (да и вуза!) предлагает для морфемного и словообразовательного анализов *одновременно*. Есть такие слова, которые «позволяют» нам с легкостью выполнить морфемный анализ, но при выполнении словообразовательного анализа заставляют задуматься. К примеру, не вызывает трудностей морфемный анализ слова *не-вз-люб-и-ть*. Любой носитель русского языка выделит в этом слове две приставки. Но при словообразовательном анализе возникнет естественный вопрос о способе словообразования. И тут выяснится, что говорить о дупрефиксальном способе запрещает теория, а выделение приставки *невз-* является, безусловно, насилием над языком. Как быть? С одной стороны, есть традиция в выделении определенных способов словообразования, а с другой – реальность, которая всегда интересней, потому что богаче! И есть еще необходимость последовательной лексикографической интерпретации существующих в языке слов с учетом всего того, что наработано и теорией словообразования. Так, в [106] структура этого слова описывается уже понятной нам формулой: *не/вз-любить* (т. е. указан словообразовательный формант, состоящий из двух приставок). Однако там же: *непо-далек-у*, *не/в-терпеж* (указано слово *терпеж*), *не/в-проворот?* (знак вопроса стоит в самом словаре! И, действительно, какой здесь способ словообразования? Дупрефиксально-суффиксальный? А какой в таком случае суффикс?). Существует традиция

выделения в ряде слов приставки *недо-* (*недо-писать, недо-говорить*), однако нет таковой в отношении приставки *непо-*! И когда мы с этим сталкиваемся в словаре, то как минимум задумываемся. Поэтому неудивительно, что некоторые слова могут просто отсутствовать в словарях!

Когда мы выделяем у глагола такие способы словообразования, как суффиксально-постфиксальный, префиксально-постфиксальный и даже префиксально-суффиксально-постфиксальный (например, *говорить – переговариваться*), то не можем не обратить внимания на появление *различных комбинаций аффиксов*! И вполне естественен и логичен вопрос: *все ли учтены в теории, какие еще могут найти подтверждение речевой практикой, реальностью языка?* И пусть для школы это неактуально, но в теории словообразования уже на повестке дня стоит вопрос: *следует ли выделять способы словообразования, ранее не выделявшиеся – суффиксально-суффиксальный, префиксально-префиксальный, префиксально-суффиксально-суффиксальный (например, в-догон(ять)-к-у) и др.?*

Маленькая справка для учителя: если в [93] описано 17 способов словообразования (15 узуальных и 2 окказиональных), то в книге известного ученого-дериватолога И. С. Улуканова [114] рассматриваются 79 (!) узуальных и окказиональных способов словообразования, представленных словами, реально зафиксированными в текстах или речи носителей языка. Среди многочисленных способов особое место занимают различные виды обратного словообразования. В синхронии языка, окружающих нас фактах живой, непосредственной речи встречаются случаи не присоединения, а наоборот, удаления морфем. Эти способы так и называются: десуффиксация, депрефиксация, депостфиксация. Приведем несколько примеров: Но они служили своему нелепому, неведомому Богу – мы служили *лепому* и точнейшим образом *ведомому* (Е. И. Замятин). Хорошо, что читатель не выродился, хотя мы многое *выродили* (А. И. Приставкин). Я сказал на Кавказе двухлетнему загорелому малышу: – Ух, какой ты стал негритенок. – Нет, я гритенок, *гритенок!* (К. И. Чуковский).

Важно помнить о том, что язык всегда богаче и многограннее принятых в теории словообразования (да и науки о языке в целом!) решений. Нельзя абсолютизировать, принимать за догму известные принципы анализа морфемной и словообразовательной структур слова, поскольку всегда есть слова, которые «не вписываются» в рамки традиционных подходов. К примеру, морфемный состав слова *прозаик* по-разному представлен в [88] и [106] в связи с трудностями в интерпретации элемента -а- в центральной части слова. В *Школьном словаре* избран упрощенный вариант разбора (*проз-аик*), при котором, однако, вызывает недоумение вид суффикса (для структуры русского слова естественнее -ик-). В [106] принято одно из научных решений, которое, правда, не вполне понятно школьному учителю (*проза-ик*), если последний не уточнит для себя, почему элемент -а-, примыкая к корню, вместе с тем выделен курсивом. Это момент существенный, и свидетельствует он о том, что -а- – *незначимый элемент, не являющийся*

частью корня, а своеобразным наращением производящей основы. Данное решение лучше, чем в «Школьном словаре строения слов», поскольку при этом в слове указан естественный для русского языка суффикс *-ик-*. Однако все сложности с интерпретацией этого слова связаны с тем, что оно по-прежнему, если можно так выразиться, «на генетическом уровне» несет отпечаток той языковой системы, откуда оно пришло в русский язык. В латинском языке в слове *prosaicus*, как несложно увидеть, *-a-* находится глубоко в основе, и этот элемент в русском слове *прозаик* ведет себя как элемент основы (сравните, напротив, полное освоение системой русского языка слова *проза*, где *-a-* – окончание: *проз-а*, *проз-ы* и т. д.). Любопытно, что в академическом Словаре морфем [37] слово *прозаик* вообще отсутствует! Сложность интерпретации морфемной структуры данного слова заключается в том, что присутствующий в его составе интерфикс (соединительная гласная) не вполне (и это мягко сказано!) соответствует общепринятым представлениям об интерфиксах (или школьным представлениям о соединительных гласных), так как находится не в составе сложного слова и не выполняет функцию устранения «неудобного» стечения согласных (*пароход*, *лесостепь* и т. п.). Однако это интерфикс, и относится он к хорошо известной в науке группе интерфиксов «из состава заимствованной основы». Например: арго-т-изм (из фр. *argot*), кабаре-т-н-ый (из фр. *cabaret*). Поэтому самой логичной, на наш взгляд, будет следующая интерпретация морфемной структуры этого слова: проз-а-ик.

У словообразования есть своя внутренняя логика, уловив которую способный ученик, сильный студент в состоянии (проверено на практике!) увидеть существующие противоречия в лексикографической интерпретации морфемной структуры тех или иных слов, в состоянии увидеть недочеты, даже досадные ошибки в работе специалистов по лексикографии (это неизбежно, так как составление словарей – огромный и непростой труд!). И поэтому главная задача учителя – *научить ученика думать логично, непротиворечиво*, понимать, что далеко не все слова в языке можно описать с помощью двух трех раз навсегда данных схем анализа. Слов непростых по морфемному составу, но очень интересных – много, они могут неожиданно появиться на любом уроке русского языка, и поэтому учитель должен не только уметь отбирать дидактический материал к уроку, но и должен быть готов к маленьким «открытиям» и серьезным вопросам своих учеников!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азарх, Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте / Ю. С. Азарх. – М.: Наука, 2000. – 178 с.
2. Алгазина, Н. Н. Формирование орфографических навыков / Н. Н. Алгазина. – М.: Просвещение, 1987. – 158 с.
3. Алексеенко, М. А. Глагольные омонимы русской диалектной речи: словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова. – М.: ООО «Изд-во Эллис», 2005. – 416 с.
4. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – С. 208–233.
5. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 1: Лексическая семантика. – 472 с.
6. Балтова, Ю. О словообразовательной и лексической интерпретации некоторых интернационализмов в славянских языках / Ю. Балтова // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: докл. XI междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
7. Баранов, М. Т. Русский язык (справочные материалы) / М. Т. Баранов, Т. А. Костяева, А. В. Прудникова. – М., 1987.
8. Баранова, К. М. Разноструктурные средства выражения посессивности в современном английском языке / К. М. Баранова. – М.: ГОМЦ «Школьная книга», 2000. – 104 с.
9. Бардовіч, А. М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, М. М. Кругалевіч, А. А. Лукашанец. – Мінск, 2000. – С. 413.
10. Баханькоў, А. 1979: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А. Баханькоў, І. Гайдукевіч, П. Шуба. – Мінск: Народная асвета. – 334 с.
11. Блинова, О. И. Явление мотивации слов / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 192 с.
12. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртене. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1–2.
13. Будавичова, В. К проблематике сопоставительного изучения лексикологии родственных языков / В. Будавичова // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М., 1983. – С. 252–271.
14. Бузашиова, К. Возможности и границы моделирования на уровне словообразовательных парадигм / К. Бузашиова // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М., 1987. – С. 14–19.
15. Васілеўскі, М. Дзеяслоўнае словаўтварэнне / М. Васілеўскі. – Мінск: Навука і тэхніка. – 248 с.
16. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.

17. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования / Т. И. Вендина. – Москва, 1998. – С. 239.
18. Винокур, Г. О. Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419–442.
19. Гайсина, Р. М. Тенденции в глагольной номинации / Р. М. Гайсина // Языковая номинация: тез. докл. Междунар. науч. конф., г. Минск, 25–26 июня 1996 г. / редкол.: Н. П. Баранова [и др.]. – Минск: МГЛУ, 1996. – С. 118.
20. Гайсина, Р. М. Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики / Р. М. Гайсина. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1985. – 81 с.
21. Гдалевич, Л. А. Уроки русского языка в 5 классе / Л. А. Гдалевич. – М., 1991.
22. Голев, Н. Д. Поисковые системы интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования) / Н. Д. Голев // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: докл. XI междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 197–210.
23. Грабчыкаў, С. М. Беларуская-рускі слоўнік / С. М. Грабчыкаў. – Мінск: Народная асвета, – 349 с.
24. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
25. Гусман, Т. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе / Т. Гусман // Русский язык и литература во времени и пространстве / XII конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, г. Шанхай, 10–15 мая 2011 г. – Т. 2. – С. 529–531.
26. Дерибас, В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка / В. М. Дерибас. – М.: Русский язык, 1975. – 240 с.
27. Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.
28. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
29. Исаченко, А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким / А. В. Исаченко. – Братислава, 1960.
30. Кимпо, Г. Аналитизм и его особенности в русском языке (системно-типологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г. Кимпо; УДН им. Патриса Лумумбы. – М., 1986. – 18 с.
31. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Колесов. – СПб., 2008.
32. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.
33. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский. – Казань, 1883.

34. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
35. Кубрякова, Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц / Е. С. Кубрякова // *Siowotwyrstwo a inne sposoby nominacji: materialy z 4 konferencji Komisji Siowotwyrstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistyw.* – Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. – С. 24–31.
36. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и когнитивная наука в понимании категоризации мира / Е. С. Кубрякова // *Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы V респ. науч. конф., посв. памяти проф. В. М. Никитевича, 21–22 мая 1996 г.* – Гродно: ГрГУ, 1996. – С. 6–13.
37. Кузнецова, А. И. Словарь морфем русского языка / А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 1986.
38. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование / Дж. Лакофф // *Язык и интеллект.* – М.: Прогресс, 1995. – С. 143–184.
39. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики / Н. Б. Лебедева. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999. – 260 с.
40. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
41. Литвинникова, О. М. Словарь словообразовательных синонимов русской народной речи / О. М. Литвинникова, М. А. Алексеенко, Л. И. Головина. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. – 306 с.
42. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977.
43. Львов, М. Р. Методика обучения русскому языку в начальных классах / М. Р. Львов. – М.: Просвещение, 1987.
44. Манаенкова, А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии / А. Ф. Манаенкова. – Минск: Университетское, 1989.
45. Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 262 с.
46. Методические рекомендации к учебному комплексу по русскому языку (5 класс). – М., 1992.
47. Милославский, И. Г. Синонимические и квазисинонимические отношения между лексическими и словообразовательными средствами в активной грамматике русского языка. Каким можно, а каким нельзя стать по-русски / И. Г. Милославский // *Siowotwyrstwo a inne sposoby nominacji: materialy z 4 konferencji Komisji Siowotwyrstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów.* – Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. – С. 53–58.
48. Милославский, И. Г. О проекте словообразовательного словаря русского языка для активных речевых действий / И. Г. Милославский // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: 5 Internationale Konferenz der Kommission für Slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee* / Svetlana Mengel (Hrsg.). – Munster; London; Hamburg: LIT., 2002. – S. 379–388.

49. Милославский, И. Г. Учение о русском словообразовании в изменчивой научной парадигме лингвистики / И. Г. Милославский // Славистика: синхрония и диахрония: сб. науч. ст. к 70-лет. И. С. Улуканова / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. В. Б. Крысько. – М., 2006. – С. 222–233.

50. Милославский, И. Г. Роль словообразования в расширении когнитивного пространства русского языка / И. Г. Милославский // Відображення історії та культури народу в словотворенні: доповіді учасників XII міжнар. наук. конф. Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів. – Київ, 2010. – С. 176–180.

51. Наумович, А. Н. Справочные опорные таблицы и схемы по русскому языку (5–9 классы) / А. Н. Наумович, В. С. Савченко. – Минск, 1992.

52. Немченко, В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. – М.: Русский язык, 1984.

53. Никитевич, А. В. К вопросу о технологии лингвистического образования в школе / А. В. Никитевич // Новые технологии в системе непрерывного образования. – Минск, 1995. – Ч. I.

54. Никитевич, А. В. Замечания к теоретической и практической методике преподавания словообразования в школе / А. В. Никитевич // Русский язык и литература. – 1996. – Вып. 2. – С. 46–68.

55. Никитевич, А. В. Вид, залог, каузативность (в поисках «скрытой» грамматики) / А. В. Никитевич // Вопросы функциональной грамматики: доп. материалы VI Карских чтений, 25–26 янв. 1996 г. – Гродно: ГрГУ, 1996. – С. 20–25.

56. Никитевич, А. В. Номинативные ряды глагола как способ организации видовых противопоставлений / А. В. Никитевич // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы V респ. науч. конф., посв. памяти проф. В. М. Никитевича, 21–22 мая 1996 г. – Гродно: ГрГУ, 1996. – С. 18–21.

57. Никитевич, А. В. Устойчивые глагольно-именные сочетания и аффиксальные производные как способы представления глагольной семантики (синхронно-диахронический аспект) / А. В. Никитевич // Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand: Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. – Innsbruck: Inst. für Sprachwiss., 2000. – С. 217–230.

58. Никитевич, А. В. Несловообразовательные номинации как потенциал «развития» деривационного гнезда // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji: materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. – Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. – С. 184–190.

59. Никитевич, А. В. Отсубстантивные глаголы и их дискретные соответствия: семантика и комбинаторика составляющих / А. В. Никитевич // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: 5. Internationale Konferenz

der Kommission für Slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee / Svetlana Mengel (Hrsg.). – Munster–London–Hamburg: LIT, 2002. – С. 281–292.

60. Никитевич, А. В. Деривационные поля вербальных номинаций. Фрагменты описания / А. В. Никитевич // Веснік Мазыр. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2 (9). – 2003 (д). – С. 77–82.

61. Никитевич, А. В. К теории деривационных сочетаний. Деривационные сочетания в составе номинативного класса «Глагол» / А. В. Никитевич // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1 (18). – 2003. – С. 144–151.

62. Никитевич, А. В. К теории номинативного ряда. Глагол / А. В. Никитевич // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 4 (23). – 2003. – С. 157–166.

63. Никитевич, А. В. К теории деривационных сочетаний. Глаголы в деривационной функции / А. В. Никитевич // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 2 (20). – 2003. – С. 106–113.

64. Никитевич, А. В. К сопоставлению деривационных подсистем глагола в славянских языках / А. В. Никитевич // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII міжнар. з'езд славістаў (Любляна, 2003): дакл. – Мінск: Бел. навука, 2003. – С. 144–158.

65. Никитевич, А. В. Производное слово и словосочетание: взаимодействие дериватов с общим корнем / А. В. Никитевич // Проблемы теории и истории славянского словообразования: тез. докл. VI междунар. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – Минск, 2003. – С. 27–29.

66. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно: ГрГУ, 2004.

67. Никитевич, А. В. Глаголы-отадъективы в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич // Славистика: синхрония и диахрония: сб. науч. ст. к 70-лет. И. С. Улуханова / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. В. Б. Крысько. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2006. – С. 222–233.

68. Никитевич, А. В. Словообразовательные категории и взаимодействие единиц разных уровней / А. В. Никитевич // Sprachliche Kategorien und die slavische Wortbildung: 8 Internationale Konferenz der Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee – Hildesheim – Zurich – New York, 2007. – S. 311–322.

69. Никитевич, А. В. Комплексные деривационные фрагменты как объект сопоставительного исследования / А. В. Никитевич // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII міжнар. з'езд славістаў (Охрид, 2008): дакл. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – С. 173–186.

70. Никитевич, А. В. Словообразовательные лакуны в лексических подсистемах русского и белорусского языков / А. В. Никитевич // Branko Tošovic (Hg.). Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen / Bosniakischen Kroatischen und Serbischen: Lexik – Wortbildung – Phraseologie. Wien, Münster, Berlin: LitVerlag, 2009. – S. 473–486.

71. Никитевич, А. В. О понятии «безэквивалентность» при сопоставлении близкородственных языков / А. В. Никитевич // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: II междунар. конф., Гранада (Испания), 8–10 сент. 2010 г. – Т. 1. – С. 921–926.

72. Никитевич, А. В. К сопоставлению словообразовательных подсистем близкородственных языков / А. В. Никитевич // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: доклады XI междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 187–196.

73. Никитевич, А. В. Русско-белорусские деривационные параллели в культурно-историческом аспекте / А. В. Никитевич // Відображення історії та культури народу в словотворенні: доповіді учасників XII міжнар. наук. конф. Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів. – Київ, 2010. – С. 208–215.

74. Никитевич, А. В. Словообразовательные типы в литературном языке и в диалектах // Русский язык: система и функционирование (к 90-лет. БГУ и 85-лет. проф. П. П. Шубы): сб. материалов V междунар. науч. конф., г. Минск, 11–12 окт. 2011 г. / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 24–26.

75. Никитевич, А. В. Деривационные объединения в составе диалектных подсистем близкородственных языков / А. В. Никитевич // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима: зборник радова са XIV међунар. науч. конф. Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. – Белград (Сербия), 2012. – С. 235–243.

76. Никитевич, А. В. Межъязыковые лакуны и диалектное словообразование в близкородственных языках / А. В. Никитевич // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV міжнар. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.): дакл. / Нац. акад. навук Беларусі; рэдкал.: А. А. Лукашанец (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2013. – С. 109–122.

77. Никитевич, В. М. Субстантив в составе номинативных рядов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / В. М. Никитевич. – М., 1973. – 383 с.

78. Никитевич, В. М. Словообразование и деривационная грамматика: в 2 ч. / В. М. Никитевич. – Алма-Ата: КазГУ, 1978. – Ч. 1. – 61 с.

79. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск: Выш. шк., 1985. – 158 с.

80. Никитевич, В. М. Теоретические основы деривационной грамматики: в 2 ч. / В. М. Никитевич. – Гродно: ГрГУ, 1993. – Ч. 1: Грамматика и деривационная грамматика. – 84 с.; Ч. 2: Номинативная система. – 86 с.

81. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб., 1996. – 757 с.

82. Новиков, Л. А. Когнитивный аспект противоположности в языке / Л. А. Новиков // Когнитивная лингвистика конца XX века: материалы Международ. конф. Ч. 1. – Минск, 1997.
83. Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. – М., 2010.
84. Обучение русскому языку в 4 классе: метод. указания к учеб. – М., 1985.
85. Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М.: Наука: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.
86. Пешковский, А. М. Объективная и нормативная точки зрения на язык / А. М. Пешковский // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / под ред. В. А. Звегинцева. – М., 1960. – Ч. 2. – С. 231–242.
87. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении: учеб. пособие / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М.: Госучпедгиз, 1956. – 512 с.
88. Потиха, З. А. Школьный словарь строения слов русского языка / З. А. Потиха. – М., 1987.
89. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
90. Ревзина, О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках / О. Г. Ревзина. – М., 1969.
91. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 518 с.
92. Русская грамматика: в 2 т. – Прага: Academia, 1979.
93. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
94. Русский язык, литература и культура на рубеже веков: IX международ. конгресс МАПРЯЛ: тез. докл. и сообщ., Братислава (Словацкая республика), 16–21 авг. 1999 г. / отв. ред. О. Ковачичова. – Братислава, 1999.
95. Русский язык: учеб. для 5 кл. Практика / сост. А. Ю. Купалова. – М.: Просвещение, 1992.
96. Русско-белорусский словарь: в 3 т. / АН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск: БелЭн, 1993.
97. Славистика: синхрония и диахрония. сб. науч. ст. к 70-лет. И. С. Улуханова / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. В. Б. Крысько. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2006. – 663 с.
98. Словарь иностранных слов. Русский язык. – Москва, 1989.
99. Словарь русских народных говоров: 1965–2007. – М.–СПб.: Изд-во Академии наук СССР; Институт лингв. исследований РАН. – Вып. 1–41.
100. Словарь русского языка: в 4 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка; гл. ред. А. П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4.
101. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Академия наук СССР; Ин-т русского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. – Т. 1–17.

102. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1985.
103. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
104. Терентьев, И. Л. Современное состояние изучения русского языка в Польше / И. Л. Терентьев // Роль и назначение иностранных языков в международной коммуникации: материалы II междунар. науч. конф. / под ред. проф. Я. Монкоши-Богдан. – Варшава, 2008. – С. 75–77.
105. Тихонов, А. Н. Слово и его родня / А. Н. Тихонов // Русское словообразование. – Самарканд, 1971. – С. 39–52.
106. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1–2.
107. Тихонов, А. Н. Лексическое гнездо в современном русском языке: моногр. / А. Н. Тихонов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – 270 с.
108. Глумачальны слоўнік беларускай мовы / Акадэмія навук БССР; Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Галоўная рэдакцыя беларускай савецкай энцыклапедыі. – Мінск, 1977–1984. – Т. 1–5.
109. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – Т. 1–4.
110. Тошович, Б. Деривационные различия между сербским, хорватским и бошняцким языками (прелиминариум) / Б. Тошович // Функциональные аспекты словаутварэння: даклады IX міжнар. канф. Камісіі па славянскаму словаутварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў, г. Мінск, 9–14 кастр. 2006 г. / адк. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск: Права і эканоміка, 2006. – С. 185–192.
111. Тошович, Б. Нанизывание приставок в сербском, хорватском и бошняцком языках / Б. Тошович // Відображення історії та культури народу в словотворенні: доповіді учасників XII міжнар. навук. конф. Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славістів. – Київ, 2010. – С. 286–297.
112. Трубецкой, Н. С. Избранные труды по филологии / Н. С. Трубецкой. – М., 1987.
113. Улуханов, И. С. Словообразовательные отношения между частями речи / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1979. – № 4. – С. 101–110.
114. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М.: Русские словари, 1996. – 222 с.
115. Улуханов, И. С. Мотивированное слово в синонимическом ряду / И. С. Улуханов // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji: materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. – Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. – С. 9–16.
116. Улуханов, И. С. К вопросу об отражении в словообразовании явлений реального мира / И. С. Улуханов // Відображення історії та куль-

тури народу в словотворенні: доповіді учасників XII міжнар. наук. конф. Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славістів, Київ. – 2010. – С. 298–307.

117. Черкасова, Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.

118. Шаброва, Е. Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания: учеб. пособие к спецкурсу / Е. Н. Шаброва. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Вологда: ВГПУ, 2002. – 86 с.

119. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1941. – 286 с.

120. Широкова, А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков / А. Г. Широкова // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. – М., 1998. – С. 10–99.

121. Шкраба, І. Г. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі / І. Г. Шкраба. – Мінск, 2008.

122. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А. Н. Тихонов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – М.: Флинта: Наука, 2008.

123. Янценецкая, М. Н. Об организации лексического гнезда / М. Н. Янценецкая // Актуальные проблемы русского словообразования: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Н. Тихонов. – Ташкент: Укитувчи, 1982. – С. 120–124.

124. Янценецкая, М. Н. Словообразовательное значение и его виды: Основные понятия / М. Н. Янценецкая. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. – 46 с.

125. Branko Tošovic (Hg.). Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen / Bosniakischen Kroatischen und Serbischen: Lexik – Wortbildung – Phraseologie. Wien, Münster, Berlin: LitVerlag, 2009. – 513 s.

126. Dokulil, M. Tvoreňi slov v češtině. Teorie odvozování slov / ě. Dokulil. – Praga, 1962. – 230 s.

127. Hessen, D. Wielki słownik polsko-rosyjski. Wiedza powszechna, Russki jazyk / D. Hessen, R. Stypuła. – Warszawa – Moskwa. – 1988. – Т. 1–2.

128. Мегународен славістички конгрес: зборник на резимеа, Охрид. – 2008. – Т. 1. Лингвистика. – 314 с.

129. 13 Mednarodni Slavistični Kongres. Ljubljana, 15–21 avgusta 2003: zbornik Povzetkov. 1 Del. Jezikoslovje. – Ljubljana, 2003. – 317 s.

130. Zmigrodzki, P. Właściwości składniowe analitycznych konstrukcji werbo-nominalnych w języku polskim / P. Zmigrodzki. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. – 230 s.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. К теории номинативной деривации.....	4
1.1. К теории деривационных сочетаний. Деривационные сочетания в составе номинативного класса «глагол».....	4
1.2. К теории номинативного ряда. Глагол.....	15
1.3. О термине «образующая форма» номинативного ряда.....	18
1.4. Словообразовательные типы глагола и его номинативные ряды.....	23
1.5. Параметры «исчисления» образующих форм номинативных рядов глагола.....	25
1.6. Транспозиция в отношении к деривационному анализу. Глагол.....	29
1.7. Номинативный ряд и грамматика глагола.....	33
1.8. К теории номинативного ряда: словарь и текст.....	41
1.9. Словосочетания в деривационной функции и текст.....	47
1.10. Деривация и текст.....	52
1.11. Деривационные поля вербальных номинаций. Фрагменты описания.....	57
1.12. Лексическая синонимия в структурной и семантической организации номинативных рядов глагола.....	67
1.13. Семантика противоположности и деривация как процесс...70	
Глава 2. Деривация и смысл.....	75
2.1. Комплексные деривационные фрагменты в сопоставительном освещении.....	75
2.2. Безэквивалентная лексика и деривация как процесс.....	92
2.3. Русско-белорусские деривационные параллели в культурно-историческом аспекте.....	96
2.4. К сопоставительному исследованию деривационного потенциала славянских языков.....	104
2.5. Словообразование. Лексикография. Интернет-пространство языка.....	108
2.6. «Минимумы различий» в деривационном пространстве контактирующих языков.....	113
2.7. К сопоставлению словообразовательных подсистем близкородственных языков.....	118

Глава 3. Деривационный потенциал диалектной речи.....	126
3.1. Словообразовательные типы в литературном языке и в диалектах.....	126
3.2. Опыт описания фрагмента лексико-словообразовательного гнезда (от литературного языка к диалектам).....	128
3.3. Диалектное словообразование и практика преподавания русского языка.....	133
3.4. Диалектное словообразование: аспекты исследования.....	137
3.5. Когнитивные лакуны и стереотипы восприятия внутренней формы слова.....	145
3.6. Словообразование и детализация пространства в языке говора.....	150
3.7. Деривационные объединения в составе диалектных подсистем близкородственных языков.....	155
3.8. Межъязыковые лакуны и диалектное словообразование в близкородственных языках.....	162
3.9. Наименования действия в русских народных говорах (ономастиологический аспект).....	170
3.10. Деривационный потенциал русского слова в диалектной речи.....	175
3.11. О семантике диалектного производного слова.....	178
3.12. Типология корневых гнезд и диалектное словообразование в близкородственных языках.....	183
3.13. Мотивация лексическая, словообразовательная и «внутренняя форма» диалектного слова.....	186
Глава 4. Морфемика. Методика преподавания русского языка.....	191
4.1. Русистика в научной парадигме современной филологии.....	191
4.2. Незначимые элементы морфемной структуры слова в лексикографическом отображении.....	196
4.3. Замечания к теоретической и практической методике преподавания словообразования в школе.....	201
4.4. Работа с одаренными учащимися в контексте современной образовательной парадигмы.....	215
4.5. Словообразование в лексикографическом освещении: школа и вуз.....	218
Библиографический список	223

Научное издание

НИКИТЕВИЧ Алексей Васильевич

ДЕРИВАЦИЯ И СМЫСЛ

Монография

Редактор *Е. С. Франко*

Компьютерная вёрстка: *И. П. Зимницкая*

Художественный редактор *О. В. Канчуга*

Подписано в печать 19.05.2014. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 60 экз. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования

«Гродненский государственный университет
имени Янки Купаль».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/261 от 02.04.2014

Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно

ISBN 978-985-515-752-7

9 789855 157527 >